МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Грачева Юлия Евгеньевна

Формирование Министерства народного просвещения Российской империи и его деятельность в начале XIX века

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
А.Ю. Андреев

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

ВВЕДЕНИЕ 5
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ 28
1.1. Характеристика источниковой базы 28
1.2. Обзор историографии 47
ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА 70
2.1. Образовательные реформы в странах Западной Европы во второй половине XVIII – начале XIX века 70
2.2. Управление народным образованием в Российской империи во второй половине XVIII века 81
2.2.1. Управление учеными заведениями в Российской империи 81
2.2.2. И.И. Шувалов и его проект о введении всеобщего обучения 88
для дворян 88
2.2.3. Попытки создания единой учебной системы в 1760–1770-х годах. 91
2.2.4. Комиссия об учреждении народных училищ при Екатерине II и Павле I 97
ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РАЗРАБОТКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В 1802–1804 ГОДАХ 118
3.1. Начало царствования. Обсуждение преобразований в Негласном комитете 118
3.2. Комитет 18 марта 1802 года 124
3.3. Основание Министерства народного просвещения. Деятельность Комиссии об училищах 131
3.4. Г.Ф. Паррот и утвердительная грамота Дерптского университета. 153
3.5. Предварительные Правила народного просвещения и возникновение Главного Правления училищ. Первые месяцы работы. Попечители 172
3.6. Разработка университетских уставов (1803–1804 годы) 190
3.7. Реформа среднего и начального образования 223

Том 2

ГЛАВА 4. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы) 4
4.1. Первый министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский 4
4.2. Гр. А.К. Разумовский во главе Министерства народного просвещения 11
4.3. Всеподданнейшие отчеты Министерства народного просвещения 15
4.4. Деятельность Главного Правления училищ в 1805–1817 годах 31
4.4.1. Состав Правления 31
4.4.2. Открытие новых учебных заведений 41
4.4.3. Изменение срока выбора ректора 64
4.4.4. Корпоративные выборы и их утверждение 72
4.4.5. Контроль за цензурой 80
4.5. Финансирование учебных заведений 87
4.5.1. Штатная и экономическая сумма 87
4.5.2. Благотворительные инициативы 99
ГЛАВА 5. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы) 105
5.1. Открытие гимназий и уездных училищ 105
5.1.1. Московский учебный округ 107
5.1.2. Санкт-Петербургский учебный округ 119
5.1.3. Харьковский учебный округ 127
5.1.4. Казанский учебный округ 141
5.1.5. Дерптский учебный округ 152
5.1.6. Виленский учебный округ 160
5.2. Визитации попечителей и университетских профессоров 171
5.2.1. Московский учебный округ 175
5.2.2. Санкт-Петербургский учебный округ 190
5.2.3. Харьковский учебный округ 195
5.2.4. Казанский учебный округ 203
5.2.5. Дерптский учебный округ 208

5.2.6. Виленский учебный округ 209
5.3. Появление должности почетных смотрителей 215
5.4. Открытие приходских училищ 227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 255
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 263
ПРИЛОЖЕНИЕ. Таблицы визитаций по учебным округам. 306

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования. В начале XIX столетия потребностями дальнейшего развития Российской империи были вызваны масштабные политические реформы, в том числе включавшие в себя реорганизацию центрального государственного аппарата и формирование новых правительственных институтов. Стране были необходимы новая административная вертикаль, стабильная система ведомств. Важнейшим аспектом такого реформирования стало совершенствование управления сферой народного образования. В отличие от политической составляющей широкой программы государственных преобразований (учреждение министерств, создание Государственного совета, разработка конституционных реформ), которая хорошо изучена в историографии, вопросы, касающиеся сферы управления просвещением в исторической науке разработаны недостаточно.

Мысль о том, что государство должно регулировать сферу образования, возникает в период Нового времени и особенно оформляется в эпоху Просвещения. Большинство просветителей полагали, что образование должно способствовать более гармоничной организации общества и ставить своей главной целью всеобщее благо. Именно поэтому его следовало подчинить центральной власти – естественному гаранту общественного блага[1]. В XVIII в. государство стало рассматривать вопросы образования как важную часть своих собственных компетенций и поставило перед собой задачи управления образовательными учреждениями[2].

---

[1] *Роджеро М.* Воспитание // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 250–251.

[2] Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 61.

С начала царствования Александра I переустройство государственного управления оказалось в центре внимания верховной власти. В 1802 г. в России впервые появился центральный орган власти, отвечавший за народное просвещение, причем поставленный по важности наравне с другими министерствами. Созданию Министерства народного просвещения предшествовала длительная работа по формированию определенных принципов управления народным образованием, их соотнесению с реальной действительностью существовавших во второй половине XVIII в. ученых и учебных учреждений. Императору Александру I необходимо было определить круг лиц, которые могли взять на себя ответственность за разработку образовательной реформы в условиях территориальной обширности империи, наличия национальных и региональных особенностей в отдельных губерниях, разных уровней начальной грамотности местного населения.

Интерес к изучению образовательных реформ александровского царствования возник еще во второй половине XIX в. Исследователям было важно подчеркнуть либеральный характер реформы народного просвещения, с ее принципами преемственности и бессословности учебных заведений. Современные авторы все больше обращают внимание на изучение отдельных политических институтов, исследуют этапы их формирования и трансформации в историческом контексте. Особое внимание уделяется изучению правительственных инициатив и практик реализации просветительских проектов различных периодов. В связи с этим представляется важным ответить на вопросы об общих принципах работы Министерства народного просвещения в начальный период его существования, об уровне системности, взаимосвязи между различными ступенями образования. До сих пор нерешенным остается вопрос об авторстве основных уставных документов реформы.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является государственная политика по формированию единой системы народного просвещения в Российской империи. Предмет исследования – деятельность

Министерства народного просвещения в контексте реформ в Российской империи в начале XIX в.

Хронологические рамки исследования определяются проблематикой исследования. Основная нижняя граница связана с датой основания в 1802 г. Министерства народного просвещения, а верхняя граница – с министерской реформой 1817 г. и созданием «двойного министерства». Однако для более детального понимания причин создания единого центрального органа управления образованием необходимо расширить хронологические рамки и выйти на несколько десятилетий назад за нижнюю границу исследования. Верхняя граница объясняется тем, что с появлением Министерства духовных дел и народного просвещения меняется представление о задачах этого ведомства, поскольку на первый план выходит религия как основа для обучения и воспитания.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и охватывают всю территорию Российской империи в границах созданных в 1802 г. шести учебных округов – Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского, Дерптского и Виленского. В период с 1802 по 1817 гг. территориальные границы учебных округов менялись два раза: в 1807 г. к Виленскому округу была добавлена Белостокская область, а в 1809 г. из состава Дерптского округа исключена Финляндская губерния.

Цель и задачи исследования. Цель работы – показать, как происходила организация впервые возникшей в России системы управления учебными заведениями и какие результаты были получены в течение первых лет ее существования. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– установить принципы управления народным образованием в России и Европе во второй половине XVIII в.;

– реконструировать процесс организации Министерства народного просвещения в рамках реформ императора Александра I в 1802–1804 гг.;

– охарактеризовать деятельность Комиссии об училищах и Главного Правления училищ по созданию общего плана учебной системы;

– определить структуру центрального управления училищами разных уровней и конкретный вклад в управление со стороны министров гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского;

– выявить особенности местного управления, открытия и регулярного осмотра гимназий, уездных и приходских училищ применительно к каждому учебному округу.

Методологическая основа исследования базируется на принципах исторического институционализма – теоретическом подходе, возникшем в рамках неоинституционального направления, изучающем роль политических институтов в жизни общества, выявляющем, каким образом институты определяют результаты принятых акторами решений, а также позволяющем более эффективно анализировать, как именно институты структурируют и формируют социальное, политические, экономическое поведение[3]. Исторический институционализм позволяет исследовать формирование и трансформацию институтов в историческом контексте, что является крайне важным при рассмотрении Министерства народного просвещения как института – от зарождения идеи до формирования его как определенного и постоянно действующего государственного органа правительственной власти.

Данный подход, определяя институты как формальные (соответствующие нормативные правовые акты) и неформальные (обычаи, традиции, поведенческие модели) нормы, применяемые в политической

[3] *Павенков В.Г.* Институциональная история как новое направление исторической науки // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных трудов. СПб., 2001. Вып. 2. С. 102–108; *Тоштендаль Р.* Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 14–25; *Павенков В.Г.* Институциональные и антропологические основания методологии исторического исследования. СПб., 2012; *Белькова А.А.* Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117–121.

практике[4], предоставляет возможность более целостно рассмотреть процесс принятия решений в формировавшемся Министерстве народного просвещения. Благодаря этому подходу возможно уделить особое внимание изучению реальных политических результатов реформирования образовательной системы, а не исследованию идеальных моделей.

Для исторического институционализма характерно изучение типичных и нетипичных примеров, связанных с налаживанием формирующейся системы (метод конкретных ситуаций, кейс-стади). Так, в представленном диссертационном исследовании при анализе конкретных ситуаций, происходивших на заседаниях Главного Правления училищ, при обсуждении спорных вопросов с министрами народного просвещения делается общий вывод о стилях управления министерством гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского.

В работе широко используются различные общеисторические методы. Сравнительно-исторический метод позволил проанализировать и выделить специфику деятельности каждого попечителя учебного округа. Системный метод выявил взаимосвязи высшей, средней и начальной школы. Комплексный подход дал возможность рассмотреть формирование и деятельность Министерства народного просвещения в контексте просветительской идеологии конца XVIII – начала XIX в. Принципы историзма и объективности позволили проанализировать исследуемые исторические события в их взаимосвязи и развитии, ориентировали на всесторонний анализ и достоверную оценку исторических фактов.

Степень разработанности темы исследования. Процесс формирования и начального периода существования Министерства народного просвещения, как правило, изучается в рамках общих работ по истории александровского царствования, исследованиях по истории отечественного

---

[4] *Кузнецов И.И., Жаров А.С.* Возможности исторического институционализма в исследовании особенностей организации местного самоуправления в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 203.

образования, а также в отдельных трудах по университетскому вопросу, развитию средней и начальной школы.

Научное исследование реформ народного просвещения началось со второй половины XIX в. Используя архивные документы министерства, М.И. Сухомлинов[5] и С.В. Рождественский[6] смогли показать преемственность просветительских реформ Екатерины II и Александра I, проанализировать процесс подготовки к открытию Министерства народного просвещения, обратить внимание на деятельность Комиссии об училищах и Главного Правления училищ по организации высшего, среднего и начального образования. После публикации протоколов Негласного комитета[7] в отечественной историографии сложилась новая концепция, авторы которой стали приписывать главную заслугу в организации и первоначальном развитии Министерства народного просвещения молодым друзьям императора, а также воспитателю царя Ф.-С. Лагарпу[8]. Значительной критике была подвергнута деятельность первого министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского[9].

Образовательные реформы, связанные с развитием высшей школы, затрагивали в своих статьях В.С. Иконников[10], П.И. Ферлюдин[11],

---

[5] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866.

[6] *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Он же.* Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по уставам 1804 г. // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7. С. 5–46; *Он же.* Очерки по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

[7] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб., 1869. Приложение. Извлечение из «заседаний Неофициального комитета». С. 38–91.

[8] *Пыпин А.Н.* Общественное движение при Александре I. СПб., 1871; *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897–1898; *Булич Н.Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. В 2 т. СПб., 1912.

[9] *Булич Н.Н.* Указ соч. Т. 1. С. 34.

[10] *Иконников В.С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9. С. 161–206; № 10. С. 492–550; № 11. С. 73–132.

[11] *Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894.

Б.Б. Глинский[12] и В.Е. Якушкин[13]. Е.К. Шмид[14] и И.А. Алешинцев[15] обращали внимание на вопросы организации управления средними и начальными учебными заведениями со стороны Министерства народного просвещения. Достоинства школьного устава по организации единой сети общеобразовательных учреждений, по декларированию принципа всесословности в обучении подчеркивались в работах Н.Я. Аристова[16] и А.В. Белявского[17]. История развития начальной школы нашла отражение в очерках С.И. Миропольского, В.В. Григорьева, В.В. Каллаша и других исследователей[18].

В целом, к началу XX в. в историографии сформировались основные тенденции изучения образовательных реформ александровского царствования. По-разному оценивая вклад гр. П.В. Завадовского в деятельность министерства, все исследователи отмечали важную роль Главного Правления училищ в разработке и формировании единой системы народного просвещения. Анализируя основные законодательные документы, принятые в первые годы царствования императора Александра I (Предварительные правила народного просвещения, университетский и училищный уставы), авторы по большей части не ставили перед собой задачу показать процесс разработки этих законопроектов. И только С.В. Рождественский, долгое время работавший с архивом департамента

---

[12] *Глинский Б.Б.* Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 324–351.

[13] *Якушкин В.Е.* Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58.

[14] *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.

[15] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

[16] *Аристов Н.Я.* Состояние образования в России в царствование Александра I. Киев, 1879.

[17] *Белявский А.В.* Краткое обозрение истории гимназий в России. СПб., 1908.

[18] *Миропольский С.И.* Школа и государство. Обязательность обучения в России. (Исторический этюд). СПб., 1876; *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М., 1890; *Каллаш В.В.* Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902; Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов, под ред. проф. С.В. Рождественского. М., 1910; *Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И.* Народное образование в России. СПб., 1898.

министерства и проанализировавший его основные делопроизводственные документы, смог выйти на новый уровень исследования.

В послереволюционный период в научной литературе вопросам организации и начальных этапов существования Министерства народного просвещения уделялось гораздо меньше внимания[19], никаких новых источников, связанных с вопросами просветительской политики первых лет царствования Александра I, введено не было. Интерес исследователей к истории развития школьного образования стал возрастать с середины 1950-х гг., однако эти работы отличаются явной идеологической предвзятостью: политика министерства подвергалась резкой критике и оценивалась крайне негативно[20].

Однако как раз в это время начинают появляться первые работы, посвященные тому, как университеты управляли учебными заведениями своего округа[21]: исследуются разные аспекты деятельности училищных комитетов, проблемы взаимоотношений университетского начальства и директоров училищ, инспекция школ (в том числе и отправление визитаторов).

---

[19] В основном оценку реформ Александра I в области народного просвещения можно было встретить в юбилейных трудах: Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М., 1940. С. 25–39; Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, 1955; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. Казань, 1930.

[20] *Соколов А.В.* Из истории начального народного образования в России в первой четверти XIX века // Ученые записки Молотовского государственного педагогического института. 1947. Вып. 11. С. 157–170; *Струминский В.Я.* Начальная русская школа и ее теоретики в первой половине XIX века // Начальная школа. 1945. № 2–3. С. 37–43; № 4–5. С. 37–41; № 6. С. 41–49; *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80. Подробную историографию этой темы см.: *Днепров Э.Д.* Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики. 1918–1877. Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981.

[21] *Ткаченко А.М.* Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805–1835 гг. Харьков, 1957; *Шуртакова Т.В.* Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Казань, 1959.

Значительный интерес к изучению государственных образовательных реформ, вопросов управления образовательными системами всех уровней, от начальной до высшей, формируется в 1990–2000-х гг. В диссертационных исследованиях В.А. Змеева[22], Г.В. Кукушкиной[23], Ю.Н. Мантрова[24], Е.В. Шилиной[25] предпринимается попытка проанализировать отдельные элементы государственной политики в области высшего образования, механизмы ее осуществления, достигнутые результаты.

М.П. Войтеховская[26] реконструирует историю формирования российской государственной системы общего и педагогического образования как составную часть процесса модернизации Российской империи, начиная с создания императрицей Екатериной II Комиссии об учреждении народных училищ и заканчивая процессом государственного реформирования общего образования начала XX в.

Е.К. Сысоева смогла углубить этот подход, не только проанализировав уставные документы, но и стараясь показать промежуточные результаты образовательной реформы[27].

Образовательную политику Екатерины II детально разбирает в своих работах Л.М. Артамонова[28].

---

[22] *Змеев В.А.* Развитие российской высшей школы XVIII – начало XX в.: дис. … докт. ист. наук. М., 2001.

[23] *Кукушкина Г.В.* Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

[24] *Мантров Ю.Н.* Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века: дис. … канд. ист. наук. М., 2007.

[25] *Шилина Е.В.* Развитие образования в России в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. М., 2008.

[26] *Войтеховская М.П.* Политика реформ и общественные инициативы в развитии российской системы общего образования в XIX – начале XX вв. Томск, 2011–2012; *Она же.* История формирования и развития системы общего и педагогического образования как составной части процесса модернизации Российской империи: дис. … докт. ист. наук. Томск, 2012.

[27] *Сысоева Е.К.* Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М., 2015.

[28] *Артамонова Л.М.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113; *Она же.* Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Юго-восточные губернии Европейской России: дис. … докт. ист. наук. Самара, 2002.

Вопросы государственного управления образованием затрагиваются не только в исторических, но и в педагогических, политических и др. исследованиях[29].

Однако стоит отметить, что в основном исследователи опираются на материал, собранный и проанализированный еще в начале XX в., далеко не уходя от выводов, сделанных дореволюционной историографией.

Так, либеральную концепцию развития университетского образования в России, сформулированную на рубеже XIX–XX вв.[30], ряд современных исследователей пытается перенести и на школьное образование[31]. Наиболее ярко это выражено в докторской диссертации и монографии Т.Ф. Филоненко[32]. Автор представляет историю отечественной школы как процесс поэтапного чередования школьных систем, становившихся результатами реформ и контрреформ в области народного образования, проводившихся в обстановке сложного взаимодействия государства и общества. Чередование школьных

---

[29] *Федорова Н.М.* Становление государственно-общественного управления школьным образованием в России: дис. … докт. пед. наук. СПб., 2010; *Гончаров М.А.* Государственно-общественное управление педагогическим образованием в России в XVIII – начале XX в. М., 2013; *Он же.* Становление и развитие государственно-общественного управления педагогическим образованием в России в XVIII – начале XX века: дис. … докт. пед. наук. М., 2014; *Артемкин А.Н.* Концепции и проекты образовательной политики в России (XIX – начало XX вв.): дис. … канд. полит. наук. М., 2018.

[30] В своем законченном виде эта концепция нашла отражение в работе В.Е. Якушкина. Увязав развитие университетов с общественной жизнью в России, в которой чередуются периоды «прогресса и реакции», автор разделил университетские уставы на либеральные (1804, 1863), как имеющие широкую автономию, и консервативные (1835, 1884), этой автономии лишенные, при этом суть университетской автономии и ее истоки объяснены не были.

[31] *Пряникова В.Г., Равкин З.И.* История образования и педагогической мысли. М., 1994; *Днепров Э.Д.* Современная школьная реформа в России. М., 1998; *Липник В.Н.* Школьные реформы в России: очерк истории. СПб., 2000; *Богуславский М.В.* Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–21; *Он же.* Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX–XX вв. // Образование и общество. 2008. № 5. С. 9–18; *Он же.* Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы современного образования. 2010. № 1. С. 33–44.

[32] *Филоненко Т.В.* Этапы развития общеобразовательной школы в России: школьные системы XIX – первой трети XX вв.: дис. … докт. ист. наук. Воронеж, 2004; *Филоненко Т.В.* Реформы и контрреформы: история школьных систем России XIX – первой четверти XX века. Воронеж, 2004.

систем автор связывает с общим процессом социально-политического, социально-экономического и социокультурного развития России, не углубляясь в конкретные детали разработки и обсуждения уставов для средней и начальной школы.

Качественно новый этап в изучении начального периода деятельности Министерства народного просвещения связан с появлением большого количества работ современных исследователей по университетской тематике.

Ф.А. Петров в своем труде уделил особое внимание процессу зарождения системы университетского образования в России, в связи с чем затронул и историю создания Министерства народного просвещения[33].

А.Ю. Андреев подробно проанализировал различные модели европейских университетов и включил отечественные университеты в общеевропейский контекст проведения университетских реформ[34]. Автору удалось убедительно показать, что в основе министерской реформы начала XIX в. лежали различные исходные образовательные модели, часто с противоположными принципами[35]. В похожем ключе выдержана работа немецкого ученого Яна Кузбера, рассматривавшего процесс зарождения средней школы в России[36]. Историк сосредоточил свое внимание не только на разработке тех или иных образовательных реформ, но и на их восприятии обществом, на общественных дискуссиях, на реконструкции образовательного дискурса.

---

[33] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 2002.

[34] *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

[35] Об отношении Министерства народного просвещения к немецким университетам в первой половине XIX в. см.: *Андреев А.Ю.* Гумбольдт в России: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Российская история. 2004. № 2. С. 37–55.

[36] *Кузбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018.

В последнее время стало появляться все больше исследований, авторы которых обращают внимание на систему управления училищами округа со стороны высшего учебного заведения: так, специфику управления училищами Санкт-Петербургского учебного округа рассматривают в своих работах Т.Н. Жуковская и Е.А. Калинина[37], а Московского учебного округа – А.Г. Ершов и Д.А. Захаратос[38].

Интерес к локальной истории способствует росту интереса к изучению образовательной политики государства и истории становления системы народного просвещения в отдельных регионах Российской империи. Исследователи стараются выявить определенную специфику в развитии учебных заведений, проанализировать отношение местной власти к школьному делу[39].

---

[37] *Калинина Е.А.* Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX в.: европейские традиции и российский контекст. Труды международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 74–88; *Жуковская Т.Н., Калинина Е.А.* «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 22–32; *Жуковская Т.Н., Калинина Е.А., Казакова К.С.* Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 2 (16). С. 77–92.

[38] *Ершов А.Г.* Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России (1755 – середина XIX века): дис. … канд. ист. наук. М., 2003; *Захаратос Д.А.* Московский учебный округ в 1804–1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров: дис. … канд. ист. наук. М., 2003.

[39] *Давитлидзе Г.Г.* Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2007; *Иерусалимская С.Ю.* Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: дис. … докт. ист. наук. М., 2016; *Зуева М.А.* Становление школьного образования на территории Чувашии (вторая половина XVIII – начало XIX в.): дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2016; *Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: дис. … докт. ист. наук. М., 2018; *Блинов А.В.* Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дис. … докт. ист. наук. Барнаул, 2019.

Итак, обзор историографии показал, что история отечественного образования продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Однако многие проблемы, связанные с первоначальным периодом формирования единой системы народного просвещения, изучены еще недостаточно. Отсутствуют обобщающие работы, раскрывающие процесс формирования сети средних и начальных училищ на всей территории Российской империи. Государственная политика в отношении начального образования во всех шести учебных округах нуждается в дополнительном изучении. Таким образом, можно констатировать, что обширность поставленного вопроса не позволяет говорить о полном раскрытии темы, которая требует дальнейших исследований.

Источниковую базу исследования составил большой массив источников, который может быть разделен на следующие группы. К первой группе относятся законодательные акты и нормативные документы, ко второй – материалы официального делопроизводства, к третьей – материалы периодической печати, к четвертой – документы личного происхождения.

В первую группу входят высочайшие указы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, а также нормативные документы, размещенные в ведомственных изданиях – Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения, Сборнике распоряжений по Министерству народного просвещения[40].

[40] Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406. С. 243–248; Манифест о разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих. 25 июля 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.307. С. 278–280; Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам. 17 августа 1810 г. // Там же. № 24.326. С. 323–328; Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // Там же. № 24.686. С. 686–719; Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1875. Стб. 13–21; Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 295–331; Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. // Там же. Стб. 331–368.

Большое внимание в исследовании уделяется подготовительным проектам, документам и запискам, которые послужили основой для последующих законопроектов в образовательной сфере. Особый интерес представляют документы, поступавшие в Комиссию об училищах и считавшиеся ранее утерянными. Среди них впервые вводятся в научный оборот проекты академика Н.И. Фуса, касающиеся определения границ учебных округов[41] и разделения учебных заведений на четыре разряда, предложения об изменении училищного устава[42], а также его рассуждения о необходимости обращения губернских училищ в гимназии[43]. Мнение дерптского попечителя Ф.И. Клингера об общем плане народного просвещения по большей части стало основой последующих законодательных документов министерства[44]. Для анализа процесса подготовки университетских законопроектов, в первую очередь Устава 1804 г., привлекаются записки академиков Фуса[45], Озерецковского[46], а также Клингера[47], составившие основу общего университетского устава. До недавнего времени считалось, что текст общего устава не сохранился и что он, возможно, представлял собой набор основных принципов, впоследствии включенных в устав каждого университета. Однако в недавнее время подлинный текст трех (из четырех) его частей был обнаружен в бумагах Главного Правления училищ. Также детально рассматриваются проекты уставов и утвердительных грамот Московского, Казанского и Дерптского

---

[41] Проект Н.И. Фуса о разделении империи на шесть главных уделов касательно общественного просвещения, предложенный Комиссии 20 сентября 1802 г. На фр. яз. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 558–560.

[42] Записка Н.И. Фуса, предложенная собранию 27 сентября 1802 г. На фр. яз. // Там же. Л. 554–557.

[43] Донесение Н.И. Фуса, внесенное в Комиссию об училищах 4 октября 1802 г. На фр. яз. // Там же. Л. 550–553.

[44] *Клингер Ф.И.* Articles principeaux pour un Plan de l’instruction publique // Там же. Л. 545–549 об.

[45] *Фус Н.И.* Учебная часть устава университетского. Предметы учения, порядок и пособия // Там же. Л. 436–447.

[46] *Озерецковский Н.Я.* О принадлежностях университета // Там же. Л. 448–455.

[47] *Клингер Ф.И.* О экономическом распоряжении и об отдаваемых по сему предмету отчетах // Там же. Л. 456–458 об.

университетов, подготовленные их попечителями, большая часть которых ранее не изучалась исследователями[48].

Обращают на себя внимание источники, связанные с подготовкой Акта постановления Дерптского университета. Сохранилось четыре варианта Акта, на одном из которых содержится карандашная правка рукой императора Александра, на другом – министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского, а на двух остальных – Н.Н. Новосильцева[49].

Документы, относящиеся к разработке училищного устава 1804 г., также вводятся в научный оборот впервые. Прежде всего к ним относятся проекты академика Фуса, отложившиеся в фондах Главного Правления училищ[50].

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация. Она представлена в первую очередь журналами Главного Правления училищ (1803–1817)[51], которые позволяют детально рассмотреть полную картину деятельности министерства: процесс обсуждения ключевых уставных документов для высшей, средней и начальной школы, степень участия попечителей и других членов Правления в работе центрального органа, решение вопросов текущей учебной и хозяйственной жизни школ всех уровней. Журналы косвенно отражают особенности личности министров народного просвещения, периоды их активной деятельности в Правлении, а также угасание их интереса к преобразованиям. Помимо журналов Правления в исследовании используются журналы Комиссии об учреждении народных училищ (1782–1803)[52], журналы Комиссии об училищах (сентябрь–октябрь

---

[48] Особенно проекты казанского попечителя С.Я. Румовского: Университетский устав, внесенный в собрание 17 октября 1803 г. // Там же. Л. 384–417 об.; Проекты устава Казанского университета осени 1803 – весны 1804 г. // Там же. Л. 86–106 об., Л. 141–194 об.

[49] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 19–23, 11–18, 1–10, 24–27 об.

[50] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les gymnases // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 418–427; *Он же.* Partie Scientifique du reglement pour les Ecole de district; La disposition pour les écoles primaires ou de paroisse // Там же. Л. 430–435 об.

[51] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1–16.

[52] Там же. Ф. 730. Оп. 1–2.

1802 г.)[53], а также большой пласт источников из фонда департамента народного просвещения (Ф. 733). В данном случае важны всеподданнейшие доклады и отчеты министров, отчеты попечителей учебных округов, визитаторские наставления и донесения.

Третью группу источников составляют документы периодической печати, к которой в первую очередь следует отнести ведомственный журнал министерства – «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения», – информация из которого по большей части бралась из журналов Главного Правления училищ, а также входящих бумаг, поступавших в департамент.

Четвертая группа источников – документы личного происхождения, представленная воспоминаниями и перепиской. Эти материалы помогают лучше понять мотивы действий и поступков главных фигур настоящего исследования, оценить степень их вовлеченности в образовательный процесс.

Личных фондов министров гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского не сохранилось, имеющиеся частные бумаги периода их служебной деятельности в большинстве своем опубликованы. Интерес представляют обширная коллекция писем Завадовского к братьям графам А.Р. и С.Р. Воронцовым[54], напечатанная П.И. Бартеневым в одном из многочисленных томов архива князя Воронцова, письма П.В. Завадовского к гр. А.К. Разумовскому, написанные в тот период, когда последний был попечителем Московского учебного округа[55], комплекс писем разных лиц к гр. А.К. Разумовскому[56].

---

[53] Там же. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1. Опубликовано: Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т. 2. СПб., 1897. Стб. 1–22.

[54] Письма графа П.В. Завадовского к братьям графам Воронцовым (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 12. М., 1877. С. 1–310; Письма графа П.В. Завадовского к графу С.Р. Воронцову (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 24. М., 1880. С. 142–168.

[55] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 229–237.

[56] Там же. С. 248–518.

Особое значение в этой группе имеет переписка императора Александра I с близкими ему людьми: воспитателем Ф.-С. Лагарпом[57], с которым обсуждались контуры министерской реформы, профессором Дерптского университета Г.Ф. Парротом[58], стремившимся активно участвовать в государственных преобразованиях, харьковским помещиком В.Н. Каразиным[59], взгляды которого так понравились молодому императору в начале его царствования. Все они бережно хранили автографы Александра, но исследователям большинство писем стало доступно совсем недавно.

В исследовании также используются воспоминания, среди которых выделяются записки профессора Г.Ф. Паррота о его участии в разработке утвердительной грамоты Дерптского университета[60], кн. А. Чарторыйского – о цели и результатах образовательной реформы в Виленском округе[61], его письмоводителя В.Г. Анастасевич – о его взаимоотношениях с В.Н. Каразиным[62]. Воспоминания об университетской жизни оставили И.Ф. Тимковский[63], К.Д. Роммель[64], Л. Якоб[65], М.П. Третьяков[66],

---

[57] Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014.

[58] *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023.

[59] *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910.

[60] *Bienemann F.* Der Dorpater Professor G.F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902. S. 145–169.

[61] Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

[62] *Анастасевич В.Г.* Записка о В.Н. Каразине // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 192–199.

[63] Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский архив. 1874. № 6. С. 1377–1466.

[64] *Роммель К.Д.* Пять лет из истории Харьковского университета. Харьков, 1869. Новое, более полное издание воспоминаний на украинском языке со вступительной статьей и комментариями: *Роммель К.Д.* Спогади про моє життя та мій час. Харьків, 2001.

[65] Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвига Якоба // Харьковский историографический сборник. 2014. Вып. 13. С. 218–259.

[66] *Третьяков М.П.* Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова. 1799–1830 // Русская старина. 1892. № 7. С. 105–131; № 8. С. 307–345; № 9. С. 533–553.

Е.Ф. Тимковский[67]. Интересные заметки об учебе в уездном училище и гимназии принадлежат А.Д. Галахову[68].

Таким образом, источниковая база диссертации обладает достаточной полнотой и репрезентативностью и содержит разнообразные виды документов, позволяющих с различных сторон осветить деятельность Министерства народного просвещения в начале XIX в. Вводимое в научный оборот значительное количество делопроизводственной документации, в том числе и считавшейся ранее утерянной, дает возможность раскрыть тему в тех аспектах, которые были заявлены в задачах диссертации.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем определены основные принципы управления народным образованием в европейских странах и в Российской империи во второй половине XVIII в., повлиявшие на формирование ключевых положений впервые возникшего в Европе центрального ведомства народного просвещения.

Впервые в отечественной литературе реконструирован процесс организации Министерства народного просвещения, появившегося как результат определенного просветительского проекта в рамках либеральных реформ императора Александра I. На основе большого массива исторических источников впервые предпринята попытка комплексного изучения начального периода деятельности министерства по организации и реализации единой системы управления образовательными учреждениями.

Принципиально новым является предпринятый в работе анализ составленных членами Главного Правления училищ проектов университетского и училищного уставов, разрабатывавшихся в ходе образовательной реформы по созданию общего плана учебной системы. Были выявлены тексты, лежащие в основе высочайше одобренных 5 ноября 1804 г. уставных документов, в том числе общего университетского устава, показана

---

[67] *Тимковский Е.Ф.* Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 60–64.

[68] *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999.

история их обсуждения и утверждения. В диссертации ставится проблема авторства уставных документов, она разрешается на базе проектов и записок Комиссии об училищах и Главного Правления училищ, обнаруженных автором исследования. Детально анализируются журналы Правления, иллюстрирующие характер деятельности этого совещательного органа министерства, выявляется степень участия каждого сотрудника в его работе.

В диссертации впервые проанализирован вклад министров гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского в деятельность министерства и его аппарата, показано, насколько текущая работа этого органа правительственной власти конкретно зависела от личности министра.

Показана образовательная специфика каждого учебного округа, определено точное количество открытых в период 1804–1817 гг. гимназий и уездных училищ. В научный оборот впервые массово введены делопроизводственные документы департамента Министерства народного просвещения, касающиеся открытия и преобразования средних и начальных учебных заведений. Значительно расширены данные по начальным приходским училищам, прослежены отличительные черты существования низших школ в Дерптском и Виленском учебных округах. Систематически по всем округам изучены визитаторские поездки попечителей и университетских профессоров, показана их эффективность для каждого конкретного округа.

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью привлечения материалов данной диссертации для дальнейшего изучения образовательных реформ в Российской империи в XIX в. Систематизация делопроизводственных документов Министерства народного просвещения дает возможность расширить теоретическую базу современных научных разработок в области истории народного просвещения. Установленное точное количество открытых и действовавших в рассматриваемый период в Российской империи гимназий и уездных училищ позволяет уточнить общие выводы в исторической и учебной литературе о

степени эффективности при реализации реформы среднего и начального образования в царствование императора Александра I.

Практическая значимость исследования. Большой фактический материал, обобщенный в диссертации, и основанные на нем выводы могут послужить для дальнейшего изучения организации государственного управления в России в начале XIX в., формирования и развития министерской системы. Результаты исследования могут быть использованы в научной и педагогической работе при написании монографий и статей по истории образовательных реформ в России, при разработке учебных курсов и пособий, лекционных курсов и практических занятий в высшей школе по истории культуры и образования. Материалы и выводы диссертации также могут найти научно-практическое применение при создании обобщающих исследований по изучению правительственных инициатив и практик реализации просветительских проектов различных эпох.

Достоверность исследования обеспечивается обширной источниковой базой, основанной на опубликованных и архивных источниках из семи архивохранилищ г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, а также соблюдением в работе принципов научной объективности, историзма и опорой на достижения предшествовавшей историографической традиции.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертации были представлены на международных и всероссийских научных конференциях, а также опубликованы в 22 научных работах общим объемом 31,1 п.л., в том числе в 15 статьях общим объемом 15,1 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Общий объем диссертации составляет 550 страниц.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ходе образовательных реформ в европейских странах во второй половине XVIII – начале XIX в. под влиянием идеологии Просвещения руководство образовательными учреждениями и надзор за ними постепенно переходит от церкви к государству, которое стремится поставить его под свой контроль, учреждая для этого специальные органы управления (департаменты, комиссии, позже – министерства), а также организовать многоуровневую систему учебных заведений от начальной до высшей школы. В Российской империи первым центральным органом, специально созданным для проведения образовательной реформы и дальнейшего контроля за ее практической реализацией, стала Комиссия об учреждении народных училищ, но она не смогла утвердиться в качестве постоянно действующего органа управления образованием и не вписалась в структуру высших государственных учреждений, что привело к ее упразднению.

2. Мнение о необходимости создания отдельного правительственного учреждения, в сферу ответственности которого входило бы народное просвещение, в окружении императора Александра I разделяли многие близкие к нему люди: воспитатель царя Ф.-С. Лагарп, члены Негласного комитета и Комитета по рассмотрению уставов ученых заведений. В сентябре 1802 г. в результате министерской реформы в России впервые появился единый орган управления народным образованием – Министерство народного просвещения, а уже к концу октября были сформулированы основные принципы организации и управления школьной системой в России и определены центры учебных округов.

3. С января 1803 г. члены Главного Правления училищ занимались разработкой основных законопроектов для высшей, средней и начальной школы (как общих, для внутренних учебных округов, так и частных, для Виленского и Дерптского учебных округов). Основную работу по написанию университетского устава взяли на себя московский попечитель М.Н. Муравьев и казанский попечитель С.Я. Румовский. Текст проекта Румовского в итоге стал официальным, и именно он лег в основу высочайше утвержденного 5 ноября 1804 г. университетского устава.

4. В период министерства гр. П.В. Завадовского была создана единая система народного просвещения, включавшая в себя четыре ступени: приходское училище – уездное училище – гимназия – университет. Однако с самого начала ее существования стали появляться новые привилегированные учебные заведения, оказавшиеся вне системы. Чтобы сохранить крупные пожертвования и выполнить волю благотворителей, но вместе с тем не ломать только что разработанную структуру учебных округов, Завадовскому приходилось принимать компромиссные варианты. Так, в Ярославле и Кременце появились гимназии, приравненные по статусу к университету, но включенные в систему своих учебных округов. В период министерства гр. А.К. Разумовского происходило изменение функций Главного Правления училищ. Постепенно министр отстранился от работы в министерстве, попечители перестали появляться на заседаниях, вся текущая деятельность Правления оказалась в руках двух академиков. Правление превратилось в простой бюрократический орган министерства, члены которого уже не обсуждали коллегиально проблемы и не принимали решения, а присылали в Петербург отчеты и получали на местах готовые циркуляры. Разумовский, в отличие от предшественника, не только способствовал появлению учебных заведений, находившихся вне утвержденной системы (Царскосельский лицей), но даже разрешил вывести часть учебных заведений за рамки учебного округа (Полоцкая академия и иезуитские училища).

5. Училищный устав вводился в действие не так быстро, как это планировалось изначально. Каждый учебный округ обладал своей географической и национальной спецификой. За 1804–1817 гг. почти завершилось преобразование гимназий. Темп открытия или преобразования уездных училищ был гораздо ниже – более трети всех уездов не имели школ этого уровня (за исключением Дерптского округа, где открылись все запланированные средние учебные заведения). Образование приходских училищ, не имевших штатного финансирования, зависело от инициативы местной власти, желания помещиков и крестьян. Общей проблемой для школ всех ступеней являлось отсутствие достаточного числа квалифицированных учителей и учебных помещений. Для поддержания общественного внимания к учебным заведениям Министерство народного просвещения приняло ряд мер: была введена должность почетного смотрителя, поощрялись благотворительные пожертвования, был организован постоянный контроль училищного начальства – штатных смотрителей, директоров училищ, университетских профессоров и попечителей. Ежегодные визитации профессоров хотя и были обременительными по времени, но давали возможность непосредственно узнать о нуждах и сложностях самих учебных заведений.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Характеристика источниковой базы

Представленное исследование посвящено начальному периоду деятельности центрального государственного органа Российской империи – Министерству народного просвещения, чем и обуславливается его источниковая база. Законодательные документы, относящиеся к образовательной сфере конца XVIII – начала XIX в. опубликованы в Полном собрании законов Российской империи, Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения, Сборнике распоряжений по Министерству народного просвещения[1]. В первую очередь это основополагающий документ, положивший начало деятельности нового органа – «Манифест об учреждении министерств», подписанный императором Александром I 8 сентября 1802 г.[2], а также документы, связанные с министерской реформой 1810 г.[3]. В тексте исследования будут проанализированы основные законодательные акты, регламентирующие развитие учебных заведений в екатерининское и александровское царствования: устав народным училищам[4], Предварительные правила

[1] В «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения» собраны все постановления, касающиеся учебных заведений, требовавшие утверждения императора. «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» включает в себя документы, подписанные министром просвещения.

[2] Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406. С. 243–248.

[3] Манифест о разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих. 25 июля 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.307. С. 278–280; Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам. 17 августа 1810 г. // Там же. № 24.326. С. 323–328; Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // Там же. № 24.686. С. 686–719.

[4] Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786.

народного просвещения[5], университетский и училищный устав 1804 г.[6], а также законопроекты, касающиеся отдельных учебных заведений высшего, среднего и начального уровня[7].

Большое внимание в исследовании уделяется подготовительным проектам, документам и запискам, которые послужили основой для последующих законопроектов в образовательной сфере. Первую попытку создать образовательную систему, включавшую в себя начальные, средние и высшие учебные заведения предпринял И.И. Шувалов, который обратился в Сенат со своим предложением[8]. Большинство проектов 1760–1770-х гг. опубликовал С.В. Рождественский в приложении к капитальному труду по истории народного просвещения. «Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках» содержит записки Г.Н. Теплова, академика Г.Ф. Миллера и профессора Ф.Г. Дильтея, созданные при разработке «Генерального плана гимназий или государственных училищ» 1764 г.,

---

[5] Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1875. Стб. 13–21.

[6] Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. 5 ноября 1804 г. // Там же. Стб. 295–331; Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. // Там же. Стб. 331–368.

[7] Акт утверждения для Императорского университета в Вильне. 4 апреля 1803 г. // Там же. Стб. 39–46; Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа. 18 мая 1803 г. // Там же. Стб. 46–65; Устав Императорского Дерптского университета. 12 сентября 1803 г. // Там же. Стб. 139–199; Постановления для Императорского Дерптского университета, относительно до надзирания училищ его округа. 21 марта 1803 г. // Там же. Стб. 226–232; Предначертание устроения училищ в округе Императорского Виленского университета. 20 августа 1803 г. // Там же. Стб. 269–284; Устав Ярославского училища вышних наук. 28 января 1805 г. // Там же. Стб. 382–386; Устав Волынской гимназии. 29 июля 1805 г. // Там же. Стб. 420–425; Постановление о лицее (Царскосельском). 12 августа 1810 г. // Там же. Стб. 632–657; Устав для приходских училищ в губерниях Волынской, Киевской и Подольской. 31 августа 1807 г. // Там же. Стб. 500–519.

[8] В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение. 1 ноября 1760 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 3. С. 113–118.

проекты «Комиссии об училищах и призрения требующих», а также ряд других документов[9].

В начале царствования императора Александра I активизировались обсуждения образовательных реформ, с чем связано появление большого количества записок и докладов по данной теме, написанные Ф.С. Лагарпом[10], В.Н. Каразиным[11], Н.Н. Новосильцевым[12], М.Н. Муравьевым и др. Особый интерес представляют документы, поступавшие в Комиссию об училищах и считавшиеся ранее утерянными. Среди них впервые вводятся в научный оборот проекты академика Н.И. Фуса, касающиеся определения границ учебных округов[13], разделения учебных заведений на четыре разряда и предложения об изменении училищного устава[14], а также его рассуждения о необходимости обращения губернских училищ в гимназии[15]. Мнение дерптского попечителя Ф.И. Клингера об общем плане народного просвещения, которое он предложил на рассмотрение членов Комиссии уже на втором заседании Комиссии, по большей части стало основой последующих законодательных документов министерства[16]. Для анализа

---

[9] Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910.

[10] Соображения о временном устройстве департамента народного просвещения, представленные Императору 15 декабря 1801 г.; Проект указа, призванного реформировать народное просвещение. 2 апреля 1802 г. // *Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д.* Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802. / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014. С. 641–647; С. 728–734.

[11] *Каразин В.Н.* Предначертание о Харьковском университете // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 523–530; *Каразин В.Н.* Пояснительная записка к Предначертанию // Русская Старина. 1875. № 5. С. 71–76.

[12] *Новосильцев Н.Н.* Меры, которые по училищной части предварительно принять должно // Архив СПбИИ РАН. Ф. 176. Д. 36. Л. 1–2 об.

[13] Проект Н.И. Фуса о разделении империи на шесть главных уделов касательно общественного просвещения, предложенный Комиссии 20 сентября 1802 г. На фр. яз. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 558–560.

[14] Записка Н.И. Фуса, предложенная собранию 27 сентября 1802 г. На фр. яз. // Там же. Л. 554–557.

[15] Донесение Н.И. Фуса, внесенное в Комиссию об училищах 4 октября 1802 г. На фр. яз. // Там же. Л. 550–553.

[16] *Клингер Ф.И.* Articles principeaux pour un Plan de l’instruction publique // Там же. Л. 545–549 об.

процесса подготовки университетских законопроектов, в первую очередь Устава 1804 г., привлекаются записки академиков Фуса[17], Озерецковского[18], а также Клингера[19], составившие основу общего университетского устава. До недавнего времени считалось, что текст общего устава не сохранился и что он, возможно, представлял собой набор основных принципов, впоследствии включенных в устав каждого университета. Однако в недавнее время подлинный текст трех (из четырех) его частей был обнаружен автором диссертации в бумагах Главного Правления училищ[20]. Также детально рассматриваются проекты уставов и утвердительных грамот Московского, Казанского и Дерптского университетов, подготовленные их попечителями, большая часть которых ранее не изучалась исследователями.

Сохранилось три редакции устава Московского университета, написанные М.Н. Муравьевым. Первая, черновая, содержится в его записной книжке и датируется апрелем-маем 1803 г.[21], вторая, подготовленная, вероятно, начале лета 1803 г., и учитывавшая все исправления из записной книжки, хранится в ГАРФ[22], а третья, наиболее полная редакция, включавшая всю предыдущую правку и не содержавшая никаких исправлений, была подана на заседание Главного Правления училищ 22 августа 1803 г.[23] Текст

---

[17] *Фус Н.И.* Учебная часть устава университетского. Предметы учения, порядок и пособия // Там же. Л. 436–447.

[18] *Озерецковский Н.Я.* О принадлежностях университета // Там же. Л. 448–455.

[19] *Клингер Ф.И.* О экономическом распоряжении и об отдаваемых по сему предмету отчетах // Там же. Л. 456–458 об.

[20] К сожалению, часть общего устава об управлении гимназиями, уездными и приходскими училищами, написанная Ф.И. Янковичем де Мириево, пока не найдена.

[21] ОР РНБ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 14. Л. 14–28 об.

[22] ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–16.

[23] Обнаружена в двух архивохранилищах: РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 207–222 об. (на этом проекте указано, что он читан в собрании 22 августа 1803 г.) и тот же самый текст хранится в ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–31. Опубликован в кн.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 271–283.

утвердительной грамоты Московского университета был составлен его попечителем также весной 1803 г.[24]

Проекты устава Казанского университета, принадлежащие С.Я. Румовскому, ранее не привлекались для исследования. В нашем распоряжении имеется три редакции, сохранившиеся в фондах министерства народного просвещения: первую попечитель представил на заседание Правления 17 октября 1803 г.[25], вторую, исправленную и дополненную согласно замечаниям, официально рассмотреть не успели[26], а третья, содержащая небольшую правку рукой Румовского, написана весной-летом 1804 г.[27] и текстологически близка к окончательному тексту университетского устава 1804 г.

Обращают на себя внимание источники, связанные с подготовкой Акта постановления Дерптского университета. Сохранилось четыре варианта Акта, на одном из которых содержится карандашная правка рукой императора Александра, на другом – министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского, а на двух остальных – Н.Н. Новосильцева[28].

Документы, относящиеся к разработке училищного устава 1804 г. также вводятся в научный оборот впервые. В первую очередь к ним относятся проекты академика Фуса, отложившиеся в фондах Главного Правления училищ[29].

---

[24] Черновик утвердительной грамоты находится в записной книжке Муравьева (ОР РНБ. Ф. 499. Д. 14. Л. 37–41 об.), исправленный и дополненный вариант, датированный маем 1803 г. – в документах Московского учебного округа (РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 23. Л. 8–11а об.).

[25] Университетский устав, внесенный в собрание 17 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 384–417 об.

[26] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 86–106 об.

[27] Там же. Л. 141–194 об.

[28] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 19–23; Л. 11–18; Л. 1–10; Л. 24–27 об. Высочайше утвержденный законопроект опубликован: Акт постановления для Императорского университета в Дерпте от 12 декабря 1802 г. // Сборник постановлений… Стб. 6–12.

[29] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les gymnases // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 418–427; *Он же.* Partie Scientifique du reglement pour les Ecole de district; La disposition pour les écoles primaires ou de paroisse // Там же. Л. 430–435 об.

Важнейшая для исследования группа источников – делопроизводство. Со времени основания в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ основная часть делопроизводственной документации, связанной с процессом открытия и функционирования начальных и средних учебных заведений стала собираться в ее канцелярии[30]. Фонд Комиссии находится в РГИА (Ф. 730) и содержит документы не только за весь период ее деятельности (1782–1803), но и отдельные бумаги за первое десятилетие существования Министерства народного просвещения. Среди материалов Комиссии стоит выделить дела, связанные с назначением и увольнением ее членов (Оп. 1. Д. 5, 7, 216), учреждением народных училищ и школ, подготовкой ежегодных всеподданнейших отчетов и рапортов о состоянии народных училищ, числе учащих и учащихся (Оп. 1. Д. 41), финансовой документацией по приходу и расходу денежных сумм (Оп. 1. Д. 59, 60). Журналы заседаний и определений Комиссии об учреждении народных училищ (Оп. 2. Д. 1–26 Б) и ведомости приказов общественного призрения о состоянии и бюджете училищ, учителях, успехах учеников (Оп. 2. Д. 27–2040) также расположены в указанном фонде. Помимо этого, документы Комиссии можно обнаружить и в Москве, поскольку отправляемые на высочайшее имя доклады, отчеты, ведомости и рапорты попадали в Кабинет Ее Величества, а оттуда перешли на хранение в т.н. «Госархив», ныне вошедший в состав РГАДА[31].

После вступления на престол императора Александра I и начала активной разработки реформы просвещения, бумаги екатерининской Комиссии (и в особенности план открытия университетов, составленный О.П. Козодавлевым) активно изучались членами Комитета для рассмотрения уставов, начавшего работу 18 марта 1802 г. По результатам его деятельности был подготовлен доклад, рекомендовавший создать в Империи единую

[30] Устав народным училищам 1786 г. предусматривал создание при канцелярии архива (§ 109), однако, как следует из журналов Комиссии, этот вопрос стал решаться только с начала 1798 г.

[31] Бумаги Комиссии об учреждении народных училищ // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76.

систему учебных заведений с четкой иерархией, а также предложивший учредить самостоятельное Министерство «общественного воспитания»[32].

Вместе с образованием Министерства народного просвещения молодой император приказал учредить новую Комиссию об училищах, перед которой поставил задачу привести в исполнение план учебной системы и создать учебные округа. Журналы заседаний были опубликованы еще в конце XIX в.[33] и их изучение позволяет более детально понять каким образом шел процесс разработки основных принципов образовательной реформы (несмотря на то, что формально Комиссия существовала пять месяцев, с сентября 1802 г. по январь 1803 г., реально ее заседания проходили лишь в сентябре и октябре). В приложении к журналам размещены отдельные ведомости, присылаемые еще существующей Комиссии об учреждении народных училищ, среди которых стоит отметить «Расписание, в которых городах по губерниям Российской Империи открыты народные училища, и в которых еще не открыты»[34], позволяющее оценить количество уездных городов, оставшихся в предыдущее царствование без учебных заведений и сравнить с темпом преобразования училищ по новому плану.

Центральным источником делопроизводственного характера являются журналы Главного Правления училищ – главного совещательного органа Министерства народного просвещения[35]. Именно там разрабатывались уставы и учебные планы университетов, гимназий, уездных и приходских училищ, утверждались в своем звании ректоры, деканы и профессора университетов, члены Училищных комитетов, визитаторы, почетные члены и корреспонденты. Члены Правления следили за открытием и преобразованием учебных заведений в Империи, назначением учителей, текущей учебной и

---

[32] Доклад Комитета по рассмотрению уставов ученых заведений от 8 августа 1802 г. // ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10. Опубликован в кн.: *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 257–269.

[33] Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 2. СПб., 1897. Стб. 1–22.

[34] РГИА. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–37 об.

[35] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1–16.

хозяйственной жизнью школ всех уровней. Таким образом, журналы Правления открывают исследователю полную картину деятельности министерства в изучаемый период, но до настоящего времени они использовались в историографии лишь частично. Также фонд Правления содержит значительное количество дел, касающихся финансирования учебных заведений (Ф. 732. Оп. 1. Д. 106, 127), награждения чиновников орденами и повышения их по службе (Д. 113), благотворительных пожертвований в пользу учебных заведений (Д. 123). В 30-х гг. XIX в. была проведена большая работа по упорядочению архива министерства, что позволило сформировать дела по отдельным вопросам. В каждом таком деле помещались подлинники входящей документации, выписки из журналов Правления, а также копии исходящих бумаг. Особый интерес представляют документы, связанные с избранием визитаторов (Д. 154) и почетных смотрителей (Д. 159), отправлением попечителей для осмотра училищ (Д. 179), поскольку в них можно обнаружить оригиналы отчетов, записок и различных бумаг, направляемых в столицу.

Огромный пласт неопубликованных документов находится в составе фонда Департамента народного просвещения (Ф. 733). Этот фонд содержит более 230 описей, охватывающих историю министерства вплоть до 1917 г. В диссертационном исследовании будут использованы дела из описей всех учебных округов – Петербургского (Оп. 20), Московского (Оп. 28), Казанского (Оп. 39), Харьковского (Оп. 49), Дерптского (Оп. 56) и Виленского (Оп. 62), а также общие дела департамента (Оп. 86) и архивные документы научных и учебных подразделений, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения – Академии наук (Оп. 12), Российской академии (Оп. 14), Академии художеств (Оп. 16) и Публичной библиотеки (Оп. 15). Полная сохранность делопроизводства министерства в столице позволяет в меньшей степени обращаться к местным архивам университетов и учебных округов, дублировавших информацию, посылаемую в Петербург, тем более что местные архивы как в XIX в., так и в XX в., и в XXI в. понесли значительные

утраты (особенно это касается Москвы и Харькова). Но тем не менее, делопроизводственные документы из канцелярии попечителя Московского учебного округа и Московского университета также будут использованы в настоящем исследовании[36].

При открытии гимназии, уездного или приходского училища местные учебные власти извещали о совершившемся событии попечителя учебного округа, который в свою очередь отправлял донесение в департамент. Значительное количество архивных материалов из описей учебных округов содержат информацию о преобразовании главных и малых народных училищ в гимназии и уездные училища, о торжественных мероприятиях по случаю учреждения новых школ, сведения о благотворительных инициативах местного населения в пользу открываемых училищ[37]. Особо можно выделить дела о службе попечителей учебных округов[38].

---

[36] ЦГА г. Москвы. Ф. 418 (Императорский Московский университет); Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа).

[37] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 8, 23, 27–34, 39, 41–43, 45–48, 65–68, 70, 95, 98, 99–102, 124; Оп. 28. Д. 18, 20, 29–34, 36, 55–62, 67, 68, 85–87, 116, 123–131, 163, 164, 185, 188, 189, 199, 202, 216, 217, 221–224, 226–228, 243, 246–248, 260, 261, 281, 283, 284; Оп. 39. Д. 3, 15–17, 29, 30, 34, 35, 51, 62, 63, 65, 66, 75, 76, 86, 87, 89, 102, 110, 111, 121, 123–125, 139, 140, 153, 154, 168, 169, 183, 184, 186–189, 197, 202–204; Оп. 49. Д. 22, 33, 34, 40, 42, 43, 50–52, 54–58, 64, 67, 69–79, 85, 86, 89, 94, 98, 99, 107, 108, 111, 123, 158, 159, 162–165, 172, 179, 181–190, 206–208, 211, 212, 215–217, 237, 244–252, 263, 267, 268, 284, 292; Оп. 56. Д. 53, 57, 58, 60, 65, 116; Оп. 62. Д. 115, 154, 181, 208.

[38] РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 3. О службе попечителя Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцева; Д. 80. О службе попечителя Петербургского учебного округа С.С. Уварова; Оп. 28. Д. 4. О назначении М.Н. Муравьева попечителем Московского учебного округа; Д. 64. О назначении гр. А.К. Разумовского попечителем Московского университета и округа; Д. 101. О назначении П.И. Голенищева-Кутузова попечителем Московского учебного округа; Оп. 39. Д. 130. О службе попечителя Казанского учебного округа М.А. Салтыкова; Оп. 49. Д. 1. Переписка с губернаторами о доставлении министру народного просвещения сведений о состоянии училищ и о назначении гр. С.О. Потоцкого попечителем Харьковского учебного округа; Д. 269. О увольнении попечителя Харьковского учебного округа гр. С.О. Потоцкого и о назначении на его место З.Я. Корнеева; Оп. 56. Д. 13. О назначении генерал-майора Ф.И. Клингера попечителем Дерптского учебного округа; Д. 188. О увольнении попечителя Дерптского учебного округа Ф.И. Клингера и о назначении на его место гр. К.А. Ливена; Оп. 62. Д. 3. О службе попечителя Виленского учебного округа кн. А.А. Чарторыйского и о назначении на его место члена Главного Правления училищ гр. И.С. Лаваля.

Ежегодно попечители должны были подавать в департамент министерства отчеты о состоянии учебных заведений всех уровней, расположенных в подведомых им округах. В 95 описи собраны отчеты по Петербургскому (Д. 77–86), Московскому (Д. 177–191), Дерптскому (Д. 260–277), Виленскому (Д. 379–400), Казанскому (Д. 479–499) и Харьковскому (627–651) учебным округам за 1803–1816 гг. Как правило, они включали в себя сведения об утверждении ректора, деканов, непременного заседателя, заслуженных, ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнктов, почетных членов, корреспондентов, старших учителей гимназии, возведение в ученые степени; о составе и деятельности университетского Совета, Правления, университетского суда (с кратким содержанием дел и решением по ним), Педагогического института; о имеющихся учебных пособиях, собраниях инструментов и других вспомогательных материалов; о количестве студентов. Отдельная глава посвящалась учебным заведениям – перечислялись открытые за год школы, указывалось их общее количество, число учителей и учеников, давались сведения об осмотре училищ университетскими профессорами. Иногда визитаторские наставления и донесения прикладывались к отчету в виде дополнительных приложений (особенно часто в Харьковском округе), либо в виде систематических извлечений из них (в Московском округе). Отдельно попечитель докладывал об успехах и недостатках учения, высказывал свои предложения о необходимых улучшениях в преподавании, подборе учителей, хозяйственном обеспечении. Каждый год состав отчетных документов мог меняться в зависимости от того, какие бумаги присылали из учебных заведений округа.

Как только в канцелярии департамента получали сведения из университетских центров, начиналась подготовка к составлению всеподданнейшего отчета министра народного просвещения. В связи с тем, что вся техническая работа по сведению в единый документ сведений, присылаемых из учебных округов, лежала на директоре департамента народного просвещения И.И. Мартынове, черновики отчетов за 1802–1807 гг.

отложились в фонде департамента[39]. Подлинники отчетов направлялись в Сенат, поскольку именно этому правительственному учреждению император поручил рассмотрение министерских документов. К столетнему юбилею министерства первые три отчета были опубликованы, причем отчет за 1802 г. был опубликован дважды, т.к. подлинник этого отчета и доклад Сената по отчету находился в фонде I Отделения С.Е.И.В.К.[40] Помимо анализа самих отчетов гр. П.В. Завадовского (подробнее см. 4 главу), в исследовании рассматривается также делопроизводство сенатского «Комитета для освидетельствования министерских отчетов», который за время своего существования (до 1810 г.) успел обсудить и сделать замечания только на документы 1802–1804 гг.[41] После образования Государственного совета обязанности по рассмотрению министерских отчетов перешла к нему, поэтому подлинники отчетов за 1805–1807 гг. были переданы из Сената в Канцелярию и сейчас находятся в фонде Государственной канцелярии Государственного совета[42].

Еще одним важным источником делопроизводственного характера являются всеподданнейшие доклады министра народного просвещения, хранящиеся в РГИА (Ф. 744). В них отражены все вопросы, которые

---

[39] РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 71–76. Отчеты за 1808 и 1809 гг. Завадовский подготовить не успел, что было связано с задержкой сведений, поступающих из учебных округов, а следующий министр, гр. А.К. Разумовский за время своего пребывания в должности не подал ни одного всеподданнейшего отчета.

[40] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 174; Всеподданнейшие отчеты по Министерству народного просвещения за 1802–1804 гг. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902. Стб. 1–432; Всеподданнейший доклад министра народного просвещения графа П. Завадовского и всеподданнейший доклад Сената по отчету министра народного просвещения за 1802 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Вып. 12. СПб., 1903. С. 252–302.

[41] РГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 14. Протоколы заседаний Комитета по обсуждению отчета министра народного просвещения за 1802 г., с приложением материалов к отчету; Д. 15. Протоколы заседаний Комитета по обсуждению отчета министра народного просвещения за 1803 г., с приложением отчета и материалов к нему; Д. 16. Протоколы заседаний Комитета по обсуждению отчета министра народного просвещения за 1804 г., с приложением отчета и материалов к нему.

[42] РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30–32.

обсуждались на заседаниях Правления, и по которым требовалась резолюция царя: утверждение уставов и штатов, одобрение выборов ректора, деканов, профессоров, утверждение в званиях, выдача пенсий. Завадовский часто обращался к Александру I с просьбами о выдаче дополнительных денежных средств на покупку зданий для учебных заведений, квартирных денег профессорам. Как правило все доклады имеют автограф императора и только один всеподданнейший доклад был утвержден не сразу, а спустя два месяца – по настоянию дерптского попечителя Ф.И. Клингера (и стоявшего за ним профессора Паррота) министр был вынужден обратиться к царю с прошением об увеличении штатных расходов на училища прибалтийского округа. Понимая, что Александр благосклонно воспринимает просьбы дерптского профессора, но вместе с тем осознавая, что гимназии и уездные училища остальных российских округов окажутся в ущемленном положении, Завадовский подготовил «сравнительную ведомость о превосходстве сумм, требуемых на училища Дерптского округа, противу предполагаемых в других губерниях»[43]. Январский доклад остался без императорской резолюции, и только в марте 1804 г. Александр I высочайшим рескриптом одобрил выделение запрашиваемых средств[44].

Следующая группа источников – периодическая печать. Основным ведомственным журналом, выходившим с октября 1803 г., является «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения». Мысль о необходимости извещать «публику» о достижениях в области образования была высказана еще в Предварительных правилах народного просвещения[45]. За все годы его существования (1803–1819) было издано 44 номера журнала. Постепенно в нем появляется рубрикация: «Высочайшие постановления и рескрипты», «Разные известия», «Разные сочинения», но она была не

[43] РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–38 об.

[44] Там же. Л. 31–31 об.; Л. 51.

[45] Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. § 41 // Сборник постановлений… Стб. 20.

постоянной, внутренняя структура «Периодических сочинений» часто колебалась. В журнале публиковались правительственные распоряжения, уставы учебных заведений, тексты речей, произнесенных при открытии училищ, сведения о новых изобретениях, об издаваемых книгах, различные статьи («О Геттингенском университете», «Речь об изящных науках», «Историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии» и др.). Т.к. за издание «Периодических сочинений» отвечал член Главного Правления училищ Н.Я. Озерецковский, в нем фактически дублировалась информация из журналов Правления и отдельных бумаг, поступавших в департамент министерства[46]. В исследовании материалы «Периодических сочинений» используются в качестве дополнения к основным источникам. Хотелось бы обратить внимание на опубликованную в 23 номере за 1809 г. (нумерация журналов была сквозная) «Ведомость, составленную по последним донесениям, вступившим в Департамент Министерства народнаго просвещения о числе учебных заведений, в ведении сего Министерства состоящих, о числе в них учащих и учащихся и о числе учеников, по окончании учения из училищ выбывших в течении года»[47] – наличие этого документа свидетельствовало о том, что в департаменте министерства готовились материалы к ежегодному всеподданнейшему отчету министра за 1808 год, но до конца это дело доведено не было[48].

---

[46] Члены Главного Правления училищ единогласно одобрили предложенную Озерецковским структуру журнала: в первых статьях планировалось помещать «все Высочайшие узаконения и постановления для распространения в России просвещения Премудрым Всероссийским монархом Правительствующему Сенату данныя. Во-вторых, представить те средства и способы, кои Его Сиятельство министр просвещения и Главное Училищ Правление, соревнуя благодетельным намерением Его Императорского Величества, для учреждения училищ принимают. В-третьих, патриотическия чувствия частичных особ, обнаруженныя знатными пожертвованиями в пользу учебных заведений. И напоследок, в-четвертых, любопытныя и полезныя сочинения и переводы для чтения». Журнал Главного Правления училищ № 14 от 9 мая 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 64 об.–65.

[47] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 23. С. 264–335.

[48] Ни подлинника, ни черновика всеподданнейшего министерского отчета за 1808 г. в архивных документах нет.

Последняя группа источников в представленном исследовании включает в себя документы личного происхождения. Среди них важное место занимает переписка деятелей Министерства народного просвещения и близких к ним лиц.

Личных фондов министров гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского не сохранилось, имеющиеся частные бумаги периода их служебной деятельности в большинстве своем опубликованы. Интерес представляет обширная коллекция писем Завадовского к братьям графам А.Р. и С.Р. Воронцовым[49], напечатанная П. Бартеневым в одном из многочисленных томов архива князя Воронцова. Письма носят дружеский характер, в основном касаются вопросов внешней политики, поскольку эта тема живо интересовала как гр. Александра Романовича, первого министра иностранных дел и канцлера Российской империи, и гр. Семена Романовича, русского посла в Лондоне. Но темы, связанные с народным просвещением, также поднимаются в их письменных беседах. Завадовский прямо высказывает свое мнение о ситуации в министерстве, которое, как он считает, «сложено из стихий противоборствующих», несколько раз повторяет свою мысль о том, что он только зачинатель большого дела, развивать которое достанется уже его преемникам[50]. Но особо хотелось бы выделить два письма, написанные почти сразу после принятия университетского и училищного уставов и начала активного открытия и преобразования начальных и средних учебных заведений: в письме гр. С.Р. Воронцову от 15 декабря 1804 г. и в письме к его старшему брату от 3 января 1805 г. Завадовский, отвечая на их критику проводимой образовательной реформы, призывает обоих к терпению, оправдывает расходы, затрачиваемые на обеспечение школ, необходимостью

[49] Письма графа П.В. Завадовского к братьям графам Воронцовым (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 12. М., 1877. С. 1–310; Письма графа П.В. Завадовского к графу С.Р. Воронцову (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 24. М., 1880. С. 142–168.

[50] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 7 ноября 1802 г. // Архив князя Воронцова. Т. 12. М., 1877. С. 269; Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 11 апреля 1803 г. // Там же. С. 271–272.

развивать «общие училища», чтобы вскоре и в России появились свои профессора и учителя, а учебные заведения наполнились учащимися[51].

Определенную ценность представляют письма П.В. Завадовского гр. А.К. Разумовскому, написанные в тот период, когда последний был попечителем Московского учебного округа[52]. Тон писем также дружеский, хотя складывается впечатление, что министр постоянно оправдывался перед попечителем (даже тогда, когда просил принять меры в отношении директора Ярославских училищ и одного из визитаторов, появляющихся на публике в нетрезвом виде). Собеседников волновали различные вопросы, связанные с Московским университетом – посещение университета императором, похвальный отзыв о котором Завадовский передал попечителю, затягивающийся переезд в новое здание, подаренное высшей школе, покупка новых книг для библиотеки, перемены в сроке выбора ректора, на котором настаивал Разумовский. Публикация Васильчикова ценна еще и тем, что подлинники писем, которые были переданы ему правнуком А.К. Разумовского, киевским уездным и губернским предводителем Н.В. Репниным, не найдены. Это, конечно, далеко не вся переписка, например, одно из писем Завадовского Разумовскому, не вошедшее в указанную публикацию, было напечатано в 1896 г. в «Русской Старине» с подлинника, хранящегося в настоящее время в Отделе рукописей РНБ[53].

Упомянутый архив Н.В. Репнина стал основой для Васильчикова при написании биографических очерков о семье Разумовских. В приложении к своему труду он опубликовал не только бумаги Завадовского, но большой комплекс писем разных лиц к гр. А.К. Разумовскому, среди которых выделяются письма П.И. Голенищева-Кутузова, О.А. Поздеева и гр. Иосифа

---

[51] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 15 декабря 1804 г. // Там же. С. 291–292; Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.Р. Воронцову от 3 января 1805 г. // Там же. С. 294–295.

[52] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. Спб., 1880. С. 229–237.

[53] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.К. Разумовскому от 20 августа 1808 г. // ОР РНБ. Ф. 588. Д. 136. Л. 1–3. Опубликовано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 384.

(Жозефа) де Местра[54]. Если письма Завадовского датируются 1808–1809 гг., то письма П.И. Голенищева-Кутузова, сменившего графа на посту попечителя Московского учебного округа относятся ко времени начального периода министерства Разумовского (1810–1812 гг.), как и письма сардинского дипломата де Местра (июнь 1810 г.). И духовный наставник Разумовского Поздеев, и де Местр были масонами, старавшимися повлиять на политику в сфере народного просвещения в России через нового министра, которому они не стеснялись давать многочисленные советы по управлению вверенным ему министерством.

Важным источником для диссертационного исследования является опубликованная в 2023 г. переписка императора Александра I и профессора Георга Фридриха Паррота[55]. Профессор Дерптского университета практически с самого начала царствования Александра стал его близким другом, которому он на протяжении многих лет высказывал свои мысли по различным проблемам внутренней и внешней политики России. Переписка насчитывает свыше 180 писем Паррота за 1802–1825 гг. на французском языке, а также 28 собственноручных писем царя. Особое место в них отводилось реформам народного просвещения, в которых Паррот принимал непосредственное участие. Письма помогают более детально понять истоки появления в уставах российских университетах принципа автономии, горячим защитником которой являлся дерптский профессор, причины прекращения заседаний Комиссии об училищах в тот самый момент, когда обсуждение основных положений единой образовательной системы было в самом разгаре, восполняют ряд лакун в журналах Главного Правления училищ, а также демонстрируют довольно твердую позицию императора, который несмотря на настойчивость Паррота, переходящую иногда границы дружеского общения с венценосным собеседником, не стал ломать принципы недавно утвержденной

[54] *Васильчиков А.А.* Указ соч. С. 248–518.

[55] *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023.

школьной системы и вмешиваться в ход работы Министерства народного просвещения.

Еще один комплекс писем, опубликованный А.Ю. Андреевым, касается письменного общения Александра I с его учителем и главным наставником Фредериком-Сезаром Лагарпом[56]. Воспитатель царя оказался в Петербурге вскоре после вступления Александра на престол и за время его пребывания в России (с августа 1801 по май 1802 г.) вопрос о реформе народного образования занимал значительное место в посланиях к императору, а также в ответных письмах Александра I 1802–1803 гг.[57] Лагарп подготовил несколько развернутых записок, в которых настаивал на скорейшем учреждении особого департамента для проведения образовательной реформы, очертил сферу его деятельности. Хорошо известны негативные отзывы Лагарпа о работе екатерининской Комиссии об училищах, а также его нелестная характеристика первого министра народного просвещения. В исследовании предпринята попытка объяснить мотивы царя, связанные не только с этим назначением (Лагарп прямо и крайне негативно высказывался о безинициативности Завадовского), но и с желанием оправдаться перед своим другом и наставником, в письмах которому поддерживался подобный образ министра.

Дозволение писать непосредственно молодому императору удостоился и слободско-украинский помещик Василий Назарович Каразин, который решился весной 1801 г. в анонимном письме царю высказать ряд идей по различным аспектам государственной жизни страны[58]. Они вызвали неподдельный интерес у Александра I, приказавшего найти автора бумаги.

---

[56] Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014.

[57] *Андреев А.Ю.* Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России // Российская история. 2010. № 6. С. 40–46.

[58] Письмо В.Н. Каразина к Александру от 22 марта 1801 г. // Русская старина. 1871. № 7. С. 68–80. О сохранившихся копиях этого письма и о его публикациях см.: *Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012. С. 15–17.

После их знакомства Каразин, числясь по службе в Медицинской коллегии и занимаясь сбором архивной информации в Коллегии иностранных дел для «сочинения Российской истории», а также сбором материалов «к сочинению истории о введении и успехах врачебного искусства в России»[59], продолжал посылать императору свои записки различного содержания, в т.ч. и по вопросам народного просвещения. Используемые в исследовании бумаги В.Н. Каразина относятся к периоду его активной деятельности в Комитете 18 марта, Комиссии об училищах и Главном Правлении училищ. Должность правителя дел не давала особого права на высказывание своих предложений министру и членам Правления без их согласия, но Каразин, пользуясь правом писать лично царю, не раз обращался к Александру I напрямую, пытаясь повлиять на ход дел в министерстве. К тому же в это время возникли сложности с финансированием и хозяйственным обеспечением Харьковского университета, в учреждении которого Каразин принимал непосредственное участие. Особенно обращает на себя внимание письмо Каразина императору от 16 августа 1803 г., наполненное резкой критикой в адрес министра народного просвещения[60]. Отставка Каразина не охладила его интерес к образовательным реформам, о чем свидетельствует письмо к лейб-медику, члену Медико-хирургической академии О.И. Реману, в котором автор излагал свое мнение «о настоящем положении народного просвещения в России» и пояснял, «каких улучшений желал бы» он в нем[61]. Записки и письма Каразина в 1870-х гг. печатались в различных журналах, главным образом в «Русской старине», а в начале XX в. профессором Харьковского университета Д.И. Багалеем был предпринят труд по поиску и публикации произведений

[59] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина Н.Н. Бантыш-Каменскому от 31 мая 1800 г.; Письмо кн. А.Б. Куракина Н.Н. Бантыш-Каменскому от 15 октября 1801 г. // Московская иллюстрированная газета. 1892. № 307. С. 2.

[60] Письмо В.Н. Каразина императору Александру I от 16 августа 1803 г. // Русская старина. 1875. № 10. С. 273–278.

[61] Письмо В.Н. Каразина О.И. Реману от 1810 г. // Русская Старина. 1875. № 4. С. 750–758.

Каразина, который и до сегодняшнего дня остается самым обширным собранием его сочинений и писем[62].

В исследовании используются также и ряд мемуаров и воспоминаний, среди которых выделяются мемуары профессора Г.Ф. Паррота о его участии в разработке утвердительной грамоты Дерптского университета[63]. Кн. А. Чарторыйский делится своими мыслями о цели и результатах образовательной реформы в Виленском округе[64], его письмоводитель В.Г. Анастасевич – о его взаимоотношениях с В.Н. Каразиным[65]. Воспоминания об университетской жизни оставили И.Ф. Тимковский[66], К.Д. Роммель[67], Л. Якоб[68], М.П. Третьяков[69], Е.Ф. Тимковский[70]. Интересные заметки об учебе в уездном училище и гимназии принадлежат А.Д. Галахову[71].

Таким образом, источниковая база диссертации обладает достаточной полнотой и репрезентативностью и содержит разнообразные виды документов, позволяющих с различных сторон осветить деятельность Министерства народного просвещения в начале XIX в. Вводимое в научный оборот значительное количество делопроизводственной документации, в том

---

[62] *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910.

[63] *Bienemann F.* Der Dorpater Professor G.F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902. S. 145–169.

[64] Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

[65] *Анастасевич В.Г.* Записка о В.Н. Каразине // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 192–199.

[66] Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский Архив. 1874. № 6. С. 1377–1466.

[67] *Роммель К.Д.* Пять лет из истории Харьковского университета. Харьков, 1869. Новое, более полное издание воспоминаний на украинском языке с вступительной статьей и комментариями: *Роммель К.Д.* Спогади про моє життя та мій час. Харьків, 2001.

[68] Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвига Якоба // Харьковский историографический сборник. 2014. Вып. 13. С. 218–259.

[69] *Третьяков М.П.* Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова. 1799–1830 // Русская старина. 1892. № 7. С. 105–131; № 8. С. 307–345; № 9. С. 533–553.

[70] *Тимковский Е.Ф.* Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 60–64.

[71] *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999.

числе и считавшейся ранее утерянной, дает возможность раскрыть тему в тех аспектах, которые были заявлены в постановке проблем диссертации.

1.2. Обзор историографии[72]

В дореволюционный период процесс формирования и начального периода существования Министерства народного просвещения как правило изучался в рамках общих работ по истории александровского царствования, исследованиях по истории отечественного образования, а также отдельных трудах по университетскому вопросу, развитию средней и начальной школы.

Первое научное исследование реформ народного просвещения в России принадлежит профессору Петербургского университета М.И. Сухомлинову[73]. Именно он впервые обратился к архивным документам Министерства народного просвещения, ввел в научный оборот большое количество делопроизводственных материалов, в том числе журналы Комиссии об училищах, отдельные журналы Главного Правления училищ за 1803–1804 гг., то есть тех органов управления, которые сыграли важнейшую роль в разработке университетского устава 1804 г. Сухомлинов первым попытался проследить преемственность просветительских реформ Екатерины II и Александра I, показать связь между устройством народного воспитания во Франции (план Ж.А. Кондорсе), Польше (деятельность Эдукационной комиссии), Германии (устройство Лейпцигского, Геттингенского университетов) с образовательной системой России конца XVIII – начала XIX в.

Характеризуя деятельность первых сотрудников министерства, Сухомлинов особенно тепло отзывался о его министре: «Назначив

---

[72] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* История возникновения Министерства народного просвещения в отечественной историографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2015. № 4 (65). С. 58–69.

[73] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866.

Завадовского министром народного просвещения, государь сделал самый счастливый выбор. Памятником заслуг Завадовского в деле народного образования служит последовательный ряд зрело обдуманных и благотворных для народной жизни действий училищной комиссии и главного правления училищ. Время управления министерством Завадовского останется навсегда блестящею эпохою в истории народного просвещения в России»[74]. Такая характеристика неслучайна. Исследуя журналы Главного Правления училищ, Сухомлинов не мог не обратить внимания, что основным местом для обсуждения как основополагающих документов министерства, так и текущих дел был дом П.В. Завадовского, а сам министр принимал в заседаниях самое активное участие.

Также особый интерес для Сухомлинова представляли вопросы, связанные с учреждением и дальнейшей судьбой университетов и устройством цензуры, поскольку именно они, по мнению автора, были «самыми главными предметами, требовавшими наибольшей энергии со стороны министерства»[75]. Интересным, но все-таки ошибочным было указание Сухомлинова на И.И. Мартынова как автора названия нового министерства[76].

Сухомлинов также поддержал идею сотрудников министерства о необходимости для России университетов как основы для существования начальных школ. Полемизируя с российским историографом Н.М. Карамзиным, Сухомлинов подчеркнул, что заслуга творцов первой системы народного просвещения состояла в том, что «особенное внимание обращено было на университеты, как на рассадники преподавателей, без которых невозможны никакие училища», и что «несправедливо осуждают рановременное будто бы открытие университетов в России и мнимое

[74] Там же. С. 9.

[75] Там же. С. 31.

[76] Там же. С. 4.

пренебрежение низшими училищами, которыя должны бы служить самым прочным основанием народному просвещению»[77].

Краткую характеристику деятелей реформ народного просвещения – министра П.В. Завадовского, членов Главного Правления училищ – вслед за Сухомлиновым выполнил М.И. Богданович[78]. Подчеркнув важную роль императора в ходе реформы, автор отметил, что за первые восемь лет существования министерства было сделано больше, чем за все предшествовавшее столетие. Стоит отметить, что именно Богданович ввел в научный оборот протоколы Негласного комитета, которые были частично опубликованы в его труде[79].

Появление документов, связанных с деятельностью неофициального органа в начале царствования императора Александра I, положило начало новой историографической концепции, в которой исследователи главную заслугу в организации и первоначальном развитии Министерства народного просвещения стали отдавать членам Негласного комитета, а также воспитателю императора Ф.-С. Лагарпу. В первую очередь здесь следует назвать имена А.Н. Пыпина, Н.К. Шильдера и Н.Н. Булича.

«Главнейшей заслугой этого времени, самой благотворной и долговечной, были заботы о народном просвещении», – считал литературовед, академик Петербургской академии наук А.Н. Пыпин. «В этом случае основание отдельного министерства было благоприятной мерой. В новом министерстве началась усиленная деятельность, в которой приняли более или менее живое участие и сотрудники императора. В Главном Правлении училищ собрались достойные представители интересов образования, которые

---

[77] Там же. С. 117. Н.М. Карамзин считал, что «выписали профессоров, не приготовив учеников… Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 66.

[78] *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб., 1869. С. 139–152.

[79] Там же. Т. 1. Приложение. Извлечение из «заседаний Неофициального комитета». С. 38–91.

проводили в учреждения свою искреннюю любовь к просвещению и свои гуманные взгляды»[80]. Смещая акцент с делопроизводственных документов на опубликованные протоколы, особое внимание автор уделил деятельности Негласного комитета, приписав его членам заслугу по проведению реформы просвещения. «Этот кружок, – писал Пыпин, – был вообще естественным порождением умственной и нравственной жизни нашего общества»[81]. Именно в Негласном комитете шло обсуждение принципов реформы образования (предложение Строгановым французской системы), название будущего министерства также обсуждалось на его заседаниях. Постоянно восхваляя молодых друзей Александра I, академик самого императора резко критиковал, обвиняя его в полной некомпетентности в деле образования: «…для совершения задуманных предприятий у Александра не достало ни твердаго характера, ни прочно сознанных принципов»[82]. Вывод автора снова и снова обращал внимание на заслуги членов Негласного комитета: «…наибольшая доля в устройстве министерства и в его первой деятельности должна быть отдана друзьям Александра и ими выбранным людям»[83].

Н.К. Шильдер в своем четырехтомном труде почти не остановился на характеристике шагов правительства Александра I по становлению системы просвещения в России[84], но привел отрывок из письма Александра I Лагарпу[85] с критикой личности первого министра. Автор не стал критически

---

[80] *Пыпин А. Н.* Общественное движение при Александре I. СПб., 1885. С. 105. Первое издание опубликовано в 1871 г.

[81] Там же. С. 71.

[82] Там же. С. 42, 116.

[83] Там же. С. 106.

[84] *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897–1898. Автор повторил только уже упоминавшийся в литературе вывод, что «по Министерству народного просвещения в сравнительно короткое время было сделано чрезвычайно много. Видно, как велика была забота Александра 1 о народном просвещении» // Там же. Т. 2. С. 106.

[85] В 1871 г. ряд писем Александра I к Ф.С. Лагарпу были опубликованы.

анализировать высказанные царем негативные слова о Завадовском[86], которые надолго вошли в историографию и стали приводится в качестве доказательства ведущей роли «молодых друзей» в осуществлении образовательных реформ начала царствования Александра I.

Скептически первого министра оценил в своей работе и профессор Казанского университета Н.Н. Булич[87]. Его «Очерки» были изданы сыном уже после смерти отца в 1902–1905 гг., а спустя 10 лет переизданы. Отдав пальму первенства по разработке реформы народного просвещения членам «интимного кружка» Александра I[88], которые «понимали таким образом, в чем заключался главный недостаток русской жизни, и что мешало ее дальнейшему развитию»[89], Булич посчитал, что официальные биографы Завадовского «слишком много приписывают этому лицу в деле народного образования и слишком долго останавливаются на нем. Завадовский в ту пору был уже стар и после долгой и исполненной разных треволнений жизни, едва ли был способен к деятельности, требовавшей свежих сил»[90]. Император сделал его министром, но вовсе не по признанным заслугам его, а в угождение «старикам Екатерининским». Здесь Булич явно противопоставляет свое мнение положительным оценкам первых биографов Завадовского – И.И. Мартынова[91] и И.С. Листовского[92], а также лестной характеристике первого министра, высказанной М.И. Сухомлиновым.

---

[86] И только фраза Шильдера о том, что «к екатерининским деятелям юный император относился вообще крайне недружелюбно» может объяснить такой негативный отзыв о министре Завадовском // *Шильдер Н.К.* Император Александр I… Т. 2. С. 29.

[87] *Булич Н.Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. В 2 т. СПб., 1912.

[88] Автор характеризует образовательную реформу как самую полезную, самую долговечную и влиятельную меру, составляющую главную заслугу царствования императора Александра I // Там же. Т. 1. С. 32.

[89] Там же. С. 32.

[90] Там же. С. 34.

[91] *Мартынов И.И.* Биография графа П.В. Завадовского. СПб., 1831.

[92] *Листовский И. С.* Граф Петр Васильевич Завадовский // Русский архив. 1883. Вып. 3. С. 81–174.

Образовательные реформы, связанные с развитием высшей школы, затрагивали в своих статьях В.С. Иконников[93], П.И. Ферлюдин[94], Б.Б. Глинский[95] и В.Е. Якушкин[96]. Основное их внимание было уделено законодательству о высшем образовании в России и изучению университетских уставов, в результате чего была сформирована «либеральная концепция» истории университетского образования России. Увязав развитие университетов с общественной жизнью в России, в которой чередуются периоды «прогресса и реакции», Якушкин окончательно разделил университетские уставы на либеральные (1804, 1863), как имеющие широкую автономию, и консервативные (1835, 1884), этой автономии лишенные. Эта концепция, не объясняя суть университетской автономии и ее истоки, перешла в современной историографии и на характеристику школьных уставов.

Вопросами организации управления средними и начальными учебными заведениями со стороны министерства народного просвещения исследователи стали интересоваться еще в конце XIX – начале XX в. Среди значимых работ можно выделить труд Е.К. Шмида[97], библиотекаря департамента народного просвещения в 1872–1912 гг., который подробно проанализировал «Предварительные правила народного просвещения» и училищный устав 1804 г., привел некоторые статистические данные по количеству гимназий, обратил внимание на ряд министерских законопроектов для средних учебных заведений. По похожей схеме строилась работа И.А. Алешинцева[98]. Достоинства школьного устава по организации единой сети общеобразовательных учреждений, по декларированию принципа

[93]*Иконников В.С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9. С. 161–206; № 10. С. 492–550; № 11. С. 73–132.

[94]*Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894.

[95]*Глинский Б.Б.* Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 324–351.

[96]*Якушкин В.Е.* Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58.

[97] *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.

[98] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

всесословности в обучении, подчеркивались в работах Н.Я. Аристова[99] и А.В. Белявского[100]. История развития начальной школы нашла отражение в работах С.И. Миропольского, В.В. Григорьева, В.В. Каллаша и др.[101]

Крупнейшим дореволюционным специалистом в области народного просвещения следует признать С.В. Рождественского. Именно он, вслед за Сухомлиновым, особенное внимание обратил на делопроизводственную документацию Министерства народного просвещения. Его первая специально посвященная этой теме монография была написана к столетнему юбилею министерства и представляет собой исторический обзор его деятельности[102]. Кроме того, следует отметить и статью этого же автора по интересующему нас вопросу[103]. В своих работах Рождественский подчеркивал, что учреждение Министерства народного просвещения прямо отвечало потребностям государства. Проследив эволюцию представлений о системе образования в XVIII в. от сословно-профессиональной при Петре I до бессословной и всеобщей при Екатерине II, автор справедливо заметил, что к концу царствования Екатерины была разработана цельная система народного просвещения – от низших школ через средние к высшим. Однако основанная при Екатерине II Комиссия об учреждении народных училищ, создав прочную систему начального образования, так и не смогла стать прообразом министерства, поскольку «положение самой Комиссии как «Главного училищного правительства», было недостаточно устойчиво и определенно: во

---

[99] *Аристов Н.Я.* Состояние образования в России в царствование Александра I. Киев, 1879.

[100] *Белявский А.В.* Краткое обозрение истории гимназий в России. СПб., 1908.

[101] *Миропольский С.И.* Школа и государство. Обязательность обучения в России. (Исторический этюд). СПб., 1876; *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М., 1890; *Каллаш В.В.* Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902; Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов, под ред. проф. С.В. Рождественского. М., 1910; *Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И.* Народное образование в России. СПб., 1898.

[102] *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.

[103] *Рождественский С.В.* Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по уставам 1804 г. // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7. С. 5–46.

все время своего существования она имела характер скорее временного, чем постоянного учреждения, органически входившего в состав высшего государственного управления»[104]. Для создания системы общего образования требовался компетентный орган высшей администрации[105]. И естественно, вопрос о создании центрального органа управления народным образованием вышел на первый план.

На основе привлекаемых записок П.А. Строганова Рождественский восстановил ход обсуждения в Негласном комитете вопроса об учреждении Министерства народного просвещения. Используя архивные документы министерства, он обратил внимание на деятельность Комиссии об училищах и Главного Правления училищ по организации высшего, среднего и низшего образования. Но все-таки сам автор признавал, что его работа – это сжатый исторический обзор организации министерства и подведомственных ему организаций, который не дает полной и всесторонней картины их деятельности, не может претендовать на статус специального исследования, поскольку оно требует продолжительного изучения обширного делопроизводственного материала и введения новых архивных источников.

Спустя десять лет после написания «Исторического обзора» С.В. Рождественский приступил к изданию «Очерков по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках», которые должны были стать крупным концептуальным трудом петербургского профессора. К сожалению, автор не завершил начатое дело, выпустив только первый том, посвященный XVIII в.[106]

Таким образом, к началу XX в. в историографии сформировались основные тенденции изучения образовательных реформ александровского царствования. По-разному оценивая вклад гр. П.В. Завадовского в

---

[104] *Рождественский С.В.* Исторический обзор … С. 27.

[105] *Рождественский С.В.* Университетский вопрос … С. 33.

[106] *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

деятельность министерства, все исследователи отмечали важную роль Главного Правления училищ в разработке и формировании единой системы народного просвещения. Анализируя основные законодательные документы, принятые в первые годы царствования императора Александра I (Предварительные правила народного просвещения, университетский и училищный уставы), авторы по большей части не ставили перед собой задачу показать процесс разработки этих законопроектов. И только С.В. Рождественский, долгое время работавший с архивом департамента министерства и проанализировавший его основные делопроизводственные документы, смог выйти на новый уровень исследования.

По понятным причинам в послереволюционный период в научной литературе вопросам организации и начального существования Министерства народного просвещения уделялось гораздо меньше внимания. Только в 1940 г., при подготовке юбилейного выпуска ученых записок МГУ, коллективом московских профессоров была дана оценка первых мер правительства Александра I в области просвещения[107]. Сам замысел просветительской реформы авторами сборника был одобрен и признан прогрессивным, однако его воплощение на практике воспринималось критически: «Правительство не обеспечило проведение реформы достаточными денежными средствами; количество приходских и уездных училищ осталось ничтожным; низшие школы ютились в отвратительных помещениях; учителя занимали приниженное положение и не удовлетворяли самым скромным педагогическим требованиям»[108].

Серию юбилейных монографий продолжили работы, посвященные 150-летию открытия Харьковского и Казанского университетов[109] и 200-

[107] Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М., 1940. С. 25–39.

[108] Там же. С. 26.

[109] Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, 1955; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. Казань, 1930.

летнему юбилею Московского университета[110]. К сожалению, эти издания не только не расширили круг источниковой базы вопроса, но и, следуя советской концепции критики царского правительства, обвиняли Александра I и его помощников в намеренном отказе от реализации принятых постановлений[111]. Это мешало объективному освещению просветительской политики императора Александра.

С противоречивой оценкой либеральных реформ Александра I выступил советский историк А.В. Предтеченский[112]. С одной стороны, автор отметил, что просветительская политика Александра I имела второстепенное значение по сравнению с крестьянским вопросом, вопросами о Сенате, о министерствах, поскольку «мало сулила успеха… реальные последствия ее могли сказаться в таком отдаленном будущем, что не было смысла тратить на нее силы и время»[113]. Однако в заключении Предтеченский пришел к выводу, что политика Александра именно в области просвещения оказалась наиболее результативной, связывая это, правда, с тем, что образовательные реформы не затрагивали сложного комплекса проблем между помещиком и крестьянином. «Решения вопросов просвещения в либеральном духе не очень чувствительно затрагивало классовые интересы крепостников, как аграрно-крестьянская и политические реформы. Поэтому крепостническое дворянство в вопросах просветительной политики склонно было идти на большие уступки жизненным потребностям феодально-крепостнического государства, чем в какой-то другой области»[114]. Следует отметить, что в советский период никаких новых источников, связанных с вопросами просветительской политики первых лет царствования Александра I, введено не было.

---

[110] История Московского университета. Т. 1. М., 1955.

[111] Там же. С. 78.

[112] *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в I четверти XIX в. М., 1957.

[113] Там же. С. 180.

[114] Там же. С. 212.

Интерес исследователей к истории развития школьного образования возрастает с середины 1950-х гг., однако эти работы отличает явная идеологическая предвзятость: политика министерства подвергалась резкой критике и оценивалась крайне негативно[115]. Анализируя первый обобщающий труд советского периода, в котором освещалась история общего образования – «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первой половины XIX в.»[116], современные исследователи логично заметили, что «ученые советского периода руководствовались определяющей ролью объективного социально-экономического развития общества, которое порождало тенденции развития общего образования и ответные меры власти на этот процесс»[117]. Однако как раз в это время начинают появляться первые работы, затрагивающие вопросы, относящиеся к управлению университетами учебных заведений своего округа[118]: исследуются разные аспекты деятельности училищных комитетов, проблемы взаимоотношений университетского начальства и директоров училищ, инспекция школ (в том числе и отправление визитаторов).

---

[115] *Соколов А.В.* Из истории начального народного образования в России в первой четверти XIX века // Ученые записки Молотовского государственного педагогического института. 1947. Вып. 11. С. 157–170; *Струминский В.Я.* Начальная русская школа и ее теоретики в первой половине XIX века // Начальная школа. 1945. № 2–3. С. 37–43; № 4–5. С. 37–41; № 6. С. 41–49; *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80. Подробную историографию этой темы см.: *Днепров Э.Д.* Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики. 1918–1877. Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981.

[116] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973.

[117] *Козлова Г.Н., Овчинников А.В.* Историография взаимодействия власти и общества в развитии общего образования в России XIX–XX вв. [Электронный ресурс] / Г.Н. Козлова, А.В. Овчинников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 1: Пространство и время образования. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-1.2015.21.

[118] *Ткаченко А.М.* Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805–1835 гг. Харьков, 1957; *Шуртакова Т.В.* Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Казань, 1959.

Значительный интерес к изучению государственных образовательных реформ, вопросов управления образовательными системами всех уровней – от начальной до высшей, формируется в 1990–2000-х гг. Стоит отметить, что особый интерес у исследователей вызывает политика правительства, связанная с народным просвещением II половины XIX – начала XX в., но и более ранний период не обделен вниманием историков.

В монографии Г.Е. Павловой освещена организация научной деятельности и высшего образования в России в первой половине XIX в.[119] Автор исследовала систему правительственных мероприятий в области науки, проанализировала создание сети научных и учебных учреждений, подготовку кадров ученых. Высоко была оценена итоговая деятельность Комитета для рассмотрения уставов марта 1802 г., выработавшего Регламент Петербургской академии наук.

По мнению Павловой, успешная деятельность министерства в значительной степени объяснялась не заботой о нем правительства и не личностью первого министра (П.В. Завадовский – человек безынициативный, не способный руководить, считает автор), а составом членов Главного Правления училищ и департамента[120].

Специальное исследование архивных документов, касающихся начала деятельности Министерства народного просвещения предпринял М.А. Приходько[121]. Основной целью автора была систематизация всех редакций проекта Манифеста об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г., выявление и анализ особенностей этих редакций и публикация подлинных текстов этих источников. Были рассмотрены документы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургском институте истории Российской Академии наук и Российском государственном

---

[119] *Павлова Г.Е.* Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990.

[120] Там же. С. 46.

[121] *Приходько М.А.* Подготовка и разработка министерской реформы в России (февраль – сентябрь 1802 г.). М., 2002.

историческом архиве. Приходько обратил внимание на черновой проект Манифеста, в котором в качестве министра народного просвещения упомянут действительный тайный советник и сенатор граф Строганов[122], а его помощником – тайный советник князь Адам Чарторыйский.

Целью справочника «Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг.» являлось знакомство читателя с лицами, во многом определявшими и проводившими правительственную политику в области народного образования. В книге представлены краткие биографические сведения о наиболее видных руководителях министерства – министрах и их товарищах, членах Совета министра, Ученого комитета, Главного Правления училищ, редакторах «Журнала Министерства народного просвещения», попечителях учебных округов и их помощниках[123].

В диссертационных исследованиях В.А. Змеева[124], Г.В. Кукушкиной[125], Ю.Н. Мантрова[126], Е.В. Шилиной[127] предпринимается попытка проанализировать отдельные элементы государственной политики в области высшего образования, механизмы ее осуществления, достигнутые результаты. Акцентируется роль Министерства народного просвещения как образовательного штаба по руководству учебными заведениями различных типов на всей территории Российской империи и делается вывод о том, что успешная деятельность министерства и подчиненных ему организаций

---

[122] О.А. Любезников считает, что это А.С. Строганов, дядя Н.Н. Новосильцева, а не его двоюродный брат П.А. Строганов, как это считалось в историографии раньше (см.: *Любезников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис. … канд. истор. наук. СПб., 2013).

[123] Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг.: Справочник / Н.И. Дроздов, В.И. Федорченко. Красноярск, 2005.

[124] *Змеев В.А.* Развитие российской высшей школы XVIII – начало XX в.: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2001.

[125] *Кукушкина Г.В.* Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2003.

[126] *Мантров Ю.Н.* Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века: дис. ... канд. истор. наук. М., 2007.

[127] *Шилина Е.В.* Развитие образования в России в XIX веке: дис. ... канд. истор. наук. М., 2008.

способствовала изменению социальной структуры российского общества и повышению престижа учебных заведений среди населения[128]. М.П. Войтеховская[129] реконструирует историю формирования российской государственной системы общего и педагогического образования как составную часть процесса модернизации Российской империи, начиная с создания императрицей Екатериной II Комиссии об учреждении народных училищ и заканчивая процессом государственного реформирования общего образования начала XX в. Образовательную политику Екатерины II детально разбирает в своих работах Л.М. Артамонова[130]. Вопросы государственного управления образованием затрагиваются не только в исторических, но и в педагогических, политических и др. исследованиях[131]. Однако стоит отметить, что в основном исследователи опираются на материал, собранный и проанализированный еще в начале XX в., далеко не уходя от выводов, сделанных дореволюционной историографией.

Так, либеральную концепцию развития университетского образования в России ряд современных исследователей пытается перенести и на школьное образование[132]. Наиболее ярко это выражено в докторской диссертации и

---

[128] *Змеев В.А.* Министерство народного просвещения… С. 211.

[129] *Войтеховская М.П.* Политика реформ и общественные инициативы в развитии российской системы общего образования в XIX – начале XX вв. Томск, 2011–2012; *Она же*. История формирования и развития системы общего и педагогического образования как составной части процесса модернизации Российской империи: дис. ... докт. истор. наук. Томск, 2012.

[130] *Артамонова Л.М.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113; *Она же.* Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Юго-восточные губернии Европейской России: дис. ... д-ра истор. наук. Самара, 2002.

[131] *Федорова Н.М.* Становление государственно-общественного управления школьным образованием в России: дис. … д-ра пед. наук. СПб., 2010; *Гончаров М.А.* Государственно-общественное управление педагогическим образованием в России XVIII – начале XX в. М., 2013; *Он же.* Становление и развитие государственно-общественного управления педагогическим образованием в России в XVIII – начале XX века: дис. д-ра пед. наук. М., 2014; *Артемкин А.Н.* Концепции и проекты образовательной политики в России (XIX – начало XX вв.): дис… канд. политич. наук. М., 2018.

[132] *Пряникова В.Г., Равкин З.И.* История образования и педагогической мысли. М., 1994; *Днепров Э.Д.* Современная школьная реформа в России. М., 1998; *Липник В.Н.* Школьные реформы в России: очерк истории. СПб., 2000; *Богуславский М.В.* Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный

монографии Т.Ф. Филоненко.[133] Автор представляет историю отечественной школы как процесс поэтапного чередования школьных систем, становившихся результатом реформ и контрреформ в области народного образования, проводившихся в обстановке сложного взаимодействия государства и общества. По аналогии Филоненко делит российские образовательные реформы на прогрессивные (или демократические), связанные с воплощением в жизнь школьных уставов 1804 и 1864 гг. и консервативные, разрушающие единство школьной системы, проводимые параллельно с общими изменениями внутренней политики императоров Николая I и Александра III. Чередование школьных систем автор связывает с общим процессом социально-политического, социально-экономического и социокультурного развития России, не углубляясь в конкретные детали разработки и обсуждения уставов для средней и начальной школы.

Часто в современных общих работах, характеризующих появление или развитие первой системы народного просвещения, дается лишь анализ уже разработанных Министерством народного просвещения законопроектов, таких как Предварительные правила народного просвещения и училищный устав 1804 г., и приводятся статистические данные по количеству уездных училищ и гимназий, взятые из дореволюционных исследований[134]. Е.К. Сысоева смогла углубить этот подход, проанализировав не только уставные документы, но и стараясь показать промежуточные результаты образовательной реформы. Так, в ее монографии появляется параграф,

---

проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–21; *Он же.* Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX–XX вв. // Образование и общество. 2008. № 5. С. 9–18; *Он же.* Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы современного образования. 2010. № 1. С. 33–44.

[133] *Филоненко Т.В.* Этапы развития общеобразовательной школы в России: школьные системы XIX – первой трети XX вв.: дис. ... д-ра истор. наук. Воронеж. 2004; *Она же.* Реформы и контрреформы: история школьных систем России XIX – первой четверти XX века. Воронеж, 2004.

[134] Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001; *Любжин А.И.* История русской школы императорской эпохи. В 3 т. Том I. Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М., 2014; Кн. 2. М., 2014. Том II. Русская школа XIX столетия. Кн. 1. М., 2015. Кн. 2. М., 2016. Кн. 3. М., 2018.

связанный с институтом визитаторства (только в основном на примере Московского учебного округа)[135].

На качественно ином уровне выполнено исследование немецкого ученого Яна Кузбера, который раскрывает процесс зарождения светского образования в России в XVIII – первой половине XIX в.[136] Особое внимание в монографии уделено проектам и законодательным основам екатерининской школы: от Уложенной комиссии до организации Комиссии об учреждении народных училищ, а также вопросам реализации училищного устава 1804 г. Автор акцентирует свой интерес не только на разработке тех или иных образовательных реформ, но и на их восприятии обществом, на общественных дискуссиях, на реконструкции образовательного дискурса. Кузбер отмечает, что к положительному восприятию светских учебных заведений общество пришло постепенно, но именно в результате реформы 1803–1804 гг. Конечно, в разных регионах адаптация к школе как месту получения образования проходила по-разному, это во-многом зависело от местных условий. И здесь значительную роль сыграли те профессора и адъюнкты, которые объезжали страну в качестве визитаторов. В монографии сделана попытка охарактеризовать деятельность училищных комитетов во всех учебных округах, но источников, используемых автором явно недостаточно для глубокого анализа этой работы.

Качественно новый этап в изучении начального периода деятельности Министерства народного просвещения связан с появлением большого количества работ современных исследователей по университетской тематике. В 2002–2003 гг. увидел свет четырехтомный фундаментальный труд доктора исторических наук Ф.А. Петрова[137], в котором автор уделил особое внимание

---

[135] *Сысоева Е.К.* Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М., 2015.

[136] *Кузбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018.

[137] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002; Т. 2: Становление системы университетского образования в России

процессу зарождения системы университетского образования в России, в связи с чем не мог не затронуть и историю создания министерства. И это неслучайно. Университетская реформа была тесно связана с общей реорганизацией государственного аппарата Российской империи[138].

Используя наработанный опыт исследователей предшествующего времени, особенно Сухомлинова и Рождественского, а также большое количество архивных материалов из фондов Российского государственного исторического архива, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Петров подробно разобрал просветительские идеи молодых друзей Александра I – П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцева, кн. А.А. Чарторыйского, В.Н. Каразина, а также предложения опытных сотрудников – М.Н. Муравьева, Н.И. Фуса, Ф.И. Янковича де Мириево. Были проанализированы важнейшие документы, принятые министерством, – Предварительные правила народного просвещения, определившие принципы будущей университетской реформы, и университетский Устав 1804 г., регламентировавший внутреннюю организацию и распорядок учебного процесса в университетах. Однако ряд нерешенных и спорных вопросов все же остался. Необходимо было проследить деятельность созданного 18 марта 1802 г. Комитета по рассмотрению устава ученых заведений, проанализировать работу Комиссии об училищах, которой был дан наказ императора об организации учебных округов во главе с университетами, т.е. фактически поставлена задача составления общего плана со структурой и организацией управления образовательными учреждениями. И хотя в монографии были исследованы различные проекты, которые легли в основу «Предварительных правил» и университетского Устава 1804 г., окончательного решения об авторстве вышеуказанных документов принято не

в первые десятилетия XIX века. М., 2002; Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003; Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

[138] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. С. 133.

было. Дискуссионным оставался и вопрос об истоках университетской автономии в России[139].

На эти вопросы смог ответить исследователь истории европейских и российских университетов XVIII – первой половины XIX в. профессор А.Ю. Андреев. Заслугой автора следует признать проведенный подробный анализ различных моделей европейских университетов и включение отечественных университетов в общеевропейский контекст развития университетских реформ[140]. Автору удалось убедительно показать, что в основе министерской реформы начала XIX в. лежали различные исходные образовательные модели, часто с противоположными принципами[141].

Труды Андреева также содержат новый архивный материал. При подготовке монографии о Московском университете в Государственном архиве Российской Федерации был обнаружен итоговый доклад Комитета по рассмотрению устава ученых заведений, написанный в августе 1802 г.[142] Впервые были проанализированы журналы Комиссии об училищах, опубликованные еще в 1897 г. сотрудниками архива Министерства народного просвещения[143]. Именно А.Ю. Андреев ликвидировал историографический пробел, который возник из-за отсутствия материалов деятельности Комиссии об училищах, начиная с 22 октября 1802 г. и до 24 января 1803 г., когда упомянутая Комиссия была преобразована в Главное Правление училищ, доказав, что ведущую роль в документальном оформлении принципов

---

[139] Ф.А. Петров считает, что впервые в России принципы университетской автономии были разработаны в проекте О.П. Козодавлева в 1787 г., однако не все исследователи с ним согласны (см.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. С. 128).

[140] *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

[141] Об отношении Министерства народного просвещения к немецким университетам в первой половине XIX в. см.: *Андреев А.Ю.* Гумбольдт в России: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Российская история. 2004. № 2. С. 37–55.

[142] *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 257–269.

[143] *Андреев А.Ю.* Российские университеты … С. 373–381.

автономии в России сыграл получивший большое влияние на императора Александра I профессор Дерптского университета Г.Ф. Паррот[144]. Причем сам Александр, скорее всего, не желал вводить средневековый принцип автономии, закрепляющий сословную структуру общества, а хотел, следуя либеральным идеалам равенства прав всех подданных, закрепить государственное присутствие в сфере высшего образования[145].

Однако вопрос об авторстве общего и окончательного текстов университетского Устава 1804 г. остался открытым. Долгое время его автором считали В.Н. Каразина, правителя дел Комиссии об училищах и Главного Правления училищ в 1802–1804 гг., но в связи с появлением новых архивных материалов от этого тезиса следует отказаться[146]. Вне научного интереса автора осталась и политика министерства по разработке системы среднего и начального образования.

Петербургская исследовательница Т.Н. Жуковская в статьях о начальном периоде университетской истории отмечает некоторые особенности в деятельности Министерства народного просвещения. Так, обращая внимание на минимальное участие Александра I в делах Комиссии об училищах и Главном Правлении училищ, Жуковская делает акцент на то, что личное покровительство императора часто решало судьбу тех или иных проектов[147], приводя в пример доверительные отношения между Александром и Каразиным, Парротом, Муравьевым. Используя бумаги Новосильцева, хранящиеся в Санкт-Петербургском архиве института истории Российской

---

[144] *Андреев А.Ю.* Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6.

[145] Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012.

[146] *Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012. С. 52–73.

[147] *Жуковская Т.Н.* «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: Исследования, историография, источники. СПб., 2009.

академии наук, Жуковская еще раз подчеркнула вклад «молодых друзей» императора Александра в создание Министерства народного просвещения[148]. В черновиках Новосильцева исследовательница обратила внимание на то, что Санкт-Петербург как столица университетского округа был утвержден далеко не сразу, одним из возможных городов для основания университета был назван Новгород. Интересно замечание о нежелании Новосильцева открывать университет в Санкт-Петербурге. Эта позиция, по мнению Жуковской, «в значительной степени определила тот факт, что за учреждением в Петербурге Педагогического института не последовало его превращения в полноценный университет. Наоборот, в 1811–1816 гг. он последовательно трансформируется в высшую педагогическую школу, сочетающую черты общероссийского центра подготовки учителей и ″профессорского института″»[149]. Автор также подчеркнула, что именно благодаря существованию Главного Правления училищ в структуре Министерства народного просвещения только в упомянутом министерстве сохранялись черты коллегиальности в обсуждении и принятии решений[150].

В последнее время стало появляться все больше исследований, авторы которых обращают внимание на систему управления училищами округа со стороны высшего учебного заведения: так, специфику управления училищами Санкт-Петербургского учебного округа приводят в своих работах Т.Н.

---

[148] *Жуковская Т.Н.* Просветительские проекты «молодых друзей» и создание Министерства народного просвещения (1802) // Власть, общество, армия: Сб. научных статей. СПб., 2013.

[149] Там же. С. 189. См. также: *Жуковская Т.Н.* Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. 2013. № 10 (82).

[150] *Жуковская Т.Н.* Просветительские проекты … С. 191.

Жуковская и Е.А. Калинина[151], Московского учебного округа – А.Г. Ершов и Д.А. Захаратос[152].

Интерес к локальной истории способствует росту интереса к изучению образовательной политики государства и истории становления системы народного просвещения в отдельных регионах Российской империи. Исследователи стараются выявить определенную специфику в развитии учебных заведений, проанализировать отношение местной власти к школьному делу. Часто в таких трудах используются неопубликованные документы региональных архивов, что значительно обогащает исследование. Можно выделить работы, затрагивающие вопросы народного просвещения в центральных регионах Российской империи[153], в Чувашском крае[154], на

---

[151] *Калинина Е.А.* Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX в.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 74–88; *Жуковская Т.Н., Калинина Е.А.* «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 22–32; *Жуковская Т.Н., Калинина Е.А., Казакова К.С.* Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 2 (16). С. 77–92.

[152] *Ершов А.Г.* Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России (1755 – середина XIX века): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2003; *Захаратос Д.А.* Московский учебный округ в 1804–1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров: дис. … канд. истор. наук. М., 2003.

[153] *Оторочкина А.Е.* Народное образование в губерниях Верхней Волги в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; *Костюкова А.В.* Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период: дис. … канд. истор. наук. СПб., 2005; *Косинов В.Н.* Становление и развитие гимназического образования в губерниях Черноземного центра России: XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2006; *Иерусалимская С.Ю.* Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2016.

[154] *Иванова И.П.* Становление и развитие системы начального образования в Чувашском крае в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2006; *Арсентьева А.В., Петрянкина А.П.* История создания и основные этапы развития городских училищ Чувашского края // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 11–17; *Зуева М.А.* Становление школьного образования на территории Чувашии (вторая половина XVIII – начало XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2016.

Урале[155], Восточной и Западной Сибири[156], в южных регионах страны[157], на Севере России[158].

Итак, обзор историографии показал, что история отечественного образования продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Анализ работ отечественных историков по вопросу возникновения Министерства народного просвещения дал возможность проследить этапы изучения в историографии политики Александра I в области образования, процесс зарождения и начального периода существования нового органа, призванного создать систему образовательных учреждений в Российской империи. Отмечен значительный интерес к вопросам развития высших и средних

---

[155] *Егорова М.В.* Развитие системы среднего образования на Урале (1808 – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра истор. наук. М., 2009.

[156] *Кузнецова М.В.* Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX веков. Иркутск, 2011; *Мамкина И.Н.* Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 74–82; *Она же.* Формирование системы общего образования в Якутской области в XIX – начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 9–18; *Блинов А.В.* Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра истор. наук. Барнаул, 2019; *Гаращенко А.Н., Гаращенко Л.В.* Развитие сети казенных общеобразовательных учреждений в Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 175–187; *Мамкина И.Н.* Особенности управления учебными заведениями Восточной Сибири в первой половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 2. С. 22–31.

[157] *Давитлидзе Г.Г.* Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2007; *Громова Н.Ф.* Из истории создания в Крыму в первой половине XIX в. сети государственных начальных учебных заведений // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3. Ч. 2. С. 6–10; *Гречко С.Ю.* Народное образование в Усть-Медведицком округе Области Войска Донского (1802–1928): дис. … канд. истор. наук. Волгоград, 2019.

[158] *Буторина Т.С., Кабринская С.И.* Состояние образования на территории Архангельской губернии в первой четверти XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. № 4. С. 245–248; *Кабринская Н.И.* Исторический опыт взаимодействия государства и общества в области образования в Архангельской губернии в первой четверти XIX в. // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 16. С. 290–294; *Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: дис. … д-ра истор. наук. М., 2018.

учебных заведений. Однако многие проблемы, связанные с первоначальным периодом формирования единой системы народного просвещения, изучены еще недостаточно. Так, в историографии сохраняется ряд спорных и открытых вопросов: об авторстве ключевых документов министерства (в т.ч. и университетского Устава 1804 г.), роли каждого из членов Главного Правления училищ в их разработке, степени реального вклада министров гр. П.В. Завадовского и гр. А.К. Разумовского в становление системы народного просвещения. Отсутствуют обобщающие работы, раскрывающие процесс формирования сети средних и начальных училищ на всей территории Российской империи. Государственная политика в отношении начального образования во всех шести учебных округах нуждается в дополнительном изучении. Таким образом, можно констатировать, что обширность поставленного вопроса не позволяет говорить о полном раскрытии темы, которая требует дальнейших исследований.

ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

2.1. Образовательные реформы в странах Западной Европы во второй половине XVIII – начале XIX века

Становление нового философского взгляда на человека в эпоху Просвещения открыло совершенно новые перспективы в сфере образования. «Конструктивная часть общепросветительской программы была связана с фундаментальной идеей национального образования, понимаемого не как беспорядочное соединение учебных модулей, а как общественный долг. Впервые школа признавалась инструментом реализации морального единства нации, объединяющим разрозненных индивидов. Впервые государству – и только ему – отводилась руководящая роль в этой важнейшей сфере общественной жизни»[159]. Педагогическая литература середины XVIII в. формулировала обширные проекты учебных реформ и различные планы публичного воспитания и образования. А государственная власть, по мысли просветителей, была обязана взять в свои руки область народного просвещения и создать на основании этих идей соответствующее законодательство, регулирующее наличие и последовательность прохождения всех ступеней образования[160].

Первым документом, где четко формулировался принцип обязательности посещения школы всеми детьми, был Веймарский школьный устав 1619 г. Этот же принцип содержался и в школьном законе для герцогства Готского от 1642 г. В Пруссии об обязательном обучении детей в возрасте от 5 до 12 лет

---

[159] *Роджеро М.* Воспитание // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 250.

[160] Можно дополнить эту мысль еще и тем, что просветительские педагогические проекты наполнялись конкретным содержанием в первую очередь в тех странах, где у власти находились монархи-реформаторы. Такое государство заботилось о благополучии подданных, о развитии образования и науки. Важным фактором реформ было также существование прослойки компетентных чиновников // Там же. С. 253.

впервые говорилось в эдикте от 28 сентября 1717 г., по которому было открыто 2 тысячи новых школ и установлена плата за обучение[161]. Но наиболее полный и подробный закон, ставший основным школьным регламентом прусской монархии по народному образованию (General-Land-Schul-Reglement), был обнародован королем Фридрихом Великим 12 августа 1763 г. В его составлении принимал участие основатель берлинской учительской семинарии Иоганн Юлий Геккер. Устав определял обязательность обучения, регламентировал последовательность учебных предметов и время их изучения, предусматривал использование в школах определенных учебных книг. Государство не финансировало начальные школы, поэтому расходы на постройку и ремонт школьных зданий, приобретение учебников и учебных пособий, оплату жалования учителям ложились на родителей учеников. Регламент устанавливал штрафы для родителей, дети которых не посещали школу и вверял надзор за ними духовным властям[162]. Но как отмечают исследователи, по недостатку денежных средств и по множеству других государственных военных и политических задач этот закон почти не был приведен в исполнение ни в царствование Фридриха Великого, ни в царствование Фридриха-Вильгельма II (Уложение 1794 г.[163]). Кроме того, возникли большие недоразумения между протестантами и католиками по вопросу о надзоре за школами, между крестьянами – по поводу платы за

---

[161] *Пискунов А.И.* Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII – начала XIX в. М., 1960. С. 13–14.

[162] *Левассер П.-Э.* Народное образование в цивилизованных странах. Т. 1. СПб., 1898. С. 85–86. А.И. Пискунов подчеркивает, что если раньше духовенство контролировало школу и не давало отчета в своей деятельности в области народного образования, то по Регламенту 1763 г. это становилось его служебной обязанностью, невыполнение которой влекло за собой отстранение от должности // *Пискунов А.И.* Указ соч. С. 18.

[163] Принятым в 1794 г. «Общим уложением о школах» все учебные заведения объявлялись государственными и подконтрольными специально созданным для этой цели органам власти // *Сюбарева И.Ф.* Из истории развития законодательства о народном образовании в Пруссии (XVIII – XIX вв.) // История государства и права. 2005. № 4. С. 3.

учение, и повсеместно – вследствие недостаточности учительского жалования[164].

Отдельные сословные школы продолжали существовать для детей городских жителей, буржуазии, дворянства. Для тех, кто хотел заниматься наукой, предназначались латинские школы, где изучали древние языки и философию. В конце XVIII в. в учебный план этих школ стали включаться новые языки, история, больше внимания уделялось точным и естественным наукам. В середине века стали открываться реальные школы, где упор делали на механику, математику, архитектуру, историю, географию, а также языки – французский, немецкий и латынь.

В правление Фридриха-Вильгельма III в Пруссии была предпринята попытка сосредоточить управление образовательными учреждениями в рамках «Высшего Совета образования» (Oberschul-Collegium), который в 1808 г. был заменен специальным отделом Министерства внутренних дел, руководящим общественным образованием (другой отдел управлял духовными делами). Первый отдел контролировал все учебные заведения, за исключением военных, земледельческих и ремесленных училищ; все высшие ученые и художественные учреждения; все учреждения, имеющие влияние на общественное образование (например, театры), а также следил за цензурой сочинений неполитического содержания. В 1810 г. обе отрасли были слиты в одно отделение духовных дел и народного просвещения[165].

Обширные образовательные реформы во второй половине XVIII в. были проведены на территории Австрийской монархии. Императрица Мария Терезия и ее сын Иосиф II, руководствуясь в общих принципах идеями Просвещения, во время своего правления пытались осуществить масштабный политический план по модернизации и унификации государственных учреждений и административного аппарата, одной из составных частей

---

[164] *Левассер П.-Э.* Указ соч. С. 86.

[165] *Танеев С.А.* Очерк народно-учебного устройства в королевствах Прусском и Саксонском. Лейпциг, 1862. С. 2.

которого было преобразование образовательного строя империи от университетов до начальной школы.

Реформирование началось с «модернизации» Венского университета – был обновлен учебный план медицинского, а затем и других факультетов, контроль за финансами передан государственному чиновнику, университет был лишен права цензуры, во главе каждого факультета поставлен назначаемый верховной властью директор. Эти изменения коснулись и высших школ остальных провинций, что серьезно подорвало влияние иезуитов, под контролем которых находилось образование в землях габсбургской короны[166].

В 1760 г. в Австрийской монархии был создан единый орган управления народным образованием – придворная училищная Комиссия. После роспуска ордена иезуитов в 1773 г., Мария Терезия официально обратилась к Фридриху II с просьбой отпустить в Вену августинского аббата Иоганна Игнаца фон Фельбигера. Еще в 1763 г. Фебильгер, взяв за образец Геккеровы учебные заведения в Берлине, разработал для католических школ прусской Силезии Генеральный земский школьный регламент, оказавшийся весьма удачным[167]. При его содействии в Вене в 1774 г. был издан «Общий школьный устав» («Allgemeine Schulordnung»), предусматривавший открытие сети «нормальных», «главных» и «тривиальных» народных школ. Учебные планы одно-двухклассных сельских «тривиальных» школ состояли из изучения трех дисциплин («тривия»), лежащих в основе школьного обучения – чтения, письма и счета, а также катехизиса. В городских главных школах эти предметы дополнялись основами латыни, географии, истории, естествознания, геометрии, рисования, в нормальных школах, расположенных в центрах провинций, учились по расширенному варианту программ главных школ,

---

[166] Подробнее об университетских реформах на территории габсбургских земель см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 285–302.

[167] *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007. С. 199.

языком обучения был немецкий. Окончившие третий класс нормальной школы имели право поступления в среднюю школу – гимназию. По всем учебным предметам были изданы руководства и конспекты. Содержание школы и учителей возлагалось на общины, приходы и помещиков[168]. В каждой провинции учреждалась учительская семинария для управления всеми начальными училищами провинции, а центральный орган управления образованием находился в Вене.

Реформирование средней школы началось в 1752 г., когда учебным заведениям был дан обновленный учебный план, включавший немецкий язык и реальные науки и поставивший эти училища под контроль государства. После передачи имущества иезуитских коллегий в казну, часть средств была направлена на поднятие уровня в том числе и новых школ. Учебный план 1775 г. регламентировал несколько ступеней среднего образования. Латинские школы состояли из пяти классов – трех грамматических и двух гуманитарных, в них изучали Закон Божий, латынь, риторику, основы греческого языка, историю, мифологию, географию, математику, естественные науки. Задача латинской школы оставалась прежней – подготовка чиновников для государственной службы.

Была официально утверждена и следующая, так называемая после-средняя ступень образования, промежуточная между средней и высшей школой – 2-х летний курс философии, дававший необходимую подготовку для продолжения образования в университете[169]. Похожие преобразования были проведены и в Баварии королем Максимилианом Иосифом: они начались с Ингольштадтского университета (1752 г.) и распространились вслед затем на средние и низшие школы[170].

---

[168] *Кузьмин М.Н.* Народное образование в чешских землях Австрийской империи конце XVIII – начале XX вв. и национальная политика Габсбургов // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968. С. 199.

[169] Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. 2. (XVIII–XX вв.). Экспериментальное учебное пособие. М., 1989. С. 26.

[170] *Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908. С. 164.

Иосиф II составил свой план реформ в области образования. Император считал, что каждый гражданин, независимо от национальности, имеет право получить начальное образование. Причем, в отличие от школьной реформы Марии Терезии, не предусматривавшей социальной мобильности, преобразования Иосифа II предполагали создание системы всесословного образования[171]. Стремясь сделать образование более соответствующим нуждам государства, император настоял на введении с 1784 г. в лицеях и университетах немецкого языка в качестве основного языка преподавания вместо традиционной латыни. Проводя курс жесткой экономии денежных средств, Иосиф II предложил сократить количество средних и высших учебных заведений, считая, что начальное образование должны получать максимальное количество людей, доступ в средние школы должен быть затруднен, и еще более ограничено обучение в университетах, в которых могут учиться только наиболее талантливые юноши[172]. В царствование Леопольда II был сделан определенный отход от прежних реформ.

Для Речи Посполитой в последней трети XVIII в. реформа образовательной системы, которая около двух столетий находилась в ведении ордена иезуитов, была одним из способов предотвращения распада государства и интеллектуального возрождения шляхты. После ликвидации ордена, задача реформирования образования была возложена на Эдукационную комиссию (Komisja nad Edukacją Młodzi Szlacheckiej Dozór Mająca) – государственный орган, имевший право определять направления учебной и воспитательной деятельности, разрабатывать образовательные документы, руководить школами, распределять финансирование, готовить учебники и учебные пособия. В подчинение Комиссии были переданы не

[171] *Петрова М.А.* Йозефинизм и проблемы религиозного образования в Австрийской монархии (последняя четверть XVIII в.) // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2009. С. 101–103.

[172] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 296–297.

только иезуитские школы, но и все остальные школы Речи Посполитой[173]. Первоначальный состав Комиссии включал восемь человек – четыре сенатора и четыре депутата, представлявшие Королевство Польское и Великое княжество Литовское, позднее их число было увеличено до 12. Членами Комиссии были Гуго Коллонтай, Иероним Стройновский, Тадеуш Чацкий, Адам Казимир Чарторыйский, Михаил Ежи Понятовский и др.

Исследователи подчеркивают, что на деятельность Эдукационной комиссии, без сомнения, влияли просветительские реформы, проводимые в разных странах Европы, но главной ее задачей было создание такой системы гражданского воспитания, которая была способна «изменить менталитет польской шляхты и сформировать у нее понимание необходимости проведения глубоких политических реформ, важных для спасения государственной независимости страны»[174].

Устав Эдукационной комиссии, принятый в 1783 г. вверял ей высшее управление учебными заведениями всех уровней: главных школ (Краковской и Виленской академий), окружных (Szkoly wydzialowe) и подокружных (Szkoly podwydzialowe) школ, а также приходских училищ. Краковская академия стала главной школой Короны, в подчинении которой находились все учебные заведения Речи Посполитой, Виленская академия осуществляла контроль над всеми школами, расположенными на восточных территориях Польши.

Вся территория Речи Посполитой разделялись на округа, в каждом округе должна была находится шестиклассная окружная и несколько трехклассных подокружных школ. В учебные планы этих училищ были включены ботаника, зоология, сельское хозяйство, минералогия, химия, физика, механика. Иерархическое подчинение школ выражалось в том, что все учебные заведения посылали отчеты о своей деятельности в главную школу, которая

---

[173] *Савина А.К.* Национальные традиции и исторические особенности развития образования в Польше (XI – начало XX вв.) // Историко-педагогический журнал. 2012. № 2. С. 128.

[174] Там же. С. 128.

ими руководила, готовила учителей и отправляла для осмотра визитаторов. Надзор за приходскими училищами был возложен на ректоров окружных школ. Эта система оказалась востребованной другими странами и после прекращения деятельности Комиссии в связи с ликвидацией польского государства в 1795 г., мысль о слиянии высших школ с учебными округами и наделение училищ высшей ступени правом контроля за училищами низшей ступени позже была перенесена во Францию, а затем и в Россию.

Образовательные учреждения во Франции, включавшие в себя в основном начальные школы, колледжи и университеты, до революции находились под контролем католической церкви. Первые предложения по созданию единой системы, состоящей из четырех последовательных ступеней образования, была высказана Ш.М. Талейраном Учредительному собранию в 1791 г. Начальные школы, по мысли Талейрана, должны быть открыты для всех и бесплатны; средние семилетние школы, расположенные в центрах департаментов, предлагали изучение классических языков, логики, физики и математики; специальные учебные заведения по главным городам страны имели профессиональную направленность (медицинские, военные, юридические, богословские), а вершиной образовательной системы должен был стать Национальный институт в Париже[175]. Проект Талейрана принят не был, но Учредительное собрание включило в Конституцию 1791 г. один из важнейших его пунктов: «Пусть будет создано и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное по отношению к предметам образования, необходимым для всех людей»[176].

В 1792 г. свой проект общей организации образования предложил глава Комитета народного образования Ж.-А.-Н. Кондорсе. В литературе не раз отмечалось, что этот доклад оказался наиболее полным и систематичным из

---

[175] *Пискунова Е.П.* Создание университетской системы во Франции в правление Наполеона I: цели и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 8–26.

[176] Педагогические идеи Великой французской революции. М., 1926. С. 28–29.

всех предложений, созданных в эпоху Конвента, хоть он и не воплотился на практике[177].

Кондорсе предложил пять бесплатных ступеней образования: первоначальные четырехлетние школы с самыми необходимыми предметами (чтение, письмо, грамматика, элементы архитектуры и геометрии); трехлетние школы второй ступени, где должны преподаваться математика, химия, естественная история, общественные науки и политическая экономия; институты, где в течение пяти лет предполагалось давать профессиональное образование врачам, учителям школ, военным и пр.; учебно-ученые заведения в виде лицеев, где должны были совершенствовать свое образование профессора и ученые, посвящающие науке свою жизнь. Венцом образовательной системы по плану Кондорсе становилось Национальное общество наук и искусств, объединяющее всех ученых.

В 1793 г. Конвент опубликовал «Декрет об организации народного образования», который провозгласил публичное обучение, свободное от религиозного влияния. На следующий год были упразднены все французские университеты. Вместо них открывались профессиональные училища, а также школы, обучавшие в различных прикладных отраслях (Политехническая школа, Школа восточных языков, Центральная школа общественных работ, Школа дорог и мостов и т.д.)[178].

Конституция 1795 г. утверждала новую систему народного просвещения, состоящую из начальной, средней и высшей ступени, которое было объявлено правом и долгом государства. Для развития науки учреждался Национальный институт Франции, разделенный на три класса по направлениям деятельности. Первый класс занимался физическими и математическими науками, второй развивал моральные и политические науки, третий был посвящен литературе и искусству. Но оказалось, что разрушив в годы революции старую систему

---

[177] Там же. С. 47.

[178] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 334.

образования, новую создать было не так просто. Как отмечает Е.П. Пискунова, «образование было выведено из-под церковного контроля и поставлено под контроль местных органов власти, но не хватало профессиональных кадров для работы в начальной и средней школе»[179].

Очередные изменения в сфере образования произошли в период консульства Наполеона. В 1802 г. Министерство внутренних дел, в сферу ответственности которого входило народное образование[180], было реорганизовано: появился отдельный департамент народного просвещения, получивший значительную автономию. Декрет от 1 мая 1802 г. устанавливал новую многоступенчатую школьную структуру обучения: начальные школы; общеобразовательные школы; лицеи; специальные школы; военные училища; национальные пансионы. Начальное образование находилось в руках коммун под контролем местной префектуры, средние ученые заведения (лицеи и общеобразовательные школы) могли быть государственными, общественными или частными. Под контролем департамента осуществлялась организация процесса обучения, велась подготовка учебников и учебных пособий, назначались учителя и администрация[181].

10 мая 1806 г. Наполеон издал закон об Университете Франции – центральном учреждении, на которое был возложен контроль за государственным образованием в империи. Университету подчинялись все учебные заведения, как общественные, так и частные. Все низшие школы, объединенные в учебные округа, находились под руководством высших. Во главе Университета стоял чиновник (grand maître), непосредственно подчиненный императору. Таким образом, во Франции была сформирована образовательная система, находящаяся под централизованным контролем

---

[179] *Пискунова Е.П.* Указ. соч. С. 13.

[180] Вопросы народного образования находились в ведении Министерства внутренних дел с 1791 г. Это министерство сохраняло ответственность за образование до 1824 г., несмотря на создание Университета Франции.

[181] *Пискунова Е.П.* Указ. соч. С. 15.

государства, обеспечивающая обучение по единым и обязательным для каждой специальности учебным планам[182].

В Швейцарии, преобразованной в Гельветическую республику, была принята Конституция, представляющая собой почти точную копию с французской. В республике «учреждалось Министерство наук и искусств, на которое возлагалась обязанность следить за развитием этих последних и способствовать ему путем законодательных постановлений и материальной поддержки. Таким образом, забота о народном образовании впервые была возложена на государство»[183].

Первым министром наук и искусств был назначен Филипп Альбрехт Штапфер фон Бругг. Согласно декрету от 24 июля 1798 г. надзор за народным просвещением в каждом кантоне осуществлял специально образованный совет из восьми членов[184]. Штапфер был автором проекта о создании единой и обязательной для всех учащихся школьной программы с широким кругом предметов. Декретами 4 и 6 декабря 1800 г. все муниципалитеты обязывались устроить у себя зимние школы и отпускать средства на их отопление и минимум 18 франков на содержание учителя, все граждане обязывались посылать в эти школы своих детей, министерство планировало отпускать суммы на содержание низших и средних школ, учительских институтов[185]. Но получить быстрый результат от этих указов оказалось гораздо сложнее, в связи с тем, что республика долгое время находилась в самом центре военных действий.

---

[182] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 335.

[183] *Берлин И.* Народное образование в Швейцарии // Образование. 1898. № 2. С. 14.

[184] Ф.-С. Лагарп, будучи одним из членов правительства гельветической Директории и хорошо знавший Штапфера, не раз с восторгом отзывался в письмах императору Александру I об этих учебных советах и их вкладе в народное просвещение жителей Швейцарии. См. Письмо Ф.-С. Лагарпа императору Александру I от 16 октября 1801 г.; Письмо Ф.-С. Лагарпа императору Александру I от 7 апреля 1802 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014. С. 403, 507.

[185] *Берлин И.* Указ соч. С. 14.

Краткий обзор реформ в европейских странах, связанных с народным просвещением, хорошо иллюстрирует основные тенденции общего хода развития образовательного дела на рубеже XVIII – XIX вв. Во-первых, руководство образовательными учреждениями и надзор за ними постепенно переходит от церкви к государству; во-вторых, государство стремится поставить образование под свой контроль, учреждая для этого специальные органы управления (департаменты, комиссии, позже – министерства). Также видна тенденция к появлению определенной системы воспитания и обучения, созданию последовательных ступеней начального, среднего и высшего образования, введению в учебные планы новых дисциплин, преемственности учебных программ.

2.2. Управление народным образованием в Российской империи во второй половине XVIII века

2.2.1. Управление учеными заведениями в Российской империи

28 января 1724 г. Сенат утвердил одобренный императором Петром I проект об учреждении в России Академии наук и художеств[186]. Исследователи не раз отмечали, что Академия наук в Петербурге была создана по инициативе государственной власти, находилась на государственном обеспечении, научная деятельность ее членов являлась родом государственной службы. Пользуясь необходимой для научного учреждения свободой в выборе предметов и методов исследования, Академия наук в то же время выполняла непосредственные практические задачи, поставленные государством, и служила для него консультантом в вопросах, связанных с наукой. Таким образом, в основу всей системы организации научных исследований в России был положен государственный принцип[187].

---

[186] Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов. 28 января 1724 // ПСЗ. Т. 7. № 4443. С. 220–224.

[187] *Фундаминский М.И.* Петербургская Академия наук середины XVIII века как государственное учреждение (структура, деятельность, положение сотрудников): дис… канд. истор. наук. Л., 1981; *Смагина Г.И.*

«Проект» предполагал, что Петербургская академия будет находится «под ведением Императора, яко протектора своего», но фактически сохранит самостоятельность («само себя правит»), выбирая из своих членов президента, который может оставаться либо постоянным, либо меняться раз в год или полгода. Этот пункт проекта так и не был воплощен, после смерти Петра президенты Академии стали назначаться или увольняться верховной властью.

Обязанности академиков были прописаны в проекте достаточно четко: они должны были заниматься научными исследованиями в одной из выбранных наук, результаты своих исследований представлять на обсуждение, а затем издавать в академической типографии, еженедельно участвовать в научных заседаниях[188]. Членам Академии следовало выполнять экспертизы открытий и изобретений, давать квалифицированную оценку всем поступавшим проектам, выполнять личные поручения царя. Также каждый академик был обязан подготовить «систем или курс в науке своей в пользу учащихся младых людей», опубликовать его на латыни и передать штатным переводчикам для издания на русском языке[189].

Для руководства и ведения хозяйственных дел «Проект» намечал создание должности «непременных кураторов», «которые б на оную смотрели, о благосостоятельстве их (т.е. академиков) и надобном приуготовлении старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели»[190]. Как заметил А.Ю. Андреев, должность «кураторов» научного учреждения была введена в проект, скорее всего, по примеру Бранденбурга – Пруссии, где она впервые появилась в середине XVII в., что указывает на прямое влияние в этом вопросе Г.В. Лейбница, основателя и

Организационная модель Петербургской Академии Наук как синтез европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. № 3. С. 9–21.

[188] Как подчеркивает Г.И. Смагина, эти обязанности совпадали с перечнем обязанностей штатных сотрудников Французской академии.

[189] Проект учреждения… С. 223.

[190] Там же. С. 224.

первого президента Берлинской (Бранденбургской) академии наук[191]. Но кураторы в Академии так и не появились, а их функции перешли к президенту. Указом императрицы Екатерины I от 7 декабря 1725 г. первым президентом Петербургской академии был назначен лейб-медик Л.Л. Блюментрост[192], главный советник Петра I по ученым делам.

При утверждении «Проекта» Петр сделал несколько собственноручных дополнений[193]. Одно из них касалось введения новых должностей, которые должны были появится в штате Академии: «Надлежит учинить директора и двух товарищей и одного комиссара над деньгами»[194]. Так как сам Блюментрост много времени проводил при Дворе и не мог вникать во все академические вопросы, то постепенно все дела перешли в руки его помощника по переговорам и переписке с учеными, библиотекаря И.Д. Шумахера. Как отмечает Ю.Х. Копелевич, назначенный из Сената комиссар Алексей Юров плохо разбирался в академических делах, поэтому Шумахер фактически единолично распоряжался денежными средствами. Необходимость вести переписку с учреждениями, а также достаточно слабое владение русским языком заставило Шумахера иметь несколько русских писцов – и так зародилась Канцелярия, ставшая довольно быстро «бюрократическим придатком, обременяющим научное ядро Академии»[195]. Попытка Блюментроста, переехавшего в начале 1728 г. с двором императора Петра II в Москву, прикрепить к Шумахеру одного из членов Академии для управления академическими делами провалилась, поскольку академики не желали находится в подчинении у человека неравного с ними звания, и на

---

[191] Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 239.

[192] О заведении Академии Наук и о назначении Президентом оной лейб-медика Блюментроста. 7 декабря 1725 // ПСЗ. Т. 7. №. 4807. С. 553–554.

[193] *Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. под ред. А.И. Андреева. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 284–333.

[194] Проект учреждения… С. 224.

[195] *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 112.

несколько лет Шумахер сделался почти полновластным распорядителем. Доношения в Сенат и в другие учреждения он писал от имени Академии, ни с кем их не согласовывая, докладывал президенту только то, что считал нужным, и толковал его указания по своему усмотрению. В эти годы набирала силу академическая Канцелярия – учреждение, которое в первые 20 лет существовало, не будучи учреждено никаким императорским или сенатским указом[196].

Таким образом, управление Академией наук осуществлялось с одной стороны Конференцией, составлявшей научную часть Академии и объединявшей профессоров и адъюнктов, а с другой стороны Канцелярией, управлявшей всей хозяйственной частью и находившейся в ведении Шумахера. Секретарем Конференции в 1725–1741 гг. был Х. Гольдбах. На регулярных заседаниях Конференции, проводившихся не реже двух раз в неделю, читались и обсуждались научные доклады, входящая и исходящая корреспонденция, представлялись планы работ, рассматривались различные предложения (по созданию карт, снаряжению экспедиций, печатания статей и т.д.), демонстрировались опыты. Всеми остальными делами, в т.ч. и подбором штатов, финансовым учетом, вспомогательными академическими учреждениями, ведала Канцелярия.

После увольнения Блюментроста президентом Академии наук в июле 1733 г. был назначен курляндский барон Карл фон Кейзерлинг. После его недолгого пребывания в должности (реально – до декабря 1733 г., формально – до сентября 1734 г.), Конференция, согласно инструкции Кейзеринга, перешла на «самоуправление»: пять академиков «старших по стажу» должны были, сменяя друг друга каждый месяц, руководить научной частью Академии. Итогом стала полная дезорганизация ее работы[197]. И, естественно, в это время еще больше возросло значение Канцелярии.

---

[196] Там же. С. 113.

[197] *Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И.* Академия благих надежд. М., 2019. С. 96.

Следующий президент барон И.А. Корф попытался отразить в управлении Академией ее двойственный характер: установить равенство научной части, руководимой Конференцией, и всей остальной, подчиненной Канцелярии. Шумахер получил должность директора Канцелярии и вместе с Гольдбахом, которого освободили от ведения протоколов Конференции и назначили, фактически, заместителем президента, они стали «товарищами» Корфа[198]. Но сохранение этого равновесия целиком зависело от личности президента. После ухода Корфа оно снова нарушилось в пользу Канцелярии, которая вновь получила влияние на подбор штатов.

При президенте гр. К.Г. Разумовском Петербургская академия наконец получила свой первый Регламент. Главными авторами принятого 24 июля 1747 г. документа стали директор Канцелярии Шумахер и ее асессор Г.Н. Теплов (близкий друг и наставник К.Г. Разумовского). Регламент подтвердил, что Академия находится «под единственною Ея Императорского Величества протекциею и ведением» и «под президентским правлением… а в небытность его, Канцелярия академическая его президентскую должность отправлять имеет»[199]. Президент мог принимать и увольнять академиков, утверждать «изобретения» к печати, представлять Академию перед государственными учреждениями, но так как Разумовский длительное время отсутствовал в Петербурге, все эти полномочия уже законно переходили к Канцелярии. К обязанностям собственно Канцелярии относилось «иметь попечение обо всем»: заключать контракты с иностранцами, определять им жалование, вести переговоры «со всеми местами о делах, до Академии касающихся»[200] и т.д. И только в научных вопросах «поступать должно по множеству голосов, и

[198] Корф апеллировал к «Проекту учреждения Академии», к штату которой Петр I приписал должности директора и двух товарищей.

[199] Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. 24 июля 1747 г. // ПСЗ. Т. 12. № 9425. С. 733.

[200] Там же. С. 737. Должность директора в Регламенте 1747 г. не предусматривалась.

всякое определение быть должно в присутствии президента, а в небытность его должность в ученых делах отправляет старший в собрании член»[201].

Выстроенная в Петербургской академии система государственного управления научными учреждениями была в определенной степени перенесена и в Московский университет. Согласно «Проекту об учреждении Московского университета»[202], подготовленному в результате совместной работы И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова, императрица Елизавета Петровна принимала университет «в собственную свою Высочайшую протекцию». Высшим начальником над всеми университетскими делами становился куратор, в обязанности которого входило «весь корпус в своем смотрении» иметь «и о случающихся его нуждах» докладывать императрице[203]. По высочайшему указу на эту должность были назначены камергер И.И. Шувалов и первый президент Академии наук Л.Л. Блюментрост. Количество кураторов в университете во второй половине XVIII в. колебалось от одного до четырех, но все они считались посредниками между верховной властью и высшим учебным заведением и имели в своих руках полную власть над любыми делами в университете.

Собрание профессоров составляло университетскую Конференцию, в которой они должны были «советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и до лучшего оных препровождения», а также «решить все дела, касающиеся до студентов»[204]. Председательствовал в Конференции назначаемый правительством сторонний чиновник – директор, имевший во многих текущих вопросах университетской жизни единоличную власть (прием и увольнение студентов, учеников и учителей в гимназии). Директор вместе с подчиненными ему асессорами образовывали университетскую Канцелярию, которая, как резонно заметил А.Ю. Андреев,

---

[201] Там же. С. 734.

[202] Проект об учреждении Московского университета. 12 января 1755 г. // ПСЗ. Т. 14. С. 287–294.

[203] Там же. С. 289.

[204] Там же. С. 290.

была полным аналогом академической Канцелярии во главе с И.Д. Шумахером[205]. Именно директор распоряжался университетским бюджетом, выплачивал жалование, делал необходимые закупки книг, оборудования и др. И в Академии наук, и в Московском университете отношение директора к профессорам (академикам) как к своим подчиненным служило источником многочисленных конфликтов между «неученым начальником» и членами научной корпорации[206].

Одним из важных преимуществ должности директора как в Академии наук, так и в Московском университете, было наличие у него определенного класса Табели о рангах. Его статус и полномочия в переговорах с внешним чиновным миром был понятен, в то время как официальные контакты академиков и профессоров с присутственными местами были крайне затруднены, их социальный статус крайне занижен[207]. Куратор, как правило, также имел определенную должность в высших государственных учреждениях, но важнее всего было наличие у него личных контактов с монархом. Как только эта связь терялась, кураторы отходили от реального управления университетом, а количество конфликтов между ними и внутри университета только возрастало (что приводило даже к высочайшему вмешательству). Исследователи подчеркивают, что «кризис кураторства как властного института в Московском университете четко проявился в 1801 г., когда действующих, т.е. одновременно находящихся в Москве кураторов

---

[205] Должность директора университета являлась одной из составляющих модели немецкого «модернизированного» университета эпохи Просвещения и, соответственно, впервые появилась в университете в Галле. Директор являлся сторонним по отношению к университету чиновником, которому был поручен ближайший контроль над корпорацией высшей школы. В середине XVIII в. в результате образовательных реформ императрицы Марии Терезии, должность директора появилась и в Венском университете // *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 257.

[206] Университет в Российской империи… С. 283.

[207] *Цыганков Д.А.* Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII – первая треть XIX века) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010. С. 519.

оказалось четверо (!), и между ними, а также директором университета И.П. Тургеневым, плелись интриги и разгорались конфликты»[208]. Таким образом, определенная государственная модель по управлению учеными заведениями, созданная в Российской империи в первой четверти XVIII в. с опорой на европейские образцы, к концу века потребовала кардинальных изменений, что и произошло в ходе создания Министерства народного просвещения.

2.2.2. И.И. Шувалов и его проект о введении всеобщего обучения для дворян

Для успешного функционирования Московского университета требовался постоянный приток студентов, выпускников одной московской гимназии не хватало. Первым шагом к распространению среднего гимназического образования стало основание по инициативе И.И. Шувалова гимназии в Казани в 1758 г., а вслед за ее учреждением Шувалов выступил с инициативой создания единой школьной системы[209]. В ноябре 1760 г. куратор представил в Сенат проект, в котором предлагал «в знатных здешней Империи городах учредить Гимназии, в которых бы обучали нужные европейские языки и первыя основании наукам… в таких Гимназиях нужно особливо обучать о своем государстве, в знании географии, свойстве земли, в экономии, в коммерции, первые части математики и другие основании наук. По маленьким городам можно учредить школы, в которых будут обучать русской грамоте, чистоту своего языка, арифметике и прочим первым основаниям. Из оных школ молодые люди будут выходить в гимназии, из гимназиев в кадетский корпус, в Академию, в Университет, а из сих трех мест в действительную службу»[210]. Таким образом целью проекта Шувалова являлось дать

[208] Университет в Российской империи… С. 248.

[209] Исследователи отмечают, что возможно инициатива создания гимназической системы принадлежала М.В. Ломоносову, а реализация планов была начата И.И. Шуваловым. *Анисимов Е.В.* И.И. Шувалов – деятель российского просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 102.

[210] В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение. 1 ноября 1760 г. // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 116–117.

образование детям из дворянских семей, которое позволило бы им в дальнейшем достойно служить на военном или гражданском поприще. Куратор критиковал сложившуюся ситуацию, когда «дворянские дети в таких летах, когда должно приготовляться, чтоб быть годными к службе, во оную вступают, имея многие способы происходить по случаю, а не по достоинству», считая это главным препятствием «в достижении способных людей»[211]. Отсутствие в представленном доношении упоминания других сословных групп, по мнению исследователя Я. Кузбера, вовсе не означало, что Шувалов думал о создании сословных дворянских образовательных учреждений, наглухо закрытых для всех остальных[212]. Поскольку в университет могли поступать представители всех свободных сословий, то по логике автора и среднее образование также должно было быть открыто для детей разночинцев, купцов и ремесленников. Но так как для Шувалова на первом месте стояли интересы государства, то предполагалось, что в первую очередь гимназическим образованием воспользуются дворянские отпрыски, которые затем смогут поступать в кадетские корпуса или в университет, а уже только после окончания этих учебных заведений определяться «в службу по склонности и достоинству».

Проект Шувалова в целом был одобрен Сенатом, который признал его за «весьма полезное обществу и к совершенному приведению молодых людей в лучшее состояние», и предложил куратору «сочинить и штат, в которых именно городах, на каком основании и сколь велики Гимназии учредить, и на содержание их какая сумма потребна, и подать оныя штаты в Правительствующий Сенат»[213]. План Шувалова обсуждался в собрании Сената 3 ноября в присутствии автора, а уже 6 ноября куратор объявил

---

[211] Там же. С. 115.

[212] *Кузбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. С. 136.

[213] Решение Сената на доношение куратора Московского университета Шувалова // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 3. С. 119–121; О сочинении и представлении в Сенат штатов и плана для учреждения Гимназий и школ в Губерниях. 15 ноября 1760 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11.144. С. 564–565.

конференции профессоров Московского университета, чтобы она совместно с директором выработала конкретные предложения по претворению проекта в жизнь («расположение» и штат гимназиям и школам) и сразу же сообщила ему[214]. Также Шувалов обратился к членам Академии наук с просьбой высказать свое мнение «каким образом оные гимназии и школы учреждены быть должны»[215].

К весне 1761 г. ответы академиков поступили в Канцелярию, а 15 мая были отправлены Шувалову. Письменные отзывы представили академики С.К. Котельников, И.А. Браун, И.Э. Цейгер и адъюнкт А.П. Протасов (Г.Ф. Миллер, К.Ф. Модерах и Ф.У.Т. Эпинус присоединились к ответам Брауна и Цейгера), причем все они содержали совершенно разные мнения[216]. Никто из академиков, кроме Фишера, не смог указать города, в которых следовало открывать начальные школы и гимназии, и даже русские ученые признавались, что не знают «внутреннее государства состояние»[217]. Не все профессора были согласны с необходимостью давать одинаковую школьную подготовку для всех социальных групп населения, в части проектов упор делался больше на профессиональное обучение, чем на общеобразовательное.

Смерть императрицы Елизаветы Петровны и приход к власти Петра III не сильно сказался на положении И.И. Шувалова при Дворе. Указом 14 марта 1762 г. он был назначен главным начальником Сухопутного кадетского корпуса, а еще через месяц было объявлено о предстоящем соединении трех

---

[214] *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 198.

[215] Указ Канцелярии Академии наук в Академическое собрание о предоставлении всеми профессорами заключений по вопросу об учреждении гимназий и школ. 7 декабря 1760 г. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1955. С. 570–571.

[216] Подробный разбор проектов см.: *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 2002. С. 42–54. Отсутствие отзыва Ломоносова может свидетельствовать в пользу того, что ученый являлся соавтором плана Шувалова, поэтому подавать отдельное мнение на свой проект не считал нужным // *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 904.

[217] Большинство отзывов опубликовано: *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 3. СПБ., 1876. С. 54–56, 87–90, 328–335.

корпусов: сухопутного, морского и артиллерийского в одно обширное дворянское училище[218]. Соединив в одном лице начальство над университетским и военным образованием, Шувалов, по словам Рождественского «близок был, можно сказать, к роли министра народного просвещения»[219]. При успешной реализации плана начального и среднего образования в лице планируемых школ и гимназий можно было говорить о создании в России первой цельной системы народного просвещения. Мы не знаем, воспользовался ли Шувалов отзывами академиков на свой проект, но совершенно точно в это время продолжалась работа по его детальной проработке: в ордере Шувалова от 16 мая 1762 г. говорилось о необходимости иметь 140 казенных вакансий в гимназиях для дворян и 60 для разночинцев[220]. И только новая перемена царствования остановила выполнение образовательных проектов московского вельможи – императрица Екатерина II предоставила Шувалову продолжительный отпуск заграницу, сохранив за ним только звание куратора Московского университета.

Таким образом, в начале 1760-х гг. в России возникли предпосылки для создания единой системы народного образования, которая должна была быть реализована последовательными циклами – начальным, средним и высшим, причем высшее образование предусматривалось как общее (университет), так и профессиональное (кадетский корпус). Но до практического выполнения этих планов дело не дошло, императрица передала решение образовательных вопросов в другие руки.

2.2.3. Попытки создания единой учебной системы в 1760–1770-х годах

[218] Об учреждении одного корпуса из трех кадетских корпусов, Сухопутнаго, Морскаго и Артиллерийскаго и о поручении онаго в управление Главному Директору Шувалову. 24 апреля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11.515. С. 985–987.

[219] *Рождественский С.В.* Очерки по истории… С. 199.

[220] Там же. С. 198.

Одним из ближайших советников императрицы Екатерины II по вопросам образования стал И.И. Бецкой. Именно он сменил Шувалова на посту президента Академии художеств, был назначен куратором Императорского воспитательного общества благородных девиц – Смольного института, куратором основанного в Москве и Санкт-Петербурге Воспитательного дома, а также шефом Сухопутного шляхетского корпуса. Но в большей степени Бецкого волновало воспитание, а не образование, что и отразилось в представленном им императрице «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества». О создании единой школьной системы Бецкой не задумывался.

В 1764 г. Екатерина II сформировала комиссию в составе Г.Н. Теплова[221], Т. фон Клингштедта[222], московского профессора права Ф.Г. Дильтея и академика Г.Ф. Миллера. Руководствуясь декларацией Бецкого, они были призваны подготовить законы, направленные на создание общероссийской школьной системы, и представить на рассмотрение императрицы ряд меморандумов[223]. Результатом обсуждения этого вопроса стал «Генеральный план гимназий или государственных училищ»[224], поданный Екатерине в ноябре 1764 г. Отдельные проекты подготовили Теплов, Миллер и Дильтей[225]. «Генеральный план» предполагал учреждение во всех губерниях государственных гимназий, которые объединяли в себе три ступени обучения: начальную, среднюю и повышенную. Каждая ступень состояла из трех классов по четыре года. Дети, принятые на казенное содержание, обучались в гимназиях с 5–6 до 18 лет в отрыве от родителей. В учебные заведения

---

[221] Григорий Николаевич Теплов (1711–1779) – секретарь Екатерины II по принятию прошений, почетный член Академии наук.

[222] Тимофей Иванович фон Клингштет (1710–1786) – вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, один из членов-основателей Вольного экономического общества.

[223] *Кузбер Я.* Указ соч. С. 173–176.

[224] Опубликован с приложениями: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910. С. 82–143.

[225] Подробнее см.: *Смагина Г.И.* Академия наук… С. 59–71.

предоставлялся допуск детям всех сословий, за исключением крепостных крестьян. На последней ступени предоставлялся выбор «специализации»: училища для ученых людей готовили будущих учителей, гражданские – государственных служащих в коллегиях и канцеляриях, а также переводчиков; военные – офицеров, а купеческие – торговых людей. Управлять гимназиями должен был Совет из директоров во главе с протектором, назначавшимся императрицей и имевшим к ней всегда свободный доступ, а руководство каждой гимназией отдавалось в руки ректоров. В приложении к плану предусматривалось также создание особой ступени начального образования в форме школ для простонародья. В этих школах, создаваемых во всех городах, обучать детей чтению, письму и счету должны были семинаристы и студенты духовных академий[226].

Ни один из проектов школьной комиссии 1764 г. не был осуществлен. Отложив реализацию «Генерального плана гимназий», императрица занялась подготовкой к созыву Уложенной комиссии.

Анализ составленного Екатериной II «Наказа комиссии о составлении проекта нового уложения», депутатских наказов и записок от сословий показывает, что вопрос о народном образовании в деятельности Уложенной комиссии не пользовался особым приоритетом по сравнению с другими[227]. Единственным ученым учреждением, которому было дано право представить депутата в Комиссию стала Академия наук. Большинством голосов депутатом был избран академик Г.Ф. Миллер, который и подготовил по требованию Академии свои предложения и пожелания для академического наказа[228]. Одним из насущных вопросов, требующих скорейшего решения, академик считал вопрос об организации образования в России. Миллер полагал, что «к

[226] Всеподданнейшее представление плана: каким образом во всех российских городах и местечках учредить школы для простого народу без всякого государственного расходу и народного отягощения // Материалы для истории учебных реформ… С. 141–143.

[227] Ян Кузбер приводит такие данные: депутаты привезли с собой в столицу 1600 наказов, и которых только 80 непосредственно затрагивали вопросы образования. *Кузбер Я.* Указ соч. С. 181.

[228] Анализ записок Миллера см.: *Смагина Г.И.* Академия наук… С. 78–81.

наилучшему распространению наук в Российской империи» необходимо создать орган – «главное директорство», в подчинении которого находились бы все учебные заведения, кроме синодальных. Это директорство должно иметь такие же привилегии, какие имеют государственные коллегии, и тесно быть связано с «знатнейшим в государстве учреждением» Академией наук, которое «для управления оным может один или два дня в неделю определить, не имея от того себе препятствий в ученых своих трудах и испытаниях»[229]. Но в академический наказ предложения Миллера не были внесены, поскольку получили отрицательный отзыв ее директора гр. В.Г. Орлова, и в итоговом варианте наказа ничего не говорилось о необходимости иметь центральное управление образовательными учреждениями в стране, а только о желательном распространении системы нижних и высших училищ[230].

Как отмечают исследователи, непосредственных практических результатов речи и споры депутатов в большом собрании Комиссии по вопросам народного образования не имели[231]. Но они смогли оказать определенное влияние на работу частных подкомиссий, созданных по распоряжению императрицы. В числе специальных комиссий, образованных из состава депутатов Уложенной комиссии, в мае 1768 г. была учреждена Комиссия об училищах и призрения требующих. За три года своей деятельности подкомиссия провела 288 заседаний[232] и смогла разработать ряд отдельных законопроектов о начальной сельской и городской школе, о средних училищах и о учебных заведениях для иноверцев[233]. В проектах закладывалась мысль об обязательности элементарного обучения для всего

---

[229] Цит. по: *Смагина Г.И.* Академия наук… С. 79.

[230] Наказ от Академии наук был единогласно одобрен на заседании Конференции 20 августа 1767 г. // Там же. С. 81, 83.

[231] *Рождественский С.В.* Очерки по истории… С. 296.

[232] *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 187.

[233] Проекты Комиссии опубликованы: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910. С. 144–257.

мужского населения, о ликвидации семинарий и об обучении детей дворян и разночинцев в государственных гимназиях (с двойным управлением светского и духовного начальства и многопредметным курсом обучения), однако системы образовательных учреждений от нижних школ к высшим эти законопроекты не предлагали. Интересно отметить, что на рассмотрение Комиссии в феврале 1769 г. поступил проект школьной реформы, составленный директором Академии наук Орловым и единогласно утвержденный членами Конференции (в составе подкомиссии представителей Академии не было). Основное внимание в представленном документе уделялось не общему плану учебной реформы, который по мнению Орлова разработать в данный момент невозможно, а учреждению особого ведомства просвещения, названного в записке «коллегией, или правительством училищ»[234]. Оно должно было находиться в ведении верховной власти, состоять из девяти членов, трое из которых выбирались «из знатных, просвещенных любителей наук», а остальные – из ученых, заведывать всеми учебными заведениями, приводя «их в цветущее состояние», а также составить общий план и уставы начальных, средних и высших училищ. Таким образом, идея Миллера, отвергнутая Орловым два года назад, была возрождена и представлена как общее мнение академиков. Однако члены Комиссии не оценили это предложение. В дневной записке 3 августа 1770 г. было сказано: «обще господа члены рассуждали, какое учредить главное управление над училищами и, рассуждая, положили, чтобы особливого правления не делать, а подчинить оныя Правительствующему Сенату»[235].

Ознакомилась ли Екатерина II с проектами, подготовленными Комиссией об училищах и призрения требующих не известно, по крайней мере в 1770-х гг. итоги ее деятельности никак не отразились в российском законодательстве.

---

[234] Опубликован С.В. Рождественским в «Сборнике статей в честь Матвея Кузьмича Любавскаго». Пг., 1917. С. 643–645.

[235] Цит. по: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 13.

Единственным актом этого времени, где упоминалась образовательная сфера, была губернская реформа 1775 г. Согласно «Учреждению для управления губерний Российской империи» в стране создавались органы местного управления – приказы общественного призрения – на которые возлагалось «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ»[236]. Народные школы должны были быть учреждены во всех городах и «многолюдных селениях», обучать в них следовало всех тех, кто добровольно пожелают в них ходить, учебная программа соответствовала традиционному набору предметов начальной школы: обучение письму, чтению, арифметике, рисованию, основам православной веры. На свои расходы (а помимо народных школ к сфере компетенции приказов общественного призрения относились сиротские дома, больницы, богадельни, дома для сумасшедших, работные и смирительные дома) каждый приказ получал однократно 15000 руб. из доходов губернии, которые мог потратить на обеспечение своих потребностей, а мог (и на этом настаивал законодатель) поместить под проценты в Дворянский банк с тем, чтобы покрывать текущие нужды за счет прибыли. Несомненно, ни о какой школьной реформе в 1775 г. говорить не приходится: инициатива открытия школ зависела исключительно от местной власти, для них не были подготовлены ни учителя, ни учебные пособия, ни школьные помещения. Соединив в одном административном органе и народное просвещение, и социальное попечение, сложно было ждать каких-то значительных результатов. На протяжении всего своего царствования Екатерина II пыталась решить вопрос о построении возможной и реальной образовательной системы в условиях Российской империи, но удалось ей это сделать только в 1780-х гг.

[236] Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. Е.И. Индовой. М., 1987. С. 259. Приказ общественного призрения состоял из губернатора, двух заседателей от Верхнего земского суда, представлявших дворянство, двух заседателей от губернского магистрата, представлявших купечество, и двух заседателей Верхней расправы, представлявших крестьянское сословие.

2.2.4. Комиссия об учреждении народных училищ при Екатерине II и Павле I

В мае 1780 г. в Могилеве состоялась встреча императрицы Екатерины II и австрийского императора Иосифа II. В ходе высочайшего общения русская императрица узнала о проведенной в империи Габсбургов школьной реформе и заинтересовалась ее ходом.

По просьбе Екатерины II австрийский император Иосиф II направил в Россию директора иллирийских школ Теодора Янковича де Мириево. Хорошо знакомый с австрийской системой среднего и начального образования, он должен был помочь на практике перенести габсбургскую учебную реформу на русскую почву. Ко времени приезда Янковича, в столице на средства императрицы уже было открыто семь экспериментальных школ для испытания новых методов преподавания и апробирования учебников[237]. Осмотрев созданные учебные заведения, Янкович отобрал 14 лучших учеников для дальнейшей их подготовки на учительскую должность.

7 сентября 1782 г. указом императрицы Екатерины II была учреждена Комиссия для заведения в России народных училищ[238]. «Соизволяя, чтобы сие полезное и необходимо нужное заведение во всей Империи Нашей в наилучшем порядке и в совершенном единообразии учинено было», Екатерина, оставив Комиссию «под собственным ведением», включила в нее сенатора П.В. Завадовского (считался председателем Комиссии), кабинет-секретаря П.И. Пастухова и академика Ф.У.Т. Эпинуса[239]. Янкович официально членом Комиссии не стал (это произошло только в 1797 г.),

---

[237] РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–4.

[238] Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ. 7 сентября 1782 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.507. С. 663–664.

[239] Франц Ульрих Теодор Эпинус был приглашен в Россию из Берлинской Академии и в 1757 г. определен профессором физики в Академию наук, с 1760 г. – директор Сухопутного шляхетского корпуса, учитель физики и географии у наследника престола цесаревича Павла Петровича. По поручению императрицы в конце 1781 – начале 1782 гг. им была составлена записка о школьной реформе в России, полностью опиравшаяся на опыт австрийских школ.

планировалось, что он будет помогать ее работе в качестве эксперта. В указе четко оговаривались задачи Комиссии: переработать австрийский школьный план, подготовить учителей и учебные книги и начать «заведение народных школ» с Санкт-Петербургской губернии.

Комиссию было решено собирать дважды в неделю, по вторникам и субботам, в доме Завадовского, «доколе другого не будет иметь места»[240]. Первая задача была выполнена в рекордные сроки – через три дня Янкович де Мириево представил проект плана членам Комиссии, 21 сентября он был поднесен императрице и 27 сентября ею утвержден[241]. План состоял из трех частей: учебной, подробно разработанной Янковичем, административной и хозяйственной, которые взяли на себя члены Комиссии[242]. По этому плану народные школы разделялись на три разряда: малые, средние и главные, причем два низших класса среднего училища соответствовали малому, а три низших класса главного училища соответствовали среднему, к которым добавлялся двухгодичный четвертый класс. Таким образом учебная программа школ начальной ступени служила составной частью учебной программы школ более высокой ступени. Императрица самостоятельно внесла в учебный план школ важное добавление – французский язык был исключен из обязательных дисциплин, зато для учеников Киевской, Новороссийской и Азовской губерний было введено изучение греческого языка, для Иркутской губернии и Колыванской области – китайского языка, а для губерний, лежащих «к стороне Татарской, Персидской и Бухарской» – арабский. Несомненная польза для государства состояла в том, чтобы получить значительное число необходимых переводчиков, тогда как в знании французского языка в первую очередь были заинтересованы дворяне, вполне

[240] Журнал Комиссии от 13 сентября 1782 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–4.

[241] О языках, кои следует преподавать в народных училищах. 27 сентября 1782 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.523. С. 685.

[242] Журнал Комиссии от 17 сентября 1782 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1. Л. 7–12. Опубликован в кн.: *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886. С. 202–209.

имеющие возможность его изучать в домашних условиях. Этим же указом Екатерина отпускала на нужды Комиссии 5000 руб.

Следующим важным шагом стала организация подготовки учителей. Было решено преобразовать по новому плану уже существующие в столице школы и открыть новые, но только одна из них была поставлена на степень главного народного училища, все остальные учреждались как малые «за неимением способных для высших классов учителей». Первые ученики Главного народного училища, учрежденного указом от 9 июня 1783 г.[243], переводились в Петербург из Московской Славяно-греко-российской академии, Александро-Невской семинарии, а также духовных семинарий Смоленска и Казани. После завершения школьного обучения его стипендиаты должны были получить учительскую подготовку в выпускном классе. Но чтобы не ждать, когда учебный курс в Главном народном училище будет закончен и чтобы не испытывать в будущем недостатка в учителях, члены Комиссии посчитали правильным, что «кроме вольнообучающихся, содержать и обучать всегда на казенном иждивении человек по сту из самых бедных людей, наставляя их, сверх прочих в оном преподаваемых наук, особливо в способе учения, так как и во всех прочих учительских должностях, дабы разделять их потом по усмотрению их способностей по разным народным училищам и иметь таким образом всегда нарочитое количество учителей в готовности»[244]. Императрица согласилась выделить на содержание училища и казенных стипендиатов 10000 руб.

13 декабря 1783 г. при Главном народном училище, располагавшемся в специально купленном для него доме на Щукином дворе, открылась учительская семинария. Первым директором семинарии стал Ф.И. Янкович де Мириево, который разработал ее учебный план и устав. Помимо директора в штат семинарии входили 3 профессора и 6 учителей. Учебный план семинарии

---

[243] О заведении в Санктпетербурге главного народного училища. 9 июня 1783 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.755. С. 938.

[244] Журнал Комиссии от 23 мая 1783 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 2. Л. 69–69 об.

был довольно обширен, в ней преподавались катехизис, математика, физика, география, история, механика, естественная история, черчение, архитектура, рисование, русский, немецкий и латинский языки. В 1784 г. семинаристы были разделены на два разряда: ученики, показавшие высокую успеваемость, готовились к преподаванию в старшей школе, менее способные должны были стать учителями в младшей школе. В 1786 г. Учительская семинария была отделена[245] от Главного народного училища и переведена в новое здание на Васильевском острове[246]. За время ее существования было проведено несколько наборов студентов и подготовлено более 400 учителей.

Разработка учебников и учебных пособий также шла довольно быстрыми темпами. Часть книг была переведена с иностранных языков, но в основном созданием оригинальных русских учебных пособий занимались члены Академии наук[247]. Г.А. Смагина указывает, что из 80 книг, изданных Комиссией об учреждении народных училищ, около 30 учебников было подготовлено в Академии[248]. К ним относились учебники по естествознанию (Зуев В.Ф. «Начертание естественной истории»), тригонометрии (Головин М.Е. «Плоская и сферическая тригонометрия с алгебраическими доказательствами»), географии (Гакман И.Ф. «Краткое землеописание Российского государства», «Пространное землеописание Российского государства»), физике (Головин М.Е. «Краткое руководство к физике», Гиларовский П.И. «Руководство к физике…»), истории (Ф.И. Янкович де Мириево «Краткая российская история», Штриттер И.Г. «История Российского государства») и др. Составленные учебные книги в первые годы

---

[245] С.В. Рождественский указывает, что до 1786 г. Главное училище исполняло обязанности семинарии, а в июле 1786 г. Учительская семинария была отделена от Главного народного училища (которое перешло в ведение столичного приказа общественного призрения) и стала самостоятельным учебным заведением, оставшись в ведении Комиссии // *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 18.

[246] *Смагина Г.И.* Академия наук... С. 101–108.

[247] Там же. С. 117–138.

[248] *Смагина Г.И.* Из истории создания и распространения учебных книг в России во второй половине XVIII в. // Книга в России в XVII – середине XIX в. Л., 1987. С. 71–78.

работы Комиссии представлялись на утверждение императрице, но уже с 1786 г. было принято решение создать специальный комитет под председательством П.И. Пастухова, который занимался рассмотрением, оценкой книг и рекомендацией к публикации[249]. Комиссия отпускала учебные книги приказам общественного призрения со скидкой, а последние должны были передавать комплекты учебников народным училищам бесплатно. Свободная продажа учебных пособий осуществлялась через три книжные лавки Комиссии. Средства, вырученные от продажи книг, служили важным источником дохода для финансирования переводческой и издательской деятельности Комиссии. В июле 1801 г. два комплекта всех изданных Комиссией «учебных и других книг, ландкарт, атласов, таблиц, глобусов и сфер… из коих книги в сафьянном с золотом переплете; ландкарты и таблицы леточисленные и хронологические, наклеенные на тафту» были подарены императору Александру I[250].

Первый набор студентов, «приготовляемых к учительским должностям для вышних классов народных училищ» к 1786 г. заканчивал свое обучение, показав «при последнем бывшем у них экзамене изрядные во всех преподаваемых им науках успехи». Это означало, что можно переходить к следующему этапу реформы – основанию главных народных училищ в губерниях и составлению их Устава. По оценкам Янковича, около 50 выпускников «поступить должны в учители верхних классов», и еще около сорока человек и еще около сорока учеников нужно было «выписать из духовных семинарий… годных быть учителями в нижних классах», и таким образом в сентябре 1786 г. Комиссия планировала открыть 25 главных училищ[251]. Уже с февраля по поручению членов Комиссии Янкович де Мириево трудился над составлением Устава народных училищ, который

[249] *Смагина Г.И.* Академия наук... С. 136.

[250] Журнал Комиссии от 19 июля 1801 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 24. Л. 45–47.

[251] Журнал Комиссии от 10 февраля 1786 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 5. Л. 19 об.–21 об.

обсуждался и исправлялся на заседаниях в течение нескольких месяцев[252], пока, наконец, не был представлен Государыне вместе со списком учителей для новооткрываемых школ[253].

5 августа 1786 г. Устав народных училищ был Высочайше конфирмован, а затем напечатан и разослан в губернии[254]. Этим документом регламентировались все стороны деятельности создаваемых в стране народных школ, целью которых провозглашалось «воспитание юношества» как единственное средство «утвердить благо общества гражданского».

Устав 1786 г., в отличие от учебного плана 1782 г. отказывался от средней школьной ступени, оставив только две – главные и малые народные училища. Двухклассные малые училища должны были открываться «как в губернских городах, где одного главного не довольно, так и в уездных городах, где еще по усмотрению приказа общественного призрения на первый случай быть могут надобны»[255]. В них преподавали чтение, письмо, арифметику, русскую грамматику, чистописание, рисование, катехизис, Священную историю, читали книгу «О должностях человека и гражданина». Программа малого училища соответствовала первым двум классам главного народного училища. В каждой губернии должно было быть основано четырехклассное[256] главное училище, в котором продолжая программу малой школы, ученики осваивали геометрию, механику, физику, естественную историю, русскую и всеобщую историю, русскую и всеобщую географию, астрономию и архитектуру. Все обучение велось на русском языке и было бесплатным. Из иностранных языков преподавались «основания латинского для желающих учение свое

---

[252] Журналы Комиссии от 21 марта, 25 апреля и 10 июня 1786 г. // Там же. Л. 34, 45 об., 51 об.–52.

[253] Список учителям в 25 наместничеств для открытия в оных 25 главных народных училищ с показанием их наук, кои они в сих училищах преподавать назначены // Там же. Л. 70–75; Устав народным училищам в Российской Империи // Там же. Л. 76–127.

[254] Устав народным училищам в Российской Империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786.

[255] Там же. С. 14.

[256] Четвертый класс был двухлетним.

продолжать в вышних училищах, как-то гимназиях или университетах; а сверх того учение того иностранного языка, какой по соседству каждого наместничества, где главное училище находится, быть может полезнее, по употреблению его в общежитии»[257].

Обязанность содержания училищ и заботы об их материальном благосостоянии возлагались на приказы общественного призрения. Они должны были выделять денежные средства на помещения для школ, содержание учителей, покупку учебных книг и пособий. По штату предполагалось на каждое главное народное училище выделять ежегодно 2500 руб., на малое – 500 руб. Руководство учебной частью передавалось назначаемому генерал-губернатором директору народных училищ каждой губернии. Он заседал в приказе общественного призрения во время обсуждения дел, касающихся училищ, получал месячные рапорты учителей, следил за их квалификацией, составлял полную ведомость о состоянии вверенных его попечению школ и отправлял ее в Комиссию. Директору поручалось осматривать главные народные училища еженедельно, а малые – ежегодно[258]. Наблюдение за малыми училищами поручалось смотрителю, избираемому из жителей уезда.

Главное руководство всеми народными училищами поручалось Главному Правительству училищ, состоящему под непосредственным ведением верховной власти и имеющему право непосредственного доклада императрице. В Уставе было указано, что в нынешний момент «таковое Главное управление вверено от Ея Величества Комиссии об училищах в Государстве учрежденной»[259]. Главное училищное правительство содержало свою канцелярию, архив и типографию (штат канцелярии Комиссии был утвержден еще 16 марта 1784 г.), ежегодно представляло на высочайшее рассмотрение отчет о «состоянии всех в Империи существующих народных и

[257] Устав народным училищам… С. 10.

[258] Там же. С. 39–48.

[259] Там же. С. 57.

домашних училищах», командировало своих членов для осмотра училищ[260]. Исследователи отмечали, что центральное светское учреждение, отвечающее за образование, появилось в России примерно в то же время, что и в Пруссии[261]. И, действительно, Комиссия об учреждении народных училищ (которая оставила свое старое название) продолжила свою деятельность и не была распущена сразу после выполнения задач, обозначенных в указе о ее основании. Однако еще Рождественский обращал внимание на то, что верховная власть так и не «поставила ее на незыблемое основание постоянного учреждения», не определила ее положение «в ряду прочих государственных учреждений», что довольно быстро привело к угасанию ее «творческой деятельности»[262].

Особо стоит отметить, что формально сохраняя принцип бессословной школы, Устав 1786 г. планировал открытие народных училищ только в губернских и уездных городах, полностью обходя молчанием сельскую местность. Объясняя причины особого внимания законодательства 1780-х гг. к нуждам городского населения, Рождественский подчеркивал, что завершение сословной организации дворянства и «третьего сословия» Жалованными грамотами 1875 г. совпало по времени с подготовкой школьной реформы и что создаваемая система народных училищ и должна была стать фундаментом формирования среднего сословия в России[263]. Но таким образом социальная сфера распространения нового образования специально сужалась. Это, конечно, не означало, что доступ в школы сельскому населению будет

[260] Там же. С. 57–60.

[261] *Кузбер Я.* Указ соч. С. 251.

[262] *Рождественский С.В.* Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVIII–XIX веках // Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. С. XXXII–XXXIV.

[263] *Рождественский С.В.* Очерки по истории... С. 561–563.

закрыт, поэтому не случайно состав учащихся в городских народных училищах отличался чрезвычайной пестротой[264].

Открытие главных и малых народных училищ было решено приурочить к 22 сентября – дню коронации императрицы Екатерины II, «дабы сей день, в блаженстве России знаменитый, имел сугубую славу и по начавшемуся в нем всеобщему народному просвещению»[265]. Одновременно и единообразно народные школы должны были появится в Московской, Архангельской, Владимирской, Воронежской, Вологодской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской губерниях. Для подготовки училищных помещений и «всего нужного» императрица давала всего месяц – указ в губернии был отправлен 12 августа[266].

Через год члены Комиссии решили проверить состояние новооткрытых «главных училищ, так и разведенных от оных малых» и отправили в инспекционную поездку по десяти губерниям директора училищ Санкт-Петербургской губернии О.П. Козодавлева[267]. Специально для него была составлена подробная инструкция, согласно которой должно было быть проверено как учебное, так и хозяйственное положение школ: количество, социальное происхождение и уровень знаний учеников, оснащение училищ учебниками и остальными учебно-вспомогательными материалами, уровень финансирования[268]. Итоги ревизии, сразу же поступавшие в Комиссию, а от

---

[264] Дворяне, штаб- и обер-офицерские дети, дети чиновников, священно- и церковнослужителей, приказные, разночинцы, купцы, мещане, крестьяне, однодворцы, крепостные и господские слуги, дети придворной прислуги, сержантские, солдатские, мастеровые, ямщичьи, вольноотпущенные, казаки, татары, иностранцы и другие // *Рождественский С.В.* Значение Комиссии… С. XLVI–XLVII.

[265] Журнал Комиссии от 28 июля 1786 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 5. Л. 64 об.

[266] Об открытии народных училищ. 12 августа 1786 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16.425. С. 672–673.

[267] Журнал Комиссии от 20 января 1788 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

[268] Наказ Господину коллежскому советнику и кавалеру Осипу Петровичу Козодавлеву на осмотр народных училищ и пенсионов в десяти губерниях // Там же. Л. 7–12 об.

нее – императрице, были в основном обнадеживающие. Отметив, что все осмотренные училища содержатся в хорошем состоянии, Козодавлев обратил внимание на небольшое количество учеников старших классов, поскольку родители «не видят цели учения» в 3 и 4 классе, отсутствие учебных книг из-за «скудости приказов общественного призрения», предложил «для ободрения» разрешить учителям главных народных училищ носить шпаги, «ибо законами положено, чтоб студенты сим правом пользовались, а учитель главного народного училища кажется иметь должен преимущество пред студентом». Особо инспектором были выделены училища в наместничествах Новгородском, Тверском, Рязанском и Тамбовском[269]. Училища Московской губернии «по части учебной другим не уступают, но терпят недостатки по части хозяйственной в рассуждении тесноты и худого их расположения», тем более что «училищ как в самой Москве, так и по городам уездным заведено число малое и не соответствующее ни пространству столицы, ни знатности губернии»[270]. Все эти претензии Комиссия надеялась разрешить с помощью активизации московского приказа общественного призрения.

Вторая волна открытия главных и малых народных школ пришлась на 1789 г.[271] К этому времени еще один набор из воспитанников духовных семинарий закончил свое обучение. Среди членов Комиссии даже появилась мысль о том, чтобы закрыть Учительскую семинарию, а подготовку учителей поручить главным училищам. Но необходимость снабдить квалифицированными кадрами учебные заведения, открывающиеся на вновь присоединенных от Польши землях, вынудило Комиссию продлить существование семинарии и произвести еще один набор учащихся[272]. Этот

[269] Рапорт Комиссии об училищах от коллежского советника Козодавлева // Там же. Л. 29–33 об.

[270] Журнал Комиссии от 26 сентября 1788 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 7. Л. 64.

[271] В губерниях Астраханской, Выборгской, Ревельской, Рижской, Полоцкой, Могилевской, Новгород-Северской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Кавказской, Уфимской, Колыванской, Тобольской, Иркутской и земле Донских казаков. В 1792 г. народные училища открыты в Екатеринославском наместничестве и в Таврической области.

[272] Журнал Комиссии от 27 февраля 1789 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 8. Л. 12–12 об.

выпуск оказался последним и некоторое время семинария пустовала. В 1803 г. министр народного просвещения обратился к императору Александру I с просьбой о возобновлении «опустелого» учебного заведения, которое «до того оскудело, что в нем не находится ни единого воспитанника, приготовленнаго наукою к занятию учительского места»[273]. А еще через год Учительская семинария была преобразована в Педагогический институт[274].

Чтобы система учебных заведений приобрела завершенность, необходимо было «связать» ее с высшим образованием. Параллельно с обсуждением Устава для главных и малых народных училищ началась разработка и «университетского вопроса» – нового законопроекта для открытия университетов в Чернигове, Пскове и Пензе[275]. Члены Комиссии обсудили проект Устава Московского университета, подготовленный в 1783 г. И.И. Шуваловым, Венский учебный план, составленный профессором Венского университета И. Зонненфельсом. В итоге, на основе Венского плана О.П. Козодавлевым был подготовлен «План учреждению в России университетов», который в феврале 1787 г. был одобрен Комиссией, а уже 13 марта поднесен на утверждение императрице Екатерине II[276]. План подчеркивал необходимость преподавания на русском языке студентам всех сословий, предполагал разделение университета на три факультета: подготовительного философского, юридического и медицинского, делал учебу в университете обязательным условием для гражданской службы, давал возможность получать лучшим выпускникам университета ученые степени, без которых было невозможно читать лекции, а также определял профессорам

---

[273] О возобновлении Учительской гимназии в Санкт-Петербурге. 20 мая 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873. Стб. 65–66.

[274] Об учреждении Педагогического Института в Санкт-Петербурге. 16 апреля 1804 г. // Там же. Стб. 233–255.

[275] О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. 29 января 1786 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16315. С. 526–527.

[276] Проект Козодавлева находится в приложении к журналу Комиссии от 27 февраля 1787 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 6. Л. 31–122. Опубликован: *Сухомлинов М.И.* О.П. Козодавлев // История российской академии. Т. 6. СПб., 1862. С. 58–123.

и обладателям ученых степеней гражданские чины по Табели о рангах. Как подчеркивал А.Ю. Андреев, университетский План 1787 г. оказался «лучшим из проектов российского университета, разработанных в XVIII в.», он не являлся полной копией какого-либо из вариантов немецкого университета и стал русским аналогом «модернизированного» университета[277]. Но, к сожалению, ни один из планируемых императрицей университетов не был открыт, полный университетский устав, разработку которого предусматривал Козодавлев для более детальной реализации принципов своего проекта, так и не был подготовлен, да и сам План не получил высочайшего утверждения[278].

После неудачи с университетским проектом, Комиссия сосредоточилась на организационной работе по осуществлению Устава народных училищ. К этому времени частично изменился как состав Комиссии, так и принципы ее работы. Первоначально члены Комиссии собирались на заседания два раза в неделю, затем один раз в неделю (причем Комиссия переехала в дом Главного народного училища, так как Завадовский в 1785 г. продал собственный дом), а с 1787 г. определения Комиссии стали готовится ее секретарем А.М. Андреевым и подписывались всеми членами без созыва заседаний. С 1790 по 1793 г., в 1795 г., а также с 1798 по 1803 г. (вплоть до прекращения деятельности) совместных заседаний Комиссии не было вообще, журналы развозились членам по большей части по домам, где и подписывались[279].

[277] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 302–318.

[278] В историографии приводятся следующие причины остановки «университетского вопроса: начало русско-турецкой войны, нехватка средств в российской казне, охлаждение Екатерины к просветительской политике в конце царствования вследствие событий Французской революции // Там же. С. 318.

[279] И.Л. Маяковский на основе журналов Комиссии приводит такие данные:

Годы	**Число заседаний**	**Число определений без заседаний**
1782 (с 13 сентября)	26	–
1783	51	–
1784	39	–
1785	23	–
1786	9	–
1787	8	17
1788	2	56
1789	2	44

Комиссия продолжала следить за подготовкой учебных книг, руководств и пособий для народных школ, работой Учительской семинарии по подготовке учителей, открытием новых школ. Скудное материальное обеспечение приказами общественного призрения грозило закрытием отдельных учебных заведений, чему члены Комиссии пытались всячески помешать (так, в 1797 г. не дали обратить главное народное училище в малое в Новгород-Северске, из-за лишения его губернского статуса, не позволили закрыть малое училище в Шуе, в 1798 г. помешали упразднить ряд малых училищ в Тамбовской губернии). Но это получалось не всегда и часть народных школ все-таки были закрыты – в 1791 г. закрылось училище, переведенное из упраздненного губернского города Екатериноградa в Кизляр, в 1798 г. – Колыванское главное народное училище, в 1800 г. – школа в Онеге. Члены Комиссии ходатайствовали о награждении учителей, настаивали на своевременной выплате им жалования от приказов общественного призрения, разбирали донесения о проступках, в результате которых могли вынести решение о наказании или увольнении от должности провинившихся. Значительно увеличилось число хозяйственных вопросов – проводилась ревизия приходно-расходных книг, сбор годовых и полугодовых ведомостей, переписка с приказами общественного призрения об отправлении им учебных книг и возврате денежных средств за проданные пособия, часто поступавшие с

1790	–	46
1791	–	37
1792	–	44
1793	–	30
1794	2	51
1795	–	53
1796	3	47
1797	6	106
1798	–	245
1799	–	246
1800	–	296
1801	–	366
1802	–	317
1803 (до 20 марта)	–	47

Маяковский И.Л. Журналы Комиссии об учреждении народных училищ. 1782–1793 годы // Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. С. 5.

сильной задержкой. Перемены в составе Комиссии стали чаще на закате ее деятельности: так, Ф.И. Янкович де Мириево оказался единственным деятелем Комиссии в течение всего ее существования, хотя формально он был назначен ее членом только в 1797 г., Ф.И. Эпинус прекратил свою службу в Комиссии в 1798 г., а П.В. Завадовский и П.И. Пастухов – в 1799 г. В 1784 г. в состав Комиссии были включены Ф.И. Крейдеман[280] (до 1796 г.) и А.В. Храповицкий[281] (до 1800 г.), в 1793 г. – О.П. Козодавлев (до 1797 г.), а в 1800 г. – П.С. Свистунов, ставший председателем Комиссии об учреждении школ (такое название получила Комиссия в 1799 г.) до прекращения ее деятельности, и Е.К. Кромин, назначенный вместо В. Зиновьева, который провел в составе Комиссии всего один месяц. Последним членом Комиссии уже в александровское царствование был назначен А.М. Рыков[282] и таким образом в последние годы своего существования Комиссия состояла из четырех сотрудников (Свистунова, Янковича де Мириево, Кромина и Рыкова).

В соответствии с Уставом члены Комиссии ежегодно подавали на высочайшее имя рапорт о количестве народных училищ в империи, числе учителей и учеников в них[283]. Видимый успех деятельности Комиссии заключался в ежегодном увеличении этих показателей, что должно было подчеркнуть успех проводимой реформы (так, в 1786 г. в 165 народных школах преподавали 394 учителя и учились 10230 учеников мужского пола и 858 учениц женского пола, а в 1796 г. – уже 316 училищ, 744 учителя и 17341 ученик обоего пола), однако еще современники признавали, что для обширной территории Российской империи существующее количество школ было совершенно недостаточным. Первый же рапорт, представленный императору

[280] Федор Иванович Крейдеман – вице-президент Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел (1779–1796).

[281] Александр Васильевич Храповицкий – действительный тайный советник, сенатор, в 1783–1793 гг. – статс-секретарь Екатерины II.

[282] Александр Максимович Рыков – переводчик коллегии иностранных дел, учитель русского языка детей императора Павла I.

[283] Копии с всеподданнейших рапортов находятся в Ф. 730. Оп. 1. Д. 41.

Павлу I в начале января 1797 г., был принят «с благоволением и признательностью к трудам» первоприсутствующего П.В. Завадовского и остальных членов Комиссии, «служащих к просвещению народному и пользе общественной», причем благодарственный указ был собственноручно подписан царем уже на следующий день после подачи рапорта[284]. Не вызывает сомнений, что присылаемые документы оседали среди государственных бумаг без какого-либо рассмотрения. Только спустя почти три года Комиссии пришлось дополнить свой краткий отчет подробными документами, поскольку от генерал-прокурора А.А. Беклешова поступило требование о предоставлении обстоятельных сведений «о положении Комиссии об учреждении школ[285], … есть ли в ней штат, сколько и какия суммы в ея распоряжении и какия заведения от нее зависят и в каком главнейшия из них теперь состоянии»[286]. Куда поступили документы Комиссии (было представлено 7 подробных приложений) и кто их рассматривал до конца непонятно, но уже в апреле 1800 г. сменивший Беклешова генерал-прокурор П.Х. Обольянинов вновь запросил все сведения по части народного просвещения у членов Комиссии: «между прочими делами, рассмотрению 3-го Сената Департамента предоставленными принадлежат также ведению онаго Академия Наук, Московский университет, Академия художеств и все прочие гражданские школы и училища; но в рассуждении школ и гимназий в разных местах Империи заведенных и устроенных никаких сведений в оном Департаменте нет, равно и о положении, на коем ныне состоят и управляются упомянутыя Академии и университет достаточных сведений не имеется; а потому не благоугодно ли будет Правительствующему Сенату по всем сим

[284] Всеподданнейший рапорт был подан 2 января, а указ подписан 3 января 1797 г. Журнал Комиссии от 4 января 1797 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.

[285] В августе 1799 г. Комиссия сменила название на «Комиссию о учреждении школ», поскольку Павел I распорядился называть народные училища школами. Журнал Комиссии от 11 августа 1799 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 20. Л. 43.

[286] Журнал Комиссии от 2 декабря 1799 г. // Там же. Л. 128.

частям истребовать отколь следует, обстоятельное и полное сведение»[287]. Далее перечислялась информация, которую Сенат ждал от Комиссии и от гражданских губернаторов. Обольянинову был представлен подробный доклад о деятельности Комиссии о учреждении школ с момента ее основания и до настоящего времени, который сопровождали уже девять приложений (были добавлены «Руководство для учителей 1 и 2 классов» и указ от 3 января 1797 г. с выражением «высокомонаршего благоволения»)[288]. В особую заслугу себе члены Комиссии поставили то, что все 315 школ, находящиеся в их ведении, существуют «везде в совершенном единообразии, ученики все, в какой бы они школе ни были, читают одинакие учебные книги, а учители употребляют одинакий способ обучения, и наблюдают одинакое распределение часов, назначенное прежде и после полудня так, что науки в школах сих преподаются в самом отдаленном краю России в одно и тоже время, и на том единообразном основании, на каковом преподаются оныя и в самой столице»[289].

Вскоре после вступления на престол императора Александра I, от Комиссии об учреждении школ поступил новый всеподданнейший рапорт[290]. А уже через месяц были вновь затребованы подробные сведения о ее деятельности и сенатору Д.П. Трощинскому был фактически продублирован прошлогодний отчет[291]. Но как выясняется, помимо регулярных годовых всеподданнейших докладов и подробных отчетов, представляемых по требованию генерал-прокурора, Комиссия готовила еще дополнительные

---

[287] Журнал Комиссии от 14 апреля 1800 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 21. Л. 125–131 об.

[288] Как в рапорте генерал-прокурору А.А. Беклешову, так и П.Х. Обольянинову приложения только упоминаются, копий бумаг в журналах Комиссии нет.

[289] Журнал Комиссии от 14 апреля 1800 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 21. Л. 128.

[290] Журнал Комиссии от 2 апреля 1801 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 23. Л. 227–228.

[291] Члены Комиссии лишь обновили данные по числу школ, учителей и учеников, а также добавили ведомость о доходах, получаемых с аренды лавок Щукиного дома. Журнал Комиссии от 8 мая 1801 г. // Там же. Л. 283–288. В отличие от двух предыдущих рапортов, в приложении к этому журналу сохранились копии почти всех ведомостей.

рапорты, один из которых стал предметом особого разбора царского воспитателя Ф.-С. Лагарпа. Во время обсуждения с Государем планов устройства Министерства народного просвещения (см. 3 главу), Лагарп решил ознакомиться с деятельностью Комиссии о учреждении школ и попросил Александра отправить ему отчет, поданный Комиссией императору Павлу I 4 марта 1801 г. «касательно того, что ею исполнено было с 26 марта 1800 по 11 февраля 1801 года». Вряд ли молодой император был знаком с этими бумагами, но в письме Лагарпу он довольно уничижительно отозвался в общем о деятельности Комиссии: «Прилагаю при сем, любезнейший, меморию весьма несовершенную, о коей Вам говорил. Не думаю, что много пользы от нее увидите. По крайней мере, понятие составите о ничтожестве, в каком ныне это учреждение, столь для нации полезное, пребывает»[292]. Не вызывает сомнений, что Александр знал о негативном отношении своего воспитателя к большинству членов Комиссии, как и о том, что он невысоко оценивал их усилия.

Месяц потребовался Лагарпу на детальный разбор полученного документа. В результате императору 4 марта 1802 г. была подана большая мемория и краткие выводы из нее [293]. В первую очередь Лагарп обрушился на низкий темп Комиссии по основанию новых школ, большинство из которых было открыто в первые пять лет ее работы. Сравнивая протяженность Российской империи и имеющуюся сеть народных училищ с немецкими государствами, швейцарец приходил к неутешительному выводу: «В средней величины протестантском германском княжестве больше найдется школ, больше учителей и учеников, нежели во всей этой огромной стране»[294]. Также недовольство Лагарпа вызвали и почти все члены Комиссии: Завадовского он

[292] Письмо императора Александра I Ф.-С. Лагарпу от января или начала февраля 1802 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп… С. 466–467.

[293] Большая мемория объемом 33 рукописных страницы, как и прилагавшиеся к ней обширные таблицы, хранятся в архиве Лозанны. Выводы из мемории опубликованы А.Ю. Андреевым.

[294] Выводы из мемории от 4 марта 1802 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп… С. 719.

обвинял в том, что он только «ленты, звания и награды» раздобывал, чем привязал к себе Пастухова и Янковича, годных только на то, «чтобы вспомогательные работы исполнять»[295]. Нынешний председатель Свистунов также не вызывал у Лагарпа положительных чувств, поскольку был «человеком довольно ничтожным»[296]. Единственным деятельным сотрудником, по мнению швейцарца, был Эпинус, «неподкупный и гением одаренный», которого оклеветали коллеги, испугавшись его влияния на императрицу Екатерину II (о чем ученый рассказывал Лагарпу в течение восьми лет)[297]. Вывод Лагарпа был довольно предсказуем – Комиссию необходимо срочно распустить, «иначе много будет от нее зла»[298], ее членам назначить пенсию, а вместо нее основать новый департамент, в руки которого и перейдет вся сфера народного просвещения.

Частично идеи Лагарпа будут использованы при создании Министерства народного просвещения, обсуждение которого уже началось при царском дворе. Однако молодой император не стал перечеркивать достижения Комиссии об учреждении народных училищ и отправлять в отставку ее членов, а наоборот, предложил им (в первую очередь, гр. П.В. Завадовскому и Ф.И. Янковичу де Мириево) продолжить свои труды в новообразованном Министерстве народного просвещения.

Таким образом, Комиссия об учреждении народных училищ стала первым в Российской империи центральным органом, специально созданным для проведения образовательной реформы и дальнейшего контроля за ее практической реализацией. Члены Комиссии смогли разработать и поднести на высочайшее утверждение два учебных плана – для начальной и частично средней и высшей школы. Основанные на австрийских образцах, эти планы,

---

[295] Письмо Ф.-С. Лагарпа императору Александру I от 4 марта 1802 г. // Там же. С. 475.

[296] Там же. С. 476.

[297] Там же. С. 475.

[298] Для более отталкивающего образа в глазах Государя Комиссия сравнивается с «телом, от гангрены гниющим» // Там же. С. 721.

тем не менее, были вполне самостоятельными образовательными законопроектами, учитывавшими российские реалии. Однако, создать цельную систему народного просвещения Комиссии об учреждении народных училищ не удалось. Открытие малых народных училищ предусматривалось только в уездных и губернских городах (и то, в единичном варианте), сельская местность вообще была лишена элементарных школ. Главные народные училища, которые должны были выполнять роль средних учебных заведений, не давали необходимой подготовки для поступления в высшую школу. Московский университет оставался единственным российским университетом, План 1787 г., предусматривавший открытие высших школ в Пскове, Чернигове и Пензе, так и не был утвержден императрицей Екатериной II.

Устав народных училищ 1786 г., заложив основы государственной общеобразовательной школы, не смог указать источник содержания училищ, поскольку народные школы не имели определенного регулярного финансирования. Приказы общественного призрения, на которые возлагалась обязанность выплачивать жалование учителям и обеспечивать училища помещением и учебными пособиями, не получили никаких дополнительных сумм, помимо выданных при их создании пятнадцати тысяч рублей, а ведь помимо образовательных учреждений, в их ведении находились и сиротские дома, больницы, богадельни и другие органы социального попечения.

Сама Комиссия так и не стала постоянно действующим «Главным Правительством училищ» и ее роль после 1787 г. свелась к текущему хозяйственному контролю за уже созданными и вновь открываемыми учебными заведениями. Отсутствие совместных заседаний членов Комиссии, их частая смена, отставка в 1799 г. председателя гр. П.В. Завадовского[299] – все

[299] В ноябре 1799 г. Павел I узнал, что из Государственного заемного банка (одним из директоров которого был Завадовский) его секретарем и архивариусом была похищена крупная сумма денег, а «так как под начальством графа Завадовского подобные упущении случаются уже в третий раз», то он был полностью отставлен от службы // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 216. Л. 1.

это вело к быстрому угасанию той активной деятельности, которая ее отличала в первые годы существования. В начале 1803 г. Комиссия будет упразднена, но результаты ее деятельности станут хорошей основой для полноценной системы народного просвещения, создаваемой в первые годы царствования императора Александра I.

Итак, с начала XVIII в. государство берет на себя заботу об образовании своих подданных и, соответственно, стремится регулировать сферу просвещения. Первым, кто обратил внимание на развитие образования в Российской империи был император Петр I. Именно при Петре появились первые проекты государственного контроля в сфере образования, в его царствование появилась и первое ученое объединение, призванное развивать науку в России.

При учреждении Петербургской академии наук на первый план встал вопрос об организации управления ученым заведением и эффективного контроля со стороны верховной власти. По примеру европейских аналогов, в столичной Академии появилась должность президента, ставшего посредником между императором и научным центром, который имел обширные полномочия в подборе академических кадров, утверждении публикаций, представлении Академии в государственных учреждениях. Но, в связи с тем, что президентами, как правило, утверждались люди, не имеющие возможности постоянного присутствия в Академии наук, их функции передавались назначаемому чиновнику – директору, стоящему во главе Канцелярии и управлявшему всей хозяйственной частью. Сами академики, составляющие Конференцию, решали исключительно научные вопросы.

Похожая система управления была использована при основании Московского университета. Научные и учебные вопросы обсуждались в собрании профессорской Конференции, но председательствовал в ней не выборный член корпорации, а назначенный правительством директор, который занимался текущим управлением и следил за финансовой частью. Куратор (один или несколько), назначаемый верховной властью, оставался

посредником между ней и учебным заведением, и считался высшим начальником на всеми университетскими делами. Сложившая государственная модель управления к концу XVIII в. провоцировала определенные сложности и не могла быть использована при расширении образовательного пространства в империи (хотя отдельные ее черты сохранялись и впоследствии).

Во второй половине XVIII в. начинают появляться проекты по созданию единых школьных систем, включающих в себя учебные заведения всех уровней – начального, среднего и высшего. Но единственным проектом этого времени, успешно воплощенным на практике, оказалась реформа начального и частично среднего образования, проведенная императрицей Екатериной II с опорой на австрийские образцы.

Комиссия об учреждении народных училищ, созданная для разработки плана учебной реформы и контроля за учреждаемыми главными и малыми народными училищами, оказалась первым в России центральным органом, в руках которого сосредоточилось управление большинством учебных заведений империи. Но она не получила ни от Екатерины II, ни от Павла I полномочий по дальнейшему развитию школьной системы ни «вверх» («План учреждению в России университетов» в 1787 г. не был утвержден и члены Комиссии больше не делали попыток ни усилить средний уровень образования, ни создать высший), ни «вширь» (новообразованные школы почти не затрагивали сельскую местность и в единичном количестве существовали в городах), она не была включена в систему государственных учреждений, продолжая существовать как временный орган, ежегодно отчитывающийся о текущем состоянии существующих училищ.

ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РАЗРАБОТКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В 1802–1804 ГОДАХ

3.1. Начало царствования. Обсуждение преобразований в Негласном комитете

12 марта 1801 г. на российский престол вступил император Александр Павлович. Новое царствование подарило надежду на то, что стеснительные указы павловского царствования будут отменены, а вместо них юный государь начнет давно назревшие преобразования. Уже в первые мартовские дни во дворец императора стали стекаться различные проекты и записки, одна из которых принадлежала харьковскому помещику Василию Назарьевичу Каразину[1]. 22 марта 1801 г. Каразин, воспользовавшись одним из дворцовых церемониалов, тайно пробрался в царские покои и там оставил на рабочем столе государя запечатанное и не подписанное письмо[2], в котором предложил свою программу будущих реформ.

«Каким прекрасным днем началось твое царствование! Казалось нам, что сама природа в восторге встретила тебя…» – так восторженно начал Каразин свое первое письмо к императору. В ярких красках описав положение страны и все преимущества, в которых выпало Александру царствовать, Каразин перешел к изложению своего плана преобразований. Наряду с предложениями об ограничении самодержавия путем создания непреложных законов, улучшении судебной системы, упрочнении финансовой сферы, развитии

---

[1] Василий Назарович Каразин (1773–1842), с 1798 г. на государственной службе в ведомстве Медицинской коллегии, занимался подбором архивных документов для написания «истории о введении и успехах врачебного искусства в России», а также для сочинения российской истории. Письмо Д.П. Трощинского А.А. Беклешову от 13 октября 1801 г. о разрешении В.Н. Каразину делать выписки из бумаг, хранящихся в разрядном архиве // РГИА. Ф. 1329. Оп. 4. Д. 269. Л. 2. Подробнее о Каразине см.: *Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012.

[2] Письмо В.Н. Каразина императору Александру I от 22 марта 1801 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 1–16.

промышленности и торговли, облегчении участи крепостных крестьян, Василий Назарович просил Александра обратить особую «внимательность на воспитание своих подданных, соответственно местным и личным потребностям каждого»[3]. Верховное попечение об этом следовало предоставить «сословию – блюстителю законов», т.е. дворянству, которое будет действовать «посредством людей, имеющих над народом наиболее нравственной силы», в котором автор видел, конечно, духовенство. Идеи, высказанные Каразиным в письме, были крайне симпатичны молодому государю, который в тогдашнем русском обществе и, в особенности, в придворных кругах находил мало людей, разделявших его либеральные взгляды. Между тем они прямо отвечали его первым манифестам и указам. Он приказал графу П.А. Палену[4] и Д.П. Трощинскому[5] отыскать автора бумаги. Так совпало, что Трощинский обратился к М.М. Сперанскому и Г.Р. Державину, которые знали почерк Каразина. После подтверждения авторства письма, Каразин был представлен государю[6]. Тогда же было дано Каразину разрешение непосредственной переписки с царем, чем он пользовался в течении нескольких лет.

О том, что вопросам просвещения следует уделить пристальное внимание Александру говорили с разных сторон. Воспитатель царя, Фредерик Сезар де Лагарп, вернувшийся в августе 1801 г. в Россию, 16 октября направил

---

[3] Там же. С. 10.

[4] Граф Петр Алексеевич Пален (1745–1826), генерал от кавалерии, с 1798 г. – Петербургский военный губернатор и главный директор почт.

[5] Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1749–1829), тайный советник, сенатор, с 1793 г. – статс-секретарь, член Главного почтового правления, с 1801 г. – президент Главного почтового правления, начальник канцелярии Непременного Совета, с 1802 г. – министр уделов, с 1814 г. – министр юстиции. Сразу после вступления на престол, император Александр приблизил к себе Трощинского, на которого было возложено осуществление реформаторских замыслов царя. С 19 марта 1801 г. статс-секретарем при Трощинском был назначен М.М. Сперанский.

[6] Уже много позднее, в 1826 г., в письме к Николаю, Каразин вспоминал о том, что государь «удостоил меня в кабинете своем заключить с чувством в свои объятья». Письмо В.Н. Каразина императору Николаю I от 18 сентября 1826 г. // Русская Старина. 1870. № 12. С. 533.

императору секретную записку, в которой настаивал на создании особого департамента для скорейшего проведения образовательной реформы. Убеждая своего ученика в ее необходимости, Лагарп писал: «дабы просвещение плоды приносило, надобно его распространить на всех без остатка. Пусть в больших городах работают университеты, гимназии, коллегии, нет ничего лучше; но пусть и в деревнях школы откроются, где учили бы детей по крайней мере чтению, письму и счету»[7]. Но в первую очередь «превосходно было бы, без сомнения, все, что до народного просвещения касается, подчинить одному особливому и независимому департаменту, устроенному совсем просто, чтобы за трудами его надзирать с легкостью, а инструкции ему давать такие точные, чтобы их обойти было невозможно»[8]. Во главе такого департамента Лагарп предлагал поставить министра, «чтобы все дело вести единообразно». Но один человек с таким сложным делом справиться, конечно, не сможет, поэтому ему в помощь следовало «учредить совет, который составить из людей, Вашим Императорским Величеством назначенных». Еще раз возвращаясь к своей первоначальной мысли, Лагарп подчеркивал: «Учреждение и устройство этого департамента большую принесут пользу, ибо докажут, что Вы, Государь, народное просвещение почитаете одной из главных отраслей Вашего правления, что Вы этим предметом всерьез озабочены и результатов желаете добиться долговременных, а потому намерены действовать со знанием дела»[9].

К двум последующим письмам от 15 декабря 1801 г. и от 2 апреля 1802 г. Лагарп приложил отдельные записки, в которых подробно расписал свое представление о составе и деятельности задуманного министерства[10]. А так

---

[7] Письмо Ф.-С. Лагарпа императору Александру I от 16 октября 1801 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014. С. 403–404.

[8] Там же. С. 405.

[9] Там же. С. 405.

[10] Соображения о временном устройстве департамента народного просвещения, представленные Императору 15 декабря 1801 г.; Проект указа, призванного реформировать народное просвещение от 2 апреля 1802 г. //

как центром обсуждения вопросов, связанных с реформированием системы исполнительной власти в то время был Негласный комитет, куда входили Н.Н. Новосильцев, гр. П.А. Строганов, В.П. Кочубей и кн. А.А. Чарторыйский, император и предложил им рассмотреть записку Лагарпа[11].

Первый раз «молодые друзья» познакомились с мнением Лагарпа на заседании 23 декабря 1801 г.[12] В ходе обсуждения Строганов высказал свои симпатии по отношению к французской системе образования, в которой разделялось образование общественное, заключающее «в себе все общие сведения, которые надлежало распространить в народе» и специальное для тех, кто «готовят себя к известному поприщу общественной деятельности: морской службе, артиллерии, инженерному делу, а также правоведению»[13]. Но Александр I выразил сомнение, что в России следует применять французскую модель в том виде, в котором она существует там. На этом же заседании было принято решение привлечь к разработке образовательных реформ нескольких человек, не понаслышке знакомых с этой сферой – членов действующей Комиссии об учреждении народных училищ П.С. Свистунова и Ф.И. Янковича де Мириево, куратора Дерптского университета А.А. Мантейфеля и директора первого кадетского корпуса Ф.И. Клингера[14].

Там же. С. 641–647; С. 728–734. Подробнее об участии Лагарпа в образовательной реформе см.: *Андреев А.Ю.* Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России // Российская история. 2010. № 6. С. 40–46.

[11] В.Ю. Захаров считает Лагарпа не явным, но «своеобразным ассоциированным членом Негласного комитета в период нахождения его в России» // *Захаров В.Ю.* К вопросу об определении состава Негласного комитета // Земля и власть в судьбе России. Сборник научных статей участников Всероссийской научно конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессоров А.Г. Кузьмина и В.Г. Тюкавкина. М., 2024. С. 228.

[12] Протокол заседания Негласного комитета от 23 декабря 1801 г. На фр. яз. // *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 2. С. 144–151.

[13] *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 33.

[14] Фридрих Максимилиан (в России – Федор Иванович) Клингер (1752–1831) – уроженец г. Франкфурта на Майне, представитель немецкого Просвещения, поэт и драматург, с 1780 г. находился на русской военной службе.

К деятельности екатерининской Комиссии, как мы уже видели, Лагарп относился не слишком благожелательно, а вот к мнению Клингера был готов прислушаться. Спустя некоторое время между ними состоялся интересный разговор, который был тотчас пересказан царю. «Государь, – писал Лагарп Александру, – заговорил я давеча с генералом Клингером о военных училищах и услышал от него множество возражений и замечаний. Желая до сути дела добраться, попросил я его все сие на письме изложить, что он и исполнил, причем попросил меня галлицизмы его исправить. Ежели Вашему Императорскому Величеству угодно другие сведения от него получить, прилично будет, пожалуй, чтобы от Его Императорского Высочества как шефа корпуса приказ был отдан, дабы субординацию не нарушить»[15]. Не вызывает сомнений, что Клингер получил высочайшее разрешение на изложение своих идей по поводу организации не только военного, но и общего образования, поскольку его проект был предложен на рассмотрение членам Негласного комитета уже в апреле[16] вместе с очередной запиской Лагарпа.

Как и царский воспитатель, Клингер предлагал начать реформу просвещения с организации начального образования, предусмотрев наличие учителя в каждой деревне. Естественно, это предложение вызвало негативный отклик присутствующих, поскольку такое количество учителей было невозможно найти и подготовить в обозримое время, учитывая обширность империи и значительное число сельских поселений, как и идея Клингера использовать в качестве учителей семинаристов и унтер-офицеров. Таким образом, подготовленный им проект по организации публичных школ был признан далеким от российских реалий и отклонен[17], но сам автор сохранил в

---

[15] Письмо Ф.-С. Лагарпа императору Александру I от 30 января 1802 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп… С. 466.

[16] Проект Клингера не обнаружен, о его сути можно судить по замечаниям Н.Н. Новосильцева, сделанным в ходе обсуждения. Протокол заседания Негласного комитета от 11 апреля 1802 г. На фр. яз. // *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов… С. 208–212.

[17] *Арискина Ю.Э.* Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I: дис... канд. истор. наук. М., 2015. С. 249.

глазах императора и его «молодых друзей» статус специалиста в области народного просвещения, что позволило привлечь его к дальнейшему обсуждению образовательных реформ.

Вторая записка Лагарпа рассматривалась на заседании Негласного комитета также 11 апреля 1802 г., когда уже было одобрено разделение административной власти между министерствами и в целом очерчен круг ведомства Министерства просвещения. По мнению С.В. Рождественского, Строганов довольно неточно и наскоро записал в протоколах предложение, высказанное Н.Н. Новосильцевым: «Министерство народного просвещения, заняв место Комиссии правления училищ, будет иметь в управлении: библиотеки, коллекции минералов и проч., академии и все воспитательные заведения»[18]. Желание Лагарпа ускорить проведение реформы и незамедлительно создать отдельное ведомство просвещения вызвало возражения у участников заседания, которые посчитали, что «от такого отдельного исполнения одной из частей проекта могла произойти несвязность прочих, весьма вредная для успеха дела, и что лучше было подождать две или три недели, нежели торопиться с несвоевременным предложением одного ведомства»[19]. Уточнение сферы ответственности министра народного просвещения состоялось 12 мая. Из его ведения были изъяты кадетские корпуса и военные училища, а также все учебные заведения, состоящие под покровительством императрицы Марии Федоровны. На этом же заседании встал вопрос о точном названии министерства. В.П. Кочубей предложил термин «воспитание», т.к. опасался, что употребление термина «просвещение» произведет плохой эффект. Все остальные члены комитета отвергли эту идею и поддержали императора, предлагавшего оставить термин «просвещение» без изменений[20]. Еще один вариант названия сохранился в черновике проекта об утверждении министерств, принадлежащий Н.Н.

[18] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 33.

[19] Там же. С. 34.

[20] *Арискина Ю.Э.* Указ. соч. С. 252.

Новосильцеву: «Министерство народного учения, воспитания юношества и распространения наук и художеств»[21], хотя и тут слово «учение» позднее будет зачеркнуто и вместо него вставлено «просвещение». Этот черновик интересен еще и тем, что в нем помимо подробного перечисления сфер ответственности вновь создаваемого государственного органа власти (с небольшой редакторской правкой затем вошедшего в окончательный текст указа) будут названы и первые кандидаты на должности министра и его помощника: «Министерство народного учения, воспитания юношества и распространения наук и художеств возлагаем мы на нашего действительного тайного советника и сенатора графа Строганова, к которому предлагаем в пособие нашего тайного советника князя Адама Чарторыйского, повелевая первому именоваться министром сего отделения, а второму вице-министром. В непосредственное ведение их входят Главное училищное Правление со всеми попечению его предоставленными частями, императорская Академия наук, Российская академия, Академия художеств, университеты, типографии, как казенные, так и частные, цензуры, народные библиотеки, музеи и всякие учреждения каковыя и впредь для распространения наук и художеств постановлены быть могут»[22]. Президент Академии художеств А.С. Строганов министром народного просвещения в итоге не был назначен, а кн. А. Чарторыйский стал помощником министра совсем другого ведомства, хотя в разработке образовательных проектов продолжал принимать самое активное участие.

3.2. Комитет 18 марта 1802 года

Одновременно с деятельностью Негласного комитета, в окружении императора Александра разворачивалась работа по подготовке реформ уже существующих в России образовательных и научных учреждений. В начале

[21] ОР РНБ. Ф. 526. Д. 2. Л. 1 об. Опубликован в кн.: *Приходько М.А.* Черновики Манифеста 8 сентября 1802 г. "Об учреждении министерств". М., 2003.

[22] Там же. Л. 2.

1802 г. царю были поднесены проекты уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета. 18 марта 1802 г. был подписан высочайший указ о создании «Комитета для рассмотрения уставов» в который были включены тайные советники и сенаторы М.Н. Муравьев и граф С.О. Потоцкий, статский советник академик Н.И. Фус, и профессор Московского университета Ф.Г. Баузе[23]. В глазах императора именно они являлись экспертами в области образования, которым он мог доверить кропотливую работу по изучению имеющихся к этому времени документов. Письмоводителем Комитета был назначен В.Н. Каразин, пользовавшийся в это время полным доверием государя. Согласно указу, доведенному до сведения назначенных лиц Д.П. Трощинским[24], Комитет должен был рассмотреть представленные императору проекты уставов, «сообразив их с намерением сих учреждений и с истинным средством расширения пользы их и действия на народное просвещение, сравнить с лучшими в сем роде иностранными заведениями и по сему сравнению сделать надлежащие перемены или дополнения, какие к лучшему их устройству могут быть нужными, представить Его Императорскому Величеству положения их на утверждение»[25]. Как считает А.Ю. Андреев, по сути, именно вышеназванному Комитету уже в первой половине 1802 г. император поручил разработку университетской реформы, пока еще в одном только Московском университете, но зато уже в связи с преобразованиями и двух российских академий. К сожалению, рукописи документов, поступивших в Комитет, как и его журналы заседаний в архивных фондах пока не обнаружены, хотя Каразин, упоминая о своих трудах весной 1802 г. писал, что члены Комитета получили «множество бумаг, содержащих планы и

[23] Профессор Баузе не был назначен указом, а был прикомандирован позже // *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755–1855. М., 1855. С. 316.

[24] РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 272. Л. 338.

[25] Высочайше утвержденная записка об учреждении Комитета для рассмотрения уставов Академии Наук, Академии Российской и Московского университета. 18 марта 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.187. С. 75–76.

соображения разного рода по сим заведениям»[26]. И только итоговый доклад Комитета, адресованный императору Александру I (как это и предполагалось в указе о его создании) сохранился в личном фонде М.Н. Муравьева в ГАРФ[27].

Доклад был подписан 8 августа 1802 г., а это значит, что Комитет в короткий срок (около четырех месяцев) провел большую работу не только по обсуждению проектов, но и по выработке собственных поправок к ним или даже новых планов. Руководил работой Муравьев, он же взял под свой особый контроль вопросы, связанные с Московским университетом, но собственно текст доклада составлял В.Н. Каразин (как это и полагалось ему по его должности письмоводителя). На это указывает сохранившееся письмо Муравьева, которое можно датировать июлем – началом августа 1802 г., в котором тот, обращаясь к Каразину, писал: «Я все брежу об университете и посылаю вам мой бред. Не таким ли образом выразить нам в докладе?» – и далее в письме приводит начало той части доклада Комитета, которая посвящена Московскому университету[28]. А в примечаниях к публикации этого письма сын Каразина Филадельф уточняет, что «Комитет этот был учрежден по проекту Василия Назаровича, который и был назначен правителем дел его»[29].

Во вступительной части доклада члены Комитета восхваляли Петра I, который «водворял науки посреди своих подданных» и Екатерину II за то, что «народное просвещение стало ее страстию». Но Французская революция остановила деятельность императрицы в пользу распространения науки и

---

[26] Письмо В.Н. Каразина свящ. Василию Фотиеву от 2 мая 1802 г. // Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования Г.П. Данилевского. Харьков, 1866. С. 136.

[27] ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10. Опубликован в кн.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 257–269.

[28] Письмо М.Н. Муравьева В.Н. Каразину от 1802 г. // Русская Старина. 1900. № 7. С. 56. Черновик этого же отрывка доклада сохранился среди бумаг М.Н. Муравьева в Отделе рукописей РНБ // ОР РНБ. Ф. 499. Д. 13. Л. 3–3 об.

[29] *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 877. Не случайно Филадельф Каразин приписывает инициативу образования Комитета своему отцу. На очень теплом письме проф. Баузе Каразину, написанном на немецком языке, рукой последнего была сделана надпись: «Я (В.Н. Каразин) выпросил у Государя помещение его (Ф. Баузе) в комитет училищный и 1000 на проезд в С.-Петербург» // Там же. С. 878.

просвещения, которые теперь «представлялись в некотором видимом противуположении с общественным благосостоянием». И авторы доклада призывали молодого императора вернуться к политике его венценосных предшественников и «вознестись превыше неосновательных страхов», ведь «истинное просвещение, быв поддерживаемо нравами, руководимо религиею, по самому свойству своему не может иметь другой цели, кроме общественного порядка»[30].

Как явствует из текста доклада, вместе с ним императору были представлены проекты уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета, к сожалению, также не сохранившиеся, поэтому об их содержании приходится судить по содержанию самого доклада. Чтобы улучшить нынешнее состояние Академии наук, члены Комитета предложили ввести ряд новых предметов (умственную и деятельную философию, политическую экономию, историю и статистику), предоставить право академикам самим избирать как своих членов, так и служащих в ней чиновников, увеличить жалование академикам и предоставить им пенсии, а также ликвидировать академическую канцелярию, которая «присвоила себе управление» всей Академией. Изменения в уставе Российской академии предполагались минимальные: «токмо прибавления к суммам, назначенным на ежегодное издание ее трудов и ободрение писателей и переводчиков»[31].

В отношении Московского университета члены Комитета предложили ориентироваться на План 1787 г., наполненный «мыслями благонамеренными». Не желая переходить на французскую систему отделений, авторы доклада решили сохранить традиционную структуру факультетов, с обязательным увеличением количества профессоров. На политико-юридическом факультете (вместо существующего юридического) следовало ввести преподавание статистики, политической экономии, технологии, общих правил камералистики, коммерции и

---

[30] Доклад Комитета по рассмотрению уставов ученых заведений от 8 августа 1802 г. // *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 258.

[31] Там же. С. 261.

сельского домоводства с тем, чтобы выпускники могли быть готовы «ко всем родам гражданской службы». На медицинском факультете добавлялась кафедра «врачевания животных». Философский факультет оставался без изменений. Гимназистов предполагалось перевести в отдельное здание, чтобы в глазах публики «толпы отроков, скудно призренных» не портили мнение об университете.

Чтобы сильно не увеличивать расходы на гимназию и университет, члены Комитета предложили ввести плату за прослушанные курсы, освободив только 250 гимназистов и 60 студентов, а также всех тех, кто получил свидетельства от «приказа общественного призрения в том, что состояние их недостаточно». Этой мерой не только уменьшится «число ходящих беспорядочно, праздных слушателей», но и улучшится качество лекций, поскольку «профессоры более будут побуждены наставления свои располагать таким образом, чтоб произвести в слушателях любопытство, привлечь их внимание и навсегда впечатлеть в их памяти преподаваемое». А для того, чтобы университет мог готовить отечественных учителей и профессоров, авторы доклада сочли полезным установить класс «кандидатов университета, состоящий из разных ученых оного звания, упражняющихся единственно в трудном искусстве преподавания»[32]. Вопросами внутреннего переустройства московской гимназии, которую предлагалось полностью отделить от университета, следовало заняться отдельно.

Повторяя нормы Плана 1787 г., Комитет настаивал на необходимости введения классных чинов как для членов академической, так и для университетской корпораций. Но если для Академий детально прописанных чинов по Табели о рангах в докладе еще не было, авторы ограничились только желанием «присвоить каждому академическому званию государственный класс, пристойный степени почтения, какую оно заслуживать должно в обществе», то для университета были предложены чины, определенные еще в предыдущих проектах:

[32] Там же. С. 264.

профессору – 7 класс, адъюнктам и докторам – 8 класс, магистрам – 9 класс, студентам, поступившим в кандидаты – 12 класс, а прочим студентам – 14 класс.

Авторы доклада рискнули выйти за пределы очерченных им полномочий и предложили (пусть и в схематичном виде) основные черты системы начального и среднего образования в империи. «Надлежало бы установить в каждом казенном селении начальные школы, в которых крестьянин мог бы приобретать малое число знаний, для него необходимых, побудить всеми средствами помещиков сделать тоже самое в своих деревнях, ввести в уездные города начала познаний, нужных для художника, мастерового и мелочного торговца, учредить, чтоб во всяком губернском городе преподавали бы все, что только прилично знать дворянину, купцу и достаточнейшему мещанину»[33]. Но главное, чтобы между этими тремя видами училищ «пределы учения были разделены с великою точностью, так, чтобы другая степень начиналась точно там, где окончилась первая».

В завершении доклада члены Комитета подчеркнули необходимость единых требований, программ и методов преподавания, а также единой иерархии учебных заведений (авторам импонировала польская система), при которой губернское училище руководит уездными и сельскими, а само, в свою очередь находится под наблюдением одного из университетов. Руководителем же всей системы образовательных учреждений должен был стать министр общественного воспитания, «человек, исполненный ревности к общему благу, ревности, от которой едва ли не все зависит, чтоб министр сей был вспомоществуем некоторыми просвещенными чиновниками, которые бы непосредственно занимались надзиранием над университетом и посещением славных училищных учреждений в империи»[34].

Император Александр I был доволен результатами деятельности Комитета. Сообщая о завершении порученной ему работы, Н.И. Фус в письме своему отцу в Базель писал: «Император выразил нам в связи с этим свое особое удовольствие

[33] Там же. С. 268.

[34] Там же. С. 269.

и приказал передать мне через г. тайн. советника Муравьева бриллиантовое кольцо стоимостью 1500 р. в знак его высочайшего благоволения»[35]. А письмоводителю Комитета В.Н. Каразину был пожалован орден Святого Владимира IV степени с рескриптом, подписанным лично царем[36]. Как видно из текста рескрипта, орден был пожалован за усердную службу и «особливые нужды, оказанные по Комитету составления разным ценным в Российской Империи заведениям новых уставов и штатов»[37]. Следует отметить, что императорский рескрипт получали лишь те гражданские и военные чиновники, которые награждались первой, высшей степенью ордена, да и то не всегда. Следовательно, собственноручно подписанный императором Александром рескрипт о награждении коллежского советника Каразина всего лишь четвертой, самой низшей степенью ордена св. Владимира современники, да и сам Василий Назарович расценивали как исключительную монаршую милость.

Таким образом, доклад Комитета 18 марта, представленный ровно за месяц до выхода Манифеста об учреждении министерств, не мог не оказать непосредственного влияния на создание Министерства народного просвещения и формулировку его задач. Фактически одновременно и члены Негласного комитета, и члены Комитета по рассмотрению уставов высказали назревшую мысль о необходимости создания единого органа управления народным просвещением, который должен помогать министру в его деятельности.

---

[35] Подлинники писем Н.И. Фуса к отцу и дневник его путешествия по России хранится в Базеле (Bernoulli-Edition, Basel) и цитируются по: *Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век. СПб., 2009. С. 148.

[36] Рескрипт императора Александра I В.Н. Каразину о пожаловании его орденом св. Владимира от 22 сентября 1802 г. // Отдел рукописей ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 9020. Орден св. кн. Владимира, учрежденный императрицей Екатериной II в 1782 г. занимал очень высокое положение в иерархии российских императорских орденов и давался в качестве весьма высокой награды как за военные, так и за гражданские заслуги. По статуту гражданский чиновник мог получить 4 степень ордена за 35 лет «неотлучной и беспорочной» службы // *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2008. С. 357.

[37] Отдел рукописей ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 9020. Л. 1.

3.3. Основание Министерства народного просвещения. Деятельность Комиссии об училищах

8 сентября 1802 г. было учреждено Министерство народного просвещения, воспитания юношества и распространение наук[38], т.е. особый орган управления, на который возлагались заботы о народном образовании в России. Первым из центральных учреждений министерства, согласно особому высочайшему указу от того же числа[39], была создана Комиссия об училищах. Указ императора ставил перед ней четкую задачу – составить и привести в исполнение план учебной системы, а для этого организовать учебные округа во главе с университетами, которым должны быть подведомственны все прочие высшие и низшие училища[40].

Высочайшее одобрение деятельности Комитета 18 марта 1802 г., безусловно, сыграло роль в том, что все его члены перешли в Комиссию об училищах, правителем дел которой, как и у Комитета, был назначен В.Н. Каразин. Сам Каразин был склонен именно себе приписывать заслугу создания нового министерства: «Кто знает, например, что живущий ныне, хотя уже в гроб заглядывающий старик, – писал он М.П. Погодину в мае 1843 г., – дал идею и выполнил ее на полустопе бумаги своею рукой об отдельном Министерстве народного воспитания, которое нигде в Европе еще не существовало?»[41] Также можно привести отрывок из письма Каразина к князю А.А. Долгорукову, в котором автор приводит доказательство своего вклада в основание этого министерства: «Официальным доказательством, в том, что я был первоначальною причиною... всего департамента народного просвещения, может служить высочайший указ Правительствующему Сенату от 8 сентября

---

[38] Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406. С. 243–248.

[39] Указ о должности Комиссии училищ. 8 сентября 1802 г. // Там же. № 20.407. С. 248–249.

[40] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 43.

[41] Цит по: *Бодянский О.* Замечание к записке о В.Н. Каразине // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. Разд. V. С. 203.

1802 года, в котором я один (в лице правителя дел комиссии об училищах) именован на ряду с членами ея и министрами, назначенными в тот же день. Воля государя в сем случае не могла быть без особливой причины... Назначению директоров и правителей канцелярий свойственно быть не иначе, как по докладу, подносимому заведующими министрами»[42]. Однако видеть в основании министерства только лишь заслугу одного Каразина все-таки было бы неверно, ведь как уже упоминалось, вопросами народного просвещения император занимался еще в Негласном комитете с декабря 1801 г.

Председателем Комиссии являлся по своей должности министр народного просвещения, которым был назначен бывший екатерининский фаворит, много лет возглавлявший Комиссию об учреждении народных училищ, сенатор, действительный тайный советник, граф П.В. Завадовский, также по должности участником заседаний Комиссии являлся товарищ министра, которым стал сенатор, тайный советник М.Н. Муравьев, а ее членами – товарищ министра иностранных дел, тайный советник князь А.А. Чарторыйский, сенатор, тайный советник граф С.О. Потоцкий, академики Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус и генерал-майоры Ф.И. Клингер и Н.Ф. Хитрово[43]. Кроме них в заседаниях участвовали и два члена продолжающей формально существовать Комиссии об учреждении народных училищ – П.С. Свистунов (был только в первых трех заседаниях) и Ф.И. Янкович де Мириево[44], что подчеркивало преемственность реформ двух эпох – александровской и екатерининской.

---

[42] Письмо В.Н. Каразина кн. А.А. Долгорукову от 8 июля 1829 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 757.

[43] О должности Комиссии училищ. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.407. С. 248. Николай Федорович Хитрово на заседаниях Комиссии не разу не появился.

[44] Ф.И. Янкович де Мириево не прерывал свою деятельность и в Комиссии об учреждении народных училищ, таким образом обе Комиссии существовали параллельно и в то же время во внутренней связи: опыт и знания старой Комиссии оказались необходимыми для новой // Описании дел архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Петроград, 1917. С. 85.

В фондах Министерства народного просвещения журналы заседаний Комиссии об училищах сохранились и впоследствии были полностью опубликованы сотрудниками архива[45]. Однако документы, поступавшие в Комиссию и хранившиеся в приложениях к журналам, до сих пор считались утраченными[46]. И только недавно удалось обнаружить ряд проектов (к сожалению, не все), подготовленных ее членами, что позволяет лучше оценить вклад Комиссии в подготовку последующих министерских документов.

Комиссия провела всего семь заседаний. Первое из них состоялось в субботу 13 сентября 1802 г., и далее все, кроме последнего, проходили по субботам, причем, как выясняется из журнала шестого заседания, начинались вскоре после возвращения министра народного просвещения графа П.В. Завадовского от императора, которому он делал еженедельный доклад. Местом заседаний был выбран дом Завадовского[47]. В первом заседании был представлен максимально широкий круг участников Комиссии: М.Н. Муравьев, А.А. Чарторыйский, С.О. Потоцкий, Ф.И. Клингер, Ф.И. Янкович де Мириево, П.С. Свистунов, Н.Я. Озерецковский, Н.И. Фус. Не хватало только правителя дел В.Н. Каразина, который в этот момент еще находился в Харькове, где занимался делами, связанными с учреждением университета – он приступил к исполнению своих обязанностей лишь с четвертого заседания. После чтения высочайшего указа о создании Министерства народного просвещения и созыве Комиссии были распределены первые поручения: Клингер взялся к следующему заседанию приготовить «проект о устроении и распоряжении нижних училищ», а академики Озерецковский и Фус –

---

[45] Ф. 731. Оп. 1. Д. 1; Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 2. СПб., 1897. Стб. 1–22.

[46] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 375.

[47] В очередном письме к отцу Н.И. Фус писал, что после окончания первого заседания гр. П.В. Завадовский оставил у себя на обед не только членов Комиссии об училищах, но и пригласил на него всех министров // *Мументалер Р.* Указ соч. С. 148.

«начертание, в которых городах Российской империи выгоднее и удобнее завести университеты с назначением в зависимость их училищ»[48].

В связи с тем, что по указу императора Александра I от 8 сентября 1802 г. учебно-административным средоточием округа являлся университет, разделение империи на учебные округа зависело от того, в каких городах будут учреждены университеты. На втором заседании, 20 сентября, академик Фус предложил создать 6 учебных округов с центрами в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Казани, Вильно и Дерпте. Все существующие на тот момент губернии были разделены между университетскими городами: в зависимости от Санкт-Петербургского университета должны были состоять гимназии и училища Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний; от Московского – Московской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тверской, Владимирской, Ярославской и Костромской губерний; от Харьковского – Слободско-Украинской, Орловской, Курской, Черниговской, Киевской, Полтавской, Воронежской, Тамбовской, Новороссийской, Астраханской, Кавказской губерний; от Казанского – Казанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерний, от Виленского – школы в Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской, Витебской и Могилевской губерниях, а гимназии и училища Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерний контролироваться Дерптским университетом[49]. Озерецковский в своем проекте также предложил оставить в стране шесть университетских столиц, но вместо Санкт-Петербурга и Вильно открыть университеты в Воронеже и Великом Устюге, а учебные заведения Санкт-

[48] Журнал Комиссии об училищах № 1 от 13 сентября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 5.

[49] Проект Н.И. Фуса о разделении империи на шесть главных уделов касательно общественного просвещения, предложенный Комиссии 20 сентября 1802 г. на французском и русском языках // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 558–560. В итоговом распределении Вологодская губерния отошла к Московскому учебному округу, Киевская – к Виленскому, а Тамбовская, Астраханская и Кавказская – к Казанскому.

Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Выборгской губерний подчинить непосредственно надзору Комиссии об училищах[50]. Посчитав, что сразу несколько университетов открыть будет сложно, остальные члены Комиссии предложили учредить пока один университет в «городе Киеве или в Казани, потому что в первом из них изстари учреждена Академия, а во втором существует обширная гимназия, следственно и учащихся в них найдется довольно таких способностей, с коими б могли они проходить университетское учение»[51], а в оставшихся городах основать сначала гимназии.

Вариант Ф.И. Янковича де Мириево, представленный Комиссии через две недели повторял план Фуса с одной только разницей – Харьковский округ было предложено заменить Киевским, но ему возразил гр. А.А. Чарторыйский, настоявший на Харькове, как университетском городе. Польскому патриоту было важно, чтобы училища Киева не составляли единое учебное пространство с училищами южнорусских губерний, а полностью вошли в состав учреждаемого Виленского округа, тем самым он добивался сохранения «духа польского народа» на территориях Белоруссии и Правобережной Украины[52]. Настойчиво поддерживал Харьков в качестве университетской столицы и только вернувшийся оттуда правитель дел В.Н. Каразин. Но разногласия среди членов Комиссии об училищах вызвало не только определение города для университета Юга России, нашлись противники пребывания высшей школы и в столице империи. Одним из них был гр. С.О. Потоцкий, детально изложивший свое мнение в отдельной записке[53].

---

[50] Журнал Комиссии об училищах № 2 от 20 сентября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 8.

[51] Там же. Стб. 9.

[52] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002. С. 204.

[53] *Потоцкий С.О.* Мнение о учреждении университета в Санкт-Петербурге // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 4. С. 308–313.

Основным доводом против присутствия университета в Санкт-Петербурге было большое количество соблазнов, подстерегающих там будущих студентов: «Возможно ли в соседстве блистательного двора, многочисленного гарнизона, в средоточии всех возможных разсеяний, ожидать от молодого человека прилежания и тщательности, которыя одне сильны произвести истинные успехи?»[54] – спрашивал Потоцкий своих оппонентов. Автор считал, что университет не сможет пользоваться вспомогательными учреждениями Академии (библиотекой, кабинетами, зданиями, ботаническим садом и др.), а «нужно будет заводить все с новыми издержками и дороже, нежели во всяком другом месте»[55]. Также потребуются огромные суммы на обеспечение профессоров и студентов квартирами. В итоге Потоцкий видел «отвсюду неудобство без малейшей выгоды, удвоенныя издержки, без всякого плода, а что всего хуже, иеисчетныя опасности для юношества, без всякой надежды воспользоваться ему совершенным наставлением»[56]. Записка не датирована, но можно предположить, что она была написана в конце октября – ноябре 1802 г. уже после прекращения заседаний Комиссии об училищах (см. далее), поскольку мнение автора, присутствовавшего на всех заседаниях, не обсуждалось и не было внесено ни в один журнал. Таким образом, можно констатировать, что в целом члены Комиссии согласились на утверждение шести учебных округов, но окончательное решение по столицам двух из них еще оставалось принять.

Одновременно с определением университетских центров на заседаниях Комиссии сразу же встал вопрос об организации и управлении начальными и средними школами. Еще на первом заседании Клингер «принял на себя труд сочинить к следующему собранию проект о устроении и распоряжении нижних училищ», который и был представлен к обсуждению 20 сентября[57]. В

[54] Там же. С. 309.

[55] Там же. С. 312.

[56] Там же. С. 312.

[57] Articles principeaux pour un Plan de l’instruction publique // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 545–549 об.

нем он разделил все учебные заведения на четыре группы: университеты, гимназии, начальные и приходские школы и предложил на обсуждение собравшимся ряд положений по устройству сельских приходских училищ. Такая школа, по мысли Клингера, должна находиться в каждом селе, где есть церковь и занимать самый большой дом в деревне, пока не будет выстроен специальное училищное здание. Учителями в приходских училищах могли бы стать дети священников, освобожденные от рекрутской повинности, а также выпускники Воспитательного дома Санкт-Петербурга и Москвы. Обучение будет продолжаться только в зимние месяцы, с ноября по март, либо апрель, по четыре часа в день и состоять из чтения, письма, четырех правил арифметики и катехизиса, который дети должны не заучивать механически наизусть, а стараться понимать смысл. Также в проекте было расписан порядок экзаменов, отчетность учителей перед вышестоящим начальством о состоянии школ и высказана идея о публикации ежемесячного журнала под контролем Академии наук, из которого читающая публика будет получать информацию о учебных заведениях в империи, а также новости о российских и иностранных книжных изданиях и открытиях[58]. Стоит обратить внимание, что идеи этого проекта тесно перекликаются с его же мыслями, высказанными в апреле на заседании Негласного комитета – не вызывает сомнений, что автор лишь немного отредактировал ранее написанный текст.

Академик Фус выступил с предложением сначала собрать точные сведения о «положении существующих ныне училищ… которые не токмо откроют Комиссии цель к суждению, что может неприменным остаться из прежнего устроения, и самые удобные способы к усовершению онаго в последствии времени, но могут при том руководствовать к совершению общего начертания, соображаясь в сем случае с различными обрядами,

[58] Там же. Стоит отметить, что многие предложения Клингера войдут в законодательные документы министерства, а уже со следующего года будет регулярно выходить «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения».

нравами, родом жизни, языками и успехами в просвещении»[59]. Фактически академик запросил отчетные сведения о деятельности екатерининской Комиссии о народных училищах, которая еще продолжала свое существование. Янкович де Мириево, будучи как раз членом данной Комиссии, в тот же день ознакомил присутствующих с документами о состоянии народных училищ Ярославской губернии с 1786 по 1802 год, в которых было указано количество школ и учеников в губернии, охарактеризована деятельность директоров, смотрителей и учителей этих учебных заведений, указаны благотворители и оказанные ими пожертвования. А уже через неделю П.С. Свистунов представил на заседании запрашиваемый отчет под заглавием «Сведение касательно существующего положения Комиссии об учреждении училищ и зависимых от нея заведений в Российской Империи, с показанием разных ею же изданных учебных книг и пособий, с приобщением к тому относительно учебной и экономической части разных приложений». По большей части эти документы были подготовлены еще в 1801 г., когда Комиссия об учреждении народных училищ подавала донесение сенатору Д.П. Трощинскому, несколько же приложений с данными за 1802 г. были добавлены специально для членов новой Комиссии[60].

Третье заседание Комиссии было в основном посвящено разбору записки Фуса, в которой он дополнял и развивал идею Клингера о разделении учебных заведений империи на четыре разряда[61]. Академик предложил внести ряд важных изменений в Устав народных училищ 1786 г., присоединив к уже имеющимся главным и малым народным училищам школу третьей ступени – приходское училище, и главное – выстроить иерархическую соподчиненность учебных заведений: «Сельским училищам состоять под надзиранием второго

[59] Журнал Комиссии об училищах № 2 от 20 сентября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 8.

[60] Описание дел архива Министерства народного просвещения… С. 89.

[61] Записка Н.И. Фуса, предложенная собранию 27 сентября 1802 г. На фр.яз. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 554–557. Часть этой записки пересказана в 3 журнале Комиссии об училищах // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 10–13.

разряда уездных училищ; уездным училищам быть в зависимости от главных губернских училищ; сим состоять под распоряжением университетов по их отделению; университетам же состоять в надзирании у местного правителя или директора училищ»[62]. Учебная программа приходских училищ, предложенная Клингером, Фуса совершенно устроила, а для уездных училищ и гимназий вполне подойдут учебные дисциплины существующих школ с небольшими изменениями (в программу уездных училищ следовало добавить сокращенную историю и географию, начала физики и геометрии; в учебный план гимназий – латинский язык, алгебру, физику и механику, одновременно исключив архитектуру). По мысли Фуса, «шестнадцать протекших лет от учреждения народных училищ сами по себе сближили сии переиначения и приуготовили производство прекрасного начертания к распространению успехов в просвещении»[63]. Автор надеялся, что учительская гимназия успела подготовить достойных педагогов для новых учебных заведений, но т.к. потребность в учителях с каждым годом будет только увеличиваться, следовало возобновить ее деятельность, а также в скорейшем времени рассмотреть и подать на высочайшее утверждение устав Московского университета, подготовленный в ходе работы Комитета 18 марта.

Министр народного просвещения предложил академику Фусу «развить идеи», высказанные им в предыдущей записке и обосновать необходимость преобразования существующих главных народных училищ в гимназии. В начертании, представленном членам Комиссии 4 октября, Фус подробно расписал предполагаемые изменения в учебных планах третьего и четвертого класса гимназий с перечислением предметов и учебных часов как в целом по годам, так и конкретно на каждого учителя[64]. Академик не стал увеличивать

---

[62] Журнал Комиссии об училищах № 3 от 27 сентября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 10. Напомним, что подобная идея уже звучала в докладе Комитета 18 марта.

[63] Там же. Стб. 13.

[64] Донесение Н.И. Фуса, внесенное в Комиссию об училищах 4 октября 1802 г. На фр. яз. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 550–553.

число учителей для гимназии, хотя прекрасно осознавал, что не все учителя главных народных училищ смогут преподавать новые предметы (алгебру, философию и др.), и для их обучения потребуются время и дополнительные средства, что увеличит расходы на гимназию по сравнению с суммой, заложенной в Уставе 1786 г. с 2000 руб. до 3800 руб. Члены Комиссии, одобрив основные положения представленной записки, высказали сомнение, что в гимназиях удастся сохранить прежнее количество учителей.

На этом же заседании были рассмотрены еще два проекта, касающиеся организации среднего и начального образования в Российской империи. Свои размышления представили Ф.И. Янкович де Мириево и кн. А.А. Чарторыйский. Они оба поддержали план четырехступенчатой системы учебных заведений с «постепенною одних от других зависимостию и подчинением»[65]. Чарторыйскому, прекрасно знавшему принципы образовательной системы польской Эдукационной комиссии, было важно сохранить тесную связь между низшей и высшей школой, что позволило бы и в будущем контролировать учебные заведения на бывших польских землях. И не случайно, еще до принятия окончательных решений на заседаниях Комиссии об училищах, министр народного просвещения поручил гр. С.О. Потоцкому и кн. А. Чарторыйскому «заняться соображением» такого устройства училищ на западных землях, «чтоб они имели общее средоточие, одну систему зависимости и управления, чтоб содержание их было обеспечено одинаковым или подобным образом»[66].

Янкович де Мириево, разрабатывавший училищную реформу еще в царствование Екатерины II, допускал сохранение контроля за хозяйственной частью дворянских училищ губернаторами и губернскими предводителями дворянства, а народных училищ – приказами общественного призрения. Вместе с тем университет должен был получать хозяйственные ведомости от

[65] Журнал Комиссии об училищах № 4 от 4 октября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 17.

[66] Там же. Стб. 18.

всех учебных заведений «своего отделения», а раз в два года их еще должны были проверять члены Комиссии об училищах, «посылаемые в виде генеральных визитаторов от министра народного просвещения»[67]. С целью повышения уровня навыков практического земледелия, Янкович предложил учредить несколько специальных училищ, выделить для каждого по две десятины казенной земли и «определить в учители одного из воспитанников Царскосельской земледельческой школы, который бы зимою обучал чтению и письму, а в летнее время руководствовал учеников в земледелии»[68]. Так как в основных положениях все представленные проекты друг другу не противоречили, члены Комиссии решили, что правитель дел может «приступить к начертанию плана гимназий, сообразуясь с идеями, предложенными от разных членов»[69].

Каразин, несомненно, ждал подобное поручение. Его должность правителя дел не позволяла непосредственно подавать свои проекты на обсуждение членов Комиссии об училищах, но довольствоваться исключительно ролью секретаря, даже назначенного лично императором, Каразин не желал. Активное обсуждение в Комитете 18 марта университетских проектов и уставов подтолкнуло Василия Назаровича к мысли о возможности основания и в его родном городе Харькове высшего учебного заведения. Как раз в это время харьковское дворянство готовилось к открытию там военного училища, на которое из собственных средств ассигновало 100 тыс. руб.[70] Для выполнения задуманного Каразину было необходимо получить не только согласие дворянства на сбор новых пожертвований для университета, но и высочайшее разрешение императора, поскольку в Харькове уже был получен рескрипт Александра I с благодарностью за взнос денег на военное училище.

---

[67] Там же. Стб. 15.

[68] Там же. Стб. 16.

[69] Там же. Стб. 18.

[70] Подробнее см.: *Грачева Ю.Е.* Позвольте мне быть полезным… С. 56.

Весной 1802 г. в личной беседе с Александром I, о которой Каразин упомянул в своем письме к священнику Василию Фотиеву, он осмелился сказать императору «идею о заведении в Харькове университета, который был бы образован лучше Московского и достоин бы называться средоточием просвещения полуденной России»[71]. Мысль эту государь одобрил, и Каразин уже начал готовить план университета, как текущие дела отвлекли его. Какие изменения хотел Василий Назарович внести в проект Харьковского университета по сравнению с Московским можно увидеть из того же письма.

Каразин, ознакомившись по долгу службы с проектами, поступавшими на рассмотрение Комитета 18 марта, решил взять за образец университетский План 1787 г. Козодавлева, посчитав его «превосходным и сообразным местным сведениям государства и народному характеру прожектом»[72]. К имеющимся в Плане 1787 г. трем факультетам: философскому, юридическому и медицинскому, Каразин решил присоединить также «по примеру иностранных» и богословский факультет, от которого Козодавлев отказался, ссылаясь на указ Екатерины II от 29 января 1786 г. Профессоров следовало пригласить из Германии, а преподавание вести на латинском языке, для чего ввести в народном училище дополнительный класс латыни для тех, кто готовился поступать в университет из дворян и разночинцев. И если сохранение иностранного языка преподавания можно считать шагом назад в университетском вопросе (и в Московском университете, и в Плане 1787 г. для чтения лекций должен был использоваться русский язык), то введение всесословности для студентов, а также присвоение выпускникам чинов «не менее 14 и до 12» по Табели о рангах показывало, что эти важные принципы, учитывающие государственные реалии России, разделялись теми

[71] Письмо В.Н. Каразина свящ. Василию Фотиеву от 2 мая 1802 г. // Украинская старина… С. 136.

[72] Там же. С. 136.

чиновниками, кто в начале XIX в. отвечал за разработку учебных реформ в империи[73].

Каразин надеялся, что благодаря своему особому положению при дворе Александра I, вопрос с открытием университета в Харькове вместо военного учебного заведения будет решен достаточно быстро: «если увижу, что дворянство уполномочит меня сделать формальное представление Монарху, постараюсь, чтобы он был Высочайше конфирмован, и приеду для личных и местных распоряжений в течение настоящего лета»[74]. Тогда же он вступил с губернским предводителем В.М. Донцом-Захаржевским в переписку о сборе добровольных пожертвований в среде слободско-украинского дворянства на открытие в Харькове университета. Донец-Захаржевский поддержал идею Каразина и просил его исходатайствовать разрешение у государя на созыв дворян для добровольных сборов по такому призыву. В июне 1802 г. Александр выразил свое полное сочувствие новому проекту Харьковского университета на средства дворянства, и после этого съезд дворян был назначен на 30 августа 1802 г. На предварительных заседаниях 27–29 августа было решено внести из дворянских имений Слободско-Украинской губернии 1 млн. руб. в течение 20 лет[75].

---

[73] При всем том, Каразин часто увлекался, и это приводило его к совершенно невероятным идеям. Например, рассуждая о последствиях введения всесословного доступа для студентов в Харьковский университет (что станет одним из важнейших принципов александровских реформ начала царствования!), он писал: «В сем учреждении не будет никаких разделений, от состояний или богатства зависящих. Каждой студент будет равен другому, кто бы ни был его отец. Одни таланты и прилежание доставят преимущество; сии только свойства, при выпуске в аттестатах обнаруженныя, доставят чин, по мере достоинства, но не менее 14 класса и до 12-го. Сие равенство родит соревнование и произведет рано или поздно в общем понятии равенство состояния, недостаток которого есть причиною, что духовенство ни мало неуважено. Таким образом, видя одинаковое уважение, присвоенное тому или другому классу людей, одинакия выгоды по мере лишь услуг, оказанных обществу, **дворяне без разбору будут поступать в духовенство** и бедные из них не возгнушаются принять на себя почтенного звания наставника, или прославлять край рождения своего изящными художествами» // Там же. С. 138.

[74] Там же. С. 139.

[75] *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета по неизданным материалам. Харьков, 1893–1898. Т. 1. С. 56–59.

Однако в результате такого успеха положение Каразина оказалось очень затруднительным. По свойственному ему увлечению, он уже довел до сведения государя о желании Харьковского дворянства сделать пожертвование на университет, однако он не имел формального права говорить об этом с императором прежде, чем сумма пожертвования не была подтверждена на общем собрании дворян. Между тем, среди съехавшихся на празднество дворян по случаю дарования грамоты, были и такие, которые испугались крупной цифры взноса и готовы были энергично выступить против затеи Каразина. Чтобы переломить ситуацию, Каразин произнес свою знаменитую речь, которая имела решительное влияние на благоприятный исход всего дела. В этой речи он обрисовал пользу, которая последует от открытия университета, и здесь же признавался, что уже объявил государю о дворянских пожертвованиях, и что императору «приятно будет назначить Украину средоточением просвещения»[76].

Речь произвела на слушателей огромное впечатление и склонила чашу весов в пользу университета. Решение общего дворянского собрания отражено в протоколе от 1 сентября 1802 г.: «дворянство от своих имений внесет 400 тысяч рублей, причем в состав этой суммы входит 100 тысяч, ассигнованные раннее на дворянский корпус, а остальные 300 тысяч нужно будет собрать в течение 6 лет»[77]. Также свои пожертвования согласились внести купцы и горожане Слободско-Украинской губернии в размере до 70 тыс. руб. на 10 лет. В этом же протоколе высказывалась мысль и о приглашении к пожертвованиям дворян соседних губерний. Видимо тогда же Каразин прочел и составленный им устав для Харьковского университета, за что дворянство Слободско-Украинской губернии решило выдать Каразину похвальное

[76] *Каразин В.Н.* Речь, говоренная в дворянском собрании Слободско-Украинской губернии 1 сентября 1802 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 535.

[77] Протокол дворянского собрания от 2 сентября 1802 г. // Там же. С. 539.

свидетельство[78]. После подписания дворянского и купеческого протоколов Каразин поспешил в Петербург, где уже без него проходили заседания Комиссии об училищах.

За прошедшие три месяца со дня написания Каразиным письма к свящ. Василию Фотиеву, его взгляды на будущее устройство Харьковского университета кардинально изменились. Дворянскому собранию был представлен совершенно новый проект, сохранившийся под названием «Предначертание о Харьковском университете». В этом проекте, по сути, речь шла не об университете в его прежнем понимании, но о нескольких специальных училищах, «собрание которых, – писал Каразин, – я назвал университетом, чтобы не придумывать другого наименования»[79]. В рамках своего «университета» он предусматривал восемь специальных отделений:

Отделение общих познаний должно было открыться первым (по плану Каразина не позднее 1 сентября 1803 г.) и стать подготовительным. В нем в течение трех лет юноши должны будут изучать иностранные языки, математику, физику, историю, географию. Время отдыха «благовоспитанного человека» должно наполняться рисованием, танцами, музыкой, фехтованием, верховой ездой, которые станут предметами особого отделения, названного разрядом приятных искусств, «рассматриваемое как особое заведение, считающееся только при университете», но не входящее в его состав.

По прошествии трех лет, когда «доходы университета умножатся и определятся, когда приготовлены будут нужные здания, вызваны профессоры», можно будет открывать следующие пять отделений: богословия; гражданских познаний; военных познаний; врачебных познаний и отделение гражданских искусств «для основательного изучения архитектуры, механики, гидравлики и землемерия». Последние два отделения – отделение учености, включающее в

---

[78] Свидетельство от дворянства Слободско-Украинской губернии коллежскому советнику Каразину от 4 сентября 1802 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 80А. Л. 42.

[79] *Каразин В.Н.* Предначертание о Харьковском университете // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 523–530.

себя углубленную подготовку по математике, физике, химии, естествознанию, астрономии (соответствующее Академии наук) и отделение изящных художеств (подготовка живописцев, скульпторов, музыкантов, соответствующее Академии художеств) откроются еще через некоторое время. К ним добавлялись две школы «для людей низших состояний»: училище сельского домоводства и школа ремесел и рукоделий, не входящие в состав университета, но «состоящие под университетской инспекцией».

Таким образом, каразинский проект сочетал в себе элементы среднего и высшего, профессионального и общего образования[80]. Доказывая преимущества соединения всех этих различных по природе училищ вместе, Каразин писал, что из-за огромных расстояний между населенными пунктами в сопредельных губерниях, южному краю необходим именно один центр учения. «Соединение училищ в одно целое, – считал автор «Предначертания», – будет содействовать к взаимному их преуспеванию и к облегчению внутренней их администрации»[81]. С другой стороны, Каразин отказывался видеть в соединении восьми училищ университет в «классическом» понимании, подчеркивая, что училища не должны иметь своих деканов, которые бы занимались распределением лекций, а программа их должна быть общая, утвержденная главным правлением училищ»[82]. Тут стоит подчеркнуть, что еще в мае Каразин планировал строить свое высшее учебное заведение по образцу германского модернизированного университета (с некоторыми изменениями), а уже в августе его проект приобретает полностью «антиуниверситетские» черты, присущие французской образовательной системе[83].

Текущее управление университетом по проекту Каразина принадлежало Управляющему комитету, куда включались несколько профессоров по выбору полного университетского собрания, но председательствовал в нем директор,

---

[80] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 377.

[81] *Каразин В.Н.* Пояснительная записка к Предначертанию // Русская Старина. 1875. № 5. С. 75.

[82] Там же. С. 73.

[83] *Андреев А.Ю.* Российские университеты... С. 376.

назначаемый дворянским собранием и утверждаемый императором. Для выполнения учебных и правительственных распоряжений университетское собрание также выбирало помощника директора, секретаря, казначея и других чиновников университетского Правления.

Еще одной особенностью в управлении университетом по проекту Предначертания было учреждение комиссии Харьковского университета. Она должна была быть образована еще до Управляющего комитета и Правления университета, и состоять из нескольких членов, по избранию сословия, учреждающего университет (т. е. дворянская). Ее сфера ответственности включала в себя общие хозяйственные, финансовые дела, подготовку зданий, вызов профессоров и прочих должностных лиц для университета. После образования Правления комиссия следила за поступлением университетских средств. Это было логично, поскольку именно дворянство должно было частично содержать университет из собственных доходов.

Штат преподавателей Каразиным был доведен до 60 человек – 42 профессора и 19 адъюнктов[84]. Для того времени это было очень много, и даже ректор Дерптского университете проф. Г.Ф. Паррот писал ему, что штат из 60 преподавателей слишком большой, хотя если будут деньги для жалования, то «я признаю совершенно основательным желание ваше иметь профессоров как можно больше»[85].

С проектом университетского устава, одобренным харьковским дворянством, Каразин в конце сентября приехал в Петербург, где, по-видимому, немедленно передал свое «Предначертание» членам Комиссии об училищах, но добиться, чтобы его там сразу рассмотрели, не смог. На очередном субботнем заседании, 11 октября, Комиссия выслушала и внесла ряд исправлений в ту часть подготовленного Каразиным «Предначертания устава об общественном воспитании»[86], которая относилась к начальным, уездным и губернским

[84] В уставе 1804 г. штат профессоров был определен в 28 человек, адъюнктов – в 12.

[85] Письмо проф. Г.Ф. Паррота В.Н. Каразину от 1803 г. // Русская Старина. 1875. № 5. С. 77.

[86] К сожалению, текст этого «Предначертания устава об общественном воспитании» до сих пор не найден.

училищам, отложив рассмотрение университетской части этого плана на следующее заседание. В тот же день по инициативе графа П.В. Завадовского (при отсутствовавшем М.Н. Муравьеве) членам Комиссии был предложен к рассмотрению доклад Комитета 18 марта 1802 г., который в целом был ими одобрен, за исключением тех мест, «которые по новому образованию сей части требуют отмены»[87]. С ним вместе в Комиссию поступили приложенные к докладу проекты, в том числе проект устава Московского университета, который обсуждался на шестом и седьмом заседаниях, 18 и 22 октября. Тогда же, 18 октября, Каразин, судя по протоколу, представил членам Комиссии вторую часть своего «Предначертания устава об общественном воспитании», которая касалась организации университетов. «Некоторые из сих статей были исправлены, но бóльшая часть оставлены до полного собрания Комиссии»[88]. Какие именно идеи изложил Василий Назарович в указанном проекте неизвестно, но то, что и первая, и вторая часть подверглись серьезной переработке, говорило явно не в пользу автора.

Дело еще было в том, что положение Каразина при дворе за время его отсутствия принципиально изменилось. В августе 1802 г. до Александра I дошли какие-то сведения, выставлявшие Каразина в неблагоприятном свете, о том, что он, «хвалясь монаршими милостями», будто бы «слишком много берет на свое лицо»[89]. После возвращения в Петербург двери царского кабинета перед ним оказались закрыты. В Комиссии же об училищах его чересчур масштабный и оригинальный проект имел мало шансов на успех. Как видно из журналов, начав участвовать в заседаниях Комиссии с 4 октября, Каразин так и не смог поставить свой вопрос на обсуждение. Теряя терпение, Василий Назарович отправил членам Комиссии еще одну довольно обширную

---

[87] Журнал Комиссии об училищах № 5 от 11 октября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 20.

[88] Там же. Стб. 21.

[89] Каразин просил Трощинского защитить его перед императором, боясь клеветы со стороны недоброжелателей. Письмо В.Н. Каразина Д.П. Трощинскому от 2 сентября 1802 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 617.

записку с разъяснением, как ему казалось, спорных моментов своего проекта и главной просьбой: «Да удостоят меня вопросами по всем пунктам моего проекта и да не откажутся меня выслушать. Объясниться! – это все, о чем я умоляю!»[90] Но и эта мольба не помогла ее автору и вместо обсуждения «Предначертания о Харьковском университете» в Комиссии об училищах приступили к чтению первых двух глав устава Московского университета. Стоит отметить, что и этот проект подвергся значительным исправлениям – в некоторых статьях первой главы (о цели университета, его составе и присвоенных ему преимуществах) были сделаны перемены, тогда как вторая глава (о должности куратора) была полностью удалена. Также редактировались и остальные главы, «сообразно вводимому ныне устройству»[91], обсуждение же параграфов по врачебному отделению и учительскому институту было временно отложено.

Так получилось, что шестое и седьмое заседание Комиссии (18 и 22 октября) оказались не вполне продуктивными. В эти дни она заседала в сильно урезанном составе, включавшем только Завадовского, Чарторыйского, Потоцкого, Янковича де Мириево и Каразина. Как следует из примечания к журналу шестого заседания, Муравьев по каким-то своим придворным обязанностям находился в Гатчине, а из-за осенней непогоды нарушилась переправа через Неву, и академики Озерецковский и Фус не могли попасть в дом Завадовского из здания Академии наук на Васильевском острове[92].

18 октября министр народного просвещения сделал важное предложение о том, чтобы собирать Комиссию не один, а два раза в неделю, так как «одного дня недостаточно», вот почему следующее заседание произошло в среду 22 октября. Поставленные в нем вопросы в ходе обсуждения университетского

---

[90] *Каразин В.Н.* Пояснительная записка к Предначертанию // Русская Старина. 1875. № 5. С. 71, 76.

[91] Журнал Комиссии об училищах № 7 от 22 октября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 22.

[92] Там же. Стб. 21.

устава планировалось решить «в последующие полные собрания Комиссии»[93]. Однако ни одного журнала заседания больше не найдено, и все свидетельствует о том, что официально Комиссия больше ни разу не собиралась.

Но все же стоит отметить, что несмотря на отсутствие общих собраний Комиссии, дальнейшая разработка образовательной реформы продолжилась отдельными ее членами. Об этом свидетельствуют опубликованные С.В. Рождественским еще в начале XX в. два документа, сохранившиеся среди цензурных бумаг министерства. Один из них – это отрывок проекта Ф.И. Янковича де Мириево, датированный 25 ноября 1802 г.[94] Как видно из письма, приложенного к проекту, Янкович де Мириево выполнял поручение министра по составлению училищного плана учебных заведений всех уровней, который и отправлял по частям Завадовскому[95]. Указанный отрывок представляет из себя одну из глав (третью по счету), посвященную учебной части. В нем перечислялись все предметы, которые должны будут преподаваться в гимназиях, приходских и уездных училищах. Что же касается учебной части университетов, то автор ограничился только перечислением факультетов, причем для Виленского и Дерптского предполагалось наличие богословского, юридического, медицинского и философского, в Казани и Киеве (тут Янкович настаивал на своем мнении, несмотря на то, что общее решение уже склонилось в пользу Харькова) он хотел открыть по три факультета (без богословского), а в Москве и Санкт-Петербурге – только два, считая, что имеющиеся Медико-хирургические академии вполне заменят медицинские факультеты. Название следующей главы (хозяйственная часть) было только обозначено, т.е. явно предполагалась дальнейшая работа над планом. Важно еще подчеркнуть, что

[93] Там же. Стб. 22.

[94] Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX в. СПб., 1910. С. 380–382. Оригинал хранится в РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 7. Л. 2–4 об.

[95] Письмо Ф.И. Янковича де Мириево гр. П.В. Завадовскому от 25 ноября 1802 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 7. Л. 2 об.

проект Янковича де Мириево в части, касающейся начальных и средних учебных заведений, наиболее близко (из всех имеющихся проектов по данному вопросу) похож по тексту на Предварительные правила народного просвещения.

Второй документ – это проект учебного плана Н.И. Фуса, включающий в себя «подробный план учебных предметов для каждого из четырех видов учреждаемых школ». Проект не датирован, но из сопроводительного письма к нему выясняется, что по поручению министра народного просвещения академик должен был «развить» свои идеи, высказанные на одном из субботних заседаний Комиссии[96]. План, действительно, очень подробный: для каждой ступени образования указаны не только преподаваемые дисциплины, но и включено распределение по дням недели и конкретным часам для каждого года обучения. Этот текст стал основой для общего устава университетов и училищ, речь о котором пойдет ниже.

О том, что текущая деятельность министерства не прерывалась, свидетельствует еще один факт. В «Манифесте об учреждении министерств» было дано распоряжение министрам «немедленно заняться образованием своих Канцелярий, постановлением порядка производству имеющих вступить к ним дел, и сочинением для них штатов», после чего готовый документ нужно было представить на высочайшее утверждение[97]. Подготовкой штата департамента Министерства народного просвещения, а также первым подбором кадров занялся товарищ министра. Муравьев рекомендовал на должность директора департамента И.И. Мартынова – к этому времени уже известного переводчика, письмоводителя Государственного (Непременного) совета в отделении по гражданской и духовной части[98]. Осенью 1802 г. Мартынов входил в курс дела и «на основании уполномочия графа

---

[96] Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX в. СПб., 1910. С. 383–395. Оригинал хранится в РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 42. Л. 39–45.

[97] Манифест об учреждении министерств // ПСЗ. Т. 27. № 20.406. С. 248.

[98] *Колбасин Е.* Иван Иванович Мартынов, переводчик «греческих классиков» // Современник. 1856. № 3. С. 29.

Завадовского» занимался выбором чиновников в будущий департамент[99]. Уже в начале октября Мартынов получил из канцелярии Комиссии о народных училищах первые три журнала Комиссии об училищах и все прилагающиеся к ним проекты, а также ведомости о школах юго-западных губерний[100] (пока в Петербурге не было В.Н. Каразина, делопроизводством Комиссии об училищах занимались сотрудники «старой» Комиссии). Ежемесячно (в т.ч. и в ноябре, и в декабре) на формально еще не существующую «Канцелярию министра народного просвещения» из средств той же Комиссии отпускалось определенное количество бумаги, чернил, сургуча и свеч[101]. Составленный же Муравьевым штат департамента[102] был в итоге отредактирован (в сторону уменьшения количества сотрудников и увеличения им жалования) и утвержден императором 7 января 1803 г.[103] Высочайший указ о назначении Мартынова директором департамента был подписан 24 января 1803 г.[104]

Таким образом, к середине октября 1802 г. в Комиссии об училищах были в основном сформулированы принципы организации и управления школьной системой в России. Были определены центры почти всех учебных округов и

---

[99] Автор первой биографии И.И. Мартынова описывает этот выбор так: «Поступающих он экзаменовал самым оригинальным и коротким образом. Взглянув на физиономию пришедшаго, он спрашивал: «Вы любите служить?» – Люблю. «И отечество любите?» – Люблю. «Подавайте прошение» // Там же. С. 31.

[100] Отношение А. Андреева И.И. Мартынову от 2 октября 1802 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 5. Л. 182–183.

[101] Счет издержкам из Комисской суммы, употребленным для департамента Господина министра народного просвещения // Там же. Л. 185, 191.

[102] *Муравьев М.Н.* Проект организации Министерства народного просвещения // ОР РНБ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–7. Муравьев предложил включить в состав департамента две экспедиции – народного воспитания или преподавания наук и общественного просвещения или усовершенствования наук. Каждая экспедиция должна была состоять из четырех отделений во главе с собственным экспедитором, которому в помощь определялись по два канцелярских служителя.

[103] Штат Департамента министра народного просвещения // Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 1. В итоговом штате сохранились две экспедиции (без названий), у каждого было по два столоначальника и четыре помощника.

[104] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 24 января 1803 г. об определении в Департамент народного просвещения директором канцелярии надворного советника Мартынова, экспедиторами коллежского асессора Пнина и отставного поручика Дунина-Барковского // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

разработаны нормы, касающиеся устройства и управления училищами трех уровней (губернскими, уездными и сельскими). Приходские училища, уездные училища и гимназии должны были состоять в иерархической зависимости и подчиняться в рамках учебной и хозяйственной части университету. Но очевидно, что до окончательного согласования текста законопроекта (которым станут Предварительные правила народного просвещения, утвержденные императором Александром I 24 января 1803 г.) и подведения итогов деятельности Комиссии было еще далеко. По университетскому вопросу члены Комиссии только начали обсуждение, лишь договорившись о том, в каких городах будут основаны университеты. Оба рассматривавшихся проекта университетских уставов (подготовленный Комитетом 18 марта устав Московского университета и часть каразинского проекта «Предначертания устава об общественном воспитании», касающаяся университетов) подверглись значительной переработке. Явно, что прекращение заседаний Комиссии было неожиданным как для министра, так и для его членов. Кто же повлиял на то, что не прекращая официально свое существование, Комиссия перестала собираться, а итоговый документ ее деятельности появился достаточно внезапно? А.Ю. Андреев, который первым ответил на этот вопрос, очень правильно подчеркнул, что только непосредственное решение самого императора могло так решительно изменить неторопливый и постепенный ход работы Комиссии об училищах[105].

3.4. Г.Ф. Паррот и утвердительная грамота Дерптского университета[106].

Осенью 1802 г. в Петербург из Дерпта приехал профессор Дерптского университета Г.Ф. Паррот. В научной литературе довольно подробно описана

[105] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 382.

[106] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Андреев А.Ю., Грачева Ю.Е.* Александр I в работе над Актом постановления для Дерптского университета: страница из истории

первая встреча императора Александра и дерптского профессора в мае 1802 г., которая положила начало их дружескому общению и длительной переписке[107]. Именно Паррот выступил в роли главного проводника идеи университетской автономии для России, которая легла в основу всех университетских законопроектов, принятых в 1803–1804 гг. И первым таким документом стал Акт постановления Дерптского университета, подготовка которого и остановила планомерную деятельность Министерства народного просвещения.

В силу того значения, которое Акт постановления Дерптского университета имел для утверждения основных принципов автономии для университетской корпорации и для складывания облика российских университетов в целом, история разработки этого документа представляет особый интерес для исследователей. До сих пор основным историческим источником об этом служили мемуары самого Г.Ф. Паррота, опубликованные на немецком языке его биографом Ф. Бинеманом еще в 1902 г.[108] Паррот сообщал в них массу подробностей о том, как Акт постановления обсуждался и дорабатывался с личным участием императора Александра I, а также о том, какие его пункты вызывали наибольшие дискуссии. Однако этот рассказ не подкреплялся другими документами – можно было лишь судить об общем успехе Паррота по итоговому результату, но проанализировать собственно работу над текстом Акта, независимо от субъективного изложения Паррота, не удавалось. Благодаря новым источникам, которые недавно были введены в научный оборот (в первую очередь это уже упомянутые письма Паррота к Александру I за октябрь–декабрь 1802 г., а также обнаруженные в Российском

либеральных реформ в России начала XIX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2023. Вып. 114. С. 50–65.

[107] *Андреев А.Ю.* Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30. Переписка опубликована в кн.: *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023.

[108] *Bienemann F.* Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902. S. 145–169.

государственном историческом архиве документы, также когда-то находившиеся в руках Паррота, которые представляют из себя записки и предварительные варианты Акта с обильной черновой правкой, выполненной различными участниками процесса разработки[109]) в значительной мере стало возможно восстановить тот тернистый путь, который прошел Акт постановления Дерптского университета прежде, чем был утвержден. В свою очередь это позволит вскрыть характерные для императора Александра I административные практики, применявшиеся им при разработке и утверждении новых законов – стоит подчеркнуть, что здесь речь идет об одной из немногих полностью доведенных до конца (во многом, благодаря упорству Паррота) и реализованных на деле либеральных реформ «дней Александровых прекрасного начала».

Решение об основании в Российской империи университета на территории Лифляндской губернии, в городе Дерпте было подписано Павлом I 4 мая 1799 г. по инициативе местного остзейского дворянства. Оно хотело получить собственное высшее учебное заведение, не уступавшее по уровню преподавания немецким университетам, что освободило бы значительное число дворянских студентов от необходимости совершать дорогостоящие образовательные путешествия в Германию (которые, к тому же, были еще и законодательно запрещены Павлом I из-за боязни распространения в России революционных идей). За образец внутренней организации Дерптского университета было принято устройство университета в Гёттингене, имевшего славу ученейшего и наиболее привлекательного для дворянства не только среди всей Германии, но и в Европе в целом. Также учитывался и почти полувековой российский опыт управления Московским университетом. В обоих случаях устройство этих ученых корпораций прошло так называемую «модернизацию» по сравнению со средневековыми прообразами и было в значительной степени подчинено государству, потеряв важные элементы

[109] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–31.

автономии (например, право избрания профессоров)[110]. В качестве фигур, непосредственно контролирующих и регулирующих жизнь ученой корпорации, выступали кураторы – для Дерптского университета они назначались дворянством остзейских губерний на ландтагах, что придавало ему тем самым характер «местного университета».

Однако многие из профессоров, которые были приглашены кураторами и собрались в Дерпт к началу 1802 г., не были согласны с отсутствием самостоятельности у университетской корпорации. Особенно их возмутило то, что в присяге на церемонии торжественного открытия университета профессора должны были пообещать «выказывать послушание кураторам как законному начальству», а также соблюдать составленные последними «статуты» – хотя к этому дню официальный Устав, закреплявший бы власть кураторов в университете, еще не был утвержден высшей российской властью[111].

1 августа 1802 г. проректором Дерптского университета (должность, которая в тот момент соответствовала главе ученой корпорации) стал профессор физики Г.Ф. Паррот. От лица всех своих коллег он начал борьбу за автономию университета и решил в ней опереться непосредственно на императора Александра I. Знакомство Паррота с императором состоялось в Дерпте в мае 1802 г.; в августе он нашел повод вступить с ним в прямую переписку и уже во втором своем письме на имя императора, от 30 августа, передавая Александру I официальные поздравления с тезоименитством, коснулся животрепещущей проблемы, упомянув «изъяны» в устройстве университета, исправить которое может только император, для чего необходимы его личные консультации с кем-нибудь из профессоров[112]. Тем

---

[110] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 233–285.

[111] *Bienemann F.* Op.cit. S. 111.

[112] О том, как началась и развивалась дружба Паррота и Александра I см.: *Андреев А.Ю.* «Профессор-романтик» Г.Ф. Паррот и его дружба с императором Александром I // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История РПЦ. 2021. Вып. 101. С. 79–100.

самым, апеллируя к власти монарха, Паррот четко выступил за превращение своего университета из «местного» в императорский, иначе говоря – российский, источником прав и регулятором которого выступала бы верховная власть, а не локальные сословные органы[113].

Средством для такого преобразования, по мысли Паррота, должен был выступить Акт постановления Дерптского университета, изданный от имени Александра I. По своему типу этот документ восходил к средневековым грамотам императоров Священной Римской империи, которые закрепляли основные права ученых корпораций. О необходимости Акта постановления для своего университета Паррот впервые написал Александру I 13 октября уже из Петербурга, куда прибыл в начале того же месяца. В этом письме профессор достаточно развернуто обосновал потребности ученых в автономии, в особенности подчеркнув их право самостоятельно распоряжаться доходами (в том числе, получаемыми из центрального бюджета – тогда как в 1802 г. казна Дерптского университета целиком находилась в распоряжении кураторов, а ее поступления определялись местными дворянскими органами), а также необходимость полной юрисдикции, которая позволила бы университету судить всех членов своей корпорации в соответствии с собственными законами. Иначе, писал Паррот, «оставаясь в нынешней бедности, истратим мы время и силы на сопротивление нападкам циническим или на разоблачение коварных заговоров, а между тем показал опыт, что в университетах лишь полная юрисдикция над его членами есть истинный оплот их безопасности»[114].

Если цели и интересы корпорации, излагаемые здесь Парротом, вполне понятны – освободиться из-под опеки кураторов, получить в свои руки университетскую казну, повысить собственный статус и независимость от

---

[113] *Tamul V.* Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität im 19 Jahrhundert // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat / von H. Piirimäe, C. Sommerhage, Hrsg. Tartu, 1998. S. 94.

[114] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 13 октября 1802 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон... С. 143.

местных властей за счет юрисдикции, – то следует задаться встречным вопросом: что же могло двигать Александром I, который не только благосклонно принял идеи Паррота, но занялся их реализацией? Для молодого, только что вступившего на трон императора Дерптский университет стал первым учебным заведением, в основании которого он принял личное участие[115]. Но еще важнее мысль, которую Паррот выразил на первой аудиенции у императора – Александру I нужны были просвещенные помощники в его реформах[116]. Поэтому, несмотря на то что корпоративные привилегии объективно противоречили той «модернизации» средневековых университетов, которая уже началась в XVIII в., Александр I согласился даровать эти привилегии, полагая что требования ученых и интересы Просвещения здесь идут навстречу друг другу.

Стремления профессора и императора совпали, что и сделало возможным появление Акта постановления Дерптского университета. Тем не менее, Паррот должен был еще преодолеть множество трудностей. Прежде всего, ему следовало найти прямой путь к императору. С одной стороны, столь серьезные решения нельзя было провести без одобрения созданного в сентябре 1802 г. Министерства народного просвещения, члены которого в то время как раз занялись разработкой общей системы образования в Российской империи. Поэтому, едва оказавшись в столице, Паррот добивается того, чтобы его представили министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому, а также членам Комиссии об училищах М.Н. Муравьеву, князю А. Чарторыйскому, Ф.И. Клингеру. В то же время профессор, видимо, легко узнает о существовании более узкого круга доверенных лиц Александра I и стремится сблизиться с его членами: сперва с В.П. Кочубеем (через которого

---

[115] Александр I подписал указы от 12 апреля 1801 г. и от 5 января 1802 г., относившиеся к организации Дерптского университета // ПСЗ. Т. 26. № 19.831; Т. 27. № 20.104.

[116] «Ваш Дерптский университет первым подаст пример, рассчитывайте на него во всем, к чему бы Вас ни призвала Ваша добродетель», – сказал Паррот Александру I (цитата из мемуаров по: *Bienemann F.* Op.cit. S. 152).

и было передано Александру I упомянутое выше письмо от 13 октября), а затем с Н.Н. Новосильцевым, ставшим главным помощником и посредником в общении Паррота с императором. Характерно, что все члены Негласного комитета, с которыми познакомился профессор, вдохновились его идеями относительно университетской автономии «на благо Просвещения», а Новосильцев взял на себя труд добиться для Паррота личной аудиенции у монарха.

Итак, 13 октября Александр I первый раз получил от Паррота проект Акта постановления для Дерптского университета, приложенный к его письму[117]. Ближайшее окружение императора ходатайствовало в пользу этого проекта. Тем не менее, прежде чем отправить его на согласование министру народного просвещения, Александр решил запросить мнение человека, который также пользовался (по словам Паррота) «особенным расположением императора» и уже был вовлечен в обсуждение образовательных реформ, – графа С.О. Потоцкого. Тот же, посетовав на недостаток времени и подробных сведений о текущем устройстве Дерптского университета, тем не менее представил императору довольно пространный отзыв, который в целом оказался негативным и ставил под сомнение быстрое утверждение Акта[118].

Возражения Потоцкого характерны для позиции чиновника государственного органа – Министерства народного просвещения, который к тому же знаком с практиками управления в Российской империи. Поэтому многие его пункты опровергали саму идею предоставить университету полную независимость от вышестоящих властей. Потоцкий считал, что университет не может предпринимать важных решений по своему переустройству без апробации в министерстве, не должен без контроля сверху проводить выборы профессоров и осуществлять цензуру, командовать университетской стражей и т.д. Особенно же активно Потоцкий нападал на

[117] К сожалению, этот первоначальный проект не сохранился.

[118] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 28–31, основной текст и правка на французском языке.

юридические компетенции ученой корпорации – предусмотренное в первоначальном проекте Акта право университета по запросу выносить суждения о приговорах судов других инстанций (такое право традиционно существовало в Европе), а главное, право самостоятельно вести суд на своими членами в их делах не только друг против друга, но и против горожан. По мнению Потоцкого, «университет не может быть и судьей, и заинтересованной стороной в делах с городом», а юрисдикцию университета следовало бы ограничить лишь «исправительной полицией» над студентами и долговыми делами по малым денежным суммам, но ни в коем случае не относить к «преступлениям» (уголовным делам) – такой юрисдикции, по его словам, нет уже ни в Пруссии, ни в Австрии, ни в Англии, ни во Франции, т.е. ни в монархиях, ни в республиках, и надо ли теперь «в России возрождать эти остатки времен готических»[119]. Вердикт, который выносил автор отзыва, был неутешительным – почти все формулировки прав Дерптского университета, содержащиеся в проекте, нуждаются в доработке, потребуется время, чтобы все взвесить, изучить и убрать то, что противоречит «общим законам Империи», а также будущему единству ее образовательной системы.

Получив возражения Потоцкого, Александр I прочитал их, но не принял того вывода, к которому его подталкивали – то есть не стал откладывать процесс разработки Акта в долгий ящик и передавать его в Министерство народного просвещения. Напротив, Александр I проявил настойчивость в продолжении работы над Актом, поскольку вскоре после 18 октября Паррот получил от Чарторыйского замечания императора о необходимости внести в проект коррективы[120]. На роли Чарторыйского здесь нужно остановиться особо, насколько судить о ней позволяет правка, сделанная его рукой на полях

[119] Там же. Л. 29 об.–30.

[120] *Bienemann F.* Op. cit. S. 145–146.

рукописи Потоцкого[121]. Судя по этой правке, Чарторыйский выступал защитником Акта перед лицом императора и к тому же имел возможность непосредственно редактировать его текст (очевидно, вместе с Парротом) – несколько раз упоминается, что отдельные замечания уже учтены во «второй редакции». При этом Чарторыйский отстаивал существенные черты университетской самостоятельности – независимость профессорских выборов и цензуры от высших властей, освобождение от городских налогов не только для профессоров, но и для всех их домочадцев (ссылаясь на европейский пример). По другим пунктам Чарторыйский соглашался с Потоцким, но смог найти компромиссные трактовки, которые затем были включены в Акт. Так, по поводу соотношения общей подчиненности университета Министерству народного просвещения и его собственного права на реорганизацию появилась следующая формулировка: «Университет состоит в ведении министра просвещения и члена Комиссии училищ, на которого возложено будет особое попечение об сем университете. Впрочем и сам университет предпринять может нужные до внутреннего устройства его касающегося перемены, поколику доходы оного то дозволяют, о чем однакож должен относиться рапортом к министру просвещения» (статья 4 окончательного текста Акта[122]).

Паррот же, работая вместе с Чарторыйским над переданными ему от Александра I замечаниями, был готов идти на компромиссы, но далеко не во всем. Например, он сохранил статью Акта, закреплявшую за университетом дворянских кураторов, хотя и Потоцкий, и Чарторыйский сочли, что с момента учреждения министерства эти кураторы сделались «бесполезными, а, быть может, и вредными»[123] (Паррот, казалось бы, думал также, ведь именно он

[121] Атрибуция правки на полях отзыва как принадлежащая Чарторыйскому подкрепляется сличением почерка с другими документами, подписанными его рукой (Ф. 733. Оп. 62. Д. 3. Л. 13 об.). Его характерное выражение «Северииада» против одного из высказываний Потоцкого снимает все сомнения в авторстве отзыва.

[122] Акт постановления для Императорского университета в Дерпте // Сборник постановлений… Стб. 7.

[123] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 28 об.

возглавил в Дерпте борьбу против диктата кураторов – однако, уезжая в Петербург, он дал обещание «не предпринимать ничего против них», а потому держал здесь свое слово). Но гораздо более важными были пункты об университетских судебных прерогативах: их Паррот решил отстаивать на личной встрече с Александром I, которая состоялась 26 октября.

Паррот принес на аудиенцию новый вариант Акта постановления. Отклонив предложение профессора пройтись по всем его пунктам, Александр I остановился только на обсуждении статьи о юрисдикции. Парроту удалось настоять на том, что «академическая свобода» очень нужна Дерптскому университету, который таким образом будет «избавлен от неудобств» и станет главным помощником российского императора. Получив согласие монарха на эту принципиальную меру, Паррот покидал дворец, не сомневаясь в том, что в ближайшее время он сможет вернутся в Дерпт с утвержденным Актом постановления[124].

Однако на следующий день его радость была омрачена – князь Чарторыйский напомнил Парроту о том, что в Петербурге получения подобных законодательных актов ожидали профессор Московского университета Ф.Г. Баузе и ректор Виленского университета И. Стройновский. Еще в своих замечаниях Чарторыйский был согласен с Потоцким в том, что Дерптскому университету лучше бы подождать его включения в общую систему, при которой тексты всех университетских утвердительных документов будут написаны единообразно. К тому же, принимая непосредственное участие в реформировании Виленского университета и переживая за него всей душой, Чарторыйский, естественно, не хотел, чтобы два «старейших» университета уступили бы первенство на получение грамоты только что основанному Дерптскому. Без непосредственного участия монарха

[124] Более подробный разбор первой личной встречи Александра I и Паррота – см. *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 35–36.

процесс вновь грозил затянуться, поэтому Паррот опять обратился к Александру I за помощью.

Передать очередное послание императору дерптский профессор попросил именно Чарторыйского. «Князь! – обратился Паррот к нему, – Выступали Вы защитником нашего дела, не имея противников. Благоволите нынче с самим собой сразиться, вручив Его Величеству письмо, при сем прилагаемое, кое содержит все, что мог я ему сказать против мнения, Вами вчера утром высказанного»[125]. Паррот не скрывал, что будет настаивать на скорейшем получении Акта, поскольку это «единственное действенное средство сообщить нам достоинство, в коем нуждаемся мы так сильно», а малейшее промедление будет только способом «уважить предрассудки другого университета»[126]. И Александр I согласился с доводами дерптского профессора, о чем ему «с дружеской улыбкой» сообщил князь Адам. Для урегулирования всех деталей Акта постановления по распоряжению императора был созван Комитет, членами которого стали Новосильцев, Чарторыйский и Паррот. В их задачу входило окончательно доработать пункты Акта, чему и были посвящены их заседания 6 и 13 ноября[127].

По итогам совместной работы был подготовлен обновленный текст, переведенный затем на русский язык. Паррот отправил его на рассмотрение Александру I 14 ноября вместе со своим сопроводительным письмом. Интересно отметить, что при согласовании текста одного из пунктов Акта, касавшегося юрисдикции, члены Комитета решили предоставить императору выбор: «В прилагаемом наброске два варианта содержатся, и во втором мы от уголовной юрисдикции отказываемся. Благоволите, Государь, тот вариант вычеркнуть, какой Вам наименее подходящим покажется»[128]. Естественно,

---

[125] Письмо Г.Ф. Паррота кн. А.А. Чарторыйскому от 28 октября 1802 г. // Там же. С. 151.

[126] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 28 октября 1802 г. // Там же. С. 150.

[127] *Bienemann F.* Op. cit. S. 155.

[128] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 14 ноября 1802 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 152.

Паррот предпочел бы сохранить максимально полную юрисдикцию университета, но император ему в этом отказал: в статье 6 итогового варианта университет получал право по уголовным делам проводить лишь «первоначальное исследование», после чего препровождать свое мнение туда, «куда следует преступник»[129]. Александр I внес в полученный документ и еще ряд поправок. Паррот был в восторге, получив очередное доказательство благорасположения к нему монарха, который в третий раз лично занялся рассмотрением и редакцией столь необходимого профессору законопроекта – Паррот даже попросил разрешения сохранить у себя текст с правкой императора, но тот не дал своего согласия, и документ пришлось вернуть[130].

Но вскоре Паррот решился вновь побеспокоить обожаемого императора, ведь с некоторыми его замечаниями профессор был не согласен! Понимая, что на такую дерзость не способен ни один министр, Паррот все же попросил Новосильцева передать новое представление монарху. В очередной раз (уже четвертый по счету) Александр I обратился к редактированию Акта постановления. Мнение императора заносилось Новосильцевым под его диктовку прямо на полях того письма, где содержались желаемые Парротом исправления[131].

Прежде всего, Александр I не согласился объявить себя основателем Дерптского университета, ни, тем более, присвоить тому свое имя (последнее являлось обычной традицией при учреждении университетов в Европе, и даже Московский университет в первые свои годы носил титул Elisabethiana, который впрочем не был законодательно закреплен). С позиции Паррота и других дерптских профессоров это было бы важно, так как подводило черту под прежними, не реализовавшимися в полной мере проектами,

---

[129] Акт постановления для Императорского университета в Дерпте // Сборник постановлений… Стб. 8.

[130] Александр I заметил при этом, что у Паррота еще будет возможность получить образцы его почерка, намекая тем самым на дальнейшее продолжение их переписки // *Bienemann F.* Op.cit. S. 156.

[131] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I [около 20 ноября 1802 г.] // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 153–157.

подписанными Павлом I, с которыми связывалась эпоха кураторского произвола. Но в итоговой преамбуле к Акту упоминание имени императора Павла I как инициатора основания университета все-таки было сохранено.

Отказался Александр I и от звания протектора Дерптского университета, а также его «верховного главы». Данный вопрос поднимался еще в замечаниях Потоцкого, который не находил адекватного российского понятия, а Чарторыйский к этому добавил, что, приняв такое звание для Дерпта, император должен будет тогда объявить себя протектором и остальных российских университетов. Но Паррот сохранял эту формулировку вплоть до последней на тот момент редакции Акта и, когда Александр I ее убрал, стал пространно возражать в указанном письме: «Сие звание дополнительных прав не дает. Предназначено оно единственно для того, чтобы нам почет оказать, и ежели на него с этой единственно верной точки смотреть, не есть оно ни несправедливая привилегия, ни остаток обычаев варварских. Содержит оно в себе всего лишь простое и нелицемерное доказательство, что Вашему Величеству угодно уважение к наукам привить»[132]. В итоге Новосильцев записал на полях по-русски, что Александр I готов был «покровителем» университета, но никак не верховным главой.

Также Парроту было отказано в присвоении ректору четвертого (а не пятого) класса по Табели о рангах. Зато государь согласился на повышение стоимости необлагаемых таможенным сбором вещей, которые приглашаемые профессора могли ввести из-за границы с 2 до 3 тыс. руб., и на дарование профессорам, прослужившим в университете 25 лет, права на пенсию (данная норма станет впоследствии одной из ключевых для профессорской службы во всей системе российского высшего образования). Император также специально отметил, что Акт постановления будет издан на русском языке, хотя Паррот предпочитал бы его видеть на немецком, как более распространенном в прибалтийских провинциях.

---

[132] Там же. С. 154.

Александр I вернул Парроту письмо, на полях которого были зафиксированы эти решения, чтобы профессор внес новую правку в текст Акта постановления[133]. Но и эта работа, как оказалось, не была окончательной. Дело в том, что Паррот поставил императора в непростое положение: несмотря на теплоту аудиенции и схожесть во взглядах, которая привела к их сближению, государь не мог игнорировать тот факт, что и министр народного просвещения, и ряд сановников министерства разделяли опасения в связи с введением университетской юрисдикции и были против ее появления в законодательных документах. Дабы не вступать в очередную полемику с Парротом, Александр решил созвать новую согласительную комиссию в расширенном составе, куда были включены, помимо Новосильцева, Чарторыйского и Паррота, также еще Потоцкий и Строганов. Безусловно, все прекрасно понимали, что основные положения Акта постановления войдут затем и в общее законодательство о российских университетах, которое параллельно разрабатывалось в Комиссии об училищах. Именно поэтому единственное заседание созванного Комитета в доме Новосильцева (который был секретарем и вел учет всех поправок) оказалось очень эмоциональным и продлилось до трех часов ночи[134].

Отстоять свое мнение и удалить общую юрисдикцию из Акта Потоцкому не удалось[135]. В этом собрании лишь он был категоричным ее противником, остальные же либо поддерживали дерптского профессора, либо молчаливо с ним соглашались. Потоцкий смог добиться только исключения статьи о праве юридического факультета выносить собственные определения относительно приговоров судов. Итоговый вариант работы согласительной комиссии был

---

[133] Данное письмо действительно сохранилось в архиве Паррота в оригинале, в отличие от подавляющего большинства остальных писем, от которых остались только черновики.

[134] Его подробности содержатся в мемуарах Паррота: *Bienemann F.* Op. cit. S. 158–160.

[135] Паррот так рассказывает о споре той ночью: доведя разговор до абсурда, Потоцкий предложил передать Дерптскому университету юрисдикцию над всем городом, чтобы избежать неизбежных разногласий. В ответ Паррот пообещал занять должность бургомистра Дерпта, передав тому свою должность профессора физики // *Bienemann F.* Op. cit. S. 159.

вновь представлен на рассмотрение императору, который – отдадим ему должное, уже в пятый раз! – внимательно прочитал весь документ. Несколько оборотов речи, которые показались монарху плохо сформулированными по-русски, были собственноручно им исправлены. Этот экземпляр вновь отправился обратно к Парроту, и тот, наконец, смог получить и сохранить у себя вариант Акта с карандашными пометами возлюбленного государя[136].

Казалось, что дело, ради которого Паррот приехал в Петербург, было завершено. Теперь профессору предстояло изготовить чистовой экземпляр Акта на пергаменте и позаботится о его украшении. Получить подписанный Александром I пергамент Паррот надеялся на прощальной аудиенции в конце ноября. Однако своего слова не сказал еще министр народного просвещения. Конечно, император имел полное право подписать переданный ему готовый документ и потребовать от Завадовского его только заверить. Но желая оказать министру почтение, Александр I послал его на контрассигнацию прежде, чем сам подписал. Это дало шанс Завадовскому попытаться ограничить, а, может быть, даже и отменить пункт об университетской юрисдикции.

Исправлять готовый и украшенный документ министр, конечно, не стал, зато обратился к Новосильцеву с просьбой снять в его канцелярии копию Акта, куда и решил вносить свои замечания (эта копия с правкой Завадовского в итоге оказалась среди бумаг Паррота[137]). Зачеркнув слово «судопроизводство» и заменив его словами о «внутренней расправе», Завадовский изложил параграф о юрисдикции следующим образом:

---

[136] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 19–23. Александр I внес своей рукой пять исправлений, из которых самое значительное касалось вышеупомянутой проблемы со званием протектора-покровителя: зачеркнув слова о том, что император «объявляет себя всемилостивейше высочайшим покровителем» университета, он оставил другую формулировку – «приемлет оный университет в особенное покровительство и защиту», и именно в таком виде это вошло в окончательную преамбулу Акта.

[137] Сравнение почерка писца на документе, включающем правку рукой Завадовского (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 11–18) с документами, исходящими из канцелярии Петербургского учебного округа, попечителем которого стал Н.Н. Новосильцев (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 3. Л. 7), позволяет с уверенностью утверждать, что написаны эти бумаги в одной канцелярии.

«Университет имеет свою внутреннюю расправу и полное начальство со всеми подчиненными ему в делах, принадлежащих до его части. Частные прочие, ежели б кто имел по долгам на чиновников университета, в университетском Сенате будут разбираемы и решены в университетском Совете»[138]. Таким образом министр пытался ограничить возможности университета разрешать тяжбы между своими членами и горожанами лишь долговыми делами, а в прочих случаях (например, при нанесении материального ущерба, драках и проч.) университет лишался бы такого права (обратим внимание, что министр нападал даже на само понятие «университетского суда», предлагая вместо него иную формулировку).

От Новосильцева, который в эти дни стал посредником между императором, министром и дерптским профессором, Паррот узнал о вмешательстве Завадовского. Попытка лично убедить министра народного просвещения пересмотреть свои позиции ни к чему не привела – в мемуарах Паррот упоминает о состоявшемся 3 декабря разговоре между ним и министром в присутствии Муравьева, когда Завадовский заставил профессора на ногах выслушивать целую свою речь, которая, конечно, Паррота разочаровала. Помочь здесь мог только Александр I, тем более что министр не остановился на первых поправках и на следующий день, 4 декабря, прислал порцию новых, в которых, по словам Паррота, ни много ни мало требовал полной отмены юрисдикции[139]. Через посредничество Новосильцева Паррот передал государю записку, в которой выплеснулось все его негодование действиями министра: «Всякий день и едва ли не всякий час новые приносит возражения графа Завадовского против акта постановления, Вашим Величеством уже одобренного, и сей документ, составленный с таким тщанием, основанный на правилах самых справедливых, дополненный поправками господ Новосильцева, Чарторыйского, Потоцкого и даже

[138] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 14.

[139] *Bienemann F.* Op.cit. S. 163.

Строганова, генералом Клингером одобренный, наконец, усовершенствованный Вашим Величеством и ожидавший лишь последней формальности, под пером министра народного просвещения негодным предстает»[140].

На просьбу о личной встрече Александр I ответил тогда Парроту отказом, сославшись на сильную занятость, но сам вместе с Новосильцевым предпринял еще одну попытку отредактировать Акт постановления. В очередной раз сохранившаяся копия Акта с карандашными пометами Новосильцева (часть из которых была написана крайне небрежно, то есть делалась в спешке – по-видимому, непосредственно в ходе разговора) позволяет увидеть, как именно император работает с документом, какие поправки вносит, а какие пункты сохраняет неизменными, несмотря на возражения министра[141]. Так, статья о юрисдикции была оставлена практически в прежнем виде, хотя, следуя министру, понятие университетского суда в ней было заменено на «внутреннюю расправу». Сильной правке подверглась статья о пенсиях, на которую министр также сделал замечания. Из нескольких вариантов был одобрен следующий: помимо годового жалования, которое из университетской казны выплачивалось вдовам и детям умерших профессоров, они имели право на получение пенсии в размере пятой части жалования, если профессор выслужил не менее десяти лет, и четвертой части – если прослужил не менее двадцати пяти лет[142].

---

[140] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 4 декабря 1802 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 158.

[141] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–10.

[142] В предыдущих вариантах Акта срок службы скончавшегося профессора не уточнялся, в любом случае вдова и малолетние дети получали пенсию в размере ¼ части годового жалования. В итоговом же варианте Акта этот пункт вновь будет изменен и на 1/5 часть пенсии могли рассчитывать вдовы и дети профессоров, прослуживших от пяти до пятнадцати лет в университете, на ¼ – свыше 15 лет.

Вернувшись от императора, Новосильцев в своей канцелярии изготовил очередную копию Акта, внеся в нее еще ряд небольших уточнений[143].

Наконец, Паррот получил набело переписанный вариант Акта постановления, который вновь можно было отдавать для изготовления парадного образца. Стоит отметить, что Александр великодушно предложил взять на себя расходы по повторному изготовлению пергамента, но Паррот все же оплатил эту сумму из университетской казны (как и в первый раз).

Таким образом, император Александр I не менее семи раз лично участвовал в рассмотрении замечаний и поправок к тексту Акта постановления для Дерптского университета. Это говорит не только о дружеском расположении, которое монарх питал к инициатору Акта, профессору Парроту, но и о несомненной важности для монарха проводимых в то время образовательных реформ в Российской империи. Очередное же свое благодеяние император оказал Дерптскому университету, подписав Акт постановления в день своего рождения, то есть 12 декабря. Тем самым Александр I согласился на просьбу Паррота соединить дату основания университета с торжествами всей России в честь императора. Характерно, что Новосильцев, через которого профессор передал эту просьбу, первоначально ответил отказом, заметив, что «это большой праздник, в который император не может заниматься никакой официальной работой». Но Паррот, как всегда, был настойчив: «Просите его об исключении. Скажите ему, что эта особенная милость вознаградит за испытанные мною огорчения и докажет, что он не сердится из-за всех тех, которые я ему доставил»[144].

На прощальной аудиенции 15 декабря 1802 г. Александр I собственноручно вручил Парроту подписанную им и контрассигнованную министром народного просвещения грамоту для хранения в Дерптском

---

[143] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227. Л. 24–27 об. Эта копия сохранилась фрагментарно, а поправки Новосильцева в ней касаются лишь условий назначения пенсий, см. предыдущее примечание.

[144] *Bienemann F.* Op.cit. S. 165–166.

университете[145]. По сути, так произошел первый шаг к реализации реформы высшего образования в Российской империи начала XIX в. Проведенный анализ показал, что Александр I проявил большую собственную заинтересованность в этом шаге и несомненное личное упорство в том, что довести дело до конца, не откладывая надолго, в соответствии со своими обещаниями, данными профессору Г.Ф. Парроту. Император самостоятельно работал с проектом Акта, а также пользовался услугами своих ближайших помощников. Среди них выделялись так называемые «молодые друзья» Александра, князь А. Чарторыйский и Н.Н. Новосильцев, всего же в процедуре подготовки Акта то или иное участие приняли все члены Негласного комитета (т.е. также еще и В.П. Кочубей, и П.А. Строганов). Из старшего поколения советников Александра I в процессе обсуждения участвовали М.Н. Муравьев, Ф.И. Клингер и граф С.О. Потоцкий – последний на правах «доверенного эксперта» императора в делах образования, но в случаях, когда их мнение не разделялось «молодыми друзьями», оно отступало на второй план. Что же касается министра народного просвещения, графа П.В. Завадовского, то подготовка Акта первоначально была устроена императором так, что министр оставался от нее полностью в стороне. Виновником этого безусловно являлся Паррот, который использовал свой прямой доступ к императору через «молодых друзей». Однако Александр I понимал ненормальность такой ситуации и вскоре убедился, что она вызвала ответную «маленькую месть» (выражение Паррота) со стороны Завадовского. У императора хватило такта и твердости, чтобы не превращать вскрывшиеся разногласия в прямой конфликт. В конечном счете, можно констатировать, что история Акта завершилась ко всеобщему удовлетворению всех ее участников, так что даже Завадовский смог использовать положения этого документа при написании параграфов об университетах, которые вошли в подготовленные в

[145] Оригинал Акта постановления в настоящее время хранится в Тартуском университете (Эстония) – https://dspace.ut.ee/handle/10062/24627

министерстве Предварительные правила народного просвещения от 24 января 1803 г. и закрепили университетскую автономию в Российской империи[146].

3.5. Предварительные Правила народного просвещения и возникновение Главного Правления училищ. Первые месяцы работы. Попечители[147]

Работа над Актом постановления не могла заслонить министру народного просвещения главную цель, стоявшую перед его министерством – создание общего плана учебной системы Российской империи. Следовало соединить «университетскую часть» плана с наработанными в Комиссии об училищах принципами организации учебных заведений среднего и начального уровня. Этой работой по должности должен был заниматься правитель дел Комиссии В.Н. Каразин, подтверждение чему мы находим в записке В.Г. Анастасевича, старшего письмоводителя при кн. А. Чарторыйском: «Занятия мои тогда с Василием Назарьевичем особенно состояли в начертании Предварительных правил Министерства народного просвещения»[148]. Стоит подчеркнуть, что речь здесь шла, конечно, не о реальном написании самих Правил, а о редактировании норм, уже одобренных императором и министром. Возможно, Каразин и хотел бы каким-то образом повлиять на итоговый документ Комиссии, но очевидно, что его понимание университета принципиально расходилось с тем итогом работы, который был зафиксирован в Акте Дерптского университета. В августе 1803 г., в письме императору Каразин жаловался, что «Предварительные правила» были написаны «известным Вам

---

[146] *См.: Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 391–392.

[147] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Разработка образовательных реформ в Главном Правлении училищ в 1803–1804 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. Вып. 3. С. 17–30.

[148] *Анастасевич В.Г.* Записка о Василии Назарьевиче Каразине // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 192.

образом»[149] и что в них он едва-едва мог сберечь только тень некоторых своих идей, «и то, конечно, самых маловажнейших»[150].

К финальному обсуждению текста общего плана учебной системы гр. П.В. Завадовский привлек Н.Н. Новосильцева, активно участвовавшего в редактировании дерптского Акта, но не являвшегося членом Комиссии об училищах. В бумагах Новосильцева сохранилась редакция «Предварительных правил народного просвещения», написанная писарским почерком с карандашной правкой Новосильцева[151], а также его рассуждения о том, какие в ближайшее время следует принять меры по училищной части[152]. Сразу обращает на себя внимание упоминание в обоих документах Новгорода (а не Санкт-Петербурга!) как центра одноименного учебного округа – скорее всего Новосильцев был согласен «Мнением» Потоцкого о вреде размещения университета в столице, которое также сохранилось в его бумагах с автографом автора на французском и русском языках[153].

Не вызывает сомнений, что Новосильцев готовил свои предложения по просьбе Завадовского и министр был с ними хорошо знаком[154]. Рассуждая о том, что сначала нужно направить казенные средства на устройство

---

[149] Письмо В.Н. Каразина к Александру I от 16 августа 1803 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... С. 651.

[150] Письмо В.Н. Каразина к Александру I от 1803 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина... С. 657. И все же в основе «Предварительных правил» лежала идея общеобразовательной школы, «необходимой для нравственного образования граждан», что всегда подчеркивал В.Н. Каразин.

[151] Предварительные правила народного просвещения // Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 82–97.

[152] *Новосильцев Н.Н.* Меры, которые по училищной части предварительно принять должно // Архив СПбИИ РАН. Ф. 176. Д. 36. Л. 1–2 об.

[153] *Потоцкий С.О.* Мнение о учреждении университета в Санкт-Петербурге на фр. и рус. яз. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 102–108 об.

[154] Первая же мысль Новосильцева, о том, что попечители после своего вступления в должность «определят образ сношения с училищами, сделают первое свое отношение; и в нем потребуют сведений о числе и состоянии училищ, о получаемых и издерживаемых суммах, о времени установления училищ, успехах их, числе воспитанников, которые каждый год от своего начала они произвели, и о избранном ими роде жизни; дабы судить, какое где влияние имело установление училищ, и на какую часть народа» будет озвучена министром на первом заседании Главного Правления училищ 25 января 1803 г.

университетов, а только потом на преобразование средних и начальных училищ, Новосильцев писал: «везде устроение, или усовершение университетов должно быть первым предметом издержек, ибо они приуготовят людей для составления гимназий, и поставят в цену успехи народных училищ и семинарий. Между тем не будет упускаема из виду и нижшая степень воспитания, для нечувствительного преобразования, которой послужат существующие ныне университеты и Академия наук, доставляя достойных людей в учители. Надобно взять в рассуждение и то действие на народ, которое бы заставило его дорожить усовершением сей части; и такое действие произведут в каждом округе воздымающиеся здания университетов, прилив денег, зрелище попечения, сосредоточенное в городах, наиболее значущих по своей торговле и обществам; и напоследок приезд ученых людей. Можно быть уверену, что непосредственное заведение мелких училищ не разбудит столь надежно мысли общественной, которая одна может поддержать и сближить к исполнению намерения Государя»[155]. Вообще, Новосильцев очень оптимистично смотрел на возможную реализацию образовательной реформы, считая, что если государство будет выделять запланированную сумму полностью несколько лет подряд, то «ручаться можно, что… устроение университетов и гимназий совершится, и с 1811-го года сия часть получит жизнь повсеместно»[156].

В отличие от Новосильцева, министр народного просвещения был не столь уверен в скором исполнении общего плана учебной реформы. Представляя царю в декабре 1802 г. всеподданнейший доклад с приложенными к нему текстами «Предварительных правил» и примерным исчислением годовых расходов на учебную часть, Завадовский писал: «Во исполнение Высочайших повелений, которыя знаменуют, что Вы, Всемилостивейший Государь, народные училища полагаете одним из главных

---

[155] *Новосильцев Н.Н.* Меры, которые по училищной части предварительно принять должно // Архив СПбИИ РАН. Ф. 176. Д. 36. Л. 2–2 об.

[156] Там же. Л. 2 об.

предметов внимания Вашего, Комиссия составила общий план заведения оных во всем государстве, чтобы науки, шествуя постепенно, разливали просвещение соразмерное состояниям граждан. Сей план совокупно и примерныя исчисления годовых расходов поднося на Высочайшее усмотрение докладываю предварительно, что всего предполагаемого в оном вдруг двинуть невозможно, хотя бы и действительная щедрота от Вашего Императорского Величества в полной мере простерта была. Не достает у нас первых орудий для предмета колико полезнаго, толико и пространнаго, то есть учителей, коих великое число потребно. По городам, в которых полагается быть гимназиям и уездным училищам, еще нужно приуготовить здания соответственно прибавлению в оных классов наук. По сим причинам облегчительнее будет для казны и удобнее находить способы, поспешествующие предположениям, вводя исполнение общего плана по частям. К достижению того, не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству указать:

1. Взять из гимназии Московского университета, Киевской, Казанской, Харьковской и из духовных семинарий сто человек студентов и образовать оных здесь для учительской должности под смотрением Комиссии народных училищ по примеру тому, как сие делали в царствование императрицы Екатерины II пред открытием народных училищ. Способ сей есть ближайший снабдить учителями гимназии и уездные училища, доколе не настанут обильнейшие.

2. Не угодно ли повелеть мне снестись с губернскими начальниками о приготовлении в губернских городах домов для гимназий; а в уездных для училищ, дабы где оные будут готовы, по мере возможности набрав учителей, приступить к открытию предполагаемого учения.

3. Не соблаговолите ли Всемилостивейший Государь от Своего лица предписать всем губернским предводителям, дабы они нравственным убеждением возбуждали ревность в дворянах заводить в поместьях их училища для сельского юношества.

4. Если Ваше Императорское Величество удостоите утвердить подносимый план, то соблаговолите изъявить Вашу волю, в котором месте из представляемых быть вновь университету, дабы от сего времени обратить приготовления к тому. По сему пункту представляю мнение члена Комиссии графа Потоцкого, в коем рассуждает о неудобствах к основанию университета в Санкт-Петербурге, полагаемаго в общем плане. Имело бы свою пользу и то, если Ваше Императорское Величество соизволите назначить ныне из членов Комиссии в попечители уже существующим университетам: Московскому, Дерптскому и Виленскому. В провинциях, от Польши присоединенных, учебная часть имела основательное учреждение. Члены Комиссии князь Чарторыйский и граф Потоцкий трудятся теперь в рассмотрении положений и настоящего состояния оной, дабы еще больше усовершить.

В исчисление сумм на университеты Комиссия училищ не положила издержки на строения, не имея в том ни местнаго, ни практического сведения. Как не в один год произойдут заведения, или могут найтися готовыя строения в назначенном месте для университета: то и предоставлено об отпуске суммы докладывать Вашему Императорскому Величеству в то время, когда сближится очередь к заведению.

5. Нужно приступить заранее к напечатанию книг учебных, изданных до сего для народных училищ, которых употребление войдет во все сельския. Следственно число оных должно быть наиизобильнейшее. Комиссия училищ имеет свою сумму на печатание; я токмо испрашиваю от Вашего Величества повеления на распоряжение того.

В заключении беру смелость сказать: науки, как все вещи в природе, имеют свое младенчество и полной возраст; ход их медлителен. В пору надлежит сеять; с терпением обрабатывать, время приносить плоды»[157].

[157] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от декабря 1802 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 109–112. На этом докладе стоит подлинный автограф министра, но не указана точная дата его подачи Александру I и на нем нет императорской резолюции. Но в подтверждение того, что доклад императору все-таки был поднесен, можно привести слова Н.И. Фуса из его письма отцу, в

24 января 1803 г. император Александр I утвердил «Предварительные правила народного просвещения», которые заложили основы образовательной реформы начала XIX в. Существовавшая с сентября 1802 г. Комиссия об училищах была преобразована в Главное Правление Училищ, ставшее высшим совещательным органом Министерства народного просвещения. Согласно указу Александра I «народное просвещение в Российской империи составляет особую Государственную часть, вверенную Министру сего отделения, и под его ведением распоряжаемую Главным Училищ Правлением»[158]. Предварительные Правила закрепили разделение всех учебных заведений на четыре разряда. Соподчиненность и взаимодействие приходских школ, уездных училищ, губернских гимназий и университетов должны были служить единой цели просвещения[159]. Планировалось, что учебные программы каждого типа школ должны быть составлены таким образом, чтобы с одной стороны давать определенный минимум образования, а с другой – готовить лучших воспитанников для учебных заведений более высокого уровня. Перед членами Правления была поставлена задача разработать уставы и детальные учебные планы университетов, гимназий, уездных и приходских училищ.

Вся страна была разделена на шесть учебных кругов, по числу уже существующих или собирающихся открыться университетов, во главе которых были поставлены попечители[160]. Попечитель отвечал «за

котором он пишет: «17 декабря министр представил Императору общий план устройства училищ, который составила наша комиссия, в основном по моим предложениям. И сейчас мы ждем его утверждения» // Цит. по: *Мументалер Р.* Указ соч. С. 149.

[158] Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 13–14.

[159] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования… Т. 1. С. 220.

[160] Вопрос изменения названия должности «куратор» на «попечитель» в образовательных реформах Российской империи XIX в. см.: *Цыганков Д.А.* Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII — первая треть XIX века) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010. С. 515–527; *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель

благоустройство всех училищ вверенного ему округа», был обязан «пещись» об открытии новых учебных заведений, представлять профессоров и директоров гимназий на утверждение министра, отвечать за финансовое и хозяйственное состояние школ, т.е. фактически выступать посредником между округом и министром народного просвещения. В «Предварительных правилах» подчеркивался коллегиальный характер деятельности Министерства народного просвещения: каждый попечитель «обо всяком новом распоряжении по учебной или хозяйственной части предлагает на общее рассуждение своих сочленов»[161]. Поскольку попечители по должности входили в состав Главного Правления училищ и должны были регулярно собираться на его заседания, их основным местопребыванием предполагался Петербург. Личный же контроль за учебными заведениями округа попечитель обязан был осуществлять по крайней мере, один раз в два года. Но если даже эту редкую обязанность по каким-либо причинам выполнить будет затруднительно, министр имел право отправить в округ другого члена Правления. Как уже было верно подмечено, «введение должности попечителя вообще нужно считать важным фактором формирования централизованной и унифицированной системы управления российскими университетами»[162] и системой учебных заведений в целом.

В тот же день был подписан указ, определяющий конкретный состав каждого учебного округа. Во главе Московского учебного округа, состоящего из десяти губерний (Владимирской, Вологодской, Калужской, Костромской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской) был поставлен тайный советник, товарищ министра народного просвещения Михаил Никитич Муравьев. Учитель великих князей Александра и

Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2015. Вып. 65. С. 70–97.

[161] Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 16–17.

[162] *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета… С. 72.

Константина по русской словесности и нравственной философии, сенатор, в 1801 г. назначенный на должность секретаря при особе государя по принятию прошений на высочайшее имя, Муравьев с самого начала царствования своего венценосного ученика стал непременным участником всех образовательных реформ. С Московским университетом, где он сам учился, Михаил Никитич поддерживал до конца жизни самые тесные связи[163].

Виленский учебный округ, включавший в себя в основном губернии, присоединенные Россией после разделов Польши (Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Киевскую, Минскую, Могилёвскую, Подольскую и Белостокскую область с 1807 г.), получил в свое распоряжение тайный советник, товарищ министра иностранных дел князь Адам Адамович Чарторыйский. Близкий друг молодого императора Александра, член Негласного комитета, Чарторыйский как убежденный польский патриот отдавал все свои силы на то, чтобы сохранить на территории польских провинций католическое влияние и воспитать «свободное национальное чувство».

Дерптский учебный округ, включавший в себя Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую и до 1809 г. Финляндскую губернии управлялся генерал-майором Федором Ивановичем Клингером. К этому времени Клингер уже считался экспертом в области народного просвещения, тем более что особое участие в его назначении на эту должность принял профессор Паррот, с которым они долгое время сохраняли дружеские отношения[164].

---

[163] *Андреев А.Ю.* Московский университет... С. 44–50.

[164] Паррот надеялся, что Клингер, не связанный с местным прибалтийским дворянством тесными связями, будет его союзником, представлявшим интересы университета в министерстве // *Гаврилина И.А.* Ректор Г.Ф. Паррот и попечитель Ф.М. Клингер: два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 50. Несмотря на то, что не во всех вопросах Клингер был готов поддерживать проф. Паррота, тот ценил его поддержку и в своих письмах императору характеризовал попечителя как «храброго защитника», поставленного Александром на страже интересов округа, а также не единожды предлагал его на пост министра народного просвещения: «Граф Завадовский очень болен, – писал Паррот еще в 1806 г. Если он умрет, поставьте на его место Клингера. Нужно человека

Столичный учебный округ, «в коем до учреждения университета преподаваемы будут высшия познания при Академии Наук» возглавил президент Императорской Академии наук, действительный камергер Николай Николаевич Новосильцев. Санкт-Петербургский учебный округ составляли пять северных губерний – Санкт-Петербургская, Архангельская, Новгородская, Псковская и Олонецкая.

Масштабный по своим размерам Харьковский учебный округ в начале XIX в. включал в себя территории Воронежской, Екатеринославской, Курской, Херсонской, Орловской, Полтавской, Слободско-Украинской, Таврической и Черниговской губерний, а также земли донских и черноморских казаков. Во главе округа был поставлен тайный советник, сенатор граф Северин Осипович Потоцкий. Богатый польский магнат, Потоцкий после второго раздела Польши поступил на русскую службу, сблизился с наследником престола и вместе с Чарторыйским и Новосильцевым вошел в круг «молодых друзей» Александра.

Наиболее удаленный от центра империи, но вместе с тем и самый обширный Казанский учебный округ состоял из тринадцати восточных губерний – Астраханской, Вятской, Иркутской, Кавказской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тобольской. Первым попечителем Казанского округа был назначен тайный советник, сенатор граф Андрей Андреевич (Готхард Андреас) фон Мантейфель, один из видных представителей Лифляндского дворянства и куратор университета в Дерпте. Мантейфель рассчитывал получить должность президента Дерптского университета, но император Александр I в 1802 г. не дал согласие на введение этой должности. Прибыв на рубеже 1802–1803 гг. в Петербург, он искал места в Главном Правлении училищ, надеясь получить должность дерптского попечителя. Но

с головой иметь во главе сего министерства. Дерпт при нем расцвел и возвысился. При нем и все русские университеты расцветут возвысятся» // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 289–290.

в Дерптский округ был назначен Ф.И. Клингер, а Мантейфель получил в качестве «компенсации» Казанский учебный округ. Эта замена совершенно не устроила прибалтийского графа, который посетив всего четыре заседания Правления (14 и 21 марта, 18 апреля и 2 мая 1803 г.) «надолго» покинул Петербург[165]. 20 июня 1803 г. на его место был поставлен первый русский астроном, вице-президент Академии наук действительный статский советник Степан Яковлевич Румовский. 68-летний академик имел за плечами богатый опыт как преподавания (частный учитель будущего министра народного просвещения А.К. Разумовского, ординарный профессор Академии наук), так и административной работы (руководитель Географического департамента, директор астрономической лаборатории, на посту вице-президента принимавший участие в разработке нового Регламента Академии наук)[166].

Попечители учебных округов входили в состав Главного Правления училищ по должности. Также в Правление перешли и все члены бывшей Комиссии об училищах: действительный тайный советник П.С. Свистунов, действительный статский советник Ф.И. Янкович де Мириево, два академика и статских советника Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус, что говорило об одобрении императором их прежней деятельности. Должность правителя дел Правления сохранил за собой коллежский советник В.Н. Каразин. Не случайно, характеризуя неординарный состав Главного Правления училищ (ни в одно министерство не входило столько высокопоставленных сотрудников, как в Министерство народного просвещения), первый исследователь образовательных реформ проф. М.И. Сухомлинов писал: «Министерство народного просвещения составлено было из лиц, самых

[165] Высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении нового попечителя начинался словами: «По отсутствии, и надолго, тайного советника графа Мантейфеля, определяем в попечители Казанскому университету…» // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

[166] *Павлова Г.Е.* Степан Яковлевич Румовский. 1734–1812. М., 1979. С. 164.

близких к Государю, пользовавшихся его наибольшим доверием, расположением и дружбою»[167].

Заседания Правления проходили в доме министра Завадовского в его присутствии. Первоначально днем заседаний была выбрана суббота. Утром этого же дня министр присутствовал на докладе у императора. Изредка собирались в среду. Заседание длилось около четырех часов: с одиннадцати утра до трех с половиной дня. В 1804 г. из-за невозможности собрать полный состав членов в субботу, заседания стали проводится по четвергам[168] (однако на количество участников это не повлияло). В 1803 г. прошло 37 заседаний, в 1804 г. – 27 заседаний. Добиться полного состава удавалось далеко не всегда, бывали заседания, на которых присутствовали (не считая министра, который не подписывал журналы Правления) всего трое или четверо членов Правления. Чаще всего в 1803 г. присутствовал попечитель Дерптского округа Ф.И. Клингер – он был на 35 заседаниях, академик Н.И. Фус посетил 33 заседания, 31 раз в дом министра приезжали попечитель Московского округа Н.М. Муравьев и Ф.И. Янкович де Мириево[169], 30 раз – академик Н.Я. Озерецковский. Попечитель Санкт-Петербургского округа Н.Н. Новосильцев присутствовал 28 раз, попечитель Виленского округа, князь А.А. Чарторыйский – 27 раз. Меньше половины заседаний посетил П.С. Свистунов (он был 17 раз), почти год в Петербурге отсутствовал попечитель Харьковского округа граф С.О. Потоцкий (он посетил всего 8 заседаний,

---

[167] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866.

[168] «Главное Правление Училищ, рассуждая, что назначенные и наблюдаемые по ныне дни его заседаний среда и суббота, на опыте оказали неудобства для полнаго собрания всех членов, которые в сие время наиболее бывают развлечены другими должностями, с согласия Его Сиятельства Министра определило другой день недели для своих заседаний, и именно четверток, начиная с одиннадцатого часу утра; предоставив себе впрочем собираться и во всякое другое время, когда по мнению Его Сиятельства в том будет настоять надобность». Журнал Главного Правления училищ № 36 от 2 декабря 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 158–158 об.

[169] Последнее заседание Правления Ф.И. Янкович де Мириево посетил 28 октября 1803 г. Как явствует из последующих журналов, он тяжело заболел и в состав Главного Правления Училищ больше не входил.

последнее из которых было 28 марта)[170]. После своего назначения летом 1803 г. на должность попечителя Казанского округа, С.Я. Румовский смог посетить 16 заседаний Главного Правления Училищ.

В 1804 г. на всех заседаниях, кроме одного присутствовали академики Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус, попечитель М.Н. Муравьев принимал участие в 25 заседаниях, Ф.И. Клингер – в 24 заседаниях, С.Я. Румовский – в 22. Вернувшийся из Вены гр. С.О. Потоцкий начал посещать Правление с мая, и был на 17 заседаниях, кн. А.А. Чарторыйский присутствовал 14 раз. Н.Н. Новосильцев до своего отъезда из Петербурга осенью 1804 г. смог посетить только 8 заседаний, заменивший его гр. П.А. Строганов присутствовал на всех оставшихся собраниях[171]. И только три раза за весь год в дом министра приехал П.С. Свистунов.

Первое заседание Главного Правления училищ состоялось 25 января 1803 г. На нем были зачитаны Предварительные правила народного просвещения, а также именные указы, подписанные императором Александром I 24 января. Каждому попечителю было поручено ознакомится с состоянием учебных заведений его округа и определить способы для увеличения их числа. Естественно, попечители смогли воспользоваться теми сведениями, которые еще осенью 1802 г. собирал граф Завадовский от гражданских губернаторов сразу после своего назначения министром народного просвещения[172]. Однако

---

[170] На время его отсутствия исполняющим обязанность попечителя Харьковского округа был назначен Н.Н. Новосильцев.

[171] С 16 сентября 1804 г. исполняющим обязанности попечителя Санкт-Петербургского округа в связи с отъездом Новосильцева был назначен тайный советник, товарищ министра внутренних дел гр. П.А. Строганов.

[172] Отношения такого содержания были посланы всем управляющим губерниями: «По званию министра народного просвещения, я имею нужду в сведениях о состоянии всех училищ, какого бы рода ни было, в губернии Вашему превосходительству вверенной, кроме народных школ, о которых приказы общественного призрения относятся в Комиссию училищ. По чему и прошу вас покорнейше, по приложенной при сем форме, истребовать от начальников таковых училищных заведений подробное оных описание и ко мне доставить оное» // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 1. Л. 3; Оп. 56. Д. 8. Л. 4. Как только были назначены попечители учебных округов, из канцелярии министра все присланные документы были перенаправлены им // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 1. Л. 6.

только письменных отчетов было недостаточно, поэтому харьковский попечитель предложил отправить по округам визитаторов «для получения местных познаний о училищах округа и соображения нравственного и физического состояния и нужд каждого края с средствами, какия в последствии возможны будут, и с теми к которым в самом начале приступить должно», тем более что эта мера прямо предписывалась Предварительными правилами[173].

К следующему заседанию правителем дел был подготовлен штат канцелярии Правления и список необходимых чиновников, которые в большинстве своем уже служили в Комиссии об училищах. Помимо самого правителя дел, в канцелярии числились два академика – Озерецковский и Фус, которые, как и попечители, получали жалование в 2000 рублей, два экспедитора – по ученой и экономической части, четыре столоначальника и шесть помощников, два курьера и два сторожа. Отдельно был утвержден штат хозяйственной конторы Правления, которая, как и канцелярия, должна была содержаться из доходов от Щукинского дома. Канцелярии попечителей финансировались из государственных доходов. Каждый попечитель имел двух письмоводителей, а также мог пользоваться общей суммой, выделяемой на осмотр округа[174]. Составить примерные штаты для университетов и гимназий министр поручил Янковичу де Мириево и академику Фусу, после чего они 17 марта 1803 г. были утверждены императором[175].

Центральным вопросом, который стоял перед Главным Правлением училищ в первые месяцы его существования, был вопрос о создании общего устава высших, средних и низших учебных заведений в империи, а также частных уставов отдельных университетов (см. следующий параграф). Отдельно членами Главного Правления училищ обсуждались и были

---

[173] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 7 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

[174] Окончательно штаты канцелярии Главного Правления училищ, конторы Правления и канцелярий попечителей утверждены на 6 заседании 7 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–28 об.

[175] Сборник постановлений… Стб. 31–36.

одобрены некоторые постановления для Дерптского и Виленского округов. Так, на втором заседании, 7 февраля 1803 г., был одобрен наказ для ректора Дерптского университета[176], еще до подписания устава Дерптского университета были приняты правила для учащихся в данном университете[177], а 31 марта 1804 г. императорским указом приняты постановления о управлении подведомых Дерптскому университету училищ (обсуждались на 1 и 8 заседании)[178]. Кн. А.А. Чарторыйский представил на утверждение Правления разработанные Виленским университетом такие же правила для училищ своего округа[179]. Но не все предложения попечителей принимались членами Главного Правления училищ к рассмотрению. Когда попечитель Дерптского округа Ф.И. Клингер предоставил сочиненный профессором Г.Ф. Парротом «проект распоряжений по гимназиям, уездным и приходским училищам Дерптского Округа», он был отклонен вследствие того, что «о содержании приходских училищ еще не сделано в прочих округах распоряжения; то и следует предложить о сем Правлению вообще в свое время»[180]. Также были отклонены постановления для гимназий Дерптского округа, предложенные Правлению 25 августа 1804 г., т.к. уже к этому времени общий устав для всех училищ в империи был одобрен и готовился к поднесению на высочайшее утверждение[181].

---

[176] «Сей наказ содержит в себе распоряжения касаемо: 1-е донесений Попечителю о нынешнем положении самого Университета и всех Училищ, состоящих в Его округе, 2-е вступление Университета в обязанность его, предписанную Высочайше изданными, в 24 день Января, Правилами, о сношении его с училищами, и приуготовлении книг для оных; 3-е управление хозяйственной части». Журнал Главного Правления училищ № 2 от 7 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7 об.

[177] Высочайше утвержденные правила для учащихся в Императорском Дерптском университете от 23 августа 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 119–138.

[178] Постановления для Императорского Дерптского университета, относительно до надзирания училищ его округа от 31 марта 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 226–232.

[179] Предначертание устроения училищ в округе Императорского Виленского университета от 20 августа 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 269–283.

[180] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 25 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 105 об.

[181] Журнал Главного Правления училищ № 18 от 25 августа 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 54 об.

Как уже было отмечено, гр. А.А. Мантейфель, уроженец Лифляндской губернии, был назначен попечителем Казанского учебного округа вопреки своему желанию. Гораздо ближе ему по интересам был Дерптский учебный округ, к устройству образовательных учреждений которого прибалтийский граф относился с особенной ревностью. Первые же одобренные законопроекты вызвали явное недовольство Мантейфеля, который уже 14 марта 1803 г. внес в Правление «некоторыя замечания, относительно до разных распоряжений в Дерптском университете по учебной части». Не став даже рассматривать полученный документ, члены Правления ответили, что «поелику Предварительными правилами народного просвещения Высочайше утвержденными общее устройство училищной части уже образовано; а за наблюдения за оными определены именным Высочайшим указом к каждому университету и округу особые попечители; для того замечания сии оставлены Правлением без дальняго о них суждения»[182]. Попытка казанского попечителя вмешаться в деятельность Ф.И. Клингера оказалась неудачной и была сразу же в министерстве пресечена.

Не только Мантейфель был раздосадован сложившейся ситуацией. Дворянство губерний Дерптского округа также не было довольно назначением «чужого» для него человека в качестве попечителя. Уровень образования в Прибалтике был гораздо выше, чем в других частях Российской империи. Терять свою самостоятельность ни Дерптский университет, ни училища округа не хотели. Членам Главного Правления училищ неоднократно приходилось делать замечания начальству как университета, так и различных гимназий, требуя неукоснительного следования принятым законодательным актам. Так, 4 марта 1803 г. университетскому совету было запрещено производить сверхштатные расходы без предварительного одобрения их попечителем[183]. Попытка обязательной визитации училищ Дерпта закончилась

[182] Журнал Главного Правления училищ № 7 от 14 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–33 об.

[183] Журнал Главного Правления училищ № 5 от 4 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

скандалом: дерптский магистрат «не только не допустил посланного Университетом визитатора к обозрению оных в сем городе, но ответствовал самым оскорбительным образом на отношение Университета, отрицая вместе всякое влияние его на городския училищныя заведения»[184]. В конце 1803 г., ссылаясь на более ранние постановления, свои права пыталась отстаивать Митавская гимназия: считая себя равным университету, начальство гимназии присваивало «себе и принимаемым в оную Учителям Наук» различные титулы[185]. В 1804 г. возник вопрос о том – кому должны подчиняться римо-католические училища в округе – духовной консистории или университету. Ответ Правления еще раз подчеркивал общие для всех училищ правила: «Так, как в Предварительных Правилах народного просвещения нигде не взята была в рассуждение разность исповеданий, то по сей причине никакое Училище, находящееся в подданстве Округа, не может быть исключено из общих правил подчинения и порядка»[186]. Просьба открыть в Риге отдельные училища для юношества римо-католического исповедания была отклонена[187], разрешение было дано только на школы, «в которых бы юношество Римско-католического исповедания обучаемо было Катихизису и Закону, а не каким-либо наукам»[188].

Помимо разработки и обсуждения основополагающих проектов, определивших деятельность учебных заведений в России, Главное Правление училищ занималось и текущей, повседневной работой. В его компетенцию входил поиск и утверждение учителей для гимназий и уездных училищ, их награждение, перемещение и увольнение от должности. Члены Правления рассматривали прошения учителей об определении в учительское звание, одобряли повышение в чины и докладывали в четвертую экспедицию о государственных доходах о совершенном вычете из жалования. Канцелярия

[184] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 25 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 105 об.

[185] Журнал Главного Правления училищ № 34 от 18 ноября 1803 г. // Там же. Л. 150.

[186] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 14 января 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[187] Журнал Главного Правления училищ № 7 от 17 марта 1804 г. // Там же. Л. 18.

[188] Журнал Главного Правления училищ № 12 от 16 июня 1804 г. // Там же. Л. 37 об.

Правления получала бумаги из местных приказов общественного призрения и при необходимости отправляла обратно необходимые учебные пособия и принадлежности (карты, глобусы, таблицы и проч.). Большое внимание члены Правления уделяли изданию учебников и научной литературы[189].

В августе 1804 г. правитель дел Правления В.Н. Каразин подал прошение на высочайшее имя с просьбой уволить его от службы, поскольку «ныне же по стечению многих обстоятельств находит себя в своем положении и здоровьи до такой степени расстроенным, что продолжать службу в настоящее время, не взирая на истинное свое к оной усердие более не может»[190]. Новым правителем дел стал коллежский советник И.И. Мартынов, который был директором Департамента народного просвещения. Но не только расстроенное здоровье вынудило Каразина просить увольнения. Далеко не всегда члены Правления были согласны с министром. Сам принцип коллегиального принятия решений таил в себе опасность конфликтов, что усугубилось порывистым, доходящим до несдержанности характером правителя дел. Еще летом 1803 г. Каразин написал письмо императору Александру, в котором раскритиковал деятельность Министерства народного просвещения. Главным объектом критики стал министр Завадовский, который установил «во всех частях министерского попечения беспечность, и тяжелый, с правилами ни мало несоображенный ход»[191]. «В самых заседаниях до такой степени нет порядка, что правление, имея дом, не имеет собственного места: собираются у министра в гостиной комнате за ломберным его столом, и в его присутствии читают его же предложения, на них ответствуют и собственные рассуждения делают, поминутно прерываемыя его сбивчивыми и темными фразами. Так, что он в одно время бывает и предлагатель, и исполнитель, и

---

[189] См. Журналы Главного Правления училищ №№ 3, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16 за 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1.

[190] Журнал Главного Правлению училищ № 17 от 18 августа 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

[191] Письмо В.Н. Каразина Александру I от 16 августа 1803 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 650.

член, и председатель, и министр»[192]. Особое раздражение у Каразина вызвало существование внутри министерства трех канцелярий: канцелярии министра, «присвоившая себе название департамента, под начальством надворного советника Мартынова, которая, кроме малаго числа заграничных ответов (не сношений!) пишет предложения попечителям, подтверждающая или останавливающая их действия», канцелярии Правления, которой заведовал сам Каразин, которая «обрабатывает общие дела округов» и экономической конторы «которая записывает сбор доходов»[193]. Причем Каразин не только не знал содержание входящих документов в канцелярию министра, поскольку «запретили сообщать мне все бумаги, поступающие в сей мнимый департамент»[194], но и жалование служащих в канцелярии министра в два раза выше, чем в канцелярии Правления[195].

Видимо, не только Каразина беспокоила неопределенность своего положения в Правлении. Попечители учебных округов также хотели знать круг вопросов, которые они могли решать самостоятельно, не испрашивая согласия министра[196]. Одним из таких вопросов должно было стать приглашение иностранных профессоров в университет. Очередное вмешательство министра в круг обязанностей попечителя[197] стало поводом

---

[192] Там же. С. 652. В Штате Канцелярии и Конторы Главного Училищ Правления было указано, что «для помещения Канцелярии и Конторы назначается верхний этаж большого флигеля Щукинского дома» // Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 2.

[193] Письмо В.Н. Каразина Александру I от 16 августа 1803 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 653.

[194] Там же. С. 649.

[195] Жалование правителя дел составляло 2500 руб. в год и было весьма немалым, но жалование служащих в Канцелярии Правления, действительно, было в два раза меньше, чем в департаменте министра // Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 1.

[196] Следует отметить, что в «Предварительных правилах народного просвещения» не было никаких инструкций для попечителя и это вызывало большие сложности // Университет в Российской империи… С. 250–273.

[197] Попечителю Московского округа М.Н. Муравьеву пришлось обратиться к министру за разрешением выписать иностранных профессоров в Москву. Журнал Главного Правления училищ № 22 от 18 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 95 об.

для написания Н.Н. Новосильцевым записки с просьбой определить эти обязанности: «в каких именно случаях, разумея случаи в правилах народного просвещения неозначенные, Попечитель обязан предварительно доносить министру просвещения, о распоряжениях по части своей им предпринимаемых; в каких Главному Управлению; и наконец в каких случаях он имеет власть поступать по своему усмотрению, относясь к Министру просвещения для ведения?»[198] Единогласно членами Правления записка была одобрена и правителю дел поручили к одному из следующих заседаний подготовить проект Наказа «в коем бы предписаны были подробным и определенным образом должности вообще Главного Училищ Правления, в особенности Попечителей и их сочленов»[199] для дальнейшего утверждения его императором. Но удивительно, что никаких проектов от Каразина не поступило[200], хотя он до марта 1804 г. оставался в Петербурге, занимаясь делами по открытию Харьковского университета[201].

3.6. Разработка университетских уставов (1803–1804 годы)[202]

Общий план учебной системы был высочайше утвержден 24 января 1803 г. под именем «Предварительных правил народного просвещения». Этот законодательный акт заложил основы новой учебной системы и в том числе определил принципы будущей университетской реформы. Каждый из шести

---

[198] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 25 июля 1803 г. // Там же. Л. 105 об.

[199] Журнал Главного Правления училищ № 25 от 8 августа 1803 г. // Там же. Л. 112 об.–113.

[200] Еще в апреле 1803 г. Ф.И. Янкович де Мириево предложил членам Правления, чтобы правитель дел написал инструкцию для всех чиновников, находящихся в Канцелярии и Конторе Главного Правления училищ. Невыполнение данного наказа можно было бы объяснить отсутствием Каразина в Петербурге с февраля по июнь 1803 г.

[201] В.Н. Каразин подробно пересказал ход заседаний Правления 18 и 25 июля в письме к профессору Харьковского университета И.Ф. Тимковскому от 2 августа 1803 г., сообщив, что у него произошла «открытая ссора с министром» // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 648.

[202] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Устав российских университетов 1804 г.: история подготовки в Министерстве народного просвещения // Клио. 2017. № 10 (130). С. 40–46; *Грачева Ю.Е.* Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.

первоначально создаваемых университетов, согласно Предварительным правилам, должен был получить свой частный устав, в котором «имеет быть изъяснено все до них принадлежащее»[203]. Но чтобы облегчить попечителям подготовку главного университетского документа, уже на втором заседании Правления было принято решение создать общий устав для университетов, «который бы мог служить образцом частным»[204]. За основу была взята часть проекта В.Н. Каразина «Предначертание устава о общественном воспитании», касающаяся университетов, которую правитель дел составлял еще для Комиссии об училищах. Академику Фусу поручили написать главу о учебных распоряжениях, так как «разделение наук и преподавателей на отделения, и расписание учения, было им уже сделано прежде, и найдено совершенно удовлетворительным»[205]. Главу о внутреннем управлении университета, и «о всем том, что до его благоустройства принадлежит», взял на себя академик Озерецковский, о управлении училищ – Янкович де Мириево. Всю хозяйственную часть должен был проработать попечитель Дерптского университета[206].

Уже через неделю первые главы общего устава были подготовлены. Обсуждение началось с текста Клингера «О экономическом распоряжении и об отдаваемых по сему предмету отчетах» и доклада Янковича де Мириево. Попечитель Дерптского университета подчеркивал, что по новому положению именно университет получает «беспосредственно полное экономическое распоряжение» поступающими на его содержание средствами, «располагает денежными суммами и ответствует за оные»[207]. Любые расходы университета могут производится только с согласия ректора, который подписывает все счета

---

[203] Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 18.

[204] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 7 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.

[205] Там же. Л. 8.

[206] Ф.И. Клингер в 1802 г. управлял хозяйственной частью Смольного института и училища ордена св. Екатерины.

[207] *Клингер Ф.И.* О экономическом распоряжении и об отдаваемых по сему предмету отчетах // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 456–458 об.

после согласования их с деканами факультетов на ежемесячном заседании Экономического комитета. Журналы заседаний, ведомости о приходе и расходе сумм, а также годовые финансовые отчеты, рассмотренные на Совете университета, в обязательном порядке передаются ректором попечителю округа. Подобным образом должны отчитываться и все учебные заведения округа, получающие казенное содержание – директора училищ отправляют все ведомости и отчеты в университет, откуда они после рассмотрения на Экономическом комитете поступают попечителю. Существенных замечаний на представленные тексты у членов Правления не возникло, за исключением терминологических правок – правителю дел несколько раз пришлось исправлять в тексте слова «куратор университета» или «куратор Комиссии народных училищ» на «попечитель».

На следующем заседании 21 февраля министр с членами Правления приступили к обсуждению центральной главы общего устава для университетов, посвященную учебной части[208]. Еще в ходе работы Комиссии об училищах академик Н.И. Фус по поручению Завадовского подготовил проект учебного плана, но в связи с прекращением заседаний Комиссии он не был рассмотрен. Теперь Фус расширил собственный проект. Он предложил разделить все науки «которых основательное познание делает граждан просвещенных и ко всякому званию способных» на пять отделений, причем два из них – «философических, математических и физических наук» и «филологических и словесных наук» должны были стать подготовительными к изучению наук, нужных для дальнейшей государственной службы или для подготовки к духовному званию. Основные науки, по мнению академика, должны преподаваться на богословском, юридико-политическом и врачебном отделениях[209]. Интересно отметить, что Фус, являвшийся сторонником

[208] Обсуждение этой главы заняло почти все заседание Главного Правления училищ. Вторичное чтение этой главы состоялось 22 апреля, когда академик Фус представил исправленный вариант.

[209] *Фус Н.И.* Учебная часть устава университетского. Предметы учения, порядок и пособия // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 436–447. В своем первом проекте Фус не планировал открытие богословского отделения, а

французской системы разделения наук вместо средневековых факультетов, готов был привнести на русскую университетскую почву австрийский опыт наличия в университетах подготовительных отделений[210].

Студенты, обучающиеся в университете за казенный счет должны были сдавать ежегодный экзамен, «поелику они пользуясь щедротами Монарха, обязаны оправдать его милости своими успехами»[211]. Фус предполагал, что по штату университет сможет содержать сорок казенных воспитанников. Если студент не смог выдержать ежегодное испытание, то он оставался второй год слушать те же науки. При вторично несданном экзамене студент выходил из университета только с аттестатом о поведении. Своекоштные студенты промежуточным экзаменам не подвергались.

Система ученых степеней, только обозначенная в Предварительных правилах народного просвещения, трактовалась академиком таким образом: в случае желания студентов покинуть университет после трехлетнего обучения на любом из подготовительных отделений, они получали аттестат «за подписанием Правления и с приложением университетской печати. Сим аттестатом Правление засвидетельствует, что они в университете постановленное число лет провели успехом и внесет в оной свидетельства всех профессоров, у которых они обучались, и аттестат ректора, одобряющий порядочное их поведение. Университет не отвечает за способность к службе тех, которые в оную без такого аттестата будут приняты»[212]. В тексте Фуса нет упоминаний о классных чинах, но логично предположить, что таким студентам при поступлении на службу присваивался 14 класс Табели о рангах, как это было обозначено в Предварительных правилах[213].

философские науки предлагал перенести в нравственно-политическое отделение // Материалы для истории учебных реформ… С. 393.

[210] *Андреев А.Ю.* Российские университеты... С. 382.

[211] *Фус Н.И.* Учебная часть устава университетского… // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 442.

[212] Там же. Л. 442 об.

[213] Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений… Стб. 17.

Если студент желал продолжить обучение на «высших» отделениях, то ему также выдавался аттестат и письменное разрешение и тогда он получал «наименование» кандидата богословия, правоведения или врачебной науки. Через четыре года на медицинском и через три года на двух других отделениях такие кандидаты имели право за месяц до окончания обучения подать ректору «диссертацию на латинском языке о какой-нибудь материи, относящейся к наукам каждого отделения» на степень магистра. Специальный Комитет из профессоров, назначенных университетским Правлением, высказывал свое мнение о всех поданных диссертациях, и уже Совет университета, принимая во внимание как отзыв Комитета, так и результаты итогового экзамена, принимал решение о присвоении искомой степени. Публичная защита диссертации предполагалась Фусом только при присвоении высшей, докторской степени (причем уже иметь степень магистра при этом было не обязательно). «Те, кои по обширности своих познаний надеются получить вышний академический степень, то есть, степень доктора богословии, правоведения или врачебной науки, должны не только испытание выдержать долее и строже, но и написать на латинском языке диссертации о какой-нибудь важной материи, которой можно дать новой вид и сделать новыя наблюдения и открытия»[214].

В своем проекте Фус развивал мысль, высказанную еще в докладе Комитета 18 марта, а затем закрепленную в Предварительных правилах народного просвещения, о необходимости иметь при каждом университете Педагогический институт, куда будут зачисляться все кандидаты, «посвятившие себя университету и преподаванию наставлений». Трехлетнее обучение в Педагогическом институте, сопровождаемое постоянными наставлениями «в искусстве преподавать науки ясным, точным и систематическим образом», заканчивалось строгим испытанием и присвоением второй академической степени магистра. По получении степени

[214] *Фус Н.И.* Учебная часть устава университетского… // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 446.

магистры могли поступить на службу в департамент народного просвещения или занять вакантные учительские места в гимназиях. Таким образом, по плану Фуса, первую степень кандидата (и 12 класс по Табели о рангах) получали студенты, успешно завершившие первый этап обучения на одном из подготовительных отделений и желающие его продолжить либо на одном из основных факультетов, либо в Педагогическом институте. Также и магистерская степень (и 9 класс) присваивалась либо по окончании Института для построения дальнейшей училищной карьеры, либо после написания научного труда по «высшим» наукам.

Если же магистры предпочитали остаться в стенах университета, то по решению Совета университета им выделялись специальные часы для преподавания студентам в рамках университетского расписания. Выпускники Педагогического института могли занять младшую преподавательскую должность адъюнкта через шесть лет, а магистры, закончившие «высшие» отделения – через три года, или даже ранее, если «откроются праздные адъюнктские места и Конференция (т.е. Совет университета) признает их достойными сего повышения»[215]. Каждые два года университет отправлял двух отличившихся своими знаниями адъюнктов за казенный счет в путешествие по Европе с учебными и научными целями. Вакантные профессорские места планировалось также заполнять университетскими адъюнктами.

7 марта члены Правления приступили к рассмотрению последней части общего университетского устава. Академик Н.Я. Озерецковский представил собранию перечень необходимых вспомогательных заведений, которые должен иметь каждый университет: типографию, книжную лавку, библиотеку, собрание естественных и художественных произведений, ботанический сад, физический кабинет, астрономическую обсерваторию, химическую

[215] Там же. Л. 444.

лабораторию и анатомический театр[216]. Типография должна обеспечивать учебными книгами как сам университет, так и все училища округа, поэтому университет содержит в штате, либо нанимает переплетчика, заключает письменные контракты на покупку «для типографии материалов и других для университета потребностей, каковы суть свечные припасы, дрова, свечи и пр.». Один из профессоров будет выбран смотрителем за библиотекой, профессор зоологии и минералогии – следить за наполнением коллекции редкостей, профессор ботаники вместе с садовником «стараться должны, чтоб сад изобиловал деревами и растениями, которыя климат наш сносить могут»[217]. Академик обратил внимание на удобство размещения всех упомянутых заведений – например, при ботаническом саду необходимо иметь дом для смотрителей, при обсерватории – приличные покои для астронома; физический кабинет предложил разместить рядом с аудиторией, где профессором физики будут читаться лекции, а вот химическую лабораторию, наоборот, в отдалении от учебных помещений «в которых хранятся металлическия орудия», поскольку «сии, при делании газов или воздухообразных кислот, могут получать ржавчину»[218]. Последние три параграфа главы были посвящены замещению вакантных профессорских мест, порядку производства в степень доктора и необходимости составления ректором и деканами факультетов правил для вольных и казенных студентов. В ходе обсуждения представленного текста членами Правления была внесена небольшая правка, не носящая принципиального характера.

Таким образом, общие контуры главного университетского документа были одобрены уже в начале 1803 г. Подчеркнем основные моменты, которые в той или иной степени сохранятся в университетском уставе 1804 г. Во-

[216] Озерецковский назвал свою главу «Об устройстве и порядке университета», однако в ходе заседания ее название решили изменить и озаглавить «О принадлежностях университета», поскольку оно лучше отражало текст представленного доклада // Там же. Л. 448–455.

[217] Там же. Л. 451.

[218] Там же. Л. 452.

первых, в историографии еще с середины XIX в. подчеркивалось, что структура университетских отделений, воспринятая Уставом 1804 г., была разработана академиком Н.И. Фусом с опорой на французскую образовательную систему[219]. Но стоит отметить, что наряду со словесным, физико-математическим, медицинским и нравственно-политическим (в текстах 1802–1803 гг. – политико-юридическим) отделениями в общем университетском уставе фигурировал и богословский факультет, наличие которого в каждом университете и министр народного просвещения, и члены Главного Правления училищ одобрили весной 1803 г. И только в ходе дальнейшего обсуждения университетских законопроектов будет принято решение о сохранении в уставе четырех отделений. Во-вторых, система ученых степеней, намеченная в Предварительных правилах и более детально разработанная Фусом, почти без изменений перейдет в Устав 1804 г.: многоступенчатая структура (кандидат – магистр – доктор), обязательные промежуточные экзамены для казеннокоштных студентов, наличие двух уровней штатных преподавателей (адъюнктов и профессоров), заграничные поездки адъюнктов. Статьи об управлении и функционировании Педагогического института, о наличии при университетах большого количества вспомогательных учреждений и выделении на их содержание государственного финансирования, об экономических распоряжениях также из общего плана перейдут в окончательный университетский устав.

В связи с тем, что еще на заседаниях Комиссии об училищах министр народного просвещения отделил вопросы, связанные с училищами Виленского округа, от разработки общероссийских законопроектов, университетские документы одноименного высшего учебного заведения готовились его попечителем самостоятельно. Конечно, игнорировать уже одобренные императором Александром I «Акт постановления для императорского университета в Дерпте» и «Предварительные правила

[219] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения в России… С. 52.

народного просвещения», кн. А.А. Чарторыйский не мог, тем более что он принимал непосредственное участие в их подготовке. Но ждать окончания работы Правления над текстом общего университетского устава попечитель не стал и представил проект устава Виленского университета в те же весенние месяцы, когда велось обсуждение и общего документа. Из журналов заседания видно, что члены Правления достаточно быстро одобрили предложенный документ: 21 марта и 18 апреля устав был прочитан «и с некоторыми замечаниями собранием принят»[220]. Текст, представленный попечителем Виленского округа даже не пытались согласовать с тем текстом, который готовился в Правлении – заметная разница в структуре документа, названиях факультетов, количестве кафедр и профессоров говорила о том, что и дальше округ Виленского университета сохранит свою относительную самостоятельность и независимость от центрального министерства.

22 апреля 1803 г. на том же заседании, где завершилась работа над текстом общего устава, устав Виленского университета был «Правлением совершенно одобрен; вследствие чего и подписан как Господином министром, так и всеми членами Правления для поднесения Его Императорскому Величеству на утверждение»[221]. Текст «Акта утверждения» Виленского университета, подписанный Государем 4 апреля 1803 г., вообще не обсуждался на заседаниях Главного Правления училищ. Образцом для этого Акта стала утвердительная грамота университета в Дерпте, многие статьи которого, как уже было доказано, не просто совпадали, но, по сути, лишь в слегка отредактированном виде переходили из одного акта в другой[222].

А вот уже устав Дерптского университета, который члены Правления стали рассматривать сразу же, как только закончили работу над общим университетским уставом, обсуждался гораздо дольше. Главным инициатором

---

[220] Обычно эта фраза означала, что вносились несущественные изменения, не меняющие смысл статей документа // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

[221] Там же. Л. 41.

[222] *Андреев А.Ю.* Российские университеты... С. 391–392.

разработки университетского устава, как до этого и утвердительной грамоты, стал уже упоминаемый ранее профессор Дерптского университета Г.Ф. Паррот. Сразу после триумфального возвращения в Дерпт, Паррот был избран ректором[223] и вместе с другими профессорами занялся составлением нового устава.

Естественно, главными противниками этой активной деятельности стали кураторы, исключенные Актом постановления из участия в делах университета. Пока комиссия из числа профессоров готовила окончательную редакцию проекта устава, уполномоченные Лифляндским и Эстляндским дворянством кураторы барон фон Фитингоф и И.Э. фон Унгерн-Штернберг обратились к министру внутренних дел В.П. Кочубею с просьбой о вмешательстве и о возвращении им прав, отнятых университетскими профессорами, «особливо о том, чтоб мы участвовали в сочинении статутов, которые окончательно постановят управление университета, основанного на иждивении нашем»[224]. Осознавая, что жалобы прибалтийского дворянства скоро дойдут до императора, Паррот решил заранее оправдаться перед Александром, пользуясь тем «особым доверием», которым император соблаговолил его почтить. «Дворянство Лифляндское иначе считает, – предупреждал профессор императора, – усмотрев в наших правах покушение на его так называемые привилегии, располагает оно протесты подать. Знаю я, Государь, что протесты сии попросту смешны»[225]. Не имея возможности вернуть утраченные права, они нападали на нравственный облик членов университетской корпорации, утверждая, «что когда выбираем мы профессоров на вакантные места, только посредственностей нанимаем, чтобы

[223] Г.Ф. Паррот был ректором Дерптского университета чуть больше трех лет: с 22 декабря 1802 по 1 августа 1803 года, с 1 августа 1805 по 1 августа 1806 года, с 1 августа 1812 по 1 августа 1813 года.

[224] Письмо кураторов В.П. Кочубею от 20 апреля 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 14. Л. 33–35. Получив это письмо, Кочубей препроводил его министру народного просвещения. Еще одно обращение кураторов было отправлено 6 мая 1803 г.

[225] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 16 апреля 1803 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 163–164.

самим посредственными не казаться»[226]. Также местное рыцарство обвиняло профессоров во вмешательстве в отношения между дворянством и их крестьянами.

В ответ Паррот получил от императора очень личное письмо (вероятно, содержащее какую-то тайну), которое по прочтении надлежало сжечь[227]. Это письмо доказало высокую степень доверия императора к ректору Дерптского университета, поэтому, как можно полагать, и в вопросе об уставе, который начал обсуждаться в Главном Правлении училищ, Паррот с этого момента стал действовать свободнее и настойчивее. Пять заседаний подряд (25 апреля, 2, 9, 23 мая и 6 июня) члены Правления читали составленный университетскими профессорами и представленный попечителем Дерптского округа Ф.И. Клингером текст устава и почти в каждую главу министр собственноручно вносил различные исправления[228]. Причем стоит отметить, что замечания, в основном, касались тех параграфов, которые вступали в противоречие «с Предварительными правилами народного просвещения и общим уставом для университетов»[229]. О сделанных в министерстве замечаниях попечитель оповестил ректора, и Паррот сразу же после завершения учебного года в Дерпте приехал в Петербург.

Парроту было важно сохранить ряд статей устава, исключенных из него во время весеннего обсуждения в Главном Правлении училищ. Поэтому по личному ходатайству попечителя на очередное заседание Правления, состоявшееся 27 июня и посвященное вторичному чтению устава Дерптского

---

[226] Там же. С. 164.

[227] *Андреев А.Ю.* Переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота (1802–1825) как источник по изучению политических реформ в Российской империи // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2019. Вып. 89. С. 75.

[228] Этот проект сохранился в бумагах Главного Правления училищ // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 260–334. Поражает обилие правки рукой министра народного просвещения – ни один проект университетского устава ни до, ни после Завадовский лично не исправлял. Можно предположить, что к законопроектам Дерптского университета у министра сохранялось особое отношение еще со времени принятия Акта постановления.

[229] Журнал Главного Правления училищ № 13 от 2 мая 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

университета, был приглашены как сам ректор, так и прибывший с ним профессор российской словесности Г.А. Глинка (видимо, в качестве переводчика). Паррот предоставил «объяснения на некоторые места устава, заключающие в себе положения, относящиеся собственно до местных обстоятельств того края и временем введенных обычаев в чужестранные университеты, от коих Дерптский более может заимствоваться, нежели прочие, учреждаемые в России. В следствии чего некоторые из выпущенных статей, во уважение причин, представленных г-ном ректором паки в проект устава приняты»[230]. На том же заседании был одобрен и штат Дерптского университета, за исключением единственной статьи. Паррот смог попасть и на следующее заседание Правления, где были заготовлены для высочайшего подписания «Правила для учащихся в Дерптском университете»[231].

Но делопроизводственные документы министерства не дают полного понимания того, с каким сопротивлением столкнулся Паррот в отстаивании своего мнения. В чем-то профессор и сам смог убедить министра народного просвещения и его сотрудников, но все еще оставался ряд положений, с которыми в Правлении не соглашались. И тогда он опять решил действовать через императора. Объясняя свою настойчивость, Паррот писал: «Ради успеха миссии моей необходимо мне те несколько идей, какие должен я представить в субботу утром Главному правлению училищ, предварительно рассмотрению Вашего Величества подвергнуть. Не о том идет речь, Государь, чтобы Вы между Главным правлением и мною арбитром становились. Мы почти во всем согласны; Правление и в особенности министр, по всему судя, миссией моей совершенно удовлетворены. Но есть несколько пунктов, по которым Главное Правление высказаться не дерзает и которые не решается даже представить на официальное рассмотрение Вашего Величества»[232].

---

[230] Журнал Главного Правления училищ № 19 от 27 июня 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 84–84 об.

[231] Журнал Главного Правления училищ № 20 от 4 июля 1803 г. // Там же. Л. 87–87 об.

[232] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I накануне 4 июля 1803 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 173.

Паррот настаивал на возвращении в штат университета исключенной статьи о пенсиях профессорам, а также просил запретить введенный дерптским магистратом и одобренный министром сбор за военный постой с профессоров, дома которых, согласно Акту постановления, от подобного постоя были освобождены[233]. Дерптскому профессору не терпелось получить подписанный устав, но министр Завадовский не торопился его одобрять, чем вызывал у Паррота крайнее возмущение. В очередном письме царю он был «принужден, как ни стремился к обратному, воззвать к авторитету Вашего Величества, в споре между общественным благом (т.е. подписанием устава) и графом Завадовским. Идя на уступки друг другу, Главное правление училищ, министр и я, пришли в конце концов к согласию по каждому параграфу Устава Дерптского университета, которые определяют его внутреннее устройство и развитие до той поры, когда опыт покажет изъяны, подлежащие исправлению»[234].

Казалось, что упорство Паррота принесло свои плоды: в его присутствии члены Главного Правления училищ во главе с министром на очередном заседании 15 июля еще раз обсудили некоторые статьи устава и он был «вместе с правилами для учащихся окончательно одобрен к подписанию и представлению Его Сиятельству Министру, который потом будет иметь счастье поднести оные Августейшему Государю Императору»[235]. Но Завадовский тянул с завершением этой работы и Паррот подозревал его в желании дождаться отъезда дерптского ректора из Петербурга (который торопился в университет к началу учебного года), чтобы спокойно внести необходимые исправления в окончательный текст. Паррот же, напротив, не собирался уезжать, не получив высочайше утвержденного документа, и

[233] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I между 7 и 13 июля 1803 г. // Там же. С. 179–182.

[234] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 14 июля 1803 г. // Там же. С. 182–183. На письме сохранилась приписка, что оно не было отправлено императору, т.к. в тот же день было объявлено об очередном заседании Правления.

[235] Журнал Главного Правления училищ № 21 от 15 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–7 об.

внимательно следил за ходом работы Правления: так, он внес на обсуждение «Всеобщее начертание плана гимназий, уездных и приходских училищ Дерптского округа», приезжал к министру для отдельного обсуждения некоторых параграфов устава, которые «за недостатком времени обсудить не успели»[236], но получить итоговый текст университетского устава никак не мог. Когда же ему все-таки передали немецкий оригинал текста, оказалось, что туда были внесены очередные исправления, с которыми дерптский ректор был категорически не согласен. Речь шла об уточнении категории лиц, принимаемых в университет: в проекте Паррота было записано, что «университет принимает в студенты людей всякого состояния», а министр решил дополнить, что «всякого свободного состояния». С этой поправкой не согласились также и некоторые члены Правления, посчитав, что она может в «чужих краях подать повод к неприятным заключениям и толкам»[237]. Не выдержав, Паррот стал настаивать на отстранении Завадовского от дел Дерптского университета, прося царя передать право принятия решений специальной комиссии в составе Н.Н. Новосильцева и Ф.И. Клингера[238]. На такое резкое нарушение субординации Александр не согласился, но все остальные просьбы Паррота удовлетворил: специальным распоряжением было подтверждено освобождение домов профессоров от военных постоев и от дополнительных платежей за него. Также император одобрил увеличение штатной суммы на Дерптский университет из-за статьи расходов на пенсии профессорам, которая была выше, чем в остальных российских

[236] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I накануне 8 августа 1803 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 184.

[237] Журнал Главного Правления училищ № 25 от 8 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 112 об.

[238] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I накануне 8 августа 1803 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 185. Стоит напомнить, что похожая комиссия (в составе Н.Н. Новосильцева, А.А. Чарторыйского, С.О. Потоцкого и П.А. Строганова) обсуждала Акт постановления и согласилась со многими доводами Паррота в ноябре 1802 г.

университетах[239]. Министру пришлось уступить, и в итоге, 12 сентября 1803 г. устав Дерптского университета был подписан императором, а 17 сентября прочитан на торжественном заседании в Дерпте.

Следующим университетским проектом, представленным на заседание Главного Правления училищ, стал устав Московского университета, подготовленный его попечителем М.Н. Муравьевым. Начало его работы над уставом мы находим в личной записной книжке попечителя[240]. Начав вести ее с момента своего вступления в должность, Муравьев заносил туда текущие заметки, размышления о студентах, профессорах, наброски для отчетов по округу, черновики статей по университетской истории. Из расположения текста проекта устава можно вывести приблизительный временной период его написания – оглавление проекта расположено сразу после записи о покупке телескопа от 4 апреля, а после его завершения идут рассуждения попечителя о том, каких профессоров лучше отправить на летнюю визитацию округа. В проекте нет начала (первых двенадцати параграфов первой главы) и конца (обрывается на восьмом параграфе третьей главы), он весь пестрит исправлениями и зачеркиваниями. За летние месяцы Муравьев еще не раз подверг свой проект изменениям[241], пока, наконец, не был подготовлен вариант, который можно было подать на рассмотрение Правления, как только там подошло к завершению обсуждение устава Дерптского университета[242].

Обращает на себя внимание то, что попечитель в своих рассуждениях о внутреннем устройстве университета, в основном опирался на текст общего университетского устава. Так, например, состав отделений или факультетов в

---

[239] Резолюция императора на всеподданнейшем докладе П.В. Завадовского от 29 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 14. Л. 47.

[240] *Муравьев М.Н.* Записки, касающиеся Московского университета 1803 года января 24 дня // ОР РНБ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 14. Л. 14-28 об.

[241] Второй вариант проекта, написанный набело с карандашной правкой Муравьева, учитывал все исправления из записной книжки // ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–16.

[242] Третий, наиболее полный вариант проекта, учитывал всю предыдущую правку и не содержал никаких исправлений // ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–31. Опубликован А.Ю. Андреевым.

Московском университете почти дословно повторял план Фуса: отделение богословских наук (богословский факультет), гражданских наук (юридико-политический факультет), врачебных наук (медицинский факультет), умственных и естественных наук (философский факультет) и словесных наук (факультет свободных искусств)[243]. Первоначально Муравьев даже воспринял мысль о необходимости двух подготовительных отделений, но впоследствии от нее отказался (скорее всего из-за отсутствия подготовительных отделений в уже утвержденных уставах Виленского и Дерптского университетов)[244].

К характерным особенностям проекта Муравьева можно отнести формулировку общих принципов, на которых должна строится жизнь университетской корпорации. Исследователи не раз подчеркивали идеализм попечителя, свойственный его творчеству и мировоззрению[245]. Благородные принципы Муравьева хорошо видны и в параграфах университетского устава: «Учение долженствует иметь в виду распространение знаний, возвышающих общее благоденствие и составляющих полезного Гражданина. Университету принадлежит попечение согласовать беспрестанно нравственную пользу слушателей своих с просвещением разума и соединить благоразумную свободу размышления с почтением к законам и положениям общества. Нетерпение мнений, порицание варварских времен столько же мало прилично сему знаменитому сословию, сколько дух своеволия, невероподобных утверждений и бесполезного прения»[246].

Так получилось, что обсуждение проекта Муравьева на заседании Правления 22 августа началось в отсутствие самого попечителя: «Прочтен проект устава для Московского Университета, представленный Его

---

[243] *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 271.

[244] Хотя, как отмечает А.Ю. Андреев «на практике именно ими руководствовалось начальство университета, назначая студентам на первом году обучения общеобразовательные лекции сразу нескольких отделений» // Там же. С. 55.

[245] *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 44–49. *Кунц Е.В.* М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018. С. 225–227.

[246] *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 275.

попечителем, и сделаны на оный замечания, о которых поручено правителю дел доложить его Превосходительству, и сделать предначертание, сообразуясь более Дерптскому уставу, в том особливо, что принадлежит до правления, судебной части и хозяйственных распоряжений Университета»[247]. Муравьеву пришлось внести ряд исправлений в проект, который был готов к осени 1803 г. 10 октября на заседании Правления обновленный проект устава Московского университета был представлен, но его обсуждение решили отложить до совместного «чтения» с проектом устава Казанского университета[248].

Осенью 1803 г. подготовкой университетского устава занимался и попечитель Казанского округа академик С.Я. Румовский, бывший до своего назначения на эту должность вице-президентом Академии наук. На заседание Правления его проект был представлен 17 октября[249]. Текст устава был написан Румовским собственноручно, причем, в отличие от остальных проектов, представленных попечителями ранее, в данном уставе конкретный университет не указывался. Несмотря на то, что в журнале заседаний было специально отмечено, что «оной содержит в себе те же начала, которые предположены в утвержденных Высочайше уставах Виленском и Дерптском»[250], он не избежал замечаний министра народного просвещения и членов Правления.

По ходу обсуждения Румовский вносил исправления сразу в текст проекта (его правка видна по тексту другими чернилами). Полностью прочитать устав члены Правления за один раз не успели, оставив рассмотрение значительной части текста для ближайших заседаний. Но попечитель решил еще раз самостоятельно переработать свой проект перед его дальнейшим

---

[247] Журнал Главного Правления училищ № 27 от 22 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 123.

[248] Журнал Главного Правления училищ № 30 от 10 октября 1803 г. // Там же. Л. 138 об.

[249] Университетский устав, внесенный в собрание 17 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 384–417 об.

[250] Журнал Главного Правления училищ № 31 от 17 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 140 об.

обсуждением. Первым делом Румовский добавил отдельную главу о студентах. «Милостивый Государь мой Василий Назаревич!» – писал попечитель правителю дел Правления. «Сравнивая главы о студентах и педагогическом институте представленного мною регламента с учебной частью университетского устава Правлением одобренного вижу я, что главы сии должен я переделать и не знаю, успею ли я к среде оныя приготовить» (на среду, 28 октября, было назначено следующее заседание Правления). Румовский помнил о желании министра рассматривать два проекта одновременно, но просил пока с этим повременить: «не могу я теперь заниматься сношением устава Московского университета с Казанским. Когда я упомянутыя главы обделаю, тогда я буду вас просить о доставлении мне устава Московского университета»[251]. Важно отметить, что Румовский не присутствовал на заседании Правления 22 августа, когда читался проект М.Н. Муравьева, поэтому о его содержании попечитель Казанского округа ничего не знал.

Больше месяца С.Я. Румовский редактировал, вносил изменения и дополнения в проект, сравнивая свой устав с принятыми ранее документами. Обращает на себя внимание то, что основные статьи первой главы («О правах и преимуществах университета») почти полностью повторяли параграфы Акта постановления Дерптского университета. Факультетская структура Румовским была заимствована из устава Виленского университета и предполагала наличие четырех отделений – физико-математического, медицинского, нравственно-политического и словесного. Кафедры церковной истории и догматического богословия, как и в Вильно, должны были войти в состав отделения нравственных и политических наук. Особенностью штатного расписания Казанского университета, по сравнению с остальными российскими университетами, должна была стать особая кафедра восточных языков и наличие дополнительного учителя татарского языка. Но сама

[251] Письмо С.Я. Румовского В.Н. Каразину от 26 октября 1803 г. // ОР РНБ. Ф. 588. Д. 295. Л. 1.

структура устава, распределение по главам и параграфам, не напоминала ни один из уже одобренных Правлением университетских законопроектов. Скорее всего, она была ближе к Регламенту Академии наук, утвержденного несколькими месяцами ранее, в разработке которого Румовский принимал непосредственное участие[252].

Таблица 1.

Устав Виленского университета 18 мая 1803 г.	**Устав Дерптского университета 12 сентября 1803 г.**	**Проект С.Я. Румовского осень 1803 г.**	**Университетский устав 5 ноября 1804 г.**
Глава 1. О общем устроении Виленского университета.	Глава 1. О внешних отношениях и общих преимуществах Университета. Глава 2. О внутреннем устройстве университета (ст. I. О внутреннем устройстве университета вообще).	Глава 1. О правах и преимуществах университета.	Глава 1. Об университете вообще.
	Глава 5. О ректоре.	Глава 2. О ректоре.	Глава 2. О ректоре.

[252] *Павлова Г.Е.* Степан Яковлевич Румовский. 1734–1812. М., 1979. С. 164.

	Глава 7. О числе профессоров и учителей; Глава 8. О профессорских лекциях и учительских часах.	Глава 3. О профессорах и их должностях.	Глава 3. О профессорах и их должностях.
Глава 2. О кафедрах наук и о профессорах Виленского университета.		Глава 6. Об адьюнктах.	Глава 4. Об адьюнктах и их должностях.
		Глава 5. О почетных членах.	Глава 5. О почетных членах.
	Глава 2. О внутреннем устройстве университета (ст. II. О университетском Совете).	Глава 4. О собраниях университетских.	Глава 6. Об университетском Совете и собраниях.
		Глава 7. О секретарях собраний.	Глава 7. О секретарях собраний.
		Глава 12. О учебных	Глава 8. О учебных пособиях и Институтах.

		пособиях и институтах.	
	Глава 6. О распоряжениях по учебной части.		Глава 9. Об испытаниях и производстве в университетские достоинства.
Глава 3. О студентах Виленского университета.		Глава 9. О студентах вообще.	Глава 10. О студентах вообще.
		Глава 10. О инспекторе и казенных студентах.	Глава 11. О инспекторе и казенных студентах.
		Глава 11. О Педагогическом институте.	Глава 12. О Педагогическом институте.
	Глава 3. О университетском Правлении.	Глава 8. О Правлении университета.	Глава 13. О Правлении университета.
	Глава 4. О университетском суде; Глава 11. О университетской судебной расправе. (I. О судебной		Глава 14. О суде университетском.

	расправе вообще. II. О ректорском суде. III. О университетском суде. IV. О университетском Совете, апелляционной инстанции по судным делам).		
Глава 4. О гимназиях, уездных и приходских училищах округа Виленского университета.	Глава 9. О состоящих при Университете учебных заведениях, снарядах (apparata) и собраниях для наук и художеств, также о правах и обязательствах людей, кои при оных определены. (I. Учебные заведения. 1. Медицинские. 2. Педагогические. 3. Гимнастические.		Глава 15. Об управлении и надзирании училищ.

	II. Собрания, орудия и вспомогательные заведения. III. О правах и обязанностях особ, определенных при учебных заведениях и собраниях в сем роде).		
	Глава 12. О цензурном комитете университета.	Глава 13. О цензуре университета.	Глава 16. О типографии и цензуре книг.
Глава 6. О штате Виленского университета Глава 7. О штатах гимназий и уездных училищ в округе Виленского университета состоящих.	Глава 15. Штат университета (I. О годовых окладах университетских чиновников. II. На содержание публичных заведений. III. Пенсионная сумма. IV. Сумма,	Штат университета.	Штат университета.

	определенная на стипендии).		
Глава 5. О прежних уставах Виленского университета и училищ его округа			

17 октября министр народного просвещения и члены Правления успели обсудить только первые четыре главы предложенного проекта. Продолжилось чтение устава 2 декабря, после чего Румовский «взял на себя обязанность исправя оный на основании замечаний, сделанных в некоторых местах его сочленами, сообщить им копии для свободнаго домашнего просмотрения его труда»[253]. Оставалось рассмотреть только штат Казанского университета, но на следующем заседании Правления 17 декабря его попечитель не присутствовал, поэтому чтение штата начали без него. И в ходе обсуждения «Его Сиятельство Министр изъявил свое желание, чтоб Господин попечитель потрудился еще раз сообразить оной с общим Штатом четырех внутренних университетов, Высочайше конфирмованным сего 1803 года, марта в 17 день, дабы как Уставы сих училищных заведений, не представляющих важных причин к несходству, так и Штаты оных, были одинаковы»[254]. Также он поручил попечителю Московского университета М.Н. Муравьеву «снестись с попечителем Казанского; и с ним обще, по возможности согласить проекты

[253] Журнал Главного Правления училищ № 36 от 2 декабря 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 158. Румовский смог подготовить исправленный вариант устава (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 86–106 об.), внеся все замечания из первого проекта и добавив еще одну главу «О студентах», но рассмотреть документ на заседаниях Правления его члены не успели.

[254] Журнал Главного Правления училищ № 37 от 17 декабря 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 159 об.

обеих Уставов, оставляя между ими только ту разность, которую местныя обстоятельства делают необходимою»[255]. Несмотря на то, что Предварительные правила прямо поручали попечителям разрабатывать для каждого университета частный устав, министр народного просвещения в декабре 1803 г. решил объединить поступившие проекты в один общий.

В начале января 1804 г. С.Я. Румовский письменно обратился к гр. П.В. Завадовскому со своими недоумениями: «Сиятельнейший граф, Милостивый Государь!» – писал казанский попечитель. «Когда я, исполняя волю Вашего Сиятельства, сочинял Устав Казанского университета; то не только не видал, но и понятия не имел об уставе Московского, которого мне две только главы прошедшего декабря 26 дня были доставлены. Хотя нашел я в них многие статьи сходствующия с Казанским, но помещены в различных местах. Расположение Казанского устава относится к действующим лицам, а Московского к вещам и предметам; и потому не нахожу я средства согласить их между собою, и когда попечителю Московского университета не угодно было следовать расположению мною принятому, то сие самое удостоверяет, что он расположения моего не одобрил.

Расположение Устава есть дело произвольное, и потому наипаче Уставы Виленской и Дерптской разнствуют между собою. Расположение устава Московского университета и самыя статьи в нем помещенныя, во многом сходствуют с расположением Дерптского, и как сей последний удостоен Высочайшей конфирмации; то сие обстоятельство довольно уже сильно убедит меня отдать преимущество расположению Устава Московского университета. Я бы только желал, чтобы в нем в приличных местах помещены были из прочитанных мною в Собраниях Устава некоторые статьи, Правлением не отринутыя, и о которых в двух первых главах ничего не упоминается, а именно:

[255] Там же. Л. 160.

1. О праве отправлять адъюнктов и студентов в чужие краи, для приобретения дальнейших успехов;

2. О праве предпринимать путешествия по астрономической и физической части по своему округу;

3. О награждении предлагаемых на решение задач;

4. О возведении четырех из числа 12 адъюнктов в экстраординарные профессоры;

5. О почетных членах;

6. О собраниях, в которых бы сочинения, наблюдения, опыты и тому подобное были рассматриваемы, как сказано в уставе Виленского университета.

Что касается до прочих замечаний, сделанных мною при чтении упомянутых двух глав; оныя буду иметь честь представить на разрешение, когда Устав Московского университета читан будет в Главном Правлении.

Для усмотрения различия находящагося между расположением Уставов Казанского и Московского университетов, прилагая обоих оглавления[256], с глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Степан Румовский»[257].

Из письма ясно, что Румовский попытался самостоятельно согласовать два университетских проекта, но у него это не получилось. Действительно, несмотря на то что членами Правления был подготовлен и одобрен текст общего устава, каждый попечитель стремился вложить собственное представление о главном университетском документе в свой проект. Также видно, что попечитель ждал продолжения чтения проекта Московского университета в министерстве на одном из ближайших заседаний (подчеркнем еще раз, что ни Румовский, ни Муравьев на первом чтении не присутствовали). Но министр решил передать работу по сличению уставов и их соединению

[256] К сожалению, эти оглавления вместе с письмом не сохранились.

[257] Письмо С.Я. Румовского гр. П.В. Завадовскому от 10 января 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 195–196.

правителю дел. «Его Сиятельство вручив мне сие письмо, – написал Каразин на полях цитируемого письма Румовского Завадовскому, – приказать изволил поспешить заготовлением общаго устава обоих Университетов, и предложить на замечание обоих Попечителей»[258].

Каразин решил не только попытаться соединить два проекта в один, но и постатейно сравнить их с уже действующими уставами Дерптского и Виленского университетов, а также Предварительными правилами народного просвещения. В расположении глав, о котором так беспокоился попечитель Казанского округа, правитель дел больше опирался на проект Муравьева, но в результате все-равно получился новый вариант. Итог работы над первой главой Каразин отправил попечителям для ознакомления и внесения правок. Как Румовский отреагировал на попытку соединения двух уставов не известно, а Муравьев сохранил среди своих бумаг черновик совместного проекта несмотря на то, что документ еще не был закончен, а значительные фрагменты текста пропущены[259].

Таблица 2.

Черновой проект устава (ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 32–47 об.)	**Совместный проект устава для Казанского и Московского университетов (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 9)**
Глава 1. О устроении университета. А. Общее составление университета. В. Права университета. С. Университетский Совет. Д. Ректор и Правление.	Глава 1. О действии университета вообще А. Состав /Постановление/ университета. В. Университетский Совет. С. Ректор и Правление.
Глава 2. О учебном распоряжении университета. А. Составление	Глава 2. О учебном распоряжении. А. Факультеты или отделения наук.

[258] Надпись на письме С.Я. Румовского рукой В.Н. Каразина // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 195.

[259] ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 5. Л. 32–47 об.

факультетов или отделений наук. B. Расположение учения. C. Учебные пособия, институты и общества. Д. Испытание и производство в степени. E. Типография и цензура книг.	B. Расположение учения. C. Учебные пособия, институты и общества. Д. Испытание и производство в степени. E. Педагогический Институт. F. Типография и цензура книг.
Глава 3. О внутренней полиции и университетском суде.	Глава 3. О полиции и расправе университета.
Глава 4. О хозяйственном распоряжении.	Глава 4. О хозяйственном распоряжении.
Глава 5. О управлении училищами.	Глава 5. О управлении училищами.
Глава 6. О штате университета и подведомых ему училищ.	Глава 6. О штате университета и подведомых ему училищ.

К середине февраля 1804 г. совместный проект был готов. Он состоял из пяти глав и приложенного к ним штата университета и подведомых ему училищ. Обращает на себя внимание то, что в общий устав попечителей были включены самостоятельные главы, касающиеся университетского суда, управления училищами и присвоения ученых степеней, которых не было в отдельных уставах Московского и Казанского университетов. Два заседания, 15 и 20 февраля, члены Правления посвятили только его обсуждению. Проект после ряда замечаний был признан удовлетворительным и в целом одобрен, хотя, как и раньше, попечитель Казанского университета попросил не торопиться его с утверждением и дать ему возможность «домашняго рассмотрения»[260]. Каразин же, считая, что работа над университетскими уставами фактически завершена, обратился к министру с просьбой об увольнении в отпуск на шесть месяцев в Слободско-Украинскую губернию: «Известно Вашему Сиятельству, что проекты последних трех уставов

[260] Журнал Главного Правления училищ № 5 от 20 февраля 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

университетов Московского, Казанского и Харьковского уже кончены, и изготовляются для рассмотрения вашего, и потом поднесения Его Императорскому Величеству»[261]. Вместо себя правитель дел оставлял экспедитора по ученой части Бирукова, который «к удовольствию членов Правления может докладывать и исполнять» по своей части[262].

По примеру средневековых европейских университетов, каждый университет, учреждаемый в Российской империи, должен был получить еще один важный документ – утвердительную грамоту, законодательно закрепляющую привилегии этого высшего учебного заведения, даруемые верховной властью. Свои утвердительные грамоты уже получили Дерптский и Виленский университеты, но они были высочайше конфирмованы отдельно от их уставов. Теперь же министр народного просвещения решил поднести на подпись императору все университетские документы сразу. Поэтому одобрив на заседании Правления текст утвердительной грамоты для Московского университета, написанный его попечителем, Завадовский поручил «составить из сего проекта таковыя ж для Харьковского и Казанского Университетов, поместив в оных все статьи в нем содержащиеся, исключая вступление, которое должно сходствовать с частными обстоятельствами места»[263]. Обратим внимание, что из текста утвердительной грамоты, сохранившегося в записной книжке М.Н. Муравьева[264], в окончательный Акт перейдет почти неизменно только вступление, а основная часть параграфов будет переписана

[261] Письмо В.Н. Каразина П.В. Завадовскому от 27 февраля 1804 г. // *Каразин В.Н.* Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина… С. 665. По докладу Завадовского император отпустил Каразина из Петербурга без вычета из жалования.

[262] Там же. С. 666.

[263] Журнал Главного Правления училищ № 3 от 11 февраля 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.

[264] Утвердительная грамота для Московского университета // ОР РНБ. Ф. 499. Д. 14. Л. 37–41 об.; более полный вариант, датированный маем 1803 г. – РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 23. Л. 8–11а об.

правителем дел для большего сходства с уже одобренными законопроектами[265].

Казалось, что имея уже согласованный и одобренный в Правлении проект двух уставов и фактически готовые утвердительные грамоты, вопрос с разработкой главных университетских законопроектов можно было считать почти завершенным. От попечителей Санкт-Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцева и Харьковского учебного округа графа С.О. Потоцкого никаких отдельных проектов не поступило, и видимо их и не ждали. Харьковский попечитель отсутствовал в Петербурге с апреля 1803 г., а все вопросы, связанные с открытием Харьковского университета, перепоручил временно заменяющему его Новосильцеву, а также правителю дел Правления Каразину, имеющему особое попечение о Харькове. Добиться рассмотрения в министерстве собственного проекта, сильно отличающегося от общего устава университетов, Каразин так и не смог, поэтому более в разработку университетских документов активно не вмешивался.

Вопрос об открытии Санкт-Петербургского университета на заседаниях Главного Правления Училищ в 1803–1804 гг. не ставился[266]. Новосильцев, скорее всего, не спешил с преобразованием Педагогического института в университет, в связи с наличием в столице Академии Наук и других специальных учебных заведений, а также опасаясь того, что столичный университет с его параллельными органами управления обязательно дублировал бы функции Главного Правления училищ.

---

[265] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 197–200 (для Казанского университета); Л. 202–205 об. (для Московского университета).

[266] И лишь один раз в журналах Главного Правления училищ упоминается о необходимости подготовки устава для университета в Санкт-Петербургском округе. Обсудив присланные замечания корреспондента Главного Правления училищ графа д’Антрега, члены Правления решили «воспользоваться оными в Уставах Университетов Московского, Харьковского, Казанского и Санктпетербургского округа, которые в настоящее время находятся у него (министра народного просвещения) в предмете». Журнал Главного Правления училищ № 31 от 17 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 140 об.

Однако весной 1804 г. университетский устав так и не был утвержден. В бумагах министерства сохранилось письмо С.Я. Румовского гр. П.В. Завадовскому, написанное в конце апреля. В нем попечитель Казанского округа, отправляя на согласование министру утвердительную грамоту (никаких приложений к письму не сохранилось), упоминает, что в «уставе Казанского университета, представленном мною Вашему Сиятельству … недостает теперь только штата единственно для того, что не изволили еще решить из пяти или из четырех факультетов университет Казанский состоять должен»[267]. Оказалось, что еще не только не решен существенный вопрос о наличии в российских университетах богословского факультета (напомним, что он был в проекте М.Н. Муравьева и отсутствовал в проекте С.Я. Румовского), но и поставлен под сомнение результат соединения двух уставов, выполненный несколькими месяцами ранее – т.е. фактически все результаты работы Каразина были отвергнуты! Вплоть до осени 1804 г. в журналах Правления больше университетский вопрос не поднимался, что вызывало в историографии естественные вопросы об авторстве Устава 1804 г.

К счастью, среди различных документов, отложившихся в канцелярии Главного Правления училищ недавно обнаружен еще один черновик устава Казанского университета[268], по тексту очень близкий к окончательному уставу, подписанному императором Александром I в ноябре 1804 г. Написанный писарским почерком на половине листа, этот проект содержит правку рукой Румовского, полностью учтенную в итоговом тексте. Видно, что казанский попечитель не просто редактировал уже готовый устав, но и дописывал отдельные параграфы[269], раздумывал над отдельными положениями (например, включил фразу о том, что ректор должен избираться на два года, но потом сам ее зачеркнул)[270]. В этом варианте отсутствует только

[267] Письмо С.Я. Румовского гр. П.В. Завадовскому от 22 апреля 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 13. Л. 51.

[268] [Устав Казанского университета] // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 141–194 об.

[269] Например, § 119 в главе 11.

[270] [Устав Казанского университета]. Глава 3 // Там же. Л. 147–151.

одна глава, которая потом войдет в устав 1804 г. – об управлении и надзирании училищ. Но так как каждая глава начинается с нового листа, а номера глав проставлены карандашом, можно предположить, что работа над этими статьями еще не была завершена. Этот проект явно был составлен в период с апреля по август 1804 г., что и подтверждается фразой Румовского, написанной им в отчете министру народного просвещения, что он «в течение 1804 года занимался по препоручению Главного училищ Правления составлением Устава для Казанского университета, и представил оный на рассмотрение Правлению»[271].

Но еще обращает на себя особое внимание карандашная правка на полях проекта, принадлежащая, судя по всему, московскому попечителю М.Н. Муравьеву[272]. Его рукой написан не только первый параграф пятой главы, включенный впоследствии в окончательный вариант устава[273], но и добавления, относящиеся исключительно к уставу Московского университета. Напротив перечисления учителей иностранных языков немецкого, французского и татарского, которые предполагались для Казанского университета, Муравьев написал – английского (понятно, что татарский язык был не актуален в Московском университете), а дальше добавил: «Для М. + в главе профессоров отделения физических и математических наук университет будет иметь особенную кафедру натуральной истории под названием Демидовской с тем, чтобы на содержание оной употребляемы были часть доходов с капитала, принесенного в пользу Московского университета благотворителем наук Павлом Григорьевичем Демидовым»[274]. Таким образом мы видим, что работу над окончательной подготовкой университетских законопроектов Румовский продолжил самостоятельно, не вынося ее на

[271] Отчет попечителя Казанского учебного округа за 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 481. Л. 49.

[272] [Устав Казанского университета] // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 148 об., 151.

[273] «Университет удостоивает звания Почетных членов мужей, прославившихся учением и дарованиями, как из природных Россиян, так и из иностранцев» // Там же. § 37. Л. 154.

[274] Там же. Л. 148 об.

заседания Правления, привлек к ней московского попечителя, и что не в устав Московского университета вносились частные положения для уставов Казанского и Харьковского университетов, а наоборот – за основу был взят проект устава Казанского университета, куда добавлялись отдельные положения, касающиеся двух других высших учебных заведений.

В итоге к осени 1804 г. работа над университетскими законопроектами приближалась к своему окончанию[275]. 23 сентября на заседании Правления министр и присутствовавшие на нем члены подписали «проекты Грамот и Уставов Московского, Харьковского и Казанского университетов», оставив не утвержденными только штаты высших учебных заведений, поскольку требовалась их доработка. Через неделю были одобрены и штаты, и общий доклад императору, а 5 ноября все поданные документы были высочайше конфирмованы[276].

Таким образом, Устав 1804 г. явился результатом длительной и плодотворной (хотя и разнонаправленной!) работы членов Главного Правления училищ. В ходе обсуждения принципов университетской реформы появилось большое количество проектов, которые представляли собой различные точки зрения на обсуждаемый вопрос. Нежелание министра народного просвещения иметь отдельные уставы для каждого высшего учебного заведения в империи заставило попечителей искать компромиссы и создавать совместные проекты.

---

[275] Окончательным редактированием текстов уставов по должности должен был заниматься правитель дел и директор департамента министерства И.И. Мартынов. Это подтверждается и его воспоминаниями: «Уставы, в начертании коих я по 1806 год участвовал, суть: уставы Дерптскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетов... Но первоначально они написаны были: первый – Дерптским университетом, с которым, для совокупного рассмотрения онаго с Главным правлением училищ, присланы были депутатами профессора Паррот и Глинка; второй, третий и четвертый – попечителями сих университетов» // *Мартынов И.И.* Записки // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым. Т. II. СПб., 1872. С. 101–102.

[276] На всеподданнейшем докладе министра народного просвещения была проставлена дата – 3 октября 1804 г., следовательно император месяц не мог подписать университетский устав // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 111–200; 212–228.

Благодаря журналам заседаний Правления, а также обнаруженным проектам университетского устава стало возможным выделить особую роль М.Н. Муравьева и С.Я. Румовского в составлении университетских документов. Но если проекты попечителя Московского округа были уже введены в научный оборот, то об отдельных проектах Казанского попечителя в историографии не упоминалось. И хотя в итоге три российских университета получили общий устав, он стал результатом не февральского соединения нескольких разных проектов в один, а во-многом самостоятельной работы попечителя Казанского учебного округа. Сопоставление проектов С.Я. Румовского и устава 1804 г. показывает, что казанский попечитель внес существенный вклад в написание важнейшего университетского законопроекта начала XIX в.

3.7. Реформа среднего и начального образования

Как уже было отмечено, разработкой реформы среднего и начального образования члены Комиссии об училищах занялись уже в сентябре 1802 г. После рассмотрения двух записок Н.И. Фуса, прочитанных на заседаниях 27 сентября и 4 октября, министр поручил академику «набросать подробное распределение учебных предметов для каждого из четырех видов учреждаемых школ»[277]. Из-за прекращения заседаний Комиссии осенью 1802 г. обсудить этот план в министерстве не удалось (журналы Комиссии об училищах о нем не упоминают), но все основные положения проекта были использованы Фусом для дальнейшей работы в Главном Правлении училищ. 21 марта 1803 г. он представил Правлению «сочиненную им учебную часть Устава для гимназий, в которой означаются обстоятельно науки, долженствующия быть преподаваемыми в Гимназиях; распределение часов

[277] Проект учебного плана Н.И. Фуса // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 42. Л. 39. Опубликовано: Материалы для истории учебных реформ… С. 383. В апреле 1803 г. Фус писал, что эта записка была им сочинена «по приказанию Его Сиятельства министра народного просвещения графа Петра Васильевича» и представлена «Собранию октября прошедшаго 1802 года» // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 433.

для их преподавания, и прочее к сему относящееся»[278], а 18 апреля – учебную часть устава для уездных и приходских училищ.

Курс обучения в приходском училище должен был продолжаться не более семи-восьми месяцев, по три часа в день. Дети учились читать, считать, писать и излагать свои мысли, постигали Закон Божий и Священную историю, изучали «начальные представления о принципах сельского хозяйства, природные явления, строение и функции человеческого тела, чтобы устранить всевозможные предрассудки, вредящие здоровью и благополучию сельских жителей»[279]. В случае большого количества желающих посещать приходское училище, учеников могли поделить на две группы и тогда одна группа занималась в училище до обеда, а вторая – после обеда[280]. По итогам обучения проводился публичный экзамен и награждение отличившихся детей.

В уездном училище, которое должно было открыться в каждом губернском и уездном городе, срок обучения составлял два года. К предметам, уже изучаемым в малых народных школах, добавлялись история, география, геометрия и физика; и таким образом один учитель преподавал Закон Божий и Священную историю, обязанности человека и гражданина, грамматику, чистописание, правописание и правила слога, а второй – географию, историю, арифметику, геометрию, начальные правила физики, естествознания и технологии. Третий учитель обучал детей рисованию[281]. Подробное расписание уроков Фус представил еще осенью 1802 г., а весной 1803 г.

---

[278] Журнал Главного Правления училищ № 8 от 21 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об.

[279] Проект учебного плана Н.И. Фуса // Материалы для истории учебных реформ… С. 384. Подробно расписывать в апреле 1803 г. распределение учебных предметов для приходских училищ Фус не стал, поскольку считал, что в уже представленной осенью 1802 г. записке «не содержится ничего не сообразного с сделанными Главного училищ Правления постановлениями», поэтому «нужно только разделить оныя на параграфы и приобщить к общему уставу для университетов, гимназий и уездных училищ», которые он «имел честь представить Главному училищ Правлению». *Фус Н.И.* La disposition pour les écoles primaires ou de paroisse // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 433–433 об.

[280] При невозможности использовать помещение школы в послеобеденное время, каждая группа должна была заниматься через день, но тогда предполагалось увеличение срока обучения до двух лет.

[281] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les Ecole de district // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 430 об.

дополнил проект описанием должности смотрителя, отвечающего за «научную, административную и хозяйственную» часть уездных училищ[282].

Наиболее подробно академик остановился на гимназическом образовании. Мысль Фуса о том, что обучение в гимназии должно давать детям дворян и городских сословий достаточные знания, «подходящие для всех видов профессиональной деятельности», а также полноценную подготовку для тех, кто захочет изучать науки в университете, была высказана еще осенью 1802 г. К весне 1803 г. из текста проектов он удалил все упоминания о сословной принадлежности школ (как гимназий, так и уездных училищ). В гимназии должны были изучаться немецкий и французский языки, латынь, история, география, чистая и прикладная математика, опытная физика и естествознание, элементарный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии, коммерции и технологии, а также рисование. Вопросов и замечаний к гимназическим дисциплинам ни в Комиссии об училищах, ни в Правлении не возникло, однако срок обучения и количество необходимых учителей академик менял несколько раз. Еще в начале октября 1802 г. члены Комиссии обратили внимание на то, что в проекте Фуса об обращении губернских училищ в гимназии «число учителей слишком ограниченно»[283]. Отвечая на это возражение, Фус предложил увеличить количество учителей до семи, а срок обучения сделать шестилетним: первые два класса должны были изучать науки по одному году, а третий и четвертый класс – по два года каждый[284]. В проекте, предложенном на рассмотрение Правления весной 1803 г. Фус сохранил число гимназических учителей, однако период обучения был сокращен вдвое: «Преподавание предметов … будет разделено на три курса, каждый продолжительностью в один год, что устанавливает трехлетнюю продолжительность обучения в

[282] Там же. Л. 431.

[283] Журнал Комиссии об училищах № 4 от 4 октября 1802 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 17.

[284] Проект учебного плана Н.И. Фуса // Материалы для истории учебных реформ… С. 387.

гимназии и три набора класса»[285]. И хотя в журнале заседания Правления было отмечено, что «сочинение сие по прочтении было принято с одобрением»[286], штат учителей гимназии в итоговом варианте устава будет увеличен до восьми, а количество классов вырастет до четырех за счет сокращения числа учебных часов в неделю (с 38 до 32)[287].

Директору гимназии поручалось руководство как научной и административно-хозяйственной частью гимназии, так и контроль за всеми уездными училищами в губернии. В своих отчетах в университет директор должен был особо отмечать тех учителей, «кто успешно трудится над совершенствованием в какой-либо науке»[288], поскольку они могли претендовать на вакантные должности университетских адъюнктов. Академик подробно изложил процедуру проведения публичного ежегодного экзамена, обосновал необходимость проведения практических занятий с учениками и детально перечислил необходимые для гимназии коллекции вспомогательных средств обучения (книг, карт, глобусов, моделей, инструментов и др.).

Преемственность обучения подтверждалась обязательством предоставлять свидетельство об окончании школы низшей ступени. В уездное училище не принимали детей, «если только он уже не научился читать, писать и немного считать в приходской школе или где-нибудь еще»[289], а при приеме в гимназию требовался аттестат, «удостоверяющий его успехи и хорошее поведение». Ученики, получившие образование в частной школе или дома, принимались в гимназию только после успешного прохождения вступительного испытания[290].

---

[285] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les gymnases // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 420.

[286] Журнал Главного Правления училищ № 8 от 21 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об.

[287] Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 334.

[288] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les gymnases // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121. Л. 426 об.

[289] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les Ecole de district // Там же. Л. 432 об.

[290] *Фус Н.И.* Partie Scientifique du reglement pour les gymnases // Там же. Л. 424.

Ни министр народного просвещения, ни члены Правления не высказали замечаний или возражений на проект Фуса, поэтому можно было ожидать, что устав учебных заведений будет вскоре поднесен на высочайшее одобрение. Однако этого не случилось и окончательное оформление училищного устава было отложено более чем на год.

20 июля 1804 г. директор департамента министерства И.И. Мартынов запросил из канцелярии Правления копию «с внесенного в Правление писаннаго членом онаго Г. статским советником и кавалером Николаем Ивановичем Фусом на французском языке Устава гимназий, заключающего в себе учебную часть оных»[291], а также копии изданных екатерининской комиссией о народных училищах книг – устав народных училищ, руководство учителям и о должностях человека и гражданина. Именно Мартынов (как ему и полагалось по должности) взял на себя окончательную подготовку текста училищного устава[292]. Уже 11 августа члены Правления приступили к обсуждению «устава учебным заведениям, составляющим университетские округи, сочиненного на основании мнения Г. члена Правления Фуса»[293]. К этому времени устав принял то расположение, которое сохранится и в итоговом варианте:

О гимназиях.

I. Общие распоряжения.

II. Преподавание учебных предметов.

III. Учебные пособия.

IV. Об учителях.

1. Обязанности учителей гимназии, общие всем учителям.

---

[291] Отношение директора Канцелярии Главного Правления училищ И.И. Мартынова в департамент министра народного просвещения от 20 июля 1804 г. // Ф. 733. Оп. 118. Д. 42. Л. 1.

[292] «Устав для гимназий, уездных и приходских училищ составлен мною, кроме росписания учебных предметов, что было поручено члену Главного Правления училищ Н.И. Фусу». *Мартынов И.И.* Записки // Памятники новой русской истории… С. 102.

[293] Журнал Главного Правления училищ № 16 от 11 августа 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

2. Частные обязанности учителей гимназии.

3. Выгоды учителей[294].

V. Об учениках.

1. Общие обязанности учеников,

2. Частные обязанности учеников гимназии.

VI. Открытые испытания в гимназиях.

VII. О директоре.

Об уездных училищах.

I. Общие распоряжения.

II. Преподавание учебных предметов.

III. Учебные пособия.

IV. Об учителях уездных училищ.

V. Об учениках уездных училищ.

VI. Открытые испытания.

VII. О смотрителе.

О приходских училищах.

I. Общие распоряжения.

II. Преподавание учебных предметов.

III. Учебные пособия.

IV. Об учителях приходских училищ.

V. Об учениках приходских училищ.

VI. О надзирателе[295].

О хозяйственной части гимназии, уездных и приходских училищ.

О домашних училищах или пансионах.

Об училищах на особенных правилах устроенных[296].

---

[294] Только эта часть главы отсутствует в утвержденном уставе.

[295] В утвержденном уставе эта глава будет называться «О начальстве приходских училищ».

[296] Журнал Главного Правления училищ № 16 от 11 августа 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 50–50 об.

С.О. Потоцкий, Ф.И. Клингер, Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус вместе с министром гр. П.В. Завадовским посвятили обсуждению первых трех глав представленного документа полностью все заседание Правления, и «по учинении в некоторых местах замечаний» определили «по оным сии отделения надлежащим образом исправить, и по таковом же рассмотрении остающихся, изготовить устав для подписания и поднесения чрез Его Сиятельство Министра на Высочайшее усмотрение»[297]. Через неделю к ним присоединились М.Н. Муравьев, Н.Н. Новосильцев и С.Я. Румовский и училищный устав был окончательно рассмотрен и одобрен[298]. 23 сентября министром и всеми членами Правления была подписана чистовая копия устава учебных заведений, подведомых университетам, 3 октября министр представил Александру I на благоусмотрение «общим трудом уложенные Уставы, в отношении к течению наук постепенно, от нижних до вышших училищ»[299], а 5 ноября училищный и университетский уставы были высочайше конфирмованы[300].

Таким образом, академик Фус стал автором устава для средних и начальных учебных заведений, все положения его проектов вошли в окончательный текст устава в том виде, в каком были написаны еще весной 1803 года (за исключением уже упоминаемого срока обучения в гимназии). Редактором же окончательного документа стал директор департамента министерства и одновременно правитель дел Правления И.И. Мартынов. Биограф Мартынова специально обратил внимание, что министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский собственноручно составил представление о награждении директора департамента орденом св. Анны 2 степени,

---

[297] Там же. Л. 50 об.

[298] Журнал Главного Правления училищ № 17 от 18 августа 1804 г. // Там же. Л. 51.

[299] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 3 октября 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 111.

[300] Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 331–368. Автограф подписи императора Александра I на тексте Устава хранится вместе с остальными всеподданнейшими докладами министра народного просвещения // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 116.

подчеркнув его заслуги по подготовке главных министерских документов: «Коллежский советник Мартынов, правитель дел вверенного мне департамента и вместе канцелярии Главного училищ Правления… отличается пространным и неусыпным своим трудом, участвуя в начертании уставов всем вновь устрояемым учебным заведениям»[301].

Итак, в окружении императора Александра I с самого начала царствования сложилось четкое убеждение о необходимости появления в России отдельного правительственного органа власти, в сферу ответственности которого должно было войти народное просвещение. Разделяя мысль о том, что образование подданных является важнейшей государственной задачей, молодой император в первые годы своего царствования внимательно следил за ходом образовательной реформы и даже принимал непосредственное участие в редактировании основополагающих университетских документов.

Члены Главного Правления училищ, как основного совещательного органа Министерства народного просвещения, за два года смогли разработать основные принципы организации и управления первой в России единой образовательной системы, включающей в себя начальную, среднюю и высшую школу и поднести на высочайшее утверждение университетский и училищный устав как для «внутренних» губерний Российской империи, так и для отдельных учебных округов (Виленского и Дерптского), сохранивших свои традиции образования. Теперь Министерству народного просвещения предстояло провести эту систему в реальную жизнь.

[301] *Колбасин Е.* Иван Иванович Мартынов… С. 34–35.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Грачева Юлия Евгеньевна

Формирование Министерства народного просвещения Российской империи и его деятельность в начале XIX века

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
А.Ю. Андреев

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

ГЛАВА 4. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы) 4
4.1. Первый министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский 4
4.2. Гр. А.К. Разумовский во главе Министерства народного просвещения 11
4.3. Всеподданнейшие отчеты Министерства народного просвещения 15
4.4. Деятельность Главного Правления училищ в 1805–1817 годах 31
4.4.1. Состав Правления 31
4.4.2. Открытие новых учебных заведений 41
4.4.3. Изменение срока выбора ректора 64
4.4.4. Корпоративные выборы и их утверждение 72
4.4.5. Контроль за цензурой 80
4.5. Финансирование учебных заведений 87
4.5.1. Штатная и экономическая сумма 87
4.5.2. Благотворительные инициативы 99
ГЛАВА 5. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы) 105
5.1. Открытие гимназий и уездных училищ 105
5.1.1. Московский учебный округ 107
5.1.2. Санкт-Петербургский учебный округ 119
5.1.3. Харьковский учебный округ 127
5.1.4. Казанский учебный округ 141
5.1.5. Дерптский учебный округ 152
5.1.6. Виленский учебный округ 160
5.2. Визитации попечителей и университетских профессоров 171
5.2.1. Московский учебный округ 175
5.2.2. Санкт-Петербургский учебный округ 190
5.2.3. Харьковский учебный округ 195
5.2.4. Казанский учебный округ 203
5.2.5. Дерптский учебный округ 208

5.2.6. Виленский учебный округ 209
5.3. Появление должности почетных смотрителей 215
5.4. Открытие приходских училищ 227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 255
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 263
ПРИЛОЖЕНИЕ. Таблицы визитаций по учебным округам. 306

ГЛАВА 4. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы)

4.1. Первый министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский[1]

Со времени своего образования 8 сентября 1802 г. Министерство народного просвещения просуществовало неизменно 15 лет. В это время его возглавляли гр. П.В. Завадовский и гр. А.К. Разумовский.

Граф Петр Васильевич Завадовский – первый в истории России министр народного просвещения. Он вступил в должность 8 сентября 1802 г. и занимал ее до 11 апреля 1810 г. Выходец из украинской черниговской старшины, П.В. Завадовский родился в 1739 г., получил образование сначала в иезуитском училище в Орше, а затем в Киевской духовной академии. Государственная служба П.В. Завадовского началась с 1760 г. в администрации последнего гетмана Украины К.Г. Разумовского. В 1767 г. Завадовский был назначен начальником секретной канцелярии президента Малороссийской коллегии и генерал-губернатора Малороссии гр. П.А. Румянцева, вместе с С.Р. Воронцовым участвовал в составлении редакции Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей. Рекомендация Румянцева позволила Завадовскому в 1775 г. стать статс-секретарем Екатерины II. Близкое общение с императрицей продлилось недолго, уже через два года Завадовский получил отставку и вместе с ней к подаренному ранее имению Ляличи близ Брянска 1800 крестьян в Малороссии и 2000 в Польше, 80 тыс. руб. единовременно и 5 тыс. руб. пенсии. В 1780 г. Завадовский вернулся в Петербург и вновь поступил на службу. Он руководил Петербургским Дворянским и Городским заемными банками, занимался ревизией всех присутственных мест, разрабатывал меры по исправлению обнаруженных недостатков, участвовал в работе Комиссии по сокращению канцелярского делопроизводства,

[1] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Отчеты министра народного просвещения П.В. Завадовского как источник по истории министерства // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2018. Вып. 83. С. 96–109.

председательствовал в Комиссии законов. В том же году Петр Васильевич получил чин тайного советника и стал сенатором[2]. В 1787 г. состоялась свадьба 48-летнего П.В. Завадовского и 20-летней графини Веры Николаевны Апраксиной[3]. В 1793 г. императором Священной Римской империи Францем II Завадовскому был пожалован титул графа Римской империи, в графское достоинство Российской империи Петр Васильевич был возведен 5 апреля 1797 г. Тогда же императором Павлом I Петр Васильевич был награжден орденом св. Анны I степени и высшим орденом Российской империи – орденом св. Андрея Первозванного[4]. Второй раз Завадовский вышел в отставку в ноябре 1799 г., когда были обнаружены финансовые махинации в делах Государственного заемного банка, состоящего под начальством графа.

Императрица Екатерина II часто давала ему различные поручения, связанные с образовательной деятельностью, и по мнению одного из первых историографов Завадовского И.И. Мартынова «часть народного просвещения питала душу его, и он ничем не занимался с таким удовольствием, как сим предметом»[5]. Как уже было показано во второй главе, в 1782–1799 гг. Завадовский возглавлял Комиссию об учреждении народных училищ – учебно-административный орган, созданный Екатериной II для подготовки и проведения школьной реформы в стране. Под его руководством Комиссия разработала «План к установлению народных училищ в Российской Империи», «Устав народных училищ», руководство учителям и правила для учащихся. Комиссии также было передано управление всеми привилегированными учебными заведениями (Смольный институт, Благородный пансион). По поручению императрицы Завадовский занимался

---

[2] *Курукин И.В.* Екатерина Великая: «Петруса милой, все пройдет, окромя моей к тебя страсти…». Зигзаги судьбы Петра Завадовского – одного из любимцев императрицы // Родина. 2023. № 12. С. 122–125.

[3] От этого брака П.В. Завадовский имел 4 сыновей и 9 дочерей, восемь из которых умерли в младенчестве.

[4] Завадовский Петр Васильевич // *Шилов Д.Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник. Т. 1: А–Л. СПб., 2024. С. 527.

[5] *Мартынов И.И.* Биография графа Петра Васильевича Завадовского // Сын Отечества и Северный архив. 1831. Т. XIX. № XVII. С. 145.

преобразованием учебного плана Пажеского корпуса, выступил инициатором преобразования Медико-хирургической школы в Академию[6]. Поэтому не случайно выбор Александра I в 1802 г. пал на Завадовского, который, имея большой административный опыт в сфере образования, стал главой впервые созданного ведомства для «воспитания юношества и распространения наук».

Назначение Завадовского не было однозначно положительно встречено в окружении Александра I. Принимавший активное участие в разработке реформы народного образования в России в начале XIX в. воспитатель императора швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп личность первого министра не одобрял – он критиковал деятельность Завадовского и в екатерининской Комиссии, и в Министерстве народного просвещения[7], подчеркивая, что главным умением Завадовского было «ленты, звания и награды раздобывать»[8] и этим привязывать к себе коллег. Стоит отметить, что и Н.М. Карамзин в это время обвинял министерство в постоянном требовании «денег, чинов и крестов от Государя»[9]. Как бы оправдываясь перед Лагарпом, император пытался принизить влияние Завадовского на ход образовательной реформы: «По поводу назначения Завадовского министром народного просвещения не так сильно бы Вы сожалели, когда бы знали состав его министерства. Сам он вовсе без влияния. Всем заправляет Совет, состоящий из Муравьева, Клингера, Чарторыйского, Новосильцова и проч.; ни одной бумаги нет,

---

[6] *Хотеенков В.Ф., Чернета В.Г.* Первый министр народного просвещения Российской Империи граф Петр Васильевич Завадовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. М., 2002. Т. 1. С. 10–52.

[7] «Завадовский был поставлен во главе его (департамента нар. пр.) для виду, из почтения к преклонному возрасту. В совет же вошли люди с либеральными идеями, которые его в другом направлении двигаться заставили. Однакож все равно ошибкой было сохранять министра, который, если и не вредил напрямую, тем не менее усердия, потребного, чтобы творить добро, не имел». Примечание Лагарпа, сделанное в 1807 г. к письму Александру I от 4 марта 1802 г. // *Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д.* Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 1: 1782–1802. М., 2014. С. 476.

[8] Там же. С. 475.

[9] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 68.

которая бы через их руки не прошла, ни одного человека, который бы помимо их воли место получил. С двумя последними в особенности вижусь я так часто, что ни малейшей возможности не остается у министра помешать нам добро творить. Впрочем, он нашими стараниями такой сговорчивый сделался, послушен, как баран; повторяю, никакого влияния не имеет и министром назначен только для того, чтобы не кричали по поводу его отставки»[10]. Эта нелестная характеристика Завадовского в историографии цитируется довольно часто, но вызывает обоснованные сомнения в своей правдивости. Отправленный в отставку Павлом I, и проживавший в своем имении, Завадовский был вызван в столицу рескриптом только что вступившего на престол императора Александра и возвращен на государственную службу (с апреля 1801 г. – член Непременного совета, с июня – председатель Комиссии составления законов)[11]. По дороге в Петербург он писал А.Р. Воронцову: «Не знаю, зачем призывают меня; но я ничего не желаю, как окончить мой век в уединении»[12]. Но образовательная реформа требовала продолжения, и Завадовский, как опытный государственный администратор, был необходим молодому императору.

Когда в середине XIX в. появились первые научные исследования реформ народного просвещения, оценка деятельности первого министра кардинально изменилась. Так, профессор Петербургского университета М.И. Сухомлинов считал, что «назначив Завадовского министром народного просвещения, государь сделал самый счастливый выбор», а время его управления министерством «останется навсегда блестящею эпохою в истории народного

[10] Письмо Александра I Лагарпу от 7 июля 1803 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 2. 1802–1815 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2017. С. 167–168.

[11] *Курукин И.В.* Фавориты Екатерины Великой: не имевшие собственного мнения. М., 2024. С. 160.

[12] Письмо П.В. Завадовского А.Р. Воронцову от 7 апреля 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. 12. М., 1877. С. 263.

просвещения в России»[13]. Эту же оценку разделяли и другие специалисты, занимавшиеся реформами образования – И.С. Листовский, С.В. Рождественский, И.А. Алешинцев[14]. Однако и в современной исторической литературе сохраняются различные взгляды на роль Завадовского в делах министерства: одни исследователи признают, что он «смог уже в новых исторических условиях последовательно провести постепенные и обдуманные реформы»[15], другие же отдают главную заслугу в организации и первоначальном развитии министерства членам Негласного комитета, считая Завадовского «декоративным министром»[16]. Поэтому вопрос о реальном вкладе Завадовского в становление системы народного просвещения в России остается актуальным до сих пор. Сам он довольно точно характеризовал свою роль в министерстве: «По преклонности моего века не предполагаю, как только устроить основание возложенному на меня. Довершить здание и произвести плоды останется цветущим младостью»[17].

К сожалению, личных бумаг гр. П.В. Завадовского до нашего времени сохранилось не много, еще меньше их осталось от периода его пребывания на посту министра просвещения. Тем ценнее те немногие размышления, которые граф высказывал в письмах к своим друзьям, братьям Воронцовым. Так, рассуждая о состоявшейся министерской реформе, Завадовский писал: «В учреждении администрации государственной я не имел участия и не прежде о том узнал, как дело о том уже решено. В основании своем благоразумна она и к устройству государства преполезнейшая; но ты сам ведаешь, что спеша

---

[13] *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. С. 9.

[14] *Листовский И.С.* Граф Петр Васильевич Завадовский // Русский архив. 1883. Вып. 3. С. 81–174; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

[15] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 2002. С. 135.

[16] *Жуковская Т.Н.* Просветительские проекты «молодых друзей» и создание Министерства народного просвещения (1802) // Власть, общество, армия: Сборник научных статей. СПб., 2013. С. 190.

[17] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 7 ноября 1802 г. // Архив князя Воронцова. С. 269.

одержать лучший образ управления и дабы не заклепать в долгий ящик, во многом система сшита на живую нитку. Поэтому старый обряд с новым часто сталкиваются; конечно, со временем все отделения установятся в предположенный им быт, к чему простерто старание, но доселе еще квас бродит образуемого хаоса. Настанут министры, способные довершить вещи, а первым и то в славу, что проложили лучшую дорогу»[18]. Отвечая на обвинения гр. Семена Романовича Воронцова в бесполезном расходовании денежных средств на учебные заведения, министр объяснялся так: «Напрасно ты загребаешь в кучу бесплодных расходов и чинимые издержки для просвещения народного. Оне не так важны в сравнении общей пользы. Покупку домов для университета рассказы вдвое увеличили. Приращение библиотеки, натуральных кабинетов и образование самого университета, ветхаго учением, делали необходимость распространить вместилище. И покупка произведена не прибавкою сумм, но из определенных на сию часть, в которой можем только сеять и пещись, а время приносить плоды»[19]. А Александр Романович, видимо, в это же время сетовал, что университеты слабо наполнены учебными пособиями и другими вспомогательными материалами, поскольку Завадовский его пытался успокоить: «Неужели ты думаешь, что мы не ставим нужными строения, библиотеки, кабинеты и прочие пособия, потребные для каждой кафедры? Все сии снадобья мало по малу и соразмерно способам приготовляем; но вдруг снабдить тем училища превзошло бы меру возможности. Виленский университет шагает на степень славнейших в Европе. В свою очередь и Российские подымутся. Науки тоже, что сады: где более призора, где больше иждивения кладут, там и лучшие плоды собирают. По этому предмету не бросим в землю бесплодную важных капиталов. Ничто, мой друг, не уходит от критики. Но сколько вещей знаменитых усовершилось, не взирая на запинания от оной! Пригвоздим к сей

[18] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 11 апреля 1803 г. // Там же. С. 271–272.

[19] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. С.Р. Воронцову от 15 декабря 1804 г. // Там же. С. 290–291.

надежде наше разномыслие»[20]. Но кажется, что самой главной надеждой Завадовского и вместе с тем основным объектом критики была учебная реформа начального и среднего уровня. «Замечания твои на учебную часть, – писал министр гр. А.Р. Воронцову, – нимало меня не оскорбляют. Ты смотришь, так сказать, на зародыш в настоящем его быту; а мою мысль занимает будущий его возраст. Обыкновенно всех вещей великих начатки скудны и малы. Не суди о бесплодии училищ по тому, что теперь не обилуют учащимися. Еще вкус к наукам не возродился в народе; а чем же его поселить, как не заведением общих училищ? Не таковыми ли средствами и все другие государства стяжали просвещение? Как можно хотеть того, чтобы заря равнялась светом солнечному полдню? Эта часть такова: надобно сеять, трудится с терпением; а одно время приносит плоды. Гимназии и университеты будут иметь своих питомцев, посвящающих себя должностям учителей. Без сего предназначения было бы тягостно казне содержание других учеников»[21]. Император вознаградил министра за его труды по созданию системы учебных заведений – в конце 1804 г. Завадовский получил алмазные знаки к ордену св. Андрея Первозванного[22].

Восемь лет Завадовский стоял во главе Министерства народного просвещения. В 1810–1811 гг. в ходе реформирования органов государственного управления император Александр I принял решение поставить нового министра просвещения, а Завадовского назначить председателем департамента законов[23], одного из четырех отделов открывшегося 1 января 1810 г. Государственного совета. В обязанности этого

---

[20] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.Р. Воронцову от 3 января 1805 г. // Там же. С. 294–295.

[21] Там же. С. 294. Похожие мысли Завадовский излагал и к С.Р. Воронцову в Лондон.

[22] В биографической статье о Завадовском стоит 1805 год, но об этом пожаловании (как о состоявшемся) сам министр упоминает уже в письме от 3 января. Завадовский Петр Васильевич // *Шилов Д.Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений… С. 527.

[23] С 5 июня 1801 и до начала 1803 г. гр. П.В. Завадовский уже занимал должность председателя Комиссии составления законов. *Коршунова Н.В.* П.В. Завадовский // Русский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 314.

департамента входило рассмотрение всех законодательных проектов, разработанных в Комиссии составления законов. На этой должности граф Петр Васильевич оставался до конца своей жизни. Умер он в день своего рождения 10 января 1812 г. в возрасте 73 лет.

4.2. Гр. А.К. Разумовский во главе Министерства народного просвещения

Преемник Завадовского, граф Алексей Кириллович Разумовский был назначен министром народного просвещения указом императора Александра I 11 апреля 1810 г. Сын известного малороссийского гетмана Кирилла Григорьевича, он родился в 1748 г. и получил сначала блестящее образование дома (где к нему приходили ведущие профессора Академии наук, в т.ч. и будущий попечитель Казанского округа С.Я. Румовский), а затем во Франции в Страсбургском университете[24]. После возвращения в Россию Алексей Кириллович был зачислен в придворную службу камер-юнкером, вскоре женился на самой богатой в то время невесте в России графине Варваре Петровне Шереметьевой. Однако придворная служба не устроила Разумовского, и он довольно рано вышел в отставку в чине действительного камергера. Любимым местом пребывания для Разумовского стала наследственная усадьба Горенки, украшенная по его повелению великолепным садом. Биографы Разумовского часто приводят слова Ф.Ф. Вигеля, сказанные им о московском периоде жизни графа: «В подмосковном великолепном имении своем Горенки, среди царской роскоши, граф Алексей Кириллович заперся один со своими растениями… Из познаний своих он сделал то же употребление, что из богатства: он наслаждался ими без всякой

[24] *Пронкин С.В.* Самый ученый, образованный и умный человек тогдашней аристократии Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) // Судьбы творцов Российской науки и культуры. М., 2019. Т. 6. С. 120–135; *Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф.* «… из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. М., 2002. Т. 1. С. 53–81.

пользы для других… Все сыновья гетмана воспитаны были за границей, начинены французской литературою, облечены в иностранные формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворе и несносные вне его аристократы»[25]. Не сложилась у Разумовского и семейная жизнь: через десять лет после начала совместной жизни он отправил жену в дом родителям, ограничив ее общение с детьми[26]. В 1786 г. Разумовский еще раз вернулся на службу, будучи назначен императрицей Екатериной II сенатором и получив звание тайного советника, но и в этот раз его государственная служба продолжалась недолго и с большими перерывами[27] – в 1796 г. граф ее вновь покидает.

Административной деятельностью Алексей Кириллович начал заниматься только в 1807 г., когда по просьбе императора Александра I сменил на посту попечителя Московского учебного округа скончавшегося М.Н. Муравьева. Государь благоволил к графу – видимым знаком стал орден св. Александра Невского, полученный Разумовским при весьма лестном рескрипте, через 6 месяцев после назначения попечителем[28]. Посещение императором Московского университета 11 декабря 1809 г. только подтвердило высочайшее одобрение деятельности попечителя. Не случайно,

---

[25] *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. Ч. 3. М., 1864. С. 87–88.

[26] В законном браке у А.К. Разумовского родились двое сыновей (Петр и Кирилл) и три дочери (Екатерина, умершая в трехлетнем возрасте), Варвара и Екатерина. Младшая дочь в 1811 г. вышла замуж за попечителя Санкт-Петербургского университета и будущего министра народного просвещения гр. С.С. Уварова. После отъезда жены Разумовский поселил в своем доме мещанку М.М. Соболевскую, которая родила графу 5 сыновей и 5 дочерей, получивших фамилию Перовских.

[27] 28 июня 1786 г. Разумовский возвратился к службе, но уже 10 июля был уволен в отпуск на 2 месяца «для исправления своих нужд», в 1788 г. императрица отпустила «в деревни его» на 4 месяца, на следующий год – на 3 месяца, также и в 1791 г. В мае 1794 г. Разумовский был уволен в отпуск на 2 года, а в июле 1796 г. – от всех дел по собственноручному прошению. Разумовский Алексей Кириллович // *Шилов Д.Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений… С. 322.

[28] Высочайший рескрипт гр. А.К. Разумовскому от 14 апреля 1808 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 223.

назначение Разумовского министром в литературе прямо связывается с этим визитом[29].

Первые два года пребывания в должности министра народного просвещения были для Разумовского достаточно активными. Его биографы сходятся во мнении, что самой главной заслугой гр. А.К. Разумовского как министра было его участие в организации Царскосельского лицея[30]. За труды Разумовского по учреждению Лицея царь наградил его 23 октября 1811 г. орденом св. Владимира I степени[31]. Весной 1812 г. министр первый раз попросился в отпуск. И, хотя дела министерства были переданы обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну[32], отъезд министра в Москву в разгар военной кампании 1812 г. не мог обрадовать императора. В августе того же года граф вернулся к исполнению своих административных обязанностей в столице, но интерес к ним серьезно угас. Омрачали настроение министра и личные финансовые проблемы – умер кн. Н.М. Козловский, его доверенное лицо, который оставил хозяйственные дела графа в сильно расстроенном состоянии (из-за явно сомнительных дел по откупам Разумовскому пришлось выплатить огромную неустойку)[33].

---

[29] Богданович прямо указывает, что Разумовский «обязан был своим выбором посещению Государем Москвы» // *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 2. СПб., 1869. С. 490.

[30] *Пронкин С.В.* Самый ученый, образованный и умный человек тогдашней аристократии Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) // Судьбы творцов Российской науки и культуры. М., 2019. Т. 6. С. 120–135; *Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф.* «… из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т. 1. М., 2002. С. 129; *Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф.* «… из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т. 1. М., 2002. С. 70.

[31] Разумовский Алексей Кириллович // *Шилов Д.Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений… С. 322.

[32] Отношение гр. А.К. Разумовского кн. А.Н. Голицыну от 17 июня 1812 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 254. Л. 26.

[33] *Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф.* Указ соч. С. 79.

После того, как учебные заведения, пострадавшие от нашествия неприятеля, были частично восстановлены, Разумовский решил просить императора об отставке. Его прошение Государь удовлетворил далеко не сразу несмотря на то, что определенное охлаждение к графу было уже заметно[34]. Обещание найти ему преемника на посту министра народного просвещения после возвращения в столицу (император уезжал на Венский конгресс) сопровождалось указанием Александра I о внесении всеподданнейших докладов Разумовского в Комитет министров[35]. В марте 1816 г. император поручил кн. Н.И. Салтыкову, председателю Государственного Совета и Комитета министров, собрать со всех министров сведения о «таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров и требуют личного доклада»[36]. В ответном письме Салтыкову Разумовский писал, что «все те дела, кои во время отсутствия Его Величества взносимы были в Комитет министров, могут, по мнению моему, и всегда (если так Государю угодно) туда же поступать», поскольку большинство из них являлись «делами никакой важности в себе не заключающими, коих ход будучи законами ясно определен, могли бы даже и в Комитет министров не поступать», имея в виду, конечно, назначение и выдачу жалований и пенсий профессорам и учителям. Но по другой, гораздо более важной части дел Министерства просвещения, «относящейся к воспитанию и истинному просвещению юношества, к полезному направлению нравственности целой нации, служащей твердым основанием благоденствию царства» министр обязательно должен докладывать императору лично, и их «не предвидеть, ни исчислять не можно, а потому и представить их в записке» Разумовский даже не нашел возможным.

---

[34] *Васильчиков А.А.* Указ. соч. С. 90.

[35] Высочайший рескрипт гр. А.К. Разумовскому от 31 августа 1814 г. // *Васильчиков А.А.* Указ. соч. С. 224. Стоит, правда, отметить, что повеление вносить свои доклады в Комитет министров получили все министры. И только в начале 1816 г. Разумовский смог вновь направлять свои доклады на Высочайшее имя // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 7.

[36] Письмо кн. Н.И. Салтыкова кн. А.К. Разумовскому от 10 марта 1816 г. // *Васильчиков А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 523.

Повторяя свою просьбу об отставке, Алексей Кириллович не мог не подчеркнуть, что за последние годы лишился доверия Александра. «При сем случае», – продолжал министр, – «не могу умолчать о той истине, что кому бы Государь не соизволил поручить моей должности, если будет оной понимать обязанности свои во всем их пространстве и не будет при том пользоваться доверенностью Государя и иметь доступа к нему, равно, как и я не будет в состоянии управлять столь важной для государства частию с той пользою и успехом, коих Государь и отечество требовать от него могут»[37]. Отставка Разумовского была принята. 10 августа 1816 г. он был уволен от должности министра народного просвещения и навсегда покинул Петербург.

4.3. Всеподданнейшие отчеты Министерства народного просвещения[38]

Манифестом 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств были определены ведомства и учреждения, относящиеся к ведению каждого министра. Согласно ему, «министр народного просвещения воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное училищное Правление со всеми принадлежащими ему частями, Академию наук, Российскую Академию, университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению Любезнейшей Родительницы Нашей Императрицы Марии Федоровны, и находящимся по особенному повелению Нашему в управлении других особ или мест, типографии частные и казенные, исключая из сих последних состоящие также под непосредственным чьим-ибо ведомством цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народные библиотеки, собрания крепостей,

---

[37] Письмо гр. А.К. Разумовского кн. Н.И. Салтыкову от 25 марта 1816 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 325. Л. 2–2 об.

[38] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Отчеты министра народного просвещения П.В. Завадовского как источник по истории министерства // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2018. Вып. 83. С. 96–109; *Грачева Ю.Е.* Всеподданнейшие отчеты министерств в системе административных преобразований в Российской империи в первой трети XIX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2020. Вып. 93. С. 47–56.

натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут»[39]. Указ от того же числа был посвящен персональному руководящему составу учреждаемых органов[40]. Этими двумя документами ограничивались высочайшие распоряжения, регламентировавшие деятельность министерств до 1810 г. Даже обещанные X статьей Манифеста подробные инструкции для каждого министра так и не были подготовлены[41]. Первоначальная организация министерства полностью легла на плечи гр. П.В. Завадовского. Поэтому особое значение для исследователей приобретают делопроизводственные документы министерства, в составлении и редактировании которых принимал непосредственное участие сам министр. К таким документам, в первую очередь следует отнести всеподданнейшие отчеты, которые практически не введены в научный оборот[42].

В Манифесте Александра I об учреждении министерств 1802 г. каждому министру было поручено ежегодно подавать на высочайшее имя «письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей, исключая из них дела особенной тайне подлежащия. Отчет сей должен изображен быть так, чтобы можно было в нем видеть, какое употребление сделано из денег, отпущенное на годичное сих частей содержание, какие успехи каждая из них имела, в каком положении все они находятся и чего в будущие времена от них ожидать

---

[39] Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406. С. 246.

[40] Там же. С. 248–249.

[41] *Приходько М.А.* Учреждение министерской системы управления в России в 1802–1835 гг.: Правовой аспект // https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/381fb1c62250054169cd6a4f54ddded2dbdf0678.pdf Дата обращения - 24.05.2025.

[42] Исключение составляет статья А.Н. Позднякова «Образовательная реформа Александра I по отчетам министра народного просвещения (1802–1804 гг.)» // Историческое прошлое и образы истории: материалы III Международной научной конференции, посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете. Саратов, 2017. С. 108–114, однако весь комплекс отчетов и сопутствующих им документов автор не использует.

можно»[43]. Таким образом, в ежегодных отчетах министра должна была отражаться вся основная деятельность министерства за прошедший год.

В своей деятельности министры были ответственны перед монархом и Сенатом. Поэтому, после всестороннего рассмотрения и проверки Сенат по каждому отчету составлял «заключения», которые вместе с всеподданнейшим докладом и отчетами министров представлял на рассмотрение императора. Кроме того, Сенат имел право требовать от министра разъяснений о том или ином направлении его деятельности и, в случае если бы таковая оказалась неудовлетворительной, докладывать об этом царю. Исследователь правительственных реформ начала XIX в. М.М. Сафонов подчеркивал, что именно в надзоре за деятельностью назначенных царем министров и состояла новая роль Сената в системе государственного управления[44].

Для «предварительного освидетельствования министерских отчетов» в структуре Правительствующего Сената 8 сентября 1802 г. был создан специальный Комитет, куда вошли гр. А.С. Строганов, П.С. Свистунов и А.А. Саблуков[45]. Члены Комитета детально анализировали каждый отчет, в случае необходимости запрашивая у министра разъяснения и дополнения к представленным сведениям. Требовалось не одно заседание, чтобы свести все замечания в итоговую записку, которая поступала на рассмотрение общего собрания Сената. Таким образом, до императора мнение Сената доходило спустя два, а то и три года после отчетного периода. Так, например, отчет министра народного просвещения за 1804 г. был отправлен Лопухину 31 декабря 1805 г.[46]; обсуждался членами Комитета с мая по сентябрь 1807 г., 18

---

[43] Манифест об учреждении министерств… С. 247.

[44] *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Ленинград, 1988. С. 209.

[45] РГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 1–16.

[46] Побуждая министров к неукоснительному выполнению возложенного на них поручения, высочайший указ от 4 ноября 1804 г. требовал предоставлять министерские отчеты не позднее декабря следующего года. О представлении отчетов министерских за каждый год в декабре месяце. 4 ноября 1804 г. // ПСЗ. Т. 28. № 21.495. С. 568.

сентября записка Комитета с отчетом была отправлена в общее собрание Сената, в котором слушалась 7 мая 1808 г., и только 25 июля 1808 г. подлинник отчета со всеми приложенными бумагами и замечаниями Сената был представлен монарху[47]. Естественно, что медлительность сенатского производства стала в итоге одной из причин прекращения деятельности Комитета[48], хотя, конечно, далеко не единственной[49].

Новая реформа центрального управления 1810–1812 гг. предполагала ввести в государственные дела «более соразмерности, установить в производстве их более единообразия, сократить и облегчить их движение, означить с точностию пределы власти и ответственности, и тем самым доставить порядку исполнительному более способов к скорому и точному законов исполнению»[50]. Министерству народного просвещения отводилось место в группе высших государственных учреждений, получившей наименование «Государственная экономия». Круг имеющихся дел министерства дополнялся Академиями и их учебными заведениями, исключая духовные. «Те Академии, кои имеют главных директоров, остаются в управлении их на точном основании особенных их уставов, сохраняя однако же во всех делах государственных непрерывную связь и отношение к

[47] РГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 16. Значительная часть материалов Комитета, связанных с рассмотрением отчетов министра народного просвещения за 1802 и 1803 г. опубликована, но в научный оборот практически не введена // Сборник материалов для истории просвещения в России… С. 79–101; 361–390.

[48] В исторической литературе считается, что датой прекращения существования Комитета является 25 июля 1808 г., когда отчет министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского за 1804 г. вместе с запиской Комитета был отправлен из общего собрания Сената на благоусмотрение императора Александра I, хотя официально он не был упразднен (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 125).

[49] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2014; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М., 2019; *Мацкина Р.Ю.* Министерские отчеты и их особенности как исторического источника // Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда (4–6 февраля 1964 г.). Л., 1964. С. 216.

[50] Манифест о разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих. 25 июля 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.307. С. 278.

министру народного просвещения»[51]. Указ 17 августа 1810 г. более детально разделяя государственные дела по министерствам, относил к его ведомству все дела по медицинскому образованию и управлению, включая Медико-хирургическую академию, институты повивального искусства, медицинские архивы, цензуру и др.[52] В указе также подчеркивалось, что только училища православного исповедания исключались из ведения министерства, все же училища иностранных исповеданий входили в общую систему учебных заведений, оставаясь в зависимости от университетов и их окружного начальства. Что же касалось военных училищ, то их образование «принадлежит к содействию Министерства просвещения, но управление их имеет быть сообразно их особенному уставу»[53]. Таким образом существенных перемен в организации Министерства народного просвещения не произошло, даже обещанная «Общим учреждением министерств» канцелярия министра появится гораздо позже[54]. Однако еще С.В. Рождественский в своем труде отмечал, что реформа Сперанского не могла не отразиться на самостоятельности действий министерства. До 1810 г. проекты постановлений по ведомству Министерства просвещения, разработанные Главным Правлением училищ, восходили прямо на утверждение верховной власти по всеподданнейшим докладам министра. По новому образованию Государственного совета 1810 г. значительное количество дел перешло в его ведение. При этих условиях Правление не могло сохранить того исключительно высокого авторитета, каким оно обладало в первые годы, и должно было стать в ряд с советами министра в других министерствах[55].

---

[51] Там же. С. 279.

[52] Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам. 17 августа 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.326. С. 325–326.

[53] Там же. С. 326.

[54] Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.686. С. 688.

[55] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 49.

Именно на Государственный совет перешли обязанности по рассмотрению годовых отчетов министров[56]. То, что Комитет для освидетельствования отчетов еще не был распущен, доказывает отношение министра юстиции И.И. Дмитриева государственному секретарю М.М. Сперанскому от 17 июня 1810 г., в котором министерские отчеты упомянуты как находящиеся «в производстве по учрежденному для обревизования их при Правительствующем Сенате Комитету»[57]. В августе того же года все поступившие к этому времени отчеты были отправлены в Государственную канцелярию. Но министерские бумаги по распоряжению Сперанского были сданы в архив и «ни в одном из департаментов Совета не были рассматриваны»[58]. Таким образом, передача контролирующих функций за министерствами из Сената в Государственный совет ситуацию с всеподданнейшими отчетами не улучшило, наоборот, министры вообще прекратили отправлять отчеты в Государственный Совет[59].

Всеподданнейшие отчеты министра просвещения гр. П.В. Завадовского сохранились за период с 1802 по 1807 гг. Отчеты за 1802–1804 гг. были обревизованы Комитетом для освидетельствования министерских отчетов, документы за 1805–1807 гг., как уже было отмечено, сенатский Комитет не рассматривал, они в подлинниках хранились в Государственной канцелярии. Отчеты за последние два года своего пребывания в должности Завадовский подготовить полностью не успел, поскольку информация из учебных округов, составлявшая основную часть документа, поступала в Петербург с значительным опозданием: так, ведомости о расходах на училища Казанского

---

[56] Образование Государственного совета от 1 января 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.064. С. 8.

[57] РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 ОГЭ. 1810 г. Д. 6. Л. 1.

[58] РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 ОГЭ. 1810 г. Д. 6. Л. 26.

[59] До тех пор, пока Александр I находился в Петербурге и активно занимался преобразованием центральных органов управления, отдельные отчеты еще продолжали поступать в Канцелярию, но ни одной попытки их рассмотреть либо в общем собрании, либо в отдельных департаментах Государственного совета не было предпринято. Как только последовала отставка Сперанского, окончательно прекратилась и министерская отчетность.

округа за 1808 г. были отправлены в столицу только в сентябре 1810 г.[60] Тем не менее, материалы к ежегодному отчету готовились на местах и в это время. О том, что процесс подготовки документов в последние годы министерства Завадовского не прекращался, свидетельствует опубликованная в 1809 г. в официальном периодическом издании министерства «Ведомость, составленная по последним донесениям, вступившим в департамент Министерства народного просвещения о числе учебных заведений, в ведении сего министерства состоящих, о числе в них учащих и учащихся и о числе учеников, по окончании учения из училищ выбывших в течении года»[61]. Такая ведомость составлялась ежегодно и была обязательным приложением к каждому отчету министра.

Свой первый всеподданнейший отчет за 1802 г. министр представил на рассмотрение Сената (адресатом готового отчета Завадовского был генерал-прокурор Сената и одновременно министр юстиции кн. П.В. Лопухин) в августе 1803 г. Главными успешными начинаниями вверенного ему министерства Завадовский представил созыв Комиссии об училищах и разработку четырехступенчатой системы учебных заведений, выраженной в «Предварительных правилах народного просвещения», начало работы над общим уставом училищ, рассмотрение Акта постановления Дерптского университета, начавшийся сбор пожертвований от частных людей на учебные заведения, особенно на Харьковский и Дерптский университеты, а также сбор сведений о числе и состоянии всех имеющихся к концу 1802 г. учебных заведениях в империи[62]. На основе этих данных в департаменте министра была

[60] РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 485. Л. 53.

[61] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 23. С. 264–335.

[62] Запросы были отправлены в Комиссию об учреждении народных училищ, упраздненную только в 1802 г., в Московский университет, в Академию Наук и Российскую Академию, а также ко всем губернаторам с просьбой прислать сведения о тех училищах, которые не входили в ведение Комиссии. В фонде департамента народного просвещения сохранилась «Ведомость о числе народных училищ, пансионов, учителей и учеников, находившихся в Российской Империи в 1802 году под ведением Комиссии народных училищ», подписанная Ф. И. Янковичем де Мириево // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 71. Л. 13–20 об.

подготовлена и представлена на рассмотрение в Сенат «Ведомость, сколько в Российской Империи в ведении Министерства народного просвещения состоит учебных заведений и в них учащих и учащихся, учиненная из тех сведений, кои от начальства оных присланы к 1 числу января 1803 года». Также в приложении к отчету содержались ведомости с указанием доходов и расходов по Академии Наук, Российской Академии и Московского университета, включая университетский Благородный пансион.

В ходе подготовки доклада текст подвергся собственноручной правке министра. Желая придать тексту строгость и лаконичность, Завадовский зачеркнул все рассуждения о сложности поставленной перед ним задачи, поскольку существующее на тот момент небольшое число учебных заведений представляло «мало радующую картину в сравнении с обширностию империи», и при том показывало «великое поприще для посветившего себя образованию подданных Своих Монарха»[63]; при описании созданной Комиссией об училищах системы учебных заведений разных уровней были удалены мотивы их создания – особенно ярко это видно на примере объяснения необходимости появления приходских училищ[64], и вообще все отступления из текста были убраны. Стоит отметить, что составлять всеподданнейшие доклады и отчеты Завадовский умел хорошо: исследователи не раз отмечали, что Екатерине II он был представлен как «автор образцовых донесений и докладов по делам Малороссии»[65].

Каждый отчет министра состоял из доклада императору и приложенных к нему ведомостей[66]. И если текст первого отчета был небольшим, т.к.

---

[63] Отчет министра народного просвещения за 1802 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 71. Л. 4 об.

[64] «Дабы поселянина не лишить навсегда общаго ему со всеми права на просвещение, согласно с движениями сердца Вашего Величества, комиссия положила даровать ему приличной его состоянию свет в собственном, так сказать, его жилище и для того назначила училища первой степени в селах и приходах» // Там же. Л. 5 об.

[65] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 37; *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I… С. 139.

[66] Количество ведомостей каждый год было разным, но, как правило, более 30. В них содержалась информация о приходе и расходе сумм по департаменту просвещения, средств училищного капитала, указывались

охватывал мероприятия только первых четырех месяцев существования министерства, то последующие доклады резко увеличиваются в объеме и приобретают более четкую структуру. Сначала в них перечислялись все основные занятия Главного Правления училищ, затем описывалось состояние учебной части в шести учебных округах отдельно (Московском, Виленском, Дерптском, Харьковском, Казанском, Санкт-Петербургском), и в конце – положение в Академии наук, Российской академии и прочих учреждениях, относящихся к ведению министра просвещения.

Каждый министр имел право еженедельных докладов императору. Для П.В. Завадовского таким днем была суббота, после чего в доме министра, вскоре после его возвращения, проходили заседания Главного Правления училищ. По мере обсуждения ключевых вопросов работы министерства и принятия членами Правления окончательных решений, Завадовский подавал на имя Александра I всеподданнейшие доклады[67]. Таким образом, целью ежегодных отчетов, в которых вновь перечислялись уже одобренные верховной властью меры по части народного просвещения, было систематическое изложение «успехов» вверенного ему министерства. А основным показателем успешности должно было стать постоянное увеличение числа учебных заведений в империи и количества учащихся в них. Другой не менее важной задачей Завадовского было отчитаться в рациональном расходовании казенных средств, выделяемых на учебные заведения. Малые и главные народные училища, созданные при Екатерине II, должны были финансироваться из средств приказов общественного призрения, однако поступление денег непосредственно в школы было сопряжено со значительными трудностями. Создание же Министерства

благотворительные пожертвования, помещались краткая и подробная (занимавшая более 300 листов!) ведомости о учебных заведениях, числе учителей и учеников, расходов на училища, списки изданных сочинений и др. сведения.

[67] Подлинники докладов хранятся в РГИА в 744 фонде: «Высочайшие» указы, рескрипты и «Всеподданнейшие» доклады по министерству народного просвещения. Оп. 1. Д. 2–5.

народного просвещения как центрального органа, через ведомство которого университеты, гимназии и уездные училища получали государственное содержание напрямую, должно было благотворно сказаться на улучшении качества преподавания и росте числа образованных людей в империи. 17 марта 1803 г. императором было подписано подготовленное членами Главного Правления училищ и одобренное министром «Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России», согласно которому из казны выделялось 1.319.450 руб. на содержание 4 университетов, 42 гимназий и 405 уездных училищ в Московском, Харьковском, Казанском и Санкт-Петербургском округах[68]. Почти все учебные заведения Виленского и Дерптского округов должны были содержаться из собственных средств. В эту сумму включались и те деньги, которые поступали из приказов общественного призрения, а также пожертвование дворян на Харьковский университет. Однако рассчитывать на стабильное поступление средств из приказов не приходилось, поэтому Завадовский уже в 1804 г. обратился к Александру I с просьбой «всю назначенную по штатам сумму сполна отпускать из казны; суммы же от городов и приказов… предоставить на строения и другия, для училищ потребныя издержки»[69]. Также пришлось поступить и с финансированием Дерптского университета – по представлению министра с 1806 г. на университет выделялась штатная сумма из казны, тогда как пожалованные ему при открытии земельные наделы передавались государству[70].

После подписания в январе 1803 г. «Предварительных правил народного просвещения», которые содержали в себе общий план учебных заведений, члены Главного Правления училищ совместно с министром подготовили и

---

[68] Столько учебных заведений планировалось открыть, либо преобразовать по новому плану в ближайшее время // Сборник постановлений… Стб. 31–37.

[69] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1804 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 392.

[70] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1806 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 31. Л. 6 об.–9.

поднесли на высочайшее утверждение целый ряд общих и частных уставов и положений. Основными документами стали университетский устав и устав учебных заведений, составление которых министр назвал подвигом: «Сии постановления были собранием, зрелых и на опыте основанных познаний, приобретенных в просвещеннейших странах Европы и служа надежною нитью в частных постановлениях, с большею либо меньшею разностию были применяемы к местным обстоятельствам учебных заведений»[71]. Также в 1803–1804 гг. были приняты Акты и уставы для Виленского и Дерптского университетов, план военного воспитания, устав о цензуре, наказ ректору и правила для учащихся Дерптского университета, а в 1807 г. – устав для приходских училищ Волынской, Подольской и Киевской губерний Виленского округа.

Но не все вновь открываемые учебные заведения могли опираться на принятый устав, поэтому, несмотря на желание министра привести учебную часть в единообразие, приходилось составлять и особые правила для тех училищ, которые «удалялись в своем устроении от общих постановлений»[72]. Таким образом были открыты Педагогический институт в Петербурге, Коммерческое воспитательное училище в Москве, Ярославское Демидовское училище, Волынская гимназия в Кременце, Главная духовная семинария при Виленском университете, навигационное училище в Риге и ряд других учебных заведений.

Информация о положении учебной части в каждом из округов поступала в департамент министра от попечителей, фактически повторяя их отчеты, отправляемые ежегодно в Петербург[73]. Особенное внимание уделялось открытию новых гимназий и училищ и постепенному преобразованию имевшихся малых и главных народных училищ по Уставу 1804 г. Процесс это

---

[71] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1803 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 106.

[72] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1804 г. // Там же. Стб. 393.

[73] Отчеты всех попечителей хранятся в РГИА и содержатся в 95 описи 733 фонда.

был не простой – только попечитель Дерптского округа смог в 1806 г. объявить о том, что все гимназии и уездные училища полностью преобразованы по новому положению. Несмотря на общую позитивную тональность министерских отчетов, Завадовский не мог не отметить и сложности, с которыми приходилось сталкиваться: «вообще к приведению большего числа училищ в новое положение … служит преградою недостаток учителей и неимение способных домов для помещения образуемых училищ»[74]. Но «древо наук насаждается с терпением и приносит зрелые плоды не в первые годы»[75], поэтому «когда благонравие учителей… соединится с удобностию училищных домов и избытком учебных пособий; то можно твердо надеяться, что народные училища легко истребят невежество, разрушат предрассудки и произведут желаемый успех в просвещении»[76].

Отчет за 1802 г. обсуждался на заседаниях Комитета по освидетельствованию министерских отчетов в октябре-ноябре 1803 г. Члены Комитета провели 4 заседания[77] и к 12 ноября подготовили записку с замечаниями к представленному документу. Пристальное внимание было обращено на количество учебных заведений, перечисленных в ведомости министерства. Оно не совпало с данными, имевшимися в Сенате, в связи с чем отсутствующие в отчете министра училища были собраны в отдельный список[78]. Таких «незначущихся» училищ оказалось 86. Также замечания членов Комитета вызвали ведомости по Московскому университету: соединение различных статей в граф расходов за 1801 и 1802 гг. делали

---

[74] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1805 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30. Л. 68 об.

[75] Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1803 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 183.

[76] Там же. Стб. 126.

[77] 21, 27 октября, 3 и 10 ноября 1803 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 79–92.

[78] «Ведомость Н, составленная по Комитету, учрежденному для исследования отчетов министерских, об училищах, в ведомости Г-м министром народного просвещения Сенату при отчете Его представленной незначущихся, а по Сенату в виду имеющихся» // Там же. Стб. 92–98.

неясной общую картину доходов и расходов по университету. Понимая, что за четыре месяца существования министерства более точные сведения собрать сложно, члены Комитета в целом отчетом Завадовского остались удовлетворены, однако в отчет будущего года потребовали включить информацию о частных и казенных типографиях, цензуре, периодических сочинениях, библиотеках и остальных учреждениях, отнесенных к ведению министра народного просвещения. В следующем отчете также должна была быть представлена подробная информация о всех доходах министерства и об «успехах по части народного просвещения», причем под успехами члены Комитета подразумевали вполне конкретные сведения: «1. Число выпущенных юношей окончавших с похвалою учение свое в общественных или частных училищах 2. Число выпущенных юношей приобретающих юридическия и другие познания нужныя для исправления гражданских должностей, в которыя по 24 пункту Высочайших изданных Предварительных правил народного просвещения с пользою определены быть могли, 3. Число учеников поступивших в студенты, и 4. Число образованных и определенных людей в учительскую должность, и в прочия ученыя степени или достоинства»[79]. А для того, чтобы поступившие статистические данные можно было проверить, Комитет предложил просить высочайшего позволения на то, чтобы губернаторы доставляли в Сенат раз в полгода сведения о количестве учебных заведений в вверенных им губерниях и данные о суммах, на них затраченных из приказов общественного призрения.

Отчеты Завадовского за 1803 и 1804 г. рассматривались Строгановым, Свистуновым и Саблуковым также подробно на протяжении нескольких месяцев[80]. По ряду вопросов члены Комитета были вынуждены запросить дополнительные сведения из департамента министерства, что увеличило и без того длительный срок рассмотрения отчетов. Для систематизации полученных

[79] Там же. Стб. 89.

[80] Отчет за 1803 г. был отправлен в Комитет 22 декабря 1804 г., а обсуждался в апреле-мае 1805 г. в течении восьми заседаний // Там же. Стб. 361–390.

данных в канцелярии Комитета была составлена генеральная ведомость с указанием количества училищ по каждому округу, числа учителей и учеников в них, а также размер суммы, потраченной на учебные заведения. Все замечания, высказанные членами Комитета за три года, были при рассмотрении отчета 1804 г. сведены в отдельную таблицу, с указанием ответных мер, принятых министерством для исправления указанных недостатков[81]. Самым серьезным замечанием, высказанным дважды при рассмотрении отчетов, стало отсутствие в Виленском и Дерптском округах достаточного числа учителей, преподающих русский язык, и учеников, его изучающих – ведь к занятию любых гражданских должностей в империи в скором времени планировалось допускать только тех людей, которые свободно им владеют. Директору департамента министерства пришлось объяснять, что по требованию министра в каждом училище, включая и частные, был открыт класс русского языка, но недостаток в учителях не позволял «заместить всех учительских вакансий еще и в Российских губерниях, которыя преимущественно должны быть снабдены оными, по причине гораздо большего числа юношества, приготовляющего себя в них на службу в разных званиях, в сравнении с округами Дерптскаго и Виленскаго университетов»[82].

В целом члены Комитета были довольны: «занятия господина министра народного просвещения, до учебной части относящиеся и во всеподданнейшем его докладе изображенныя собственныя его по сим предметам труды и самый успех его действий, наклоняемых к распространению в государстве народного просвещения, заслуживает по справедливости все уважение, что Комитет поставив долгом своим приписать самому господину министру, не может оставить не засвидетельствовав равной

[81] РГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 16. Л. 360–363 об.

[82] Там же. Л. 395 об.

похвалы и господам попечителям учебных округов, коих тщательность в выполнении своих обязанностей весьма ощутительна»[83].

Всеподданнейшие отчеты министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского являются важными и уникальными по степени детализации источниками по истории министерства, раскрывающими процесс становления нового исполнительного органа власти. Отчеты не только показывают систематическую работу министерства, но и позволяют выявить личный вклад министра, который заложил основы деятельности этого ведомства. Завадовский деятельно участвовал в обсуждении учебных документов, способствовал расцвету училищ, заботясь о приобретении для них помещений, при посещении учебных заведений давал дельные советы[84]. Документы Комитета по рассмотрению министерских отчетов позволяют опровергнуть бытующее в историографии мнение о существовании училищ лишь на бумаге – отчеты проверялись очень подробно и о возникающих вопросах по тому или иному училищу Комитет сразу запрашивал канцелярию министерства.

Следующий министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский, как как уже было отмечено, не подготовил и не предоставил на рассмотрение ни одного всеподданнейшего отчета о своей деятельности, но информацию из учебных округов собирал регулярно. Буквально через месяц после своего назначения он запросил сведения из Главного Правления училищ «по части Правления и училищ Санкт-Петербургского округа», поскольку «уже сближается время, в которое должен я дать отчет по Министерству народного

[83] Сборник материалов для истории просвещения в России… Стб. 372–373.

[84] «Будучи лично в университете, предложил я оному, чтобы прежде всего приложено было старание в главных народных училищах вводить и усовершить преподавание иностранных языков. Сие предложение исполнено: учители для сих предметов определены во все губернские училища; и способ сей действительно послужил лучшим средством к умножению числа обучающихся, особенно из дворянского звания» // Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1805 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30. Л. 59 об–60.

просвещения за 1809 год»[85]. 30 ноября 1810 г. всем университетам было передано предписание министра о необходимости ежегодно доставлять полные отчеты «о трудах и занятиях своих в течение… года относительно до наук, и училищного управления, с донесением о успехах народного просвещения как по университету, так и по училищам»[86]. Когда же по каким-либо причинам (как правило, по болезни)[87] отчет Разумовский вовремя не получал, «университет справедливо навлекал на себя негодование» Его Сиятельства за опоздание в присылке донесений[88].

Таким образом, всеподданнейшие отчеты министров, по мысли законодателя, должны были установить эффективный надзор за деятельностью самих министерств и их начальников. Этот контроль был возложен на Правительствующий Сенат. Члены Комитета по рассмотрению отчетов самым подробным образом проверяли предоставленные министрами сведения, при необходимости запрашивая интересующую их информацию. Но длительный процесс рассмотрения ежегодных министерских отчетов, нежелание министров иметь над собой дополнительный надзор, а также частые отъезды императора Александра I из Петербурга вынудили Сенат приостановить порядок, утвержденный в 1802 г. Попытка подчинить министров контролю Государственного совета оказалась вовсе неудачной. Сперанский на отчеты министров не обращал никакого внимания, после же его отставки оказалось, что старая система отчетности была разрушена, а новая так и не заработала.

---

[85] РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 315. Л. 23.

[86] РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 390. Л. 1.

[87] Болезненным припадком объясняет задержку с предоставлением отчета за 1811 год попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 487. Л. 1 б.), продолжающейся несколько месяцев горячкой – ректор Виленского университета И. Снядецкий (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 392. Л. 1 в.).

[88] РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 392. Л. 2.

4.4. Деятельность Главного Правления училищ в 1805–1817 годах[89]

4.4.1. Состав Правления

Главное Правление училищ с самого начала своего учреждения в январе 1803 г. являлось высшим совещательным органом Министерства народного просвещения. Именно там в первые годы его деятельности были разработаны уставы университетов, гимназий, уездных и приходских училищ, определивших устройство всех учебных заведений в империи в первой трети XIX в. В последующие годы необходимо было воплотить теоретические документы в реальную жизнь: открыть университеты в тех округах, где они еще не существовали, преобразовать главные и малые народные училища по новому плану, а также основать гимназии и уездные училища в тех губерниях и уездах, где это было возможно. Текущая учебная и хозяйственная деятельность министерства также требовала постоянного внимания, что и определяло работу Главного Правления училищ.

Первое поколение попечителей не зря называют самым блестящим за весь XIX век[90]. Европейски образованные представители высшей аристократии Российской империи, имевшие широкие связи в мире европейской науки и культуры, близкие ко двору императора Александра I, они становились покровителями своих университетов, заботились о развитии в округе учебных заведений, различных ученых обществ. Почти все попечители первого поколения также занимали и высшие государственные посты, что вынуждало их большую часть времени проводить в столице, управлять округом «по переписке» и только изредка навещать свои университетские города.

Московский попечитель Михаил Никитич Муравьев был одним из самых ярких сотрудников Министерства народного просвещения. Все время своего недолгого пребывания в должности (он прекратил присутствовать на

---

[89] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Деятельность Главного правления училищ при министре графе А.К. Разумовском // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 2. С. 59–64.

[90] *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета… С. 77.

заседаниях Правления в начале 1807 г. в связи с тяжелой болезнью) Муравьев отдавал в пользу университета – приглашал лучших европейских ученых и специалистов, заботился о подготовке отечественных профессоров, опекал талантливых студентов, поощрял богатых московских дворян к пожертвованиям и подаркам в пользу учебных заведений, что позволило обогатить их новыми коллекциями и книгами, был инициатором открытия просветительских обществ: истории и древностей российских, испытателей природы, соревнователей медицинских и физических наук[91].

После смерти Муравьева 29 июля 1807 г. пост попечителя занял гр. Алексей Кириллович Разумовский, который возобновил свою административную карьеру «из угождения» воли императора Александра I, как было сказано в высочайшем рескрипте[92]. Покровитель Московского общества испытателей природы, владелец уникального ботанического сада в имении Горенки, граф Алексей Кириллович, в отличие от М.Н. Муравьева, в Петербурге почти не появлялся, постоянно проживал в своем подмосковном имении (либо московском доме) и учебным округом управлял через свою канцелярию. Назначение Разумовского министром народного просвещения весной 1810 г. вновь потребовало смены попечителя и вскоре третьим попечителем Московского округа 19 мая 1810 г. стал сенатор Павел Иванович Голенищев-Кутузов.

П.И. Голенищев-Кутузов начал свою карьеру с военной службы, принимал участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг., был ранен и в конце 90-х гг. вышел в отставку. Благодаря связям отца, которого ценил и уважал император Павел I, Голенищев-Кутузов в 1798 г. стал третьим куратором Московского университета, занимая эту должность вплоть до его преобразования в 1803 г. Идейный противник Н.М. Карамзина, поклонник

---

[91] Подробнее о М.Н. Муравьеве см.: *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 44–71; *Кунц Е.В.* М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018.

[92] Высочайший рескрипт гр. А.К. Разумовскому от 14 апреля 1808 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 223.

масонства (в его доме с 1803 г. заседала тайная ложа «Нептун»), Кутузов резко отличался от своих предшественников – он не принадлежал к аристократическому обществу, постоянно испытывал нужду в деньгах, что делало его зависимым от любых просьб начальства. Сторонник авторитарного стиля управления университетом, попечитель из покровителя учености становится исполнительным чиновником министерства. Чувствуя свою прямую зависимость от министра и опасаясь за прочность своего положения, Кутузов в регулярной неофициальной переписке с Разумовским постоянно старался подчеркнуть свою значимость, передавал тому даже самые незначительные слухи. Попечитель в основном жил в Москве, только изредка получая от министра разрешение на посещение Петербурга.

Столичный учебный округ до конца 1809 г. продолжал возглавлять Николай Николаевич Новосильцев. Президент Петербургской Академии наук, член Российской академии, товарищ министра юстиции, Новосильцев был одним из ближайших сподвижников императора Александра I, сопровождал его в заграничных поездках и выполнял личные поручения царя (например, вел переговоры о союзе с Великобританией). Летом 1808 г. по инициативе Новосильцева 12 студентов Педагогического института были отправлены «в чужие краи» для подготовки к профессорскому званию[93]. На их трехлетнее обучение и содержание была выделена значительная сумма, часть из которой «императорские стипендиаты» издержали на оплату лекций и приватных занятий профессоров Гёттингена, Гельмштедта, Парижа и Вены[94]. После получения указа от 30 декабря 1809 г. об его увольнении по собственному прошению, дела Санкт-Петербургского учебного округа на год перешли в общее ведение членов Правления и только 31 декабря 1810 г. на смену Новосильцеву был назначен новый попечитель, зять министра Разумовского С.С. Уваров. Интересно, что гр. П.А. Строганов, поставленный заменять Н.Н.

[93] Журнал Главного Правления училищ № 6 от 9 июля 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 100 об.

[94] *Жуковская Т.Н.* Императорский университет… С. 80.

Новосильцева во время его отсутствия, также считался постоянным членом Правления и посещал заседания и во время пребывания попечителя в столице. Увольнение Новосильцева завершило и его присутствие в министерстве.

24-летний Сергей Семенович Уваров к моменту своего назначения в Главное Правление училищ был хорошо знаком с европейской наукой (в 1802–1803 гг. слушал лекции в Гёттингенском университете), имел тесные контакты с профессорами различных европейских университетов, которые высоко оценили его труды по древнегреческой и древнеримской литературе, археологии и ориенталистике, был избран членом Национального института Франции[95]. Уваров был в числе основателей литературного общества «Арзамас», активно сотрудничал с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским. В 1811 г. Сергей Семенович будет избран почетным членом Петербургской Академии наук, а с 1818 г. станет ее президентом.

Смена попечителя произошла и в Казанском учебном округе. Летом 1812 г. в Петербурге скончался 77-летний академик С.Я. Румовский. Его преемником стал гр. Михаил Александрович Салтыков, назначенный на эту должность указом от 16 сентября 1812 г. Просвещенный аристократ, сделавший блестящую военную карьеру в царствование императрицы Екатерины II, Салтыков в 1796 г. был отправлен в отставку, а с началом правления Александра I вернулся на государственную службу, получил звание камергера и был определен в Коллегию иностранных дел. В отличие от предшественника, вновь назначенный попечитель должен был жить в центре вверенного ему округа, куда и прибыл весной 1813 г.[96] После скоропостижной смерти жены Салтыков уехал из Казани, а 4 августа 1818 г. был уволен с должности попечителя по собственному прошению.

Неизменно во главе своих учебных округов в указанный период находились харьковский попечитель гр. С.О. Потоцкий, дерптский попечитель

---

[95] *Шевченко М.М.* С.С. Уваров – политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 28.

[96] *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С. 86.

Ф.И. Клингер и виленский попечитель кн. А.А. Чарторыйский. Граф Северин Осипович Потоцкий, польский магнат, камергер при Александре I в бытность того наследником престола, к обсуждению образовательных реформ императором был подключен с самого начала его царствования[97], одновременно с еще одним близким другом юности царя – князем Адамом Адамовичем Чарторыйским, товарищем министра иностранных дел, представителем аристократической польско-литовской фамилии Гедиминовичей, хорошо знакомым с образовательной системой Речи Посполитой. Однако отметим, что и Потоцкий, и Чарторыйский в 1810 г. уехали из России заграницу и только через шесть лет вновь вернулись к исполнению своих обязанностей. Выделявшийся из среды «вельможных» попечителей (впрочем, как и Румовский) директор Первого кадетского корпуса Федор Иванович Клингер сохранял тесные связи с немецкими литературными деятелями, в том числе великим немецким поэтом И.В. фон Гете.

Также постоянными членами Правления оставались академики Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус. Из лиц, назначенных непосредственно императором, в Правление входили заведующий секретным архивом Министерства иностранных дел действительный статский советник П.Г. Дивов (назначен указом от 18 сентября 1809 г.), генерал-майор Н.Ф. Хитрово, изредка посещавший заседания в 1805–1810 гг.[98], гр. Л.К. Платер[99], присоединявший к обсуждениям во время своего пребывания в Петербурге только в 1805–1808 гг.[100]. С весны 1806 г. в состав Правления был включен действительный статский советник и лейб-медик Двора профессор И.П.

---

[97] Характеризуя С.О. Потоцкого, М.И. Сухомлинов писал о том, что «распространение наук и образованности было его истинным призванием, делом его души и убеждения» // *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории просвещения… С. 22.

[98] В отличие от Комиссии об училищах, где он так ни разу и не появился.

[99] Указ Правительствующего Сената от 14 июня 1805 г.

[100] Л.К. Платер продолжал формально числиться членом Правления и далее, но, постоянно проживая в Царстве Польском и назначенный там инспектором лесов, посещение заседаний прекратил.

Франк, однако его расстроенное здоровье не позволило ему долго оставаться в Петербурге. Через пару лет он покинул столицу и уехал в Вену. Всего 3 раза (в конце 1809 и в начале 1810 г.) на заседаниях присутствовал тайный советник, товарищ министра юстиции и канцлер Абовского университета М.М. Сперанский. Правителем дел Правления (и одновременно директором канцелярии департамента Министерства народного просвещения) был действительный статский советник И.И. Мартынов, литератор, переводчик греческих классиков, член Российской академии и профессор эстетики Педагогического института.

Во время министерства гр. П.В. Завадовского заседания Главного Правления училищ проходили в его доме[101] в присутствии министра. Как и раньше, основным днем заседания оставался четверг (хотя иногда собирались и в другие дни), но с годами количество заседаний начинает сокращаться. В 1805 г. состоялось 31 заседание, причем в июне, июле и августе председательствовал на них товарищ министра М.Н. Муравьев (при этом местом собраний также оставался дом П.В. Завадовского). В 1806 и 1807 г. члены Правления провели по 9 заседаний, в 1808 г. – пять, а в 1809 г. – шесть. С 1807 г. отдельно стал собираться Хозяйственный комитет[102], состоящий из академиков Озерецковского и Фуса и правителя дел Мартынова, к которым присоединялись некоторые из членов Правления. Для этих заседаний был выделены отдельные покои в трехэтажном доме, построенном Комиссией о народных училищах для книжного магазина. Еще весной 1804 г. управляющий Конторой Правления И.И. Ростовцев предложил нанять для книжного магазина отдельную лавку в Гостином дворе, а имеющееся здание «выгоднее употребить для помещения в среднем этаже онаго Присутствия Главного училищ Правления с Канцеляриею и Географическою экспедициею, в нижнем устроить покои для сторожей, курьеров и книгопродавца, также для книжной

[101] Современный адрес дома П.В. Завадовского – г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 20.

[102] Хозяйственному комитету поручили дела по хозяйственной экспедиции и Конторе Правления // *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 45.

лавки и фигурных печатных станов, верхний же этаж обратить для жилья некоторых чиновникам, служащим при Правлении»[103]. От 1807 г. сохранилось четыре отдельных журнала Хозяйственного комитета, от 1808 и 1809 г. – по 12 журналов, за первые месяцы 1810 г. – девять журналов.

Но отделение заседаний Хозяйственного комитета не означало, что на общих заседаниях Правления в присутствии министра обсуждались только учебные вопросы. За три-четыре часа заседания члены Правления успевали рассмотреть до ста (а иногда и больше) различных вопросов и предложений, среди которых были: указы Правительствующего Сената, различные бумаги, поступавшие министру народного просвещения, отношения попечителей учебных округов, рапорты визитаторов, доклады цензурного комитета, донесения управляющего Конторой Правления и многие другие.

В рассматриваемый период существования Министерства народного просвещения попечители учебных округов, в основном, проживали в Петербурге, а свой округ навещали, как правило, далеко не каждый год (подробнее о визитациях попечителей см. 5 главу). И хотя количество общих заседаний Главного Правления училищ после 1805 г. резко сократилось, его члены старались собираться в назначенные дни в доме министра, если они в это время находились в столице и не были заняты по другим должностям. В министерство Завадовского крайне редко можно встретить журнал Правления, в котором отмечены присутствующими менее половины его членов. Единственным, кто всего два раза почтил своим присутствием заседание Правления, был московский попечитель гр. А.К. Разумовский (был 27 февраля и 26 марта 1808 г.), постоянно проживавший в университетской столице. И не случайно, с момента вступления его в должность министра народного просвещения, начинают меняться и заседания Главного Правления училищ.

Граф Алексей Кириллович Разумовский собственного дома в Петербурге не имел, поэтому после отставки Завадовского все заседания Правления были

[103] Журнал Главного Правления училищ № 8 от 24 марта 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 23 об.

перенесены в помещения Щукиного двора, принадлежащие Министерству народного просвещения[104].

Пока министр готовился к переезду из Москвы в столицу, искал подходящий дом для проживания, общих заседаний Правления не проводилось, собирался только Хозяйственный комитет. За три месяца (с 11 апреля по 14 июля) было проведено 27 заседаний, на которых в присутствии трех членов (Румовского, Озерецковского и Фуса), решались текущие вопросы: об отпуске денег на визитацию кн. А. Чарторыйского, об увольнении в отпуск смотрителей и директоров училищ, о выделяемых суммах на Институт слепых и Санкт-Петербургскую гимназию, о жаловании учителей, а также чисто хозяйственные вопросы, связанные с содержанием Щукиного дома – контракты на аренду лавок, условия содержания книжного магазина, работы по очищению канавы и найм курьеров.

Первое общее заседание Правления состоялось 14 июля. На нем присутствовали попечители Дерптского и Казанского округов Клингер и Румовский, Дивов и два академика. Члены Правления рассмотрели все поступившие к этому времени бумаги: указы Правительствующего Сената, предложения как бывшего министра просвещения, так и нынешнего, отношения попечителей учебных округов. До конца года члены Правления собрались еще пять раз на общие заседания (21 июля, 28 июля, 11 августа, 6 октября и 1 декабря), причем их состав постепенно уменьшался – с августа на заседаниях перестал присутствовать Клингер, только два раза был Хитрово и один раз – Дивов. Остальные общие заседания Правления проводились тем же составом членов, что и заседания Хозяйственного комитета.

Журналы Главного Правления училищ не дают нам точной информации – как часто присутствовал министр на общих заседаниях Правления и

---

[104] *Ашихмин А.В.* Рыночный подход. История Щукина двора // Санкт-Петербургские ведомости. № 7 (7406) от 28.04.2023 г. Первым вопросом, рассмотренным Хозяйственным комитетом после назначения Разумовского стал вопрос о покупке разных мебелей в зал для присутствия Правления. Журнал Главного Правления училищ № 12 от 22 апреля 1810 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

присутствовал ли вообще. Он не подписывал журналы Правления, как это будет делать его преемник, кн. А.Н. Голицын; в журналах нет пометки, что заседания проходили в его присутствии (как это было при его предшественнике). Но видно, что Алексей Кириллович сразу после вступления в должность обратил внимание на деятельность министерства: так, уже в конце апреля он просил «доставить к нему точные и подробные сведения о настоящем состоянии Правления и областях заведений к нему относящихся, разумея под сим училища Санкт-Петербургского округа, кабинеты, библиотеки, и др. учреждения»[105].

В последующие годы количество общих заседаний Главного Правления училищ не увеличивалось, а попечители учебных округов, за исключением С.Я. Румовского, на них не ходили. В 1811 г. из 22 собраний только семь рассматривали учебные вопросы, в 1812 г. прошло всего четыре общих заседания, а остальные 22 были посвящены исключительно хозяйственным вопросам. После смерти летом 1812 г. попечителя Казанского округа, обсуждение и подготовка решений по всем вопросам осталась у постоянных членов Правления Фуса и Озерецковского и правителя дел Мартынова, в руках которого находилась вся документация как Правления, так и департамента Министерства народного просвещения.

За 1813 г. сохранилось 34 журнала Правления, из них девять полных, рассматривавших как учебные, так и экономические вопросы. Максимальное количество общих заседаний пришлось на 1814 г. – из 14 собраний только три относились к Хозяйственному комитету. Но несмотря на это, количество вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Правления с каждым годом уменьшалось: более ста учебных вопросов поднималось на заседаниях в 1810 г. и около 10 – в 1814 г.

В 1815 г. в двух журналах заседаний Правления встречаются подписи попечителей Московского и Петербургского округов, причем они оба раза

[105] Журнал Главного Правления училищ № 13 от 29 апреля 1810 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 105.

присутствовали на собраниях Хозяйственного комитета, рассматривавшего вопросы, связанные с вотчинами и крестьянами Ярославского Демидовского училища[106]. Ни на одно из 11 собраний этого года, разбиравших учебные дела, попечители не явились (всего было 28 заседаний за год). Академики Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус продолжали вести дела Правления и в 1816 г.: раз в месяц они собирались и выносили решения по учебным и экономическим вопросам и несколько раз – по Хозяйственному комитету.

10 августа 1816 г. гр. А.К. Разумовский, наконец, получил отставку. Уже 16 августа исправляющим должность министра народного просвещения был назначен кн. А.Н. Голицын. Первые месяцы новое назначение течение дел Правления не поменяло: два академика по-прежнему следили за текущим ходом учебных дел. И только 11 ноября Голицын собрал попечителей на заседание Главного Правления училищ[107]. В дом Правления приехал сам исполняющий должность министра, попечители Харьковского, Казанского, Дерптского и Санкт-Петербургского учебных округов, а также Дивов и Фус. К этому времени Голицын уже ознакомился с ходом дел в министерстве и выявил ряд проблем: так, он уже в конце августа доложил императору, что «некоторые места, сему министерству подведомыя, вошли в долги», на что получил от Александра I предписание «приложить попечение, дабы все заведения, в ведомстве Министерства просвещения состоящия, употребляли суммы не иначе, как на тот предмет, для котораго оныя определены, и отнюдь не входили бы в долги»[108]. Об отсутствии попечителей на заседаниях Правления также стало известно царю, поскольку первое же собрание в присутствии Голицына было открыто «объявлением Высочайшего повеления, чтобы Главное Правление училищ имело свои заседания, по приглашениям

[106] Журнал Главного Правления училищ № 20 и № 21 от 20 и 25 октября 1815 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 14.

[107] О том, что в делах Правления начался новый период указывает даже то, что нумерация журналов с 11 ноября была начата сначала. Журнал Главного Правления училищ № 1 от 11 ноября 1816 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 15. Л. 192–195 об.

[108] Журнал Главного Правления училищ № 13 от 5 октября 1816 г. // Там же. Л. 156 об.

исправляющего должность министра просвещения, когда дела потребуют общих совещаний»[109]. С этого времени попечители начали вновь регулярно собираться в доме Правления.

Таким образом, в период министерства Разумовского хорошо видно изменение функций Главного Правления училищ: из совещательного органа, в котором попечители были сотрудниками и соработниками министра[110], оно превращается в простой бюрократический орган министерства, члены которого уже не обсуждают коллегиально проблемы и принимают решения, а присылают в Петербург отчеты и получают на местах готовые циркуляры. Поэтому не случайно, что даже те члены Правления, которые либо постоянно, либо б**о**льшую часть времени находились в Петербурге (как например, Уваров или Клингер), на заседаниях Правления не появлялись. Попечители Московского, Казанского и Виленского округов постоянно проживали в своих университетских городах, а попечитель Харьковского округа С.О. Потоцкий в начале 1811 г. по семейным обстоятельствам уехал в Галицию и в столицу вернулся только в конце 1816 г. Сам министр также не любил жить в Петербурге и при первой возможности просил императора об отпуске в Москву, где у него был большой дом с богатыми ботаническими и минералогическими собраниями. И только перемена в руководстве министерством смогла вновь активизировать деятельность Главного Правления училищ.

4.4.2. Открытие новых учебных заведений[111]

Если в Москве, Дерпте и Вильно к началу работы Главного Правления училищ университеты уже существовали, то в Харькове, Казани и Санкт-

[109] Журнал Главного Правления училищ № 1 от 11 ноября 1816 г. // Там же. Л. 192.

[110] *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета… С. 90.

[111] При подготовки данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.

Петербурге их еще только предстояло основать. Активнее всего процесс подготовки к открытию высшего учебного заведения протекал в Харькове, поскольку одним из главных инициаторов его создания, как уже упоминалось, был правитель дел Правления Василий Назарович Каразин. Еще с весны 1803 г. Каразин занимался подготовкой временных и постоянных помещений для будущего университета, пытался наладить поступление финансовых средств (как обещанных харьковским дворянством, так и тех, которые должен был получить Харьковский учебный округ из ассигнований на нужды просвещения), закупал необходимые книги и сочинения для университетской библиотеки. В апреле 1804 г. начал свою деятельность подготовительный комитет, составленный попечителем С.О. Потоцким из приглашенных к этому времени в Харьков профессоров И.Ф. Тимковского, И.С. Рижского, Т.Ф. Осиповского, Ф.А. Делавина и Б. де Баллю. Этот комитет взял на себя все хозяйственные распоряжения, и хотя дело пошло гораздо быстрее чем раньше, открытие университета откладывалось. Вернувшись из Харькова, попечитель представил министру и членам Главного Правления училищ свое донесение, в котором доложил «о предуготовительных мерах, взятых им к открытию Харьковского университета в скором времени, и о препятствиях, недопустивших его открыть оный во время бытности своей в Харькове»[112]. Летом в Правление поступил на рассмотрение указ Святейшего Синода со списком 40 учеников, уволенных из духовных семинарий для определения в Харьковский университет[113]. Наконец, 17 января 1805 г. в присутствии гр. С.О. Потоцкого Харьковский университет был торжественно открыт. Дальнейшая текущая деятельность попечителя по приглашению профессоров, организации подготовительного класса и другие необходимые распоряжения отражались в журналах Правления довольно регулярно.

[112] Журнал Главного Правления училищ № 10 от 9 мая 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 30 об.

[113] Журнал Главного Правления училищ № 14 от 14 июля 1804 г. // Там же. Д. 43.

Основой для создания Казанского университета должна была служить местная гимназия, образованная еще в 1758 г., при деятельном участии Московского университета, который обеспечивал ее в течение второй половины XVIII в. учителями и учебниками[114]. Попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский в начале 1805 г. приехал в Казань и «февраля 22 дня с воли Его Сиятельства Г. министра народного просвещения … в присутствии своем положил основание Казанскому университету объявлением двоих профессоров и четверых адъюнктов, утвержденных в сем звании его Сиятельством Г. министром; открытием приуготовительных университетских лекций, и избранием к их слушанию из учеников Казанской гимназии 32-х студентов»[115]. Однако в отличие от Харьковского университета, на торжественное открытие которого съехалось местное дворянство, открытие Казанского университета прошло для местных жителей практически незамеченным[116]. Попечитель получил от императора разрешение на покупку и ремонт губернаторского дома, а также двух соседних частных домов[117], добился выдачи необходимой суммы из казны на университетские расходы, хлопотал о заведении при университете типографии и даже отправил в Казань 25 экземпляров университетского устава, но все эти меры не позволяли считать Казанский университет реально действующим. Выборы ректора проведены не были, по желанию Румовского директор Казанской гимназии профессор И.Ф. Яковкин был назначен и директором университета (в Уставе 1804 г. такой должности не было). Не существовало разделения на факультеты, а студенты продолжали наравне с университетскими лекциями посещать и высший класс гимназии[118]. Сложилась странная ситуация: с одной стороны университет считался открытым, туда приглашали профессоров,

---

[114] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 378.

[115] Отчет попечителя Казанского учебного округа за 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 482. Л. 4 об.–5.

[116] *Вишленкова Е.А.* Казанский университет… С. 14.

[117] Журнал Главного Правления училищ № 9 от 4 мая 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4.

[118] *Петров Ф.А.* Указ соч. Т. 2. С. 380.

отправляли в Правление отчет о прочитанных лекциях, ежегодно университет получал казенное содержание, но когда в 1807 г. попечитель поставил вопрос о выдаче двум профессорам и четырем адъюнктам квартирных денег, положенных по штату, «разумея под оными отапливание и освещение», министр «отозвался, что университет в Казани еще не открыт, почему и на означенных профессоров и адъюнктов права, предоставленнаго университетским профессорам и адъюнктам распространить не можно до надлежащаго открытия онаго»[119]. И только новый попечитель, гр. М.А. Салтыков вскоре после своего назначения провел выборы ректора и деканов, а Яковкин вынужден был покинуть пост директора университета. 5 июля 1814 г. было торжественно отпраздновано «вторичное» открытие Казанского университета. «Университетский Совет восприял свое существование в полном виде; Правление университета открыто и вступило уже в действие по предначертанным правилам, равно и все прочие части университетского управления основаны сообразно Университетскому уставу»[120].

Что касается Санкт-Петербургского университета, то процесс его организации затянулся на два десятилетия. Попечитель округа Н.Н. Новосильцев первоначально довольствовался открытием в столице в 1804 г. Педагогического института, который получал финансирование из казны, выделенное на Санкт-Петербургский университет «коего часть Институт сей составляет»[121]. Через несколько лет, подбирая новое здание для Института, попечитель обратился в Правление с предложением «купить для сего дом, принадлежащий княгине Юсуповой, с тем, что если дом сей будет приобретен в училищное ведомство, то чрез полтора года можно будет приготовить все потребное для открытия в оном Санкт-Петербургский университет, коего учреждение почитает он тем нужнее, что многие ученики здешней гимназии окончат чрез год курс учения и должны будут поступить в университет, при

[119] Журнал Главного Правления училищ № 10 от 17 октября 1807 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 133.

[120] Журнал Главного Правления училищ № 7 от 2 сентября 1814 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.

[121] Журнал Главного Правления училищ № 5 от 7 июня 1806 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 5. Л. 81 об.

том же и кандидаты, имеющие занимать в оном профессорские места, в продолжение означенного времени из чужих краев возвратятся. Дом сей имеет большие флигели, сад и весьма пространное место, так что с удобностию можно будет сделать все пристройки, какия потребуются для университета»[122]. Министр народного просвещения доложил о предложении Новосильцева императору, который попросил уточнить, «почему оставляется ныне прежний план, по которому предполагаемо было соединить университет с Академиею наук»[123]. На следующем полном заседании Правления в октябре 1809 г. попечитель Санкт-Петербургского округа представил письменное объяснение причин, заставивших его поменять ранее принятое решение: «План Академии наук сделан в 1805 году архитектором Академии художеств Захаровым. Для приведения сего плана в действие во всем его пространстве требовалось по соображениям архитектора до миллиона или более рублей. С столь знатными издержками соединена была та выгода, что по огромности строения можно было кроме Академии поместить в нем факультеты университета, который должен быть учрежден в Санкт-Петербурге. Помещение Педагогического института в корпусе старых Коллегий подавало к тому весьма удобныя средства. Предполагаемо было употребить оной для жительства университетских студентов и для помещения разных университетских принадлежностей, присоединив еще некоторую часть корпуса к отделению онаго, ныне Педагогическим институтом занимаемому. Но предположения сего выполнить теперь невозможно за назначением сего корпуса для инвалидного дома. И если бы Академическое здание и построено было по новому плану, то оно одно без назначения потребной части корпуса коллегий, не может быть достаточно для помещения и Академии и университета со всеми их принадлежностями»[124]. И далее Новосильцев подчеркивал, что для перестройки академического здания потребуется не

[122] Журнал Главного Правления училищ № 11 от 18 августа 1809 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 126.

[123] Там же. Л. 127.

[124] Журнал Главного Правления училищ № 14 от 7 октября 1809 г. // Там же. Л. 172 об.

меньше четырех или пяти лет, а «отсрочить открытие университета на толь долгое время почти не возможно» по тем самым причинам, которые он приводил ранее. Дом же княгини Юсуповой «в котором бы с надлежащею удобностию можно было поместить до открытия университета Педагогический институт с его кабинетами и классами»[125] подходил для этой цели гораздо лучше. Таким образом, можно утверждать, что Н.Н. Новосильцев откладывал открытие университета не столько потому, что в Петербурге уже имелось достаточное количество высших учебных заведений, как это подчеркивалось в историографии[126], но и потому, что хотел сначала подготовить как профессорские кадры, так и достаточное количество хорошо выученных студентов для обучения в столичном университете. Но пока архитекторы осматривали дом княгини Юсуповой для определения итоговой стоимости затрат на перестройку его под университетские нужды, попечитель подал в отставку, а вскоре был уволен и министр гр. П.В. Завадовский.

Гр. А.К. Разумовский перевел вопрос с открытием университета в столице в другую плоскость: он предложил превратить Педагогический институт в специальное педагогическое высшее учебное заведение общеимперского значения под именем Государственного учительского института. В октябре 1811 г. проект был представлен на рассмотрение царя, а летом 1812 г. после незначительного редактирования – в Комитет министров[127]. Как считает Т.Н. Жуковская, проект Разумовского в 1812 г. «не был утвержден не только по обстоятельствам военного времени, но и из-за трудоемкой технической части, предполагавшей усиленные расходы (165 тыс. ежегодно), а также заполнение 21 предполагаемой кафедры профессорами и новый набор студентов»[128]. В 1816 г. исполняющий должность министра народного просвещения кн. А.Н.

---

[125] Там же. Л. 173.

[126] *Петров Ф.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 416.

[127] Журнал Комитета министров от 9 июля 1812 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 28. Л. 97 об.–98. Подробнее о проекте Разумовского см.: *Жуковская Т.Н.* Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 15–25.

[128] Там же. С. 23.

Голицын внес в проект ряд изменений, в основном касающихся прав профессоров, и 23 декабря в столице появился Главный педагогический институт. И только 8 февраля 1819 г., уже в новую эпоху «двойного министерства», император Александр I подписал указ об учреждении университета в Санкт-Петербурге[129].

Университетский и училищный уставы, высочайше утвержденные 5 ноября 1804 г. распространялись не на все учебные заведения в России. Практически в это же время появляются училища, выходящие «за рамки» только что сложившейся системы народного просвещения. В историографии их выделяют в особую группу, представляющую собой привилегированные учебные заведения, дававшие энциклопедическое образование и предназначенные, главным образом, для подготовки детей дворян к государственной гражданской службе[130]. К этой группе относят благородные пансионы Московского и Петербургского университетов, Демидовское училище высших наук в Ярославле, Кременецкий лицей на Волыни, Императорский лицей в Царском селе, гимназию высших наук князя Безбородко и Ришельевский лицей в Одессе.

Первое учебное заведение подобного рода появилось в Москве еще в конце XVIII в. Главная задача Благородного пансиона состояла не только в улучшении качества преподавания дисциплин и направленности обучения на практическую пользу в построении дальнейшей успешной карьеры, но и в создании привлекательного для дворян учебного заведения, в которое будет закрыт доступ разночинцам. Идею общесословной школы дворяне не поддерживали, их не устраивал и разночинский социальный состав, и атмосфера Московского университета. Со временем количество воспитанников пансиона стало увеличиваться, он стал достойной альтернативой для тех дворян, которые не желая отдавать своих детей в

---

[129] Об учреждении университета в Санкт-Петербурге // Сборник постановлений… Стб. 1265–1272.

[130] Подробнее см.: *Диссон Ю.* Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века. Дис... канд. истор. наук. М., 2008.

университетскую гимназию, предпочитали домашних учителей и частные пансионы. По словам С.В. Рождественского, открытие подобного пансиона стало правительственной «уступкой дворянству»[131].

Значительное внимание, уделяемое императором Александром I народному просвещению в начале XIX в. сподвигло некоторых представителей богатейших дворянских фамилий к пожертвованиям на вновь создаваемые учебные заведения. Так, П.Г. Демидов «рассудил употребить двести тысяч рублей в пользу существующего уже Московского и предназначаемых Киевского и Тобольского университетов», а еще сто тысяч оставил на усмотрение министра П.В. Завадовского «судя по тому, в котором месте и на что с лучшею пользою они употреблены быть могут»[132]. Помимо денежных сумм, Демидов пожертвовал Московскому университету свою библиотеку, кабинет натуральной истории, минц-кабинет (коллекцию монет и антиков), содержащий в себе медали и монеты почти всех европейских государств, и собрание разных художественных редкостей. Ярославской гимназии Демидовым была передана Романовская вотчина с проживающими в ней 1300 крестьянами. Благотворитель был готов увеличить свои пожертвования[133] при условии открытия в Ярославле университета. Предложение Демидова было принято с «отличным монаршим благоволением, а в следствии того с таковою же Главного училищ Правления признательностью»[134]. Чтобы выполнить волю жертвователя, но в то же время не ломать только что разработанную систему учебных округов, министр народного просвещения предложил компромиссный вариант: «образовать сие училище в степень, вашему желанию соответственную, заведя в том класс наук университетских»[135]. Таким образом, министр и члены Правления

---

[131] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 70.

[132] Письмо П.Г. Демидова гр. П.В. Завадовскому от 21 марта 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 73–74.

[133] В письме к П.М. Дружинину Демидов обещал еще присоединить деревни в Угличском уезде с 2240 крестьянскими душами и 100 тысяч рублей // Сборник постановлений… Стб. 75–76.

[134] Журнал Главного Правления училищ № 14 от 9 мая 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–64 об.

[135] Сборник постановлений… Стб. 77.

соглашались с появлением еще одного учебного заведения, имеющего особый статус и особые права, отличные от общеимперских. Новое училище предназначалось для образования и воспитания прежде всего детей дворян, которые были ограничены в средствах, но в то же время, училище не было закрыто и для поступления «другого состояния людей»[136]. Естественно, что при наличии такого особого статуса данному училищу требовался и свой особый устав, поскольку существование подобных заведений (гимназия, приравненная к университету) ни университетский, ни училищный уставы не предполагали.

Первоначальная работа над уставом Демидовского училища была выполнена московским попечителем М.Н. Муравьевым, принявшим активное участие в организации этого учебного заведения. Он составил «Начертание Ярославского высших наук училища» разработал проект штата профессоров и положение о приеме в училище[137]. Дальнейшее обсуждение устава в Правлении, поставившего училище на «первую ступень непосредственно после центральных университетов, в Империи существующих»[138] пришлось на конец 1804 – начало 1805 г.[139], после чего, одобренный министром и всеми членами, он был поднесен на подпись Александру I и высочайше утвержден 28 января 1805 г.

В Ярославском училище высших наук не предполагалось разделения на факультеты, в штат входило всего семь профессоров, преподающих словесность древних языков и российское красноречие; философию; естественное и народное право; чистую и смешанную математику; естественную историю, химию и технологию; политическую историю с вспомогательными науками; политическую экономию и финансы.

---

[136] Там же. Стб. 81.

[137] РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 15. Л. 63–69; ОР РНБ. Ф. 499. Д. 17.

[138] Устав Ярославского училища вышних наук от 28 января 1805 г. // Сборник постановлений... Стб. 382.

[139] Журнал Главного Правления училищ № 26 от 15 декабря 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 103; Журнал Главного Правления училищ № 1 от 12 января 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.

Профессоры состояли в восьмом (а не седьмом, как в Уставе 1804 г.) классе по Табели о рангах, утверждались в своем звании министром народного просвещения и пользовались таким же правом на пенсию, как и университетские профессоры. Все они составляли Совет училища и ежегодно выбирали его главу – проректора, состоящего в 6 классе по Табели о рангах[140]. Главными занятиями Совета определялись «изыскание способов к возвышению успехов учащихся, соблюдение устройства в училище и управление имуществом, на пользу училища дарованным»[141]. В уставе подчеркивалась подчиненность Демидовского училища Московскому университету, который становился высшей инстанцией при решении «важных дел», а также «в случае какого-либо неудовольствия и несогласия в разбирательстве дел»[142]. Ежегодно Совет Ярославского училища должен был предоставлять отчет Совету Московского университета «в управлении своем и учиненных им расходах»[143]. Естественно, что ни о каком руководстве низшими училищами речи не шло. Таким образом, министру удалось с одной стороны выполнить волю императора и дать «университетские права» Ярославскому училищу, а с другой – включить его в систему Московского округа и тем самым сохранить только что созданную иерархию учебных заведений.

Еще одно крупное пожертвование в пользу народного просвещения было сделано кн. А.А. Безбородко и его братом гр. И.А. Безбородко. Выполняя волю почившего брата, передавшего часть своих средств (210 тыс. руб.) на благотворительность, гр. Илья Андреевич Безбородко решил добавить к этому капиталу собственные пожертвования – место с садом в городе Нежине и ежегодную сумму в 15 тыс. руб. на основание училища высших наук. Меценат ожидал от будущего учебного заведения «великой пользы как для всех, так

---

[140] Обратим внимание, что по Уставу 1804 г. ректор университета состоял в 5 классе по Табели о рангах.

[141] Устав Ярославского училища вышних наук от 28 января 1805 г. // Сборник постановлений… Стб. 383.

[142] Там же. Стб. 384.

[143] Там же.

особливо для тех неимущих дворян и другого состояния молодых людей, кои по скудости своей не могут иметь достаточных способов к образованию себя, и коим, с учреждением сего заведения, открыться может новое средство к приуготовлению себя» на государственную службу[144]. Император Александр I одобрил заведение в Нежине гимназии высших наук, сходной с Демидовским училищем, и поручил контролировать процесс основания данного учебного заведения министру народного просвещения и Главному Правлению училищ[145].

Но, в отличие от Демидовского училища, которое за два года было подготовлено к открытию, процесс основания гимназии в Нежине затянулся. Члены Правления несколько раз во второй половине 1805 г. обсудили необходимые распоряжения для воплощения идеи гр. И.А. Безбородко[146], но никто из них не взял на себя труд составления устава нежинского училища и активного участия в реализации этого проекта. Как уже было отмечено исследователями, несмотря на появившуюся потребность в подобного рода заведении, которую выражали дворяне, правительство не было всерьез заинтересовано в поддержке заведений, выбивающихся из созданной иерархической структуры системы народного просвещения. Легче было принять и одобрить денежное пожертвование, чем решать связанные с открытием нового учебного заведения трудности, беря на себя дополнительную работу[147]. Открытие гимназии высших наук в Нежине состоялось в 1820 г. уже в новую эпоху в истории Министерства народного

---

[144] Прошение действительного тайного советника гр. Ильи Безбородко // Сборник постановлений… Стб. 426.

[145] О заведении в Нежине гимназии высших наук князя Безбородко // Сборник постановлений… Стб. 425.

[146] Журнал Главного Правления училищ № 20 от 10 августа 1805 г.; Журнал Главного Правления училищ № 26 от 5 октября 1805 г.; Журнал Главного Правления училищ № 28 от 9 ноября 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4.

[147] *Диссон Ю.А.* Указ соч. С. 47.

просвещения, а устав этого учебного заведения был высочайше конфирмован только в самом конце правления Александра I[148].

Если попытаться встроить Ярославскую и Нежинскую гимназии высших наук в систему учебных заведений, разработанную Министерством народного просвещения в 1803–1804 гг., то они окажутся по статусу и уровню преподаваемых дисциплин на ступени выше губернских гимназий, но ниже университетов. Основанный же в 1811 г. Царскосельский лицей, относящийся к той же группе учебных заведений «особого типа», был по некоторым положениям своего устава поставлен даже выше, чем университет. Инициатива его создания принадлежала М.М. Сперанскому, а подготовка к открытию легла на плечи министра народного просвещения гр. А.К. Разумовского. Царскосельский лицей являлся закрытым сословным учебным заведением, ориентированным исключительно на дворянскую элиту и выполнявший четкую задачу по подготовке государственных чиновников[149]. Его выпускники поступали на службу с чинами от 14 до 9 класса по Табели о рангах, в отличие от университетских воспитанников, имевших право не более чем на 12 класс при выходе со степенью кандидата.

Устав Лицея на заседаниях Главного Правления училищ не рассматривался. Он был во многом подготовлен министром Разумовским, который обсуждал его основные черты с человеком, пользовавшимся полностью его доверием – сардинским дипломатом, ревностным иезуитом и проповедником католичества в России графом Жозефом де Местром[150]. Окончательное оформление проекта было поручено директору департамента

---

[148] Устав гимназии высших наук князя Безбородко от 19 февраля 1825 г. // Сборник постановлений... Стб. 1817–1835.

[149] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 479.

[150] Пять писем Ж. де Местра к графу А.К. Разумовскому о народном образовании // *Васильчиков А.А.* Указ. соч. С. 248–287; *Ростиславлев Д.А.* Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 188–202.

народного просвещения И.И. Мартынову[151]. 12 августа 1810 г. Государь подписал «Постановление о Царскосельском лицее»[152], 19 августа – указ о приведении в действие этого постановления, а членам Правления осталось только одобрить речи, сказанные на открытии Лицея и утвердить его директором статского советника В.Ф. Малиновского[153]. Стоит подчеркнуть, что Царскосельский лицей в ряду учебных заведений столицы стоял особняком, «состоя в непосредственном ведении министра народного просвещения и пользуясь правами, российским университетам присвоенными»[154], он исключался из училищ округа и даже не упоминался в ежегодных отчетах попечителя С.С. Уварова министру[155]. Таким образом, Лицей стал первым учебным заведением империи, которое оказалось совершенно вне созданной училищной системы народного просвещения, а ее разрушение началось практически сразу же после прихода в министерство гр. А.К. Разумовского.

Учебные заведения «особого типа» появились в начале XIX в. и на окраинах империи. Для того, чтобы еще успешнее распространять в учебных заведениях юго-западного края народное просвещение в духе польской государственной идеи, визитатором училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний Фаддеем (Тадеушем) Чацким был предложен проект создания гимназии в г. Кременце с особыми правами и расширенным курсом наук. С.В. Рождественский справедливо отмечал, что создание такого особого просветительного центра для этого края было предложено в качестве замены Киевскому университету, основание которого было предположено еще

---

[151] *Селезнев И.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811–1861 гг. СПб., 1861. С. 8.

[152] Постановление о лицее (Царскосельском) // Сборник постановлений… Стб. 632–657.

[153] Журнал Главного Правления училищ № 17 от 28 сентября 1811 г.; Журнал Главного Правления училищ № 21 от 21 декабря 1811 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10.

[154] О приведении в действие постановления о Лицее от 19 апреля 1810 г. // Сборник постановлений… Стб. 658.

[155] РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 83–86.

Предварительными Правилами народного просвещения и подтверждено министром П.В. Завадовским, посетившим Киев летом 1805 г.[156] Не желая отрывать юго-западные губернии от Виленского учебного округа (что было бы следствием образования нового Киевского учебного округа), Чацкий представил на рассмотрение Виленского университета, а затем и попечителя округа устав Волынской гимназии, которая должна была содержаться на средства местного дворянства. Кн. А. Чарторыйский «избрав в нем такие статьи, кои по удобности своей и по готовности способов скорее могут произведены быть в действо, а другия оставляя к последующему за тем времени»[157] передал текст устава в Главное Правление училищ. Отсутствие в столице министра не помешало скорейшему утверждению документа, который поставил Волынскую гимназию «в составе своем, порядке преподавания наук и в образовании … пространнее пред другими подобными заведениями»[158] не только Виленского учебного округа (для средних учебных заведений которого уже существовал особый устав), но и всей империи: 12 июня товарищ министра М.Н. Муравьев получил от попечителя текст устава, 15 июня он был рассмотрен членами Правления, и не получив ни одного замечания, ими одобрен, а еще через два дня – представлен на высочайшее утверждение[159]. В день подписания парадного образца устава Волынской гимназии Александром I Ф. Чацкий был удостоен императорского рескрипта с выражением высочайшего благоволения[160].

В штате Волынской гимназии должно было находиться 9 старших и 10 младших учителей. Старшие учителя преподавали основы математики и

---

[156] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 84.

[157] Письмо кн. А. Чарторыйского М.Н. Муравьеву от 12 июня 1805 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 236. Л. 16 об.

[158] Устав Волынской гимназии. 29 июля 1805 г. // Сборник постановлений… Стб. 420.

[159] На заседании Главного Правления училищ 6 июля 1805 г. Муравьев сообщил членам Правления о высочайшем одобрении его доклада и о необходимости «устав в виде грамоты переписать на пергаменте с приличными украшениями для поднесения Государю Императору на Высочайшее подписание» // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 148 об.

[160] Высочайший рескрипт Ф. Чацкому от 29 июля 1805 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 236. Л. 41а.

высшую математику, физику и химию, естественную историю, историю и землеописание, словесность, государственное домоводство и законы, анатомию и физиологию, хирургию и нравственные науки. Младшие учителя наставляли учеников в рисовании, письме, изучении языков (русского, греческого, французского, немецкого, латыни и польского), земледелии, садоводстве, зодчестве, практической механике и лечению скота. К учебному заведению примыкали особые заведения: конвикт (пансион) для кандидатов, готовящихся к званию приходских учителей; училище для девиц, приготовляющихся в домашние учительницы, и школа для обучения зодчеству и практической механике, земледелию, садоводству, хирургии, повивальному искусству и скотолечению. Не случайно, характеризуя принципы, которыми руководствовался Чацкий при создании гимназии, историк университета св. Владимира писал: «Соединение общественного обучения с воспитанием, изучение языков, особенно новых, в первые годы пребывания в училище, сообщение воспитанникам как можно более разностороннего образования, хотя бы в ущерб основательности, и обучение каждого соответственно тому званию, в котором он родился, и тому поприщу, на котором должен в последствии действовать»[161]. Положенный в основу учебного процесса принцип утилитаризма, с обязательным практическим применением полученных в гимназии знаний и навыков в интересах государства, соединялся в Кременце с элементами высшего образования (причем, низшему курсу, состоявшему из четырех классов по одному году, отдавалось меньше времени, чем высшему курсу, состоящему из трех двухгодичных классов). Вопреки общепринятому порядку, низшее и среднее образование носило специальный характер, а высшее, напротив, энциклопедический[162].

---

[161] *Шульгин В.Я.* История университета Святого Владимира. СПб., 1860. С. 14.

[162] *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1. С. 39. Автор довольно красочно описывает, какой образ выпускника гимназии для Чацкого был бы идеальным: «В его идеалах носился образ человека, обладающего высшим гуманитарным образованием, но в то же время

Важно отметить, что, соглашаясь на создание учебных заведений «особого типа», члены Правления особо оговаривали необходимость включения этих училищ в общую систему подчинения (училище – университет – Министерство народного просвещения). Это было особенно актуально для Дерпского и Виленского округов, местная знать которых желала сохранить независимость хотя бы части учебных заведений от центральной власти. В Петербурге настояли на том, чтобы в устав вновь создаваемого учебного заведения был включен следующий параграф: «Сношение Волынской гимназии с Виленским университетом, имеющим над нею главное начальство, и с подчиненными ей училищами, должно быть на основании общих правил»[163]. Получив от министра народного просвещения хвалебный отзыв об открытии гимназии в г. Кременце и чувствуя его полную поддержку своим планам, Ф. Чацкий не стал добиваться независимости Волынской гимназии от центральной власти.

Гораздо большей угрозой для польской патриотической партии стало распространение влияния иезуитов. С начала XIX в. количество школ, основанных и финансируемых иезуитами начинает расти, особенно в Виленском учебном округе, но все они, следуя общим правилам, должны были находится в зависимости от университета. Эта подчиненность иезуитов совершенно не устраивала, они всеми силами старались освободиться от университетского контроля. Предпринятая в 1806 г. генералом ордена Березовским попытка изъять свои училища из ведения Виленского университета оказалась неудачной – его докладная записка Государю осталась без ответа. Пока министром народного просвещения был гр. П.В. Завадовский, ордену не приходилось надеяться на положительное решение своего вопроса, но после назначения министром гр. А.К. Разумовского Березовский вновь попытался убедить Петербург в необходимости возвысить Полоцкую

опытного сельского хозяина, огородника, садовника, техника и пр., словом – земледельца-шляхтича, читающего за плугом Георгики Вергилия». Там же. С. 25.

[163] Устав Волынской гимназии. 29 июля 1805 г. // Сборник постановлений… Стб. 422.

иезуитскую коллегию до университетского уровня (если никак не получалось поставить под контроль Виленский университет) и объединить все орденские учебные заведения под ее ведением. Просьбу генерала ордена поддержал уже упоминавшийся конфидент Разумовского Жозеф де Местр и без какого-либо обсуждения в Главном Правлении училищ[164], Полоцкая коллегия 1 марта 1812 г. была возведена на степень Академии, получила высочайшую грамоту и новый устав. Взяв Академию под свое непосредственное покровительство, император подчинил ее Министерству народного просвещения (минуя Виленский университет). В Академии открывались три факультета: богословский, факультет языков и свободных художеств, в котором изучались естественные и гражданские науки, а также философия. Все иезуитские училища, «в Империи учрежденныя и впредь учреждаемыя», подчинялись Академии[165].

Особо оговаривалось, что Академия имела право возводить в ученые степени магистра свободных наук и философии, доктора богословия и прав гражданского и канонического; ее аттестаты приравнивались к университетским аттестатам, а выпускники при вступлении в службу получали чин 14 класса Табели о рангах. Фактически в империи был создан еще один университет со своим учебным округом, только номинально подконтрольный министру народного просвещения.

Несмотря на то, что в Дерптском округе так остро, как в Виленском, национально-политический вопрос не стоял, введение новой системы просвещения также столкнулось с сопротивлением местного дворянства. Прибалтийская знать, не желающая лишаться контроля над учебными заведениями округа (которые ранее находились под ее влиянием) вступила в

---

[164] На заседании 27 июня 1812 г. (спустя 4 месяца!), на котором было объявлено о даровании Полоцкой иезуитской академии исключительных прав, присутствовали только С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 11. Л. 80.

[165] Грамота, данная Полоцкой иезуитской Академии 1 марта 1812 г. // Сборник постановлений… Стб. 778–782.

конфликт с университетской профессорской корпорацией, пытающейся настоять на установленной «Предварительными Правилами народного просвещения» вертикали управления училищами, во главе которой стоял университет. Так, уже летом 1803 г. дерптский магистрат не допустил профессоров Моргенштерна и Паррота, осуществлявших визитацию учебных заведений Лифляндской губернии для осмотра школ, «но ответствовал самым оскорбительным образом на отношение университета, отрицая вместе всякое влияние его на городские училищные заведения»[166]. И конечно, курляндское дворянство совершенно не хотело передавать управление над вторым по значимости учебным заведением округа – Митавской гимназией в руки дерптских профессоров. Естественно, что и одна, и другая сторона настаивала на своей правоте и обращалась за поддержкой в Главное Правление училищ.

Академическая гимназия в Митаве была основана в 1775 г. курляндским герцогом Петром Бироном, в ней помимо обычных гимназических предметов преподавались также богословие и юриспруденция. В конце XVIII в. родился даже проект размещения в Митаве университета, который поддерживало курляндское и пильтенское рыцарство. Желая сохранить независимость от Дерптского университета, депутат от Курляндии барон Корф привез весной 1803 г. в Петербург прошение на превращение Митавской гимназии в университет. Против этого проекта резко выступил попечитель округа и 7 марта 1803 г. Александр I наложил резолюцию на доклад министра народного просвещения: «По утверждении Предварительных правил Митавская гимназия должна пребыть в зависимости Дерптского университета»[167]. Однако этот указ исполнялся плохо и университет постоянно жаловался министру на самоуправство гимназии – в ноябре 1803 г. члены Правления не

[166] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 25 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

[167] Резолюция Александра I на всеподданнейшем докладе П.В. Завадовского от 7 марта 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 34. По итогам этого доклада в тот же день был опубликован указ «О новом образовании Митавской гимназии и о бытии оной в зависимости Дерптского университета» // Сборник постановлений... Стб. 28–30.

без удивления рассматривали переписку гимназии с Училищной комиссией университета «изобличающую непокорливость Митавской академической гимназии»[168].

В 1805 г. курляндское дворянство обратилось с новой просьбой, уже на имя Н.Н. Новосильцева, «соблаговолить оставить Академическую гимназию как собственность Курляндской губернии», сохранив ее прежние права и преимущества, а взамен основать на свои средства губернскую гимназию общего типа[169]. Рассмотрев это прошение, члены Правления ответили барону Корфу отказом. Было понятно, что местное дворянство любыми способами пыталось вывести существующую Митавскую гимназию из-под контроля центрального министерства и вместе с ним и Дерптского университета, чтобы через нее продолжать оказывать влияние на курляндское юношество[170].

Следующая попытка законодательно сохранить уникальность учебного заведения в Митаве курляндское дворянство предприняло в 1806 г. Члены Митавской гимназии составили новый проект, в котором были перечислены «некоторые перемены и дополнения к ее штатному положению, потребные по местным обстоятельствам» и представили его на согласование Совету университета и далее попечителю Ф.И. Клингеру. Он, обращаясь за утверждением этих дополнений в Главное Правление училищ, отметил, что «Совет сколько возможно старался менее уклоняться от общего устава учебных заведений, предоставляя сей гимназии такую степень, каковую дозволила польза самого дела»[171]. Но даже одобрение поданного документа министром и разрешение преобразовать гимназию в соответствии с предлагаемыми переменами не положили конец конфликту между гимназией

---

[168] Журнал Главного Правления училищ № 34 от 18 ноября 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.

[169] Всеподданнейшее прошение барона Корфа // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 55.

[170] При осмотре университета в 1804 г. попечитель Дерптского округа особо отметил, что в числе студентов нет ни одного юноши из Курляндской губернии. Журнал Главного Правления училищ № 11 от 14 июня 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 3. Л. 33 об.

[171] Представление Ф.И. Клингера в Главное Правление училищ от 7 июня 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 95.

и университетом. В дело вмешался Курляндский гражданский губернатор, уверенный, что он «имеет право препятствовать в преобразовании упоминаемой гимназии»[172]. Тогда же через министра внутренних дел В.П. Кочубея министру народного просвещения было в третий раз передано прошение барона Корфа, который настаивал на «оставлении Митавской гимназии при прежних ее правах и преимуществах»[173]. На этот раз члены Правления решили удовлетворить просьбу курляндской знати и согласились «восстановить Митавскую Академическую гимназию в прежнее положение с тем, чтобы оная находилась в зависимости Дерптского Университета, и дворянство, по обещанию своему учредило бы и содержало в Митаве гимназию, подобную прочим губернским гимназиям»[174].

Единственным, кто в Петербурге оказался недоволен этим компромиссом, был попечитель Клингер. Он рассказал о состоявшемся заседании профессору Г.Ф. Парроту, который как раз в это время находился в столице и за несколько дней до этого лично виделся с императором. В отправленном 25 января письме дерптский профессор пожаловался Александру на членов Правления, обвинив их в том, что «эти господа в большинстве своем правил придерживаться не умеют и на уступки идут, кто бы их не попросил», и что уже три года используют все возможные хитрости и коварство, чтобы добиться восстановления этой гимназии[175]. Узнав же о том, что император утвердил мнение Правления, Паррот решился детально изложить свою позицию.

Новое распоряжение царя, по мысли Паррота, оказалось нелогичным по ряду причин: во-первых, принятие «Предварительных правил народного просвещения», содержащих основы новой системы народного просвещения и

---

[172] Представление Ф.И. Клингера гр. П.В. Завадовскому от 10 октября 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 97 об.

[173] Отношение В.П. Кочубея гр. П.В. Завадовскому от 6 октября 1806 г. // Там же. Л. 154.

[174] Журнал Главного Правления училищ № 1 от 24 января 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

[175] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 25 января 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон... С. 307.

устанавливающих четкую иерархию всех учебных заведений в империи, автоматически ликвидировало власть городских магистратов над всеми школами округа. Если же будет предпринята попытка сохранить особые привилегии одной из этих школ, то тогда и остальные будут иметь право требовать себе такие же, а сама система народного просвещения развалится. Во-вторых, университет в таком случае не сможет контролировать ни учебную, ни хозяйственную деятельность гимназии: «Когда университетский профессор захочет эту гимназию посетить для ежегодной инспекции, сможет ли он, если даже ему вход не запретят, злоупотребления исправить, провинившихся учителей пожурить?» Далее Паррот прямо подчеркивал, что «дворяне курляндские желают восстановления гимназии в ее прежнем виде из ненависти к Университету, из нежелания свое юношество в Дерпт отправлять». Фактически Паррот поставил Александра перед выбором: «либо вывести Митавскую гимназию из-под власти Университета, либо утвердить новый план, согласно которому этому заведению благодаря богатым его средствам предоставлены все возможности для процветания»[176]. Как и в случае с «Актом постановления» дерптский профессор противопоставлял свое мнение позиции министра Завадовского и надеялся, что как и в 1802 г. император поддержит именно его. Казалось, так и произошло. Спустя день министру народного просвещения через Новосильцева было передано повеление «приостановить если еще можно, исполнение Высочайшего указа»[177]. И поскольку по причине допущенной в канцелярии министра ошибки указ еще не был отправлен в учебный округ, исполнение высочайшего распоряжения было остановлено[178].

---

[176] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 5 февраля 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон... С. 316–317.

[177] Письмо Н.Н. Новосильцева гр. П.В. Завадовскому от 7 февраля 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 193.

[178] Но несмотря на то, что в ответном письме Н.Н. Новосильцеву министр подтвердил, что «по собранным сведениям мое о том отношение еще не отправлено в университет», поэтому он «сообщил попечителю, чтобы оное приостановить» (Письмо гр. П.В. Завадовского Н.Н. Новосильцеву от 8 февраля 1807 г. // РГИА. Ф. 733.

Однако это не помешало министру вновь поднять вопрос об устройстве Митавской гимназии на следующем заседании Правления. Несмотря на серьезные возражения попечителя, Завадовский повелел составить новый устав для курляндского училища, уравняв его в главных преимуществах с Демидовским училищем вышних наук в Ярославле. Подробное обсуждение проекта этого устава состоялось через две недели и Паррот в письме к императору делился радостью, что его по просьбе Клингера допустили на заседание, и все замечания, сделанные попечителем в письменном виде на проект нового устройства гимназии, были удовлетворены[179]. Но радость профессора оказалась преждевременной. Для Дерптского университета любые дарованные привилегии Митавской гимназии означали как ущемление его прав, так и нарушение единой имперской системы высших школ, ради утверждения которой и Паррот, и Клингер трудились уже несколько лет. Конечно, защитником стройной иерархичной системы учебных заведений должен был выступать и инициатор ее создания, министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский, но как уже было видно на примере Ярославского и Волынского училищ, он был готов, не «ломая» систему и оставляя такие особые школы в ведении университетов, даровать им статус, превышающий статус обычных губернских гимназий.

Тем временем в 1807 г. были подготовлены два варианта устава Академической гимназии: один в столице членами Правления[180], а другой – в Митаве курляндским рыцарством. Несмотря на то, что оба эти проекта

Оп. 56. Д. 7. Л. 194), в сборник постановлений это распоряжение попало (Сборник постановлений… Стб. 477–481).

[179] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 1 марта 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон... С. 323. Стоит отметить, что в журнале заседания Правления от 28 февраля 1807 г. обсуждение вопроса о Митавской гимназии не отражено, о нем мы узнаем только из этого письма.

[180] В новый проект устава Митавской гимназии члены Правления 24 мая 1807 г. внесли параграфы «об училищной дисциплине, о ежегодном осмотре гимназии и обязанностях проректора и Совета в отношении к Университету наравне с директорами училищ», т.е. еще раз пытались законодательно закрепить зависимость гимназии от Дерптского университета // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 86 об.–87.

подверглись существенной переработке в Главном Правлении училищ, попечитель округа продолжал выступать категорическим противником предоставления Митавскому училищу исключительного положения. Фактически Клингер единственный в Правлении противопоставлял свое мнение (поддержанное профессором Парротом и как они надеялись, Александром I) мнению министра и остальных его членов. Чтобы наконец решить судьбу Митавской гимназии, было решено замечания Клингера вместе с итоговым текстом устава в ноябре 1807 г. представить на утверждение императору. Желая вновь настоять на своем и донести до Александра другое мнение, отличное от мнения Завадовского и большинства членов Правления, Паррот в очередной раз обратился к царю, описав те пагубные последствия, которые наступят в случае одобрения представленного документа. Повторив доводы, которые ранее император признал заслуживающими внимания (ведь он приостановил действие уже подписанного указа!), Паррот решился на отчаянный шаг – он стал угрожать, что этот проект уничтожит Дерптский университет, в развитие и процветание которого Александр вложил столько сил и средств: «Так-то, убеждая Вас на подобные уступки пойти, желают Вас заставить собственными руками уничтожить Дерптский университет, который Вы основали с всевозможным тщанием и который на препоны наталкивается только потому, что Ваши истинные замыслы воплощает, насаждая солидную систему образования, противную господствующему легкомыслию»[181]. Итог же дела оказался не совсем таким, на какой рассчитывал дерптский профессор – на всеподданнейшем докладе от 18 ноября 1807 г. министр народного просвещения сделал приписку: «Подлинный доклад и устав Академической гимназии в Митаве Государь Император изволил оставить у Себя»[182]. На этом попытки законодательно утвердить особый статус Митавской гимназии в

[181] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 23 октября 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон... С. 354.

[182] Резолюция Александра I на докладе Главного Правления училищ от 18 ноября 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 357.

царствование императора Александра I прекратились, но трения между гимназией и Училищной комиссией Дерптского университета продолжались и впоследствии[183].

Таким образом, созданная единая система учебных заведений подверглась определенным изменениям уже с самого начала ее утверждения. Университетский устав долго не вступал в силу в Казанском университете, сильно затягивалось открытие университета в столице. Чтобы сохранить крупные пожертвования и выполнить волю благотворителей, но вместе с тем не ломать только что разработанную систему учебных округов, министру гр. П.В. Завадовскому приходилось принимать компромиссные варианты: так, в Ярославле и Кременце появились гимназии, приравненные по статусу к университету, но включенные в систему своих учебных округов. Изменения в руководстве министерством повлекло за собой и изменения в училищной системе. Гр. А.К. Разумовский при необходимости был готов к ее частичному разрушению: Царскосельский лицей оказался учрежден вне системы, а дарование академического статуса иезуитской гимназии в Полоцке, выведение ее и остальных иезуитских училищ из-под контроля Виленского университета фактически создавало еще один учебный округ.

4.4.3. Изменение срока выбора ректора

Вопрос с обсуждением в Главном Правлении училищ особых прав Митавской гимназии хорошо иллюстрирует те принципы работы Правления, которые были заложены при его создании. Правление изначально оформилось как совещательный орган при министре народного просвещения, состоящий

[183] Уже через три месяца в Правление поступило представление попечителя Ф.И. Клингера, в котором он просил разъяснения – правильно ли поступили профессора Митавской гимназии, отказавшись освидетельствовать казну своего учебного заведения вместе с директором училищ Дерптской губернии. Правление «положило, что постановление относительно свидетельствования училищных сумм губернским директором обще с учителями принадлежит собственно до гимназий, устроенных на общих правилах, и не простирается на Митавскую, которой Актом постановления присвоены особыя права, доныне при ней остающиеся» // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

из влиятельных сановников, готовых отстаивать собственные взгляды. Каждый попечитель, получив в управление университет, и шире – учебный округ, проводил самостоятельную политику и настаивал на особом мнении, нередко вступающим в противоречие с мнениями остальных членов или даже министра. И надо отдать должное первому министру гр. П.В. Завадовскому – он был готов принимать такое особое мнение и докладывать о нем императору. А иногда Завадовскому приходилось уступать и принимать решения, с которыми сам был не согласен.

Таким сложным вопросом, затрагивающим основы только недавно утвержденного университетского устава, стал вопрос о сроке выбора ректора, который поставил перед министром и членами Правления московский попечитель гр. А.К. Разумовский. По Уставу 1804 г. ректор университета избирался ежегодно общим собранием из ординарных профессоров и представлялся Правлением (т.е. попечителем) через министра народного просвещения на утверждение императора. Избрание ректора на один год мотивировалось необходимостью «предотвратить всякое злоупотребление власти, которое могло бы подрывать пользу сил высших учебных заведений»[184]. Таким образом подтверждался принцип университетского самоуправления, который лежал в основе университетского законопроекта. Избрание ректора должно было происходить за два месяца до окончания учебных курсов, что ежегодно и отражалось в журналах Правления и высочайших докладах министра.

В апреле 1808 г. Разумовский обратился к министру народного просвещения с рядом предложений по улучшению состояния Московского университета, среди которых он представлял «весьма нужным и полезным для университета, чтоб вместо ежегодной перемены ректора, быть ему или бессменным; или по крайней мере чрез несколько лет сменяемым»[185]. Получив

---

[184] *Петров Ф.А.* Указ соч. Т. 1. С. 252.

[185] Письмо гр. А.К. Разумовского гр. П.В. Завадовскому от 15 апреля 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 70. Л. 1 об.

письмо, Завадовский передал его на ближайшем заседании на рассмотрение членов Правления, которые нашли доводы московского попечителя о необходимости увеличения срока ректорских полномочий заслуживающими внимания и дали согласие на избрание ректора один раз в три года. Остальные предложения попечителя (об увеличении штатной суммы, отпускаемой на университет, на 43.000 руб. для улучшения состояния Ботанического сада, содержания кабинета естественной истории, увеличения числа казенных студентов и гимназистов и проч.) были отвергнуты[186]. Выписка из журнала Правления была отправлена в Москву, но никаких действий за этим в столице не последовало. В начале июля, по представлению попечителя, Правление утвердило профессора И.А. Гейма в звании ректора Московского университета на один год.

Накануне следующих выборов Разумовский вновь обратился к министру. В написанном собственноручно письме[187] московский попечитель раскрыл истинные причины своей настойчивости: «Обстоятельства представляют мне необходимость повторить вам мою просьбу о продолжении Ректорства. В уставе университетском есть положение, чтоб за два месяца до окончания курсов он был избираем. По сему на будущей неделе следовало бы уже приступить к сему действию; и я обыкновенному ходу сего дела дал бы течение, если бы не уверен был, что в собрании Гг. Профессоров избран будет другой ректор, а чрез то, вместо дальнейшего успеха в восстановляемом с немалым трудом порядке, нашел бы я себя опять в том же положении, в каком за год тому находился; и может быть утверждение трехлетней бытности ректора дошло бы сюда уже по избрании нового: в таком случае, я должен бы опять бороться целые три года с беспорядками, на какую бедственную работу и веку моего не станется. К тому же смело уверить вас могу, что из нынешних профессоров ни одного нету, имеющего столько способностей к сей

[186] Журнал Главного Правления училищ № 4 от 12 мая 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 76 об.

[187] Разумовский явно не хотел, чтобы этот текст еще кто-либо видел, кроме министра.

должности, как нынешний ректор профессор Гейм. В таком неприятном положении решился я остановить выборы, в надежде, что не замедлите, милостивый господин мой, доставить мне столь нужное и желаемое пособие, к пользе здешней учености, которая истинно грозила уже совершенным падением»[188]. Попечитель явно ожидал скорого и благоприятного для себя ответа министра, но его так и не получил.

Ответ на вопрос – что же заставило Разумовского так нервничать, откладывая выборы ректора и настойчиво испрашивая у Завадовского внесения изменений в университетский устав, был предложен А.Ю. Андреевым. По мнению историка, Разумовский опасался, что на выборах ректора в 1809 г. победу одержит не устраивавший попечителя профессор Гейм, а профессор И.Ф. Буле, объединивший вокруг себя коллег, неприязненно относившихся к Разумовскому. Как раз в это время профессор Буле был приглашен вел. кн. Екатериной Павловной в Тверь для работы в дворцовой библиотеке. Эта рекомендация была дана великой княгине близким другом профессора историографом Н.М. Карамзиным. Вероятность, что Карамзин сменит престарелого Завадовского на посту министра, а соответственно, Буле Разумовского на посту попечителя, пугала графа[189]. Но и в этот раз московскому попечителю не удалось дождаться желанного постановления. Завадовский чувствовал недовольство Разумовского[190], но менять недавно

---

[188] Письмо гр. А.К. Разумовского гр. П.В. Завадовскому от 19 апреля 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 70. Л. 4–4 об.

[189] *Андреев А.Ю.* Московский университет… С. 122–130.

[190] К сожалению, полный комплекс переписки московского попечителя и министра народного просвещения за этот период не сохранился, но даже в немногих дошедших до нас письмах чувствуется постоянное желание Завадовского оправдаться перед вельможным сановником. «Как прежде не понимал причины темного облака, так теперь радуюсь, что исчезло оное и открылось, что вы были правы и я не виноват. Да не случится впредь сему подобнаго и да не поколеблется ваше верование в мою душевную преданность», писал Завадовский летом 1808 г. Буквально через несколько дней министр вновь обращается к графу: «Получа ваше письмо от 23 июня повторяю о том, что я забыл упреки в ту же минуту, как сведал причину, подвигнувшую вас на оные. Не желайте, говорю в шутку, чтобы я обходился с вами, как с капризною любовницею. Флегма, свойственная старости, погасила во мне потребный на то огонь». Разумовский в это время добивался перевода университета в другое здание, но дело затягивалось и даже настойчивость министра не помогала // Письмо гр. П.В.

утвержденные законопроекты из-за частного случая не хотел. Не обнадеживали попечителя и намеки министра на свою скорую отставку: «Решимость моя на покой и уже не долгий по моим летам не… (нрб) от попутного ветра. Но когда брошен будет якорь, предварю о том в.с. в свое время. Но мой пример не для вас. Вы в самых сущих летах, носите звание почтенное в том городе, где основали свое пребывание. Я же стар и люблю деревню; никаких выгод не приспособлял для себя в столице... Но желаю для общей пользы, чтобы ваше правление университетом продолжалось за пределы моего министерства»[191]. Завадовский не сказал попечителю, что он поставил вопрос о продлении срока ректорства на заседании Правления 4 июня, но присутствовавшие там попечители выступили против предложения Разумовского, и это обсуждение по приказанию министра даже не стали вносить в журнал заседания[192].

16 июня 1809 г. в Московском университете состоялись выборы ректора, на которых с минимальным перевесом победу одержал профессор Гейм. Буквально на следующий день попечитель отправил в Главное Правление училищ два отношения: в первом он представил на утверждение министра кандидатуру ректора, а во втором изложил членам Правления свои недоумения по поводу задержки в исполнении прошлогоднего решения. Разумовский не просто настаивал на своей просьбе о «довершении начатого дела, касательно продолжения ректорства», он еще попытался убедить членов Правления, что попечители единолично имеют полное право вносить изменения в принятые законодательные акты исходя из местных условий своего округа: «При сочинении уставов для университетов, конечно, употреблено было невозможное старание о полезнейшем их устроении; однако ж и то

Завадовского гр. А.К. Разумовскому от 24 и 29 июля 1808 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских… С. 229–230.

[191] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.К. Разумовскому от 1809 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских… С. 234. Точной даты письма нет, но по смыслу текста оно как раз относится к весне 1809 г.

[192] Об этом свидетельствует запись в следующем журнале от 20 июля 1809 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 103 об.–107.

неоспоримо, что по умозрительным распоряжениям нельзя было вдруг поставить их на той степени совершенства, до которой доводить можно только с помощию времени и опытов. Впрочем я думаю, что суждение о всех случаях, зависящих от влияния местных обстоятельств и относящихся к каждому учебному округу порознь, принадлежит особенно каждому попечителю, и я никогда не мыслил представлять, что мера, нужная для Московского университета, должна быть принята за правило и для всех прочих»[193]. Естественно, членам Правления московский попечитель не стал излагать реальные причины, подвигнувшие его на повторение своих настойчивых просьб об изменении срока ректорства (были повторены прошлогодние доводы о необходимости неусыпного попечения, строгого наблюдения за студентами, профессорами и чиновниками университета, что может себе позволить только начальник, занимающий свою должность несколько лет, а также высказана мысль о том, что «долговременная привычка в подчиненных видеть над собой одного и того же начальника усугубляет уважение к нему и повиновение»), но пригрозил, что если он не найдет в Правлении «ни доверенности, ни уважения к представлениям» своим, то он уступит должность другому попечителю, который удачнее его «успеет поставить Московский университет на приличной ему степени благосостояния»[194].

Членам Правления вновь пришлось вернуться к обсуждению волнующего Разумовского вопроса, поскольку на официальное представление попечителя нужно было дать официальный ответ. Так получилось, что следующее заседание было проведено в отсутствие министра народного просвещения (но, как обычно, в его доме) и на нем смогли быть только Ф.И. Клингер, С.Я. Румовский, Н.И. Озерецковский и Н.И. Фус. Еще раз рассмотрев доводы московского попечителя, члены Правления решили ответить ему отказом, встретив «неудобство к подтверждению своего прежнего мнения». Их

---

[193] Представление гр. А.К. Разумовского Главному Правлению училищ от 17 июня 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 70. Л. 8.

[194] Там же.

контраргументы выглядели так: «1) адъюнкты, кои могли бы в преподавании наук заступать место профессоров, а особливо если сии как должно предполагать будут отличных дарований и искусились в преподавании наук, не всегда достаточно могут заменять самых профессоров, отчего много претерпят учение и успехи учащихся; 2) избранием ректоров на три года уменьшится надежда прочих профессоров быть облечены в сие достоинство, а с сим упадет в них дух соревнования; 3) во всех почти иностранных университетах избрание ректоров бывает ежегодно; 4) хотя с одной стороны хозяйственная часть и управление могло бы по-видимому выиграть чрез долговременное начальство одного чиновника, но с другой обременять таковыми занятиями надолго для инаго может показаться тягостным. Между тем как всегда остается свобода избрать на другой, третий и более годов сряду одного чиновника, если он признан будет того достойным и согласится нести сию должность беспрекословно»[195]. А так как в прошлый раз министр с этими возражениями был согласен, то и итог этого заседания, который явно не обрадовал Разумовского, был однозначный: «не найдено необходимым отступать от существующего постановления относительно ежегодного избрания ректора»[196]. И только попечитель Казанского университета поддержал московского графа и подписал свое особое мнение.

Какие доводы приводил Разумовский в ближайшие пару месяцев, уговаривая министра пересмотреть решение Правления, мы не знаем, но об одном из них можно догадаться – на летних заседаниях присутствовало меньше половины всех членов Главного Правления училищ, что позволяло при особом желании потребовать поставить спорный вопрос на дополнительное обсуждение. И Завадовский после очередного письма попечителя с упреками[197] пошел на это. 7 октября в дом министра съехались

---

[195] Журнал Главного Правления училищ № 10 от 20 июля 1809 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 103 об.–107.

[196] Там же.

[197] «Прискорбно было для меня найти в письме вашем от 27 сентября разумение личности, чему неповинна моя душа», – писал Завадовский Разумовскому уже после окончания обсуждения вопроса о сроках смены

все члены Правления «на лицо в столице находящиеся» – пять попечителей (не было только инициатора вопроса – самого гр. А.К. Разумовского), два академика, канцлер Абовского университета М.М. Сперанский и П.Г. Дивов. Настойчивость Разумовского победила – Московский университет получил право избирать ректора раз в три года (по примеру Виленского университета, у которого это право было изначально прописано в уставе), но во всеподданнейшем докладе, представленном Правлением на утверждение императору, было особо отмечено, что оно «и ныне не может изъявить своего согласия на бессменный выбор ректора»[198]. Сообщая Разумовскому о принятом решении, министр не мог скрыть своего разочарования: «Я не стану объясняться, – писал Завадовский московскому попечителю, – сколь нелегко отменить стать устава, вчера, так сказать, изданного. Может быть, вы и не поверили бы моим о том изъяснениям. Но, наконец, по многим прениям уже решено избирать ректора в Московском университете на трех лет (sic)»[199]. Сам Разумовский не видел ничего страшного в необходимых (по его мнению) изменениях в университетских законопроектах, поэтому вскоре после своего назначения министром народного просвещения подал Александру I всеподданнейший доклад, где теми же самыми словами убеждал императора в необходимости распространить трехлетние ректорские полномочия на Харьковский и Казанский университет[200]. Только в Дерптском университете, во многом ориентированном на европейские высшие школы, ректор продолжал избираться ежегодно.

ректора. Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.К. Разумовскому от 19 октября 1809 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских… С. 234.

[198] Всеподданнейший доклад Главного Правления училищ императору Александру I от 16 сентября 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 70. Л. 12.

[199] Письмо гр. П.В. Завадовского гр. А.К. Разумовскому от 19 октября 1809 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских… С. 235.

[200] Всеподданнейший доклад гр. А.К. Разумовского императору Александру I от 26 мая 1811 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 6. Л. 58–60.

4.4.4. Корпоративные выборы и их утверждение

Одним из основных принципов, заложенных университетским уставом 1804 г., являлся принцип университетской автономии. Основой университетского самоуправления был университетский Совет, состоящий из профессоров всех отделений и адъюнктов[201], заседающий под председательством ректора не реже раза в месяц и являющийся высшей инстанцией по учебным и судебным делам[202]. На заседаниях Совета избирался ректор, деканы факультетов, профессоры, почетные члены, адъюнкты университета, а также определялись способные люди «к преподаванию наставлений в университете, гимназиях и уездных училищах округа»; согласовывалось расписание учебных курсов «так, чтобы науки следовали в естественной их связи»; оценивались знания студентов; рассматривались судебные дела[203]. Каждый вопрос обсуждался коллегиально, решения принимались большинством голосов, при наличии разных мнений ректор имел двойное право голоса. Все решения заносились в журнал заседания, туда же вносились и особые мнения членов, не согласных с принятыми определениями.

В реалиях начала XIX в., когда российские университеты только начинали свое существование, и во многих из них профессорская корпорация находилась в стадии своего становления, нормы устава о восполнении преподавательских вакансий через голосование на Совете выполнить было крайне затруднительно. Как подчеркивал А.Ю. Андреев, только в Московском, Казанском и Харьковском университетах, не считая Дерптского, Виленского и еще не открытого Петербургского, образовалось свыше 80 профессорских кафедр, которые необходимо было заполнить новыми

---

[201] Адъюнкты имели право присутствовать в Совете и обсуждать учебные вопросы, но не имели права участвовать в выборах.

[202] Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. §§ 4, 47, 48 // Сборник постановлений… Стб. 295–331.

[203] Там же. § 54.

преподавателями. Русские ученые могли покрыть только небольшую часть этого дефицита кадров, поэтому основным источником пополнения университетских кафедр профессорами стали европейские университеты. Приглашение иностранных профессоров в Россию в первые годы проведения университетской реформы целиком легло на плечи попечителей[204]. Уже на втором заседании Главного Правления училищ в феврале 1803 г. министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский поручил попечителям употребить «все свое внимание» на наполнение профессорских мест, куда необходимо быть «избирать людей уже известных, которым бы сочинение принятых с похвалою, или занимаемыя ими с пользою и общим одобрением места служили аттестатом и порукою в успешном прохождении их звания»[205]. Если же иностранные ученые не имели «известных сочинений, университетских дипломов, или гласной рекомендации мужей, имеющих имя в ученом свете», тогда они должны были выдержать экзамен специального комитета, который планировали создать (но так и не создали) в Санкт-Петербурге из членов Академии наук[206]. Но, понимая сложность момента, министр признавал, что «вообще, Правление находит себе принужденным признать, что всякая мера, которую принять предположено было, для начального составления университетов из достойнейших профессоров, будет затруднительна к исполнению, и крайне недостаточна в таком случае, если бы попечители округов собственным благоразумным и осторожным выбором, не соответствовали Высочайшей к ним доверенности»[207].

В сложившейся ситуации очень многое зависело от личности и министра, и попечителя. «Благожелательная опека над университетом», которую во

---

[204] *Андреев А.Ю.* Российские университеты… С. 407–408.

[205] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 7 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

[206] Уже тогда Завадовский понимал, что члены Академии пока не могут быть компетентными экзаменаторами «в некоторых из наук, составляющих наряду с прочими предметы университетского учения, как-то: в умозрительной философии, в истории и древностях, в политической экономии, юриспруденции и прочее» // Там же. Л. 9 об.

[207] Там же.

многом смогли осуществить московский попечитель М.Н. Муравьев или харьковский попечитель С.О. Потоцкий, привела к тому, что в российские университеты были приглашены иностранные профессора ведущих университетов Германии, запущен процесс подготовки отечественных профессоров, были активизированы ученые труды университетов, начато создание новых научных обществ, т.е. все это способствовало складыванию университетской корпорации. Для дальнейшего становления и упрочнения ее самостоятельности было необходимо с одной стороны мягко поддерживать «ученую республику», не давая разрастаться конфликтным ситуациям (которые не могли не возникать), а с другой стороны – сохранить ее независимость, не вмешиваясь сильно в университетские дела. Но когда попечителями становились люди с консервативными взглядами (как, например, П.И. Голенищев-Кутузов), смотревшие на нормы Устава как на помеху в осуществлении собственного бюрократического контроля над высшей школой, то от самостоятельности корпорации не оставалось и следа.

Именно выборы становились самым напряженным временем работы университетского Совета, поскольку при выборе ректора, деканов или новых профессоров из-за столкновения различных интересов могли возникать острые конфликтные ситуации, приводящие к попыткам вмешательства со стороны попечителя или даже министра народного просвещения. Ярким примером стало увеличение в 1809 г. срока ректорства до трех лет, вызванное настоятельным желанием попечителя А.К. Разумовского оставить на этом посту угодного ему профессора. После избрания в мае 1811 г. деканов факультетов, московский попечитель Голенищев-Кутузов, передавая представление Совета на утверждение министру (как это требовалось по Уставу), сопроводил его своими замечаниями. Из четырех деканов попечителю не понравились кандидатуры троих, которых он и предложил

заменить на других профессоров[208]. Так явно попирать нормы Устава Разумовский не стал и сообщил об этом попечителю: «на таковую перемену дать своего согласия не могу; ибо как университетский Совет, так и избранные им профессоры могли бы поставить сие в обиду»[209].

Еще одним выборным университетским органом, созданным для «удобнейшего производства дел», относящихся к руководству и управлению учебными заведениями округа, был Училищный комитет. Он состоял из ректора и шести ординарных профессоров, ежегодно избираемых по определению университетского Совета[210]. Училищный комитет получал донесения директоров гимназий, учебные и хозяйственные ведомости о состоянии училищ округа, визитаторские отчеты, ежегодно представлял Совету свои размышления об улучшении положения учебных заведений, следил за «способностями, прилежностью и благонравием учителей», контролировал штатные и сверхштатные расходы училищ[211].

Как правило, выборы в Училищный комитет проходили достаточно спокойно и конфликтных ситуаций в ходе них в университетах почти не возникало. Чаще всего, именно членов Комитета назначали визитаторами училищ, им приходилось в дополнение к своим основным занятиям инспектировать средние и начальные учебные заведения округа, вести переписку с директорами училищ. Далеко не все профессора хотели обременять себя такой дополнительной нагрузкой, особенно в период каникул, поэтому желающих занять эти должности было немного. Но особая ситуация сложилась в Казанском университете. Поскольку университет в 1805 г. был открыт довольно формально, и, как писал один из первых историков университета, «фактически оставался вне распространения на него действия

---

[208] Представление П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 11 мая 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 71. Л. 17–18.

[209] Отношение гр. А.К. Разумовского П.И. Голенищеву-Кутузову от 24 мая 1811 г. // Там же. Л. 20.

[210] Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. § 165 // Сборник постановлений… Стб. 295–331.

[211] Там же. § 166–175.

Устава, представляя собою какое-то неопределенное учреждение»[212], никакой университетской автономии в Казани не существовало. Не были проведены выборы в Совет университета, соответственно не существовало и Училищного комитета. Первый министр гр. П.В. Завадовский не торопил попечителя с полноценным открытием университета, но его преемник, гр. А.К. Разумовский, высказал пожелание, чтобы устройство Казанского университета, наконец, было приведено в соответствие с Уставом. Обращаясь к С.Я. Румовскому, министр писал: «Предпишите, Ваше Превосходительство, сословию профессоров Казанского университета избрать из них ректора; установить разделение факультетов и сделать выбор в деканы для каждого из оных. Равно избрать члены в Правление университета, цензурный и училищный Комитеты… и представить мне на утверждение»[213].

В январе 1811 г. в университете были проведены первые выборы. В члены Училищного комитета наибольшее количество голосов получили ординарные профессора И.О. Браун (10 голосов), М.Г. Герман, Х.М. Френ, К.Т. Фойхт (по 9 голосов), И.М. Бартельс, И.Ф. Яковкин, И.Х. Финке, И.А Литтров и Ф.Х. Эрдман (по 8 голосов). Но с выборами ректора произошла заминка. Первое голосование дало равное количество голосов двум профессорам: Брауну и Литтрову. Было предложено провести второе баллотирование, «невзирая на протест председателя Яковкина и профессоров Стерля и Фойхта», причем по настоянию Брауна, Совет исключил из повторного голосования Яковкина[214]. Переизбрание дало преимущество в голосах профессору Брауну. Попечитель, узнав об этом, предложил министру признать повторные выборы недействительными, в звании ректора утвердить профессора астрономии Литтрова, а в звании декана врачебных наук – профессора Эрдмана (который

[212] В дальнейшем историк употребит еще более резкое выражение «университет-фикция». *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902. Т. 1. С. 22.

[213] Отношение гр. А.К. Разумовского С.Я. Румовскому от 17 августа 1810 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 95. Л. 2–2 об.

[214] Представление С.Я. Румовского гр. А.К. Разумовскому от 4 января 1811 г. // Там же. Л. 8 об.

вместе с Брауном набрал равное количество голосов по этой должности). Что же касалось Училищного комитета, то Румовский предложил освободить от участия в нем Фойхта и Яковкина, поскольку первый был одновременно избран директором Педагогического Института, а последний – инспектором над студентами, совмещение же двух должностей с преподаванием было довольно затруднительно. Но так как в этом случае «Комитет составляли бы члены российского языка не умеющие… а все отношения Училищного комитета к училищам Казанского округа и отношения училищ к Комитету должны быть на российском языке», попечитель представил министру следующий желаемый им состав профессоров: М.Г. Герман, И.О. Браун, Х.М. Френ, И.Х. Финке, И.М. Томас и Г.Н. Городчанинов[215]. Ответа Разумовского на свое представление казанский попечитель не дождался[216], университет продолжал возглавлять директор, а все вопросы по учебным заведениям округа оставались исключительно в ведении попечителя.

В сентябре 1811 г. С.Я. Румовский вновь обратился к министру народного просвещения с представлением, в котором просил разрешения учредить в университете Училищный комитет. Свою просьбу попечитель обосновал не необходимостью ввести нормы Устава в текущую жизнь высшей школы, а увеличившимся документооборотом и оскудением собственных сил: «С самого того времени, когда Государю императору благоугодно было назначить меня попечителем, нес я в продолжении осьми лет всю тягость помянутого комитета и самого Совета университетского, и под собственным надзором моим учреждено 7 гимназий[217] и осьмая в Вятке приготовляется к открытию, 27 уездных и приходских училищ устроены, кои все равно, как университет, и 5 главных народных училищ с подведомыми им малыми училищами по всем своим делам ко мне относятся; число дел ко мне

[215] Там же. Л. 9 об.–10.

[216] В деле о выборе ректора его нет.

[217] Гимназии были открыты в Нижнем Новгороде, Симбирске, Пензе, Астрахани, Иркутске, Тобольске и Перми.

поступающих до того возросло, что по старости моей не в силах объять оныя, ни канцелярия моя, не взирая на все ее рачение, по множеству бумаг от университета и училищ получаемых, ответов на оныя писать не успевает»[218]. Кандидатами в члены Комитета были те же профессора, что и в январском представлении, за одним (но важным для попечителя!) исключением: «беспокойного» Брауна заменил профессор Ф.К. Броннер, «миролюбием и усердием к пользе университета в короткое время отличившийся»[219]. Разумовский удовлетворил представление попечителя, и таким образом в Казанском университете еще до его полноценного открытия стал действовать Училищный комитет. Стоит обратить внимание, что только половина членов Комитета была избрана по процедуре, зафиксированной в Уставе 1804 г., три профессора получили назначение непосредственно по воле попечителя, и его же распоряжением трое были исключены (причем один из них, набравший наибольшее число голосов коллег, – за свой поступок, вызвавший неудовольствие начальства).

Очередная попытка ввести принципы университетского устава в жизнь Казанского университета пришлась на осень 1813 г. Прибывший незадолго до этого в Казань новый попечитель гр. М.А. Салтыков сразу же получил от министра разрешение провести выборы «ректора, деканов и для прочих должностей чиновников, учредить Правление и суд»[220]. 4 сентября 1813 г. Совет вновь (как и в 1811 г.) избрал ректором профессора Брауна, деканами факультетов профессоров Финке, Бартельса, Эрдмана и Германа, синдиком и секретарем Совета экстраординарного профессора барона Врангеля[221]. Отвечая на вопрос министра – почему не были избраны члены Училищного

[218] Представление С.Я. Румовского гр. А.К. Разумовскому от 14 сентября 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 105. Л. 1 об.– 2.

[219] Там же. Л. 3.

[220] Отношение гр. А.К. Разумовского гр. М.А. Салтыкову от 11 июля 1813 г. // Там же. Л. 17.

[221] Избранные первоначально на должность секретаря Совета профессора Томас и Фукс отказались от этой должности по причине плохого знания русского языка. Представление гр. М.А. Салтыкова гр. М.А. Разумовскому от 7 октября 1813 г. // Там же. Л. 18–18 об.

комитета, Салтыков объяснил отсутствие этих выборов не только «буквой» Устава, по которому члены Комитета составляются по определению Совета (и их кандидатуры на утверждение министра не подаются), но и тем, что одобренные Разумовским в сентябре 1811 г. профессора, «отправлявшие уже два года сию должность, узнали течение дел и приобрели сведения, необходимо нужные для управления округа столь пространного». В связи с этим попечитель надеялся продлить их полномочия хотя бы еще на один год, чтобы «часть столь важная, как училищная, находилась в руках опытных уже людей»[222]. И все-таки запрос министра вынудил Салтыкова провести выборы и членов Училищного комитета, куда с 28 ноября были определены профессора Бартельс, Реннер, Литтров, Броннер, Эрих и Городчанинов.

Таким образом, стремление следовать принципам недавно принятого университетского устава нередко сталкивалось с намерением начальства в лице министров и попечителей вмешиваться в ход корпоративных выборов, если они по каким-то причинам их не устраивали. Особенно это будет заметно в годы министерства гр. А.К. Разумовского. Желание иметь на ключевых постах в университете доверенных лиц, не причиняющих начальствующим беспокойство[223], вынудило Разумовского настоять на увеличении ректорских полномочий, а когда в 1811 г. ректор И.А. Гейм чуть не лишился своего поста – даже аннулировать проведенные выборы[224]; попечителей П.И. Голенищева-Кутузова и С.Я. Румовского – настаивать на смене ректора или деканов. Также министр неоднократно обращал внимание попечителей на нежелательность избрания на некоторые должности профессоров-иностранцев, как например

---

[222] Представление гр. М.А. Салтыкова гр. А.К. Разумовскому от 1 декабря 1813 г. // Там же. Л. 20.

[223] О специфической аргументации при увольнении профессоров см.: *Костина Т.В.* Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 166–197.

[224] Совет Московского университета в мае 1811 г. провел выборы ректора, на которых профессора Гейм и Страхов получили два раза одинаковое количество голосов и только на третий раз Гейм добился большинства по баллотировке, что заставило министра признать выборы проведенными «напрасно», поскольку с последнего избрания ректора (1809 г.) не прошло еще трех лет // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 71. Л. 19.

это произошло в Казани в 1813 г., когда Разумовский прямо указывал Салтыкову: «По мнению моему непременным заседателем Правления, секретарем университетского Совета, синдиком и в некоторые другие должности нужно бы избрать из русских»[225]. Тогда Салтыков объяснил выбор Совета тем, что из русских в должности ординарного профессора в Казанском университете в то время находился только один Яковкин. Но в похожей ситуации в Харькове, когда при проведении выборов на свободные кафедры единственный русский профессор И.П. Каменский был забаллотирован, министр не только сам утвердил Каменского, но и потребовал «впредь профессоров из чужих краев не приглашать до разрешения моего»[226]. Закономерным итогом этой политики стало предписание Разумовского прекратить приглашение иностранцев на кафедры[227].

4.4.5. Контроль за цензурой

Отдельной сферой контроля Министерства народного просвещения с момента утверждения «Предварительных правил народного просвещения» стала цензура. Уже в январе 1803 г. на будущие университеты «коль скоро они в округах учреждены будут» возлагалась «цензура всех печатаемых в губернии книг»[228]. Таким образом к университетской корпорации переходило право контроля над всеми печатными изданиями в империи, которое до этого принадлежало гражданским губернаторам. Но в связи с тем, что университетские уставы еще разрабатывались и никаких цензурных комитетов еще не существовало, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев на заседании 3 октября 1803 г. предложил назначить

---

[225] Отношение гр. А.К. Разумовского гр. М.А. Салтыкову от 6 ноября 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 95. Л. 19 об.

[226] Отношение гр. А.К. Разумовского Императорскому Харьковскому университету от 27 мая 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 128. Л. 5.

[227] О приготовлении для занятия кафедр молодых людей из русских. 11 февраля 1815 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 259–260.

[228] Предварительные Правила народного просвещения // Сборник постановлений… Стб. 18.

или специальных цензоров, которые бы осуществляли предварительную цензуру «для предупреждения злоупотреблений, которые допущаются печатанием книг противных духу религии и правительству, или клонящихся к оскорблению личной чести»[229], или издать специальное постановление, по примеру датского манифеста 1799 г. о свободном книгопечатании, который бы определял меру наказания для издателей, дерзнувших выпустить в свет противозаконное сочинение. Первоначально министр и члены Правления одобрили второе предложение, и через месяц Новосильцев представил перевод датского закона со своими замечаниями и необходимыми исправлениями[230], но обсудив вопрос еще раз, Завадовский решил поторопиться с открытием цензурных комитетов, тем более что (как тогда казалось) обсуждение университетских уставов подходило к завершению и, следовательно, открытие оставшихся университетов было делом ближайшего времени. В столичном округе предлагалось составить цензурный комитет из членов Российской академии «в ожидании открытия подобнаго высшего училища в Санкт-Петербурге»[231]. Одним из доказательств, что в России необходима предварительная цензура и что существующие меры контроля недостаточны, стала пропущенная в печать книга одного из несостоявшихся кураторов Дерптского университета барона Унгерн-Штернберга на немецком языке, «которая есть ни что иное, как пасквиль, на человеколюбивые и святые намерения правительства, самый возмутительный для умов»[232]. Министр поручил подготовить проект постановления о цензуре академикам Озерецковскому и Фусу, статьи которого на заседании 11 февраля «признаны не только совершенно необходимыми, но и могущими служить общим правилом по сей части»[233]. К лету 1804 г. цензурный устав был готов и 9 июля

[229] Журнал Главного Правления училищ № 29 от 3 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 135 об.

[230] Журнал Главного Правления училищ № 33 от 7 ноября 1803 г. // Там же. Л. 147–147 об.

[231] Журнал Главного Правления училищ № 37 от 17 декабря 1803 г. // Там же. Л. 161.

[232] Там же. Л. 160 об.

[233] Журнал Главного Правления училищ № 3 от 11 февраля 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.

утвержден императором Александром I[234]. Последняя глава университетского устава, подписанного 5 ноября 1804 г. регламентировала цензурные функции университета. Деканы всех отделений входили в цензурный комитет, «предмет установления которого состоял в том, чтоб отвратить издание сочинений, коих содержание противно Закону, Правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека»[235], назначали цензоров, которыми могли быть «все профессоры, адъюнкты и магистры» университета и утверждали их решения. Обсуждение любой отклоненной цензором книги выносилось на обсуждение комитета, где окончательное решение принималось большинством голосов, в сомнительных случаях дело передавалось на разрешение Совета[236]. Цензуре не подлежали книги, напечатанные по определению университетского Совета или Правления, цензура сочинений, издаваемых Главным Правлением училищ, Академией наук, Академией художеств и Российской Академией, кадетскими корпусами, медицинской управой и разными правительственными учреждениями и учеными обществами была возложена на них самих. Духовная цензура оставалась в ведении Синода.

Ежемесячно цензурные комитеты университета должны были представлять списки одобренных рукописей и книг через Совет университета попечителю, а он уже – в Главное Правление училищ. В период министерства Завадовского такие донесения поступали регулярно от всех комитетов, кроме Казанского. Цензурный комитет при Казанском университете формально был образован в 1807 г., однако в первые годы его существования он практически бездействовал: в 1807–1811 гг. на рассмотрение в комитет поступило всего 6 рукописей. В последующие годы деятельность цензурного комитета

---

[234] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 9 июля 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 75–76 об.; Устав о цензуре // ПСЗ. Т. 28. № 21.388. С. 439–444.

[235] Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. §§ 4, 47, 48 // Сборник постановлений… Стб. 329.

[236] Там же. Стб. 330.

оживилась, до 1818 г. казанские цензоры дали заключение на семь десятков книг, больше половины из которых была одобрена к напечатанию[237]. Однако письмоводство Казанского цензурного комитета, возложенное уставом на секретаря, долгое время велось крайне небрежно, что вынуждало попечителей и министра не раз делать замечания университету. Так, в 1811 г. попечитель Румовский уведомил цензурный комитет о необходимости предоставления ежемесячных сведений о результатах его работы. Полученное предписание осело в бумагах комитета и выполнено не было. Через несколько лет министр Разумовский обратил внимание М.А. Салтыкова, что не все документы комитета ведутся согласно установленным законам, и просил попечителя сделать распоряжение, чтобы университет неопустительно доставлял ему «обыкновенные мемории по истечении каждого месяца»[238]. Но и это замечание не изменило текущий ход работы секретаря. В отличие от других университетов, где на должность секретаря приглашали адъюнктов, Казанский университет сначала привлек к секретарской работе студента-кандидата О.Н. Срезневского, а затем магистра Н.М. Алехина, которые так и не смогли выстроить правильное делопроизводство, обозначенное в цензурном уставе. Уже при новом министре духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицыне на вопрос о причинах нарушения правил ведения отчетной документации секретарь И.И. Дунаев дал следующий ответ: «во время исправления мною секретарской должности в цензурном комитете и не были уже заготовляемы требуемые ныне оные ведомости о сочинениях и переводах, и о заготовлении оных и отсылки к высшему начальству. Я от г. присутствующих в комитете не получал особенных резолюций; да и из исходящих бумаг комитета усмотреть можно, что оные ведомости не были

---

[237] Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Материалы цензурного комитета при Казанском университете (1812–1827 гг.) / сост. В.В. Аристов. Казань, 1961. С. 3.

[238] Письмо гр. А.К. Разумовского гр. М.А. Салтыкову от 23 апреля 1814 г. ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4164. № 2. «Дело о представлении в Совет университета мемориий с протоколов цензурного комитета. Казань, май 1814». Л. 2–2 об. Цит. по: *Галиуллина Р.Х.* Документы цензурных комитетов первой четверти XIX века: формы, комплектация и организация хранения // История и историческая память. 2015. № 11. С. 224–242.

составляемы и представляемы каждомесячно к высшему начальству до принятия мной оной должности»[239]. В период министерства гр. А.К. Разумовского ведомости со списком одобренных книг перестали поступать в Правление из цензурных комитетов Виленского и Харьковского университетов и только Санкт-Петербургский, Московский и Дерптский комитеты свою отчетность вели регулярно[240].

Исследователями истории российских университетов не раз отмечалось, что на университетскую цензуру начале XIX в. непосредственное воздействие пытались оказывать как губернаторы, которые лишились своих полномочий, так и деятели Министерства народного просвещения – сами министры и попечители, роль которых в делах цензуры уставами определена не была, но которые не готовы были от нее самоустраняться[241]. Так в 1811 г. попечитель Дерптского учебного округа Ф.И. Клингер подал в министерство представление, что гражданское и полицейское начальство Курляндской губернии вмешивается в компетенцию дерптского цензурного комитета[242]. И Завадовский, и Разумовский могли запретить уже одобренное цензорами сочинение и тогда комитет получал замечание (как было в 1807 г., когда московский цензурный комитет разрешил напечатать «Анекдоты императрицы Екатерины Великой» и «Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию»[243]) или даже полностью лишался своих должностей – в 1813 г. все члены виленского цензурного комитета были уволены за одобрение к печати листка, составленного «не в духе нашего правительства»

---

[239] ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4169. № 4. «Собрание руководительных бумаг. Казань, 1818». Л. 7–7 об. Цит. по: *Галиуллина Р.Х.* Документы цензурных комитетов… С. 232–233.

[240] Стоит отметить, что после преобразования Полоцкой академии и создания, фактически, особого «иезуитского» округа, министр Разумовский потребовал, чтобы Академия присылала напрямую в Правление ежемесячные цензурные ведомости. РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 223.

[241] Университет в Российской империи… С. 218.

[242] Представление Ф.И. Клингера гр. А.К. Разумовскому от 2 мая 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 179. Л. 1–1 об.

[243] Отношение гр. П.В. Завадовского М.Н. Муравьеву от 14 января 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 91. Л. –2 об.

пленным французским врачом[244]. Министры строго следили, чтобы цензоры не пропускали в печать рукописи, противоречащие общему правительственному курсу. Так, после заключения в 1807 г. Тильзитского мира с Францией, всем цензорам было разослано предписание «в одобряемых ими периодических изданиях и других сочинениях, в соблюдение должного уважения к особе Наполеона императора Франции, никакия выражения предосудительныя его лицу не были помещаемы»[245], запрещено переиздавать напечатанное в Москве сочинение «Картина французской политики или короли Бонапартовой фабрики»[246], а спустя год Завадовский вообще запретил помещать в журналах рассуждения о политических отношениях между государствами[247]. В круг запретных тем, которых не могла касаться литература, было также включено крепостное право – в 1811 г. недовольство министра Разумовского вызвала допущенная в продажу книга гр. В.Б. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами» в переводе В.Г. Анастасевича, содержавшая критику крепостного права[248]. В 1815 г. министр запретил столичным цензурным комитетам пропускать в журналах статьи, касающиеся императорских театров и актеров[249].

По указу от 2 сентября 1810 г. все вновь издаваемые книги, журналы и газеты должны были доставляться в департамент народного просвещения, в связи с чем в поле зрения членов Главного Правления училищ стали попадать

---

[244] Интересно, что с просьбой об уничтожении этого листка Разумовский обратился к министру полиции С.К. Вязмитинову, который ответив, что этот листок «в самом существе своем беззначущий и вероятно уже забытый», все-таки дал поручение виленскому военному губернатору изъять оставшиеся экземпляры // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 266. Л. 2.

[245] Циркулярное отношение гр. П.В. Завадовского попечителям учебных округов от 11 июля 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 98. Л. 1.

[246] Циркулярное письмо гр. П.В. Завадовского попечителям учебных округов от 17 апреля 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 112. Л. 1.

[247] Циркулярное отношение гр. П.В. Завадовского попечителям учебных округов от 20 апреля 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 114. Л. 1.

[248] Отношение гр. А.К. Разумовского А.Д. Балашову от 17 июля 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 192. Л. 1.

[249] Отношение гр. А.К. Разумовского С.К. Вязмитинову от 19 марта 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 309. Л. 4.

и опубликованные университетами без рассмотрения цензуры материалы. Так, строгий выговор от Разумовского получил зимой 1813 г. ректор Дерптского университета Г.Ф. Паррот, который своей записке позволил себе нелестно отозваться о сочинениях профессора анатомии Бурдаха и о нем самом. Министр поставил на вид ректору, что тот «не имел права называть Бурдаха шутом и употреблять многих других оскорбительных выражений»[250], и что если такое вновь повторится, то «начальство принуждено будет принять меры» и лишить профессоров права печатать свои сочинения без цензуры[251].

Но настойчивей всего желание полностью контролировать цензуру изъявлял московский попечитель П.И. Голенищев-Кутузов. Не прошло и месяца с момента его назначения, как он в частном письме министру предложил внести изменение в один из параграфов университетского устава, регламентировавший назначение цензоров. Заставив перепечатать одну из статей журнала из-за нескольких выражений, показавшихся ему «дрянью», Кутузов испугался, что автор статьи найдет влиятельных защитников (в лице Н.М. Карамзина или И.И. Дмитриева) и тогда жалобы на самоуправство попечителя «дойдут» до Петербурга. Но и оставить статью как есть он не мог, опасаясь навлечь на себя нападки, что под его начальством «пропущено дерзкое творение». «Можно ли, – вопрошал московский попечитель министра, – отвечать за таковое число лекторов, из которых некоторые читают так, что глаза ничего не видят и всякую дрянь пропускают, будучи разными парами омрачены»[252]. Невысокого же мнения об университетской корпорации был человек, поставленный «пещись» о ней! Кутузов предложил упразднить цензурный комитет, а назначение четырех цензоров отдать полностью в руки попечителя, который «выбрав людей верных и надежных, будет отвечать за

[250] Отношение гр. А.К. Разумовского Ф.И. Клингеру от 24 февраля 1813 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 155. Л. 7.

[251] Отношение гр. А.К. Разумовского Ф.И. Клингеру от 31 января 1813 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 155. Л. 1–1 об.

[252] Письмо П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 2 июня 1810 г. // *Васильчиков А.А.* Указ соч. С. 288.

них и за себя»[253]. Разумовский одобрил идею Кутузова, и, хотя официального предписания не было дано, в Москве сразу же почувствовали ужесточение цензуры.

4.5. Финансирование учебных заведений

4.5.1. Штатная и экономическая сумма

«Предварительные правила народного просвещения» определили, что университеты, гимназии и уездные училища должны получать штатное финансирование непосредственно из казны, что стало одной из важнейших составляющих данной реформы. Члены Главного Правления училищ уже в марте 1803 г. представили на высочайшее утверждение предварительную смету на ежегодное содержание учебных заведений в России[254]. Государственные средства должны были дополнить те суммы, которые получали школы из приказов общественного призрения и других источников и сделать их поступление гораздо стабильнее[255].

На четыре университета всего выделялось 520 тыс. руб., по 130 тыс. руб. на каждый. Штатное содержание Виленского университета составляло 105 тыс. руб. серебром и должно было поступать из поиезуитских доходов[256]. Помимо этой суммы университету были обещаны дополнительные

---

[253] Там же. С. 288.

[254] Итоговая сумма составляла 1.319.450 руб. О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России. 17 марта 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 31–37.

[255] Предварительные Правила народного просвещения предполагали, что «уездные училища в том, что принадлежит до смотрителей, учителей и зданий, будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным дополнением из казны, где оное потребуется», а гимназии «будут содержимы на счет приказов общественного призрения, с достаточным дополнением из казны, если где оное потребуется» // Сборник постановлений… Стб. 20.

[256] «Сия сумма 105.000 рублей серебром, я 1 числа января 1803 года, может быть отпускаема, по ассигнованию государственного казначея, ежегодно в назначенные сроки и непосредственно доставляема в казну университета». Акт утверждения для Императорского университета в Вильне // Сборник постановлений... Стб. 43.

фундуши[257] от «поиезуитских имений, доходов, домов, земли или других приобретений»[258]. Дерптский университет получил на свое содержание 240 гаков[259] казенной земли, но в связи с тем, что доход с земли был крайне нестабилен, император по просьбе проф. Г.Ф. Паррота разрешил получать из государственного казначейства по 120 тыс. руб., «пока не отроются вакантные мызы»[260], в 1803 г. эта сумма была увеличена до 126 тыс. руб.,[261] а с 1806 г. Дерптский университет, передав земельные наделы в казну, полностью перешел на финансирование из казны.

Было запланировано, что в каждой губернии будет открыта одна гимназия, а в каждом уезде – одно уездное училище. Обширность и различные условия в губерниях Российской империи стали причиной разделения 42 губерний на три разряда, каждый из которых имел собственную смету на расходы. К первому разряду были отнесены Санкт-Петербургская, Архангельская и Олонецкая губернии Петербургского учебного округа, Вологодская губерния Московского учебного округа и Вятская, Иркутская, Пермская и Тобольская губернии Казанского учебного округа. На жалование директора, учителей, содержание дома, служителей и библиотеки предполагалось тратить 6250 руб. в год. Во второй разряд вошли Новгородская и Псковская губернии Петербургского округа, Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская губернии Московского округа, Оренбургская губерния Казанского округа, Курская и Орловская губернии Харьковского учебного округа и две белорусские губернии Виленского учебного округа – Витебская и Могилевская, на содержание каждой из которых была заложена сумма 5750

---

[257] Фундуш (польский юридический термин) – дар в пользу какого-либо учреждения, чаще всего в пользу костела или монастыря. Имения и капиталы иезуитов после упразднения ордена передавались на цели общественного воспитания.

[258] Сборник постановлений... Стб. 43.

[259] Гак – мера земли в Остзейских губерниях, около 200 десятин.

[260] Акт постановления для Императорского университета в Дерпте // Сборник постановлений... Стб. 6.

[261] Устав Императорского Дерптского университета // Сборник постановлений... Стб. 199.

руб. в год. К третьему разряду относились Рязанская губерния Московского округа, оставшиеся губернии Казанского и Харьковского учебных округов (Казанская, Астраханская, Кавказская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Слободско-Украинская, Воронежская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская, земля Донских и Черноморских казаков), а также Киевская губерния Виленского округа. Их ежегодная смета была еще больше сокращена и составляла 5250 руб. Стоит отметить, что в марте 1803 г., когда члены Правления пытались определить сумму расходов на одну гимназию, по плану Н.И. Фуса, который как раз обсуждался в это время на заседаниях, планировалось наличие в гимназии семи учителей. По утвержденному уставу учебных заведений их число выросло до восьми, что заставило пересмотреть и гимназическую смету, которая по каждому разряду была увеличена на 400 рублей[262].

Уездные училища также получали государственное финансирование по трем разрядам: на каждое из училищ первого разряда предполагалось выделять 1600 руб., второго разряда – 1410 руб., а третьего – 1250 руб. Всего таким образом должны были содержаться 405 уездных училищ. В смету не были включены учебные заведения, содержащиеся из особых доходов: гимназии и уездные училища Дерптского (Финляндской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний) и большинства губерний Виленского округа (Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Киевской, за исключением гимназии и уездного училища в самом Киеве). Но уже летом 1803 г. попечитель Дерптского учебного округа Ф.И. Клингер, представляя Правлению проект постановлений для учебных заведений и его штат, не только согласился с предложенным университетом увеличением штатного содержания гимназий и уездных училищ Дерптского округа по

[262] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 3 октября 1804 г. (утвержден императором 5 ноября 1804 г.) // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 111–115 об.

сравнению со сметой на школы первого разряда внутренних губерний империи, но и просил компенсировать недостающую сумму из казны. Министр, с одной стороны, находя «предположения сии … споспешествующими благу училищ», настойчиво пытался обратить внимание императора во всеподданнейшем докладе, что «расходы на то полагаемые превосходят в штате назначенные вообще для сих предметов в губерниях северныя полосы» и даже предложил для сравнения ведомость «о превосходстве сумм, требуемых на училища в Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и Курляндии против предполагаемых в других губерниях»[263]. Разница оказывалась довольно существенная: на 4 гимназии и 30 уездных училищ Дерптского округа планировалось тратить 118.000 руб., тогда как на такое количество школ в северных губерниях уходило на 45.000 руб. меньше. Первый доклад царем подписан не был, но уже через два месяца Дерптский университет получил просимое – повторное предоставление штата училищ было Высочайше конфирмовано[264]. Гр. П.В. Завадовский получил также рескрипт следующего содержания: «Граф Петр Васильевич! Одобряя постановления Дерптского университета относительно надзирания училищ его округа и утвердив штат ежегоднаго содержания оных, впредь до назначения особенной на то суммы, препоручаю вам, приведя в известность те пособия и доходы, которыя в губерниях Дерптского округа доставляются на содержание училищ от городских магистратов и других мест, недостающую в число штатных 118000 рублей сумму, отпускать по мере надобности, из остающихся ныне сумм от неполнаго числа предположенных училищ в прочих округах Российской Империи»[265]. Таким образом, Дерптский округ довольно быстро не только добился постоянного финансирования своих

[263] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского от 16 января 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–39 об.

[264] Штат ежегодного содержания гимназий и уездных училищ Дерптского округа от 21 марта 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 52–52 об.

[265] Там же. Л. 51.

учебных заведений из государственной казны, но и получил одобрение на увеличение расходов на гимназии и уездные училища по сравнению с другими губерниями Российской империи.

Сложно было рассчитывать на суммы, поступающие из приказов общественного призрения и городских обществ. При составлении училищного штата Завадовский обратился к министру внутренних дел гр. В.П. Кочубею с просьбой доставить в департамент министра народного просвещения сведения «сколько сумм и какие именно города губернские и уездные дают ныне на существующие в них училища, и какую могут от доходов своих определить прибавку к распространению учебных классов на вящщую пользу юных своих граждан, дабы образовать просвещением соразмерным состоянию их»[266]. Дело в том, что накануне Завадовский уже получил от М.М. Сперанского «Табель, показывающую доходы и расходы приказов общественного призрения по всем губерниям по 1 января 1803 г.», но она оказалась «по сей материи много недостаточна»[267]. Тогда Кочубей отправил в департамент народного просвещения «Ведомость о городских доходах», но и она не удовлетворила министра, поскольку в ней отсутствовала информация по 14 губерниям. Через год Завадовский вновь обратился к министру внутренних дел, объясняя, что «таковое сведение наипаче нужно, когда часть сия приводится в положенное ей устроение»[268]. В ответ на повторную просьбу Кочубей представил на одобрение Завадовскому свой проект письма ко всем управляющим губерниями. Главный вопрос к губернаторам, на который министр ждал незамедлительный ответ, состоял в том: «какую сумму приказ общественного призрения вверенной вам губернии употребляет на каждое училище? и может ли он усилить сумму сего?», а также могут ли городские доходы

[266] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. В.П. Кочубею от 28 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 34. Л. 4.

[267] Там же. Л. 1–3.

[268] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. В.П. Кочубею от 5 августа 1804 г. // Там же. Л. 54.

способствовать содержанию уездных училищ?[269] Завадовский одобрил проект, попросив только исключить из него фразу о том, что при невозможности какой-либо губернии уделить сумму на уездное училище из городских доходов, казне придется полностью принять на себя его содержание, резонно возразив, что таким образом министерство само подает повод «городам отклонять содержание училищ на полное иждивение казны»[270]. Первые ответы на запрос министра внутренних дел из губерний стали поступать в ноябре 1804 г., но уже в октябре, составляя всеподданнейший доклад императору члены Правления отметили: «В счет суммы, по прежнему исчислению на гимназии и уездные училища положенной[271], входили и те деньги, которые приказы общественного призрения и города уделяли из своих доходов. Но из представления попечителя училищ Харьковского округа тайного советника графа Потоцкого, который, будучи на месте, узнал состояние оных, равно и из представлений других попечителей явственно, что снабдение училищ от городов и приказов общественного призрения весьма скудно, даже плата учителям не производится исправно, чем весьма отягощаются в бедном своем состоянии, а причину того помянутые места относят к недостатку своих доходов»[272]. Единственный выход Правление видело в том, чтобы Александр I разрешил всю назначенную по штатам для училищ сумму полностью отпускать из казны. А те средства, которые все-таки будут поступать от городских дум и приказов «предоставить на издержки, коих еще много предстоит сверх учебного штата в отношении строения для училищ и разных к тому

[269] Проект письма министра внутренних дел гр. В.П. Кочубея управляющим губерниями от 12 сентября 1804 г. // Там же. Л. 56–58 об.

[270] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. В.П. Кочубею от 18 сентября 1804 г. // Там же. Л. 59–59 об.

[271] Имеется в виду примерное исчисление сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России, одобренное императором 17 марта 1803 г.

[272] Всеподданнейший доклад Главного Правления училищ императору Александру I от октября 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 113 об–114.

потребностей»[273]. Император согласился с предложением членов Главного Правления училищ и об увеличении училищного штата, высказанном в том же всеподданнейшем докладе, и таким образом ежегодная сумма училищного капитала составила 1.481.480 руб.[274]

Естественно, полностью эти деньги могли поступить из казны только тогда, когда все запланированные учебные заведения будут открыты или преобразованы по новому плану. В 1803 г. император повелел отпустить на учебную часть 500 тыс. руб., но потрачена была только малая часть этой суммы – 73273 руб. 18 коп.[275] На следующий год расходы на училища значительно выросли. Министерство финансов по отношениям министра народного просвещения отпускало деньги по штату только на учебные заведения, открытые согласно уставам 1804 г. Но кроме выплаты жалования смотрителю, учителям и расходы на текущее содержание школ, были необходимы значительные средства на покупку, перестройку или ремонт училищных домов, которые полностью не могли компенсировать деньги, поступающие из приказов общественного призрения. Самым логичным выходом представлялось обращение к императору с просьбой выплачивать из государственной казны всю сумму училищного капитала, чтобы неистраченные по штату деньги тратить на постройку школьных зданий. Одним из первых такое пожелание в конце 1803 г. высказал попечитель Казанского учебного округа, отвечая на вопрос министра народного просвещения, переданный от государственного казначея Ф.А. Голубцова о том, «какие имеют суммы в будущем 1804 году к отпуску на училища

[273] Там же. Л. 114 об.

[274] Сюда были включены расходы на 4 университета, 43 гимназии (включая Коммерческую гимназию в Одессе и исключая гимназию в Черкасске, которую Войско Донское приняло на собственное содержание), 90 уездных училищ первого разряда, 173 училища второго разряда и 158 училищ третьего разряда (уездное училище в Области войска Донского также было переведено на местное содержание), а также сумма на гимназии и училища Дерптского округа, полностью получаемая из казны // Штат. Л. 186–188 об.

[275] Записка. Сколько из суммы в 500000 руб. отпущено по требованию Министерства народного просвещения в 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 106. Л. 19а–19б.

потребны»[276]. Румовский писал: «По дошедшим до меня сведениям в некоторых только губернских городах воздвигнуты здания для училищ, и от тех директоры пишут, что требуют немалых починок: в них помещаются по четыре учителя, а для гимназии должно шести помещаться; в уездных же училищах толь великой недостаток в строении, что все училище инде вмещается в одном наемном покое, а инде в сыром нижнем этаже. Почему остатки от вышеупомянутой сего суммы по неполному устроению иных училищ сообразно штату, или по несуществованию некоторых предполагаются на починки и построение домов для гимназии и уездных училищ; и ежели в продолжении некоторых лет полная сумма будет отпускаема, то остатками оной все нужные здания исправлены и воздвигнуты быть могут»[277]. Завадовский полностью разделял это мнение, поэтому достаточно часто просил императора одобрить выделение сумм из училищного капитала на строительные и хозяйственные нужды учебных заведений[278]. А когда министр финансов гр. А.И. Васильев в конце 1804 г. предложил Завадовскому «причислить» неистраченную сумму, следующую на Казанский и Санкт-Петербургский университеты к общим государственным остаткам, поскольку за год было выдано всего около 3000 руб., министр народного просвещения в ответном письме сослался на 136 статью университетского устава, которая прямо разрешала остаток штатной суммы использовать на хозяйственные нужды, а также объяснил, что «штаты университетские объемлют токмо ежегодное содержание их; но предварительные приготовления к открытию оных, как-то здание, заведение кабинетов, библиотеки, типографии, доставление профессоров и учителей и

[276] Отношение Ф.А. Голубцова гр. П.В. Завадовскому от 25 октября 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 106. Л. 14 об.

[277] Отношение С.Я. Румовского гр. П.В. Завадовскому от 6 ноября 1803 г. // Там же. Л. 21.

[278] Так, 80 тыс. руб. из училищного капитала было разрешено выдать на перестройку дома Санкт-Петербургской гимназии в марте 1804 г., 103 тыс. руб. на покупку зданий для Московского университета в июле 1804 г., 11 тыс. руб. на покупку Ботанического сада для Московского университета и 66 тыс. руб. на перестройку зданий для Казанского университета в апреле 1805 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2, 3.

прочие сопряженные с началом оснований расходы требуют издержек в штат не внесенных, на которые в первое время вспомоществует одна штатная сумма в том предположении, что не в один год в полной мере могут установлены быть сии училища»[279].

Сохранившиеся министерские отчеты детально показывают, насколько быстро увеличивались расходы на учебные заведения в империи. В 1805 г. из училищного капитала было потрачено уже 911322 руб. Интересно отметить, что самая большая сумма была выплачена по округу Дерптского университета, который как предполагалось изначально, должен был содержаться из особых доходов, но стараниями попечителя Клингера, и особенно, профессора Паррота, довольно быстро получил от царя штатное содержание из казны[280].

Таблица 3.

Извлечения из ведомости о приходе и расходе училищного капитала, составляемого из суммы, определенной по Высочайше конфирмованному об училищах штату за 1805 год[281].

Округ	**Сумма в руб.**
Московский учебный округ (сюда входила штатная сумма на университет, специально выделенная сумма на покупку Ботанического сада, проезд профессоров и адъюнктов, деньги на содержание 10 гимназий и 29 уездных училищ)	244940
Санкт-Петербургский учебный округ (сюда входила сумма на Педагогический Институт, в т.ч. на покупку	97175

[279] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. А.И. Васильеву от 27 декабря 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 29. Л. 100.

[280] И только попытка переложить на казну содержание приходских училищ Дерптского округа не будет поддержана членами Главного Правления училищ и не получит одобрение со стороны императора Александра I (см. 5 главу).

[281] Ведомость за 1805 год о приходе и расходе училищного капитала, составляемого из суммы, определенной по Высочайше конфирмованному об училищах штату за 1805 год // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30. Л. 94–102.

минерального кабинета, выплату пенсий, на цензурный комитет, а также сумма на училища Санкт-Петербургской губернии и двух губернских гимназий)	
Харьковский учебный округ (сюда входила штатная сумма на университет, на выдачу квартирных денег профессорам и адъюнктам, проезд учителей, деньги на содержание 6 гимназий и 19 училищ)	188733
Казанский учебный округ (сюда входили деньги на жалование и проезд профессорам и адъюнктам, покупку и перестройку зданий для университета, средства на содержание 40 студентов, суммы на содержание 3 гимназий и 1 уездного училища)	84442
Дерптский учебный округ (сюда входила сумма на постройку зданий для университета, выдачу квартирных денег профессорам, деньги на содержание 4 гимназий и 21 уездного училища, а также отдельные суммы на жалование директорам и смотрителям, покупку домов для школ, выдачу квартирных денег учителям, первоначальное заведение учебных пособий и др.)	285372
Виленский учебный округ (сюда входила сумма на Киевскую гимназию и уездное училище, Витебское главное народное училище и пенсия одному учителю)	10025
Иные расходы	634
ИТОГО:	911322

7 января 1803 г. был утверждены штаты департаментов министров. Годовая сумма, выделяемая на расходы по департаменту Министерства народного просвещения составила 21225 руб.[282] В нее включалось жалование

[282] Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 1.

директору, двум экспедиторам, двум столоначальникам и их помощникам (двум старшим и двум младшим), архивариусу, регистратору, писцу и отдельная сумма на канцелярские расходы и сторожей. С момента образования департамента она фактически полностью использовалась без какого-либо остатка (и только иногда менялась сумма, потраченная на канцелярские расходы).

Одновременно с назначением попечителей был определен и штат их канцелярии. На жалование двум письмоводителям и канцелярские расходы выделялось ежегодно по 2000 руб. на каждый учебный округ. Также попечитель мог запросить определенную сумму на объезд своих учебных заведений[283], которая не должна была превышать 10 тыс. руб. в год на все шесть округов. Однако, как будет показано в 5 главе, за исследуемый период эта сумма так и не была ни разу полностью потрачена.

Непосредственное финансирование от казны дополнялась экономическими доходами министерства. От Комиссии об устроении народных училищ Главному Правлению училищ перешел Щукинский дом и принадлежащие ему лавки. Получаемые средства от сдачи в аренду лавок шли на содержание исполнительных органов Правления: Канцелярии, разделявшейся на две экспедиции, ученую и экономическую, и Конторы, управлявшей доходами Правления. В штат Канцелярии входили два академика, правитель дел Правления, два экспедитора (один по ученой, второй по хозяйственной части), по два столоначальника у каждого экспедитора и шесть помощников столоначальников. Также в штат Канцелярии входили два курьера для рассылки, два сторожа и включались расходы на канцелярские потребности, одежду курьеров и содержание двух лошадей. Контору Правления возглавлял управляющий, который одновременно считался ее казначеем, при нем находился смотритель Щукинского дома, бухгалтер,

[283] Предварительные правила народного просвещения устанавливали периодичность таких визитаций не реже, чем один раз в два года. Подробнее см. главу 5.

архитектор, два письмоводителя, два сторожа у казны и четыре служителя «для караула и чистоты дома». Все чиновники Канцелярии и Конторы, получающие жалование меньше 1000 руб. (а это все, кроме академиков, правителя дел Канцелярии, экспедиторов и управляющего Конторой) могли пользоваться квартирами в Щукинском доме, расположенными, как и сами помещения Канцелярии и Конторы, на среднем и верхнем этажах большого флигеля. Также выделялись деньги на отопление помещений, содержание мостовой, уличных фонарей, чистку труб и противопожарные средства. Общая сумма расходов по штату Канцелярии и Конторы Правления должна была составлять 25590 руб.[284] Дополнительно из экономических доходов выделялись средства на пенсию Ф.И. Янковича де Мириево, который с конца 1803 г. уже не мог по здоровью посещать заседания Главного Правления училищ, жалование находящемуся в Дрездене статскому советнику графу д'Антрегу, поставленному императором Александром I корреспондентом по части народного просвещения, а также жалование оставшихся за штатом бывших служащих екатерининской Комиссии о народных училищах, еще не определенных к новым местам службы[285].

За счет экономической суммы Правления содержались Географическая экспедиция, минералог, здание Педагогического Института и дом для публичных лекций. Еще одной важной статьей бюджета Правления были типографические расходы. Своей типографии у Правления еще не было[286], а необходимость иметь недорогие учебники была большая. Типография Академии наук использовалась для печати учебных пособий, книг, ландкарт и глобусов, которые затем продавались в книжном магазине Правления и рассылались в приказы общественного призрения и директорам гимназий.

---

[284] Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 1–2.

[285] Во всеподданнейшем докладе, одобренном императором 21 марта 1803 г., министр объяснил свою просьбу тем, что «они служили долго и состояние свое имеют от единого жалования». Всего за штатом осталось 5 человек // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

[286] Она появится в 1818 г.

Конечно, Правление ожидало возврата средств за книги, отправленные в учебные округа, но они поступали с сильной задержкой. Так, например, в 1807 г. на издание учебных пособий и на «жалование чиновникам, по сей части состоящим» было потрачено 26060 руб., тогда как вернулось за отпущенные книги 4645 руб., а продано в книжном магазине еще на 4256 руб.[287]

Как правило, не вся экономическая сумма расходовалась в течение учебного года, в Конторе Правления фиксировались оставшиеся средства, которые затем отправлялись в Государственный заемный банк для приращения процентами.

4.5.2. Благотворительные инициативы[288]

Выделение государственного финансирования на содержание учебных заведений не означало, что этих денег будет достаточно для открытия и обеспечения всем необходимым тех училищ, открытие которых было запланировано в начале 1803 г. Большинство училищ только предстояло открыть, а значит нужны были средства на постройку учебных зданий, наполнение книгами библиотек, покупку приборов для химического, физического кабинетов. Поэтому так важно было привлечь местное население к добровольным пожертвованиям на образовательные заведения.

Осознавая необходимость общественной поддержки учебной реформы, Министерство народного просвещения сразу же начало тщательно фиксировать все случаи такой инициативы и публиковать известия о сделанных пожертвованиях в своем ведомственном журнале «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения». Уже в первом номере журнала было сообщено о вкладе в Дерптский университет графини Лесток, в

---

[287] Отчет по Министерству народного просвещения за 1807 г. Ведомость о приходе и расходе экономической суммы Главного Правления училищ // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 32. Л. 44–46.

[288] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Роль благотворительных инициатив в становлении образовательной системы Российской империи первой четверти XIX в. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2020. № 30. С. 137–139.

Виленский – епископа Пильховского и о пожертвовании неизвестной особы на обучение десяти бедных дворян в Новгородском училище[289]. По мере открытия новых учебных заведений, росло и количество жертвователей. Информация о всех случаях благотворительности доводилась министром до сведения императора как в личных докладах, так и в ежегодных годовых отчетах[290]. Благодарность со стороны верховной власти становилась важным фактором поощрения общественной инициативы и способствовала притоку новых пожертвований. Министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский, подчеркивая, что «для всякого жертвующего чем-либо на пользу общую, лестно быть известным монарху своему», требовал сообщать ему немедленно «обо всех приношениях, какого бы они рода ни были, с показанием цене оным… дабы тем сделать угодное благотворителям наук и возбудить в других соревнование к подобным подвигам»[291].

Финансовую помощь учебным заведениям оказывали люди разного социального происхождения и статуса. Естественно, что значительная часть пожертвований поступала от дворянского сословия. Одним из самых щедрых жертвователей в начале XIX в. был статский советник П.Г. Демидов[292], надворный советник П.А. Кусовников в 1806 г. внес на устройство приходских училищ в Санкт-Петербурге 50 тыс. руб.[293], 40 тыс. руб. поступили в 1804 г. от тайного советника И.С. Судиенко на Малороссийские училища[294]. Дворянство отдельных губерний собирало средства на постройку зданий для учебных заведений: так, 400 тыс. руб. было обещано Харьковскому университету, ежегодные суммы поступали и на другие университеты; Пензенская, Екатеринославская, Волынская и Курская гимназии, Мозырское,

[289] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81–85.

[290] Ведомость приношениям, сделанным от частных людей в пользу народного просвещения // РГИА. Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30. Л. 108–112 об.; Д. 31. Л. Л. 76–81; Д. 32. Л. 68–74 об.

[291] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 28. С. 537.

[292] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 2. С. 158–177.

[293] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1807. № 17. С. 82–83.

[294] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 7. С. 72.

Новомосковское и Путивльское уездные училища были построены на средства местного дворянства[295].

Часто жертвователями выступали купцы и мещане, чья «готовность сделать взнос свидетельствовала о личном успехе»[296]. Их заинтересованность в существовании всесословных школ позволила ускорить открытие учебных заведений в Костроме, Елизаветграде, Симбирске, Ставрополе, Тотьме и других городах[297]. Крестьяне же, как правило, вносили посильные суммы на приходские училища[298]. Например, крестьянин Сильвенской Рождественской волости Кунгурского уезда Пермской губернии Петр Подшивалов подарил училищу деревянный дом, обязался его отапливать и ремонтировать, а также содержать на свои средства трех бедных учеников[299]. Отдельно стоит отметить инициативу сельских священников, которые были готовы безвозмездно преподавать в основанных приходских училищах, а некоторые из них отдавали под училища и свои дома[300].

Нередко благотворители жертвовали учебным заведениям свои библиотеки, собрания драгоценных камней, редких монет и медалей, коллекции минералов, инструменты, необходимые для занятий (так, псковский помещик Ладыженский подарил училищу телескоп и микроскоп, а надворный советник Орлай принес в дар Санкт-Петербургскому Педагогическому Институту «собрание птиц в виде рисунков, сделанное из

---

[295] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 6. С. 61–62; 1805. № 8. С. 94; 1805. № 10. С. 297; 1805. № 12. С. 508; 1809. № 22. С. 182; 1810. № 25. С. 139.

[296] *Кузбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. С. 457.

[297] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805. № 9. С. 195; 1807. № 17. С. 97; 1809. № 22. С. 182; 1810. № 24. С. 51; 1813. № 34. С. 555.

[298] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1813. № 34. С. 140; 1813. № 36. С. 8–9.

[299] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1817. № 43. С. 265.

[300] Причем, это были не отдельные случаи. В 1806 г. 113 священно- и церковнослужителей Санкт-Петербургского учебного округа приняли на себя «без жалования учительскую должность в училищах подведомым им приходов с уступлением собственных домов для заведения в оных приходских училищ» // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 407–415.

природных перьев под натуру оных птиц»)[301]. Чтобы помочь руководимой им клинике, профессор Виленского университета Иосиф Франк «употребил дар пения жены своей на вспомоществование бедным больным», покупая лекарства на средства, вырученные от ее концертных выступлений[302].

Торжества по случаю открытия новых училищ собирали значительную часть местного общества, которое в ходе праздничных обедов в присутствии губернатора или уездного предводителя дворянства, увеличивало жертвуемые на школы суммы. Также активно поступали пожертвования и в дни ежегодных открытых испытаний, когда ученики демонстрировали успехи в изучаемых науках. Еще одним важным «благотворительным» днем стало 12 декабря, день рождения императора Александра I, к которому были приурочены многие благотворительные инициативы.

Помимо того, что информация о каждом, даже небольшом, пожертвовании публиковалась в официальном журнале министерства и становилась известна императору[303], меценат мог получить и существенную награду. Большинство жертвователей было отмечено императорскими рескриптами с благодарностью, некоторые дворяне получили знаки ордена св. Анны или св. Владимира, бриллиантовые украшения[304], купцы – золотые или серебряные медали на алой ленте для ношения на шее с надписью «за полезное»[305]. Священников государь жаловал наперстными крестами, реже им выдавалась определенная денежная сумма (от 300 до 500 руб.)[306].

---

[301] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805. № 8. С. 87; 1808. № 20. С. 277.

[302] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 15. С. 270.

[303] Список жертвователей часто включал и тех, кто вносил «на пользу училищ» даже 1 рубль // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 22. С. 176.

[304] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 6. С. 65; 1806. № 15. С. 268; 1807. № 17. С. 83.

[305] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805. № 13. С. 70; 1807. № 17. С. 86; 1809. № 22. С. 182.

[306] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805. № 13. С. 58; 1806. № 16. С. 435; 1808. № 20. С. 286.

Таким образом, можно отметить несомненное внимание российского общества к проводимым в первой четверти XIX в. масштабным образовательным реформам. Государство впервые взяло на себя обязанность открыть и содержать большое количество всесословных средних и высших учебных заведений. И несмотря на выделение крупных казенных средств, благотворительные инициативы местного населения были крайне необходимы и играли важную роль в процессе становления новой образовательной системы.

Итак, в начальный период существования Министерства народного просвещения необходимо было не только организовать стройную систему учебных заведений, но и создать условия для ее дальнейшего развития, а для этого вопрос управления этой системой выходил на первый план. И здесь многое зависело от личности человека, стоящего во главе министерства. Первый министр народного просвещения гр. П.В. Завадовский к моменту вступления в должность имел огромный административный опыт, который с успехом применял на своем новом посту. Многие критиковали его за медлительность в делах (например, В.Н. Каразин), но тем не менее ему удалось довести до успешного результата разработку плана учебной системы, не дать ее разрушить при основании «особых» привилегированных училищ. Интенсивность заседаний Главного Правления училищ к концу его пребывания в должности министра уменьшилась, но Правление продолжало оставаться главным коллегиальным органом Министерства народного просвещения, где обсуждались и принимались основные решения, связанные с развитием образовательных учреждений всех уровней, их учебным и хозяйственным положением, а попечители учебных округов, по возможности, участвовали в его собраниях.

Ситуация начала меняться с приходом нового министра. Если в первые два года деятельность Правления была еще достаточно активной, то с 1812 г. эта активность резко падает. Став министром, гр. А.К. Разумовский не стал требовать, чтобы попечители лично присутствовали на заседаниях в

Петербурге, поэтому все дела сосредоточились в руках двух академиков. Сам министр постепенно отстранился от текущей работы в Правлении, часто только визируя уже готовые решения, подготовленные в канцелярии Правления (в основном связанные с переменой в кадровом составе учебных заведений). Поэтому не удивительно, что число учебных вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Правления с каждым годом сокращалось и только перемена в руководстве министерством смогла вновь активизировать деятельность Главного Правления училищ. Вопрос о необходимости сохранения принципов созданной образовательной системы для Разумовского оказался не главным: если в ситуации с Казанским университетом он смог настоять на введении положений Устава 1804 г. в управлении высшей школой, то принципы, на которых были учреждены Царскосельский лицей и Полоцкая Академия полностью ей противоречили.

ГЛАВА 5. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ (1805–1817 годы)

5.1. Открытие гимназий и уездных училищ

Принятие «Предварительных Правил народного просвещения» заложило основы новой системы среднего и начального образования: вместо существующих в империи главных и малых народных училищ должны были открываться гимназии, уездные и приходские училища. «Устав учебных заведений, подведомых университетам», принятый в тот же день, что и университетский устав, определил основные положения школьной реформы.

Все учебные заведения имели строгий иерархический характер управления. Университет был организационно-управленческим центром округа, ему непосредственно подчинялись гимназии в лице директора, который одновременно являлся директором народных училищ губернии. Директор избирался университетом, представлялся попечителем в Главное Правление училищ и утверждался в должности министром народного просвещения. Директор, в свою очередь, контролировал уездные и приходские училища губернии, представлял на утверждение университетского начальства кандидатуры штатных смотрителей уездных училищ. Смотритель осуществлял наблюдение за порядком в приходских училищах своего уезда. Таким образом, как уже не раз отмечалось в литературе, складывалось строго централизованное руководство школами, прямая зависимость низших звеньев образования от высших[1].

Приходские училища, уездные училища и гимназии должны были с одной стороны давать законченное образование тем, кто не желал продолжать его дальше, а с другой – заниматься подготовкой своих учеников к следующей, более высокой ступени обучения. В отличие от екатерининских главных

[1] *Калинина Е.А.* Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 195.

народных училищ, в которых учебный план для младших классов ничем не отличался от учебного плана малого народного училища, созданная в начале XIX в. система предполагала наличие отдельных законченных программ для каждой ступени обучения, при которых ученик не мог, не завершив курс на низшей ступени, поступать в другое, следующего уровня. Предусматривалась также сдача вступительных экзаменов, в ходе которых проверялось наличие знаний, требуемых для обучения на соответствующей школьной ступени[2].

Устав 1804 г. закрепил всесословность обучения в школах любого уровня, бесплатность образования (за исключением Дерптского округа), из предыдущего устава позаимствовал правила поддержания в классе дисциплины, запрет телесных наказаний. Для того, чтобы сделать учительскую профессию более привлекательной, учителей гимназий и уездных училищ, наряду с университетскими профессорами, включили в «Табель о рангах». Старшие учителя гимназий, преподающие науки, состояли в 9 классе, младшие учителя иностранных языков – в 10 классе, учитель рисования – в 12 классе. Оба учителя уездного училища получали также 12 класс по Табели, а учитель рисования – самый низший, 14 класс. Увеличение жалования (по сравнению с Уставом 1786 г.), присвоение учителям и училищным чиновникам[3] определенных классов государственной службы поднимало их авторитет в глазах общества и становилось важнейшим стимулом к признанию за учительской должностью ее достоинств.

Еще одним существенным отличием от екатерининского устава стало назначение штатного финансирования для гимназий и уездных училищ. Эти суммы должны были стать основным источником содержания школ, которые теперь гораздо меньше зависели от приказов общественного призрения, выделявших деньги с большими задержками и не всегда в достаточном количестве. При обсуждении школьной реформы было решено открыть в

---

[2] *Кузбер Я*. Указ соч. С. 369.

[3] Директор гимназии состоял в 7 классе Табели о рангах и это давало ему право на приобретение потомственного дворянства.

каждой губернии гимназию, а в каждом уезде – уездное училище. Если обширность территории требовала наличия дополнительного учебного заведения, то оно должно было содержаться из городских сумм.

Уже имеющиеся главные и малые народные училища решено было преобразовать по новому положению. В первую очередь нужны были квалифицированные учителя, подготовленные к преподаванию новых предметов в гимназиях – иностранным языкам (в главном народном училище предусматривалось обучение только латинскому и одному иностранному языку, в зависимости от знаний самого учителя), философии, политической экономии, изящным наукам, технологии и коммерции. Обучение этим предметам, по мысли разработчиков реформы, должно было подготовить учеников к обучению в университете. В тех губерниях, где увеличить штат учителей (с 6 до 8) удалось достаточно быстро, преобразование главных народных училищ в гимназии началось еще до опубликования школьного устава, но так получилось далеко не везде.

5.1.1. Московский учебный округ

Пример ускоренного перехода на обучение по новому плану показал Московский учебный округ. Благодаря инициативе попечителя М.Н. Муравьева, активно подбиравшего штат учителей, все десять главных народных училищ округа (по числу входящих в него губерний) были преобразованы в гимназии в 1804 – начале 1805 г.[4] Открытие каждого учебного заведения должно было стать праздником для губернского города, привлечь к нему интерес жителей города, активизировать сбор пожертвований на образовательные учреждения. Поэтому на торжественный акт, сопровождавший открытие новой школы, приглашались местная администрация, знатные гости, университетские профессора. 2 января 1804 г.

[4] Даты открытия гимназий сверены с краткой ведомостью о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 7.

«при совершении молебствия и в присутствии знаменитых посетителей»[5] была открыта Московская губернская гимназия, через месяц, 2 февраля – Тверская, а 26 марта – Смоленская гимназия. Описание праздничных мероприятий сразу же доводилось до сведения министра народного просвещения. Так, наиболее подробный рассказ содержится в деле об открытии Тверской гимназии: «Февраля 2-го поутру… ученики с одним учителем отправились в церковь, а потом и другие учители с депутатом университета и директором гимназии. Божественную Литургию совершал Желтиковского монастыря архимандрит с протоиереем соборным, тверской семинарии префектом и с прочим монашествующим и белым духовенством, учащим в той семинарии. Приличную на случай проповедь говорил Владимирской церкви священник Алексей Борисов о выгодах и преимуществах общественного воспитания пред частным[6]. … Когда заняли свои места посетители, участвовавшие в сем торжестве: Его сиятельство Г. губернатор князь Иван Михайлович Ухтомский, их превосходительства, Алексей Михайлович Корнилов, Иван Петрович Рунич… с прочим знатнейшим дворянством и духовенством, при стечении многочисленных граждан, то во-первых директор гимназии читал статьи из Высочайше утвержденных Предварительных Правил народного просвещения, касающихся до губернских гимназий, потом депутат университета Г. Гаврилов с кафедры произнес вступительное слово о пользе учения в гимназиях, соединенного с учением университетов, по окончании которого соборными певчими воспет кант. За ним говорили речи: на немецком язык учитель Миллер, на французском учитель Генниг, на русском учитель Устимович, сопровождаемые вторым кантом. После чего говорил речь директор гимназии Г. Толмачев о должности юношей украшать свой разум и сердце, и учитель Полунин благодарное приветствие к посетителям по пропетии третьего канта. Наконец, депутат университета ввел как учителей, так и учеников в

[5] Отношение М.Н. Муравьева гр. П.В. Завадовскому от 12 января 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 18. Л. 4.

[6] Здесь и далее подчеркивание в источнике.

новооткрытые классы, чем, по угощении от градского головы почтеннейших посетителей завтраком, и заключено во 2-м часу по полудни торжественное открытие»[7]. Такая продуманная программа торжества не только подчеркивала значимость происходящих событий и для конкретного города, и для всей империи в целом, но и была призвана поднять престиж государственного образования в глазах местного населения, в особенности представителей дворянского сословия.

В период университетских каникул, когда можно было без вреда для преподавания отправить в губернские города московских профессоров, были открыты Владимирская (7 августа), Тульская (7 августа), Вологодская (18 августа), Калужская (30 августа) и Костромская (15 сентября) гимназии. Преобразование Рязанского главного народного училища произошло 27 ноября 1804 г. в присутствии директора училищ Московской губернии П.М. Дружинина, а последней по времени открытия стала Ярославская гимназия, преобразованная 15 мая 1805 г.

Естественно, что как только гимназия официально начинала свое существование, попечитель запрашивал министра народного просвещения, а последний – государственного казначея об отпуске положенной штатной суммы из казны. Это позволяло некоторым приказам общественного призрения прекращать выплату средств, ранее определенную ими на учебные заведения. Так, уже летом 1805 г., Тверской приказ не только перестал отпускать в пользу гимназии положенных ей денег в размере 1000 руб., мотивируя тем, что весь доход приказа идет на содержание богадельни, сиротского дома и больницы, но и отказался «от платежа 142 руб. 89 коп. за учебные пособия, доставленные на счет оного в 1803 году»[8]. Еще одной серьезной проблемой новооткрытых учебных заведений становилось плохое состояние училищных домов, часто требующих ремонта или перестройки.

[7] Описание открытия Тверской губернской гимназии // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 20. Л. 5–5 об.

[8] Список с представления Тверского гражданского губернатора Ушакова к министру внутренних дел от 10 августа 1805 г. // Там же. Л. 12–12 об.

Новое помещение пришлось искать для Тульской, Владимирской и Смоленской гимназий, поскольку прежние здания были «худы» и не вмещали необходимых классов и квартир для учителей. Приходилось просить императора отпустить необходимые деньги из училищного капитала заимообразно, а затем в течение нескольких лет возвращать их из средств, поступающих из приказов общественного призрения или от благотворителей.

Открытие уездных училищ шло гораздо сложнее. Как и в случае с гимназиями, учебный план уездного училища был гораздо шире, чем в екатерининских малых народных училищах. Помимо приобретения навыков чтения, письма, счета (которые переходили в учебный план приходского училища), в уездном училище между двумя учителями распределялись такие предметы, как Закон Божий, Священная история, грамматика, арифметика, всеобщая и русская история и география, геометрия, естествознание, физика и рисование. Поэтому вопрос с подбором учительских кадров в уездах стоял острее, чем в губерниях, где уездные училища, учреждаемые из двух нижних классов главного народного училища, как правило, открывались одновременно с преобразованием гимназий.

В 1802 г. в 114 уездах будущего Московского учебного округа, включая Москву, действовало 75 малых народных школ[9]. Казалось, что создать из малого училища уездное будет легче, чем открыть новое. Но даже имея возможность перейти на штатное финансирование, далеко не все малые народные училища за 14 лет смогли начать обучение по новому плану.

Московская губерния включала в себя 13 уездов и в девяти из них к началу реформы существовало малое народное училище. Через два месяца после преобразования главного народного училища в гимназию в Москве открылось уездное училище, а затем постепенно они стали открываться и в других уездных городах. Как и в случае с гимназиями, процесс

[9] Ведомость о числе народных училищ, пансионов, учителей и учеников в Российской Империи за 1802 год // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 286–294 об.

преобразования малых школ в уездах ограничился периодом 1804–1806 гг., что еще раз показывает особую заботу Муравьева о внедрении училищного устава в жизнь. Единственное не преобразованное училище долгое время сохранялось в Клину, а в Богородске, Бронницах и Подольске никаких учебных заведений пока не было совсем[10].

Особая ситуация со школами существовала в Москве. При составлении предварительной сметы расходов, члены Правления уравняли и Петербург, и Москву с остальными городами империи, запланировав выделение государственных средств только на одно уездное училище. Все остальные учебные заведения (а только в Москве к этому времени существовало 17 малых народных школ)[11] должны были содержаться за счет сумм из приказов общественного призрения и денег, выделяемых городскими обществами. Если в столице довольно скоро удалось добиться выделения дополнительного бюджетного финансирования (см. далее), то сделать это в Москве довольно долго не получалось. Еще летом 1804 г. Муравьев обратился к министру народного просвещения с просьбой преобразовать четыре частных московских училища (Никитское, Алексеевское, Петропавловское и Богоявленское)[12] в уездные «сверх штата» и определить на них «положенные суммы из государственных доходов, по причине недостатка сумм, отпускаемых на народные училища от московского приказа общественного призрения»[13]. Завадовский не стал делать для Москвы никаких исключений, посчитав, что Московская городская дума должна принять на себя содержание

[10] По словам Голенищева-Кутузова «в уездных городах Клину, Подольске, Богородске, Бронницах, Рузе и Звенигороде, по малому числе жителей и потому, что они по недостаточному своему состоянию и по худым промыслам отправляют детей своих с малолетства в Москву, довольно учредить до времени одни приуготовительные училища». Представление П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 1 декабря 1810 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 114. Л. 2.

[11] А также в Москве действовали 14 домашних иностранных пансионов // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 286 об.

[12] Малые народные училища, расположенные в частях города.

[13] Отношение М.Н. Муравьева гр. П.В. Завадовскому от 3 июня 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 29. Л. 1–1 об.

этих училищ «для очевидной пользы самого города учреждаемые»[14]. Не получив дополнительных средств, указанные учебные заведения так и остались на степени малых народных. В 1809 г. уже новый попечитель гр. А.К. Разумовский напомнил министру о просьбе своего предшественника, предложив почти в три раза уменьшить сумму их содержания, запрашиваемую из доходов города[15]. Но и повторное обращение не принесло положительного результата – городское общество отказалось принять на себя дополнительный расход[16]. Оставался единственный выход – получить одобрение императора на использование пока невостребованной до конца училищной суммы Московской губернии. Объяснив, что «город сей один содержит в себе почти столько же жителей, сколько оных находится во всех прочих его уездах, и число желающих и имеющих нужду учиться, несравненно превышает число таковых во всех уездных городах вместе», министр испросил и получил разрешение на получение директором московских училищ полной штатной суммы, положенной на гимназию и 13 уездных училищ (при имеющихся девяти), которую можно было бы перераспределять на учебные заведения по необходимости, «не выходя токмо из ограниченности общей суммы»[17]. Но несмотря на то, что московские малые народные школы таким образом смогли пользоваться дополнительными финансовыми средствами, сверхштатных уездных училищ в столице округа не появилось.

---

[14] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. В.П. Кочубею от 16 июня 1804 г. // Там же. Л. 2 об.

[15] Попечитель передал министру мнение членов Училищного комитета, которые на основании визитаторских донесений сделали вывод, что четырем московским училищам хватит прибавки в 2000 руб. для начала обучения по учебному плану уездных училищ, поскольку не будет нужды в наличии отдельных штатных смотрителей. Отношение гр. А.К. Разумовского гр. П.В. Завадовскому от 3 мая 1809 г. // Там же. Л. 3–3 об.

[16] РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 115. Дело об отклонении приказом общественного призрения просьбы частных московских училищ об увеличении отпуска средств на их содержание.

[17] Всеподданнейший доклад гр. А.К. Разумовского от 9 декабря 1810 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 5. Л. 151–154 об.

Таблица 4. Уездные училища Московской губернии[18].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Москва	15 марта 1804 г.
2	Коломна	22 мая 1805 г.
3	Серпухов	28 мая 1805 г.
4	Верея	1 июня 1805 г.
5	Дмитров	21 ноября 1805 г.
6	Можайск	5 ноября 1806 г.
7	Волоколамск	6 ноября 1806 г.
8	Звенигород	12 ноября 1806 г.
9	Руза	10 декабря 1806 г.

Владимирская губерния включала в себя 13 уездов[19], в десяти из которых уездные училища должны были содержаться за счет государственных доходов. По сведениям Комиссии о народных училищах, к 1802 г. в губернии действовало 3 малых народных училища, которые вскоре после утверждения училищного устава были преобразованы по новому плану. В Александрове, Вязниках, Гороховце, Коврове, Меленках, Покрове, Судогде, Шуе, Юрьеве-Польском к 1817 г. уездные училища открыты не были.

Таблица 5. Уездные училища Владимирской губернии[20].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Владимир	18 декабря 1804 г.
2	Суздаль	2 марта 1805 г.

[18] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 7.

[19] ПСЗ. 1778 г. № 14787 (разделение на 14 уездов). 1796 г. № 17702 (разделение на 10 уездов). 1803 г. № 20774 (восстановление еще 3 уездов).

[20] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 7 об.

3	Муром	15 марта 1805 г.
4	Переславль-Залесский	30 марта 1805 г.

Вологодская губерния включала в себя 10 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. в губернии находилось три малых народных школы, в 1805 г. открылась еще одна в Яренске, и постепенно все они были преобразованы по новому плану. В Вельске, Грязовце, Кадникове, Никольске, Усть-Сысольске к 1817 г. уездные училища открыты не были.

Таблица 6. Уездные училища Вологодской губернии[21].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Вологда	12 ноября 1804 г.
2	Великий Устюг	2 апреля 1805 г.
3	Тотьма	2 апреля 1805 г.
4	Сольвычегодск	14 мая 1805 г.
5	Яренск	29 мая 1808 г.

Калужская губерния включала в себя 11 уездов, в двух из них к 1802 г. существовали малые народных школы – в Боровске и Козельске. Калужское уездное училище было открыто одновременно с гимназией, а дальше преобразование учебных заведений замедлилось. После открытия Боровского уездного училища в губернии были основаны еще пять малых народных училищ – в Мещовске (1810), Серпейске (1811), Жиздре (1812), Малоярославце (1814) и Мосальске (1815), и только Мещовское училище в рассматриваемый период было преобразовано по новому плану. В Жиздре,

[21] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 8.

Козельске, Лихвине, Малоярославце, Медыни, Мосальске, Перемышле, Тарусе к 1817 г. уездные училища открыты не были.

Таблица 7. Уездные училища Калужской губернии[22].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Калуга	30 августа 1804 г.
2	Боровск	21 ноября 1808 г.
3	Мещовск	20 декабря 1814 г.

Костромская губерния включала в себя 12 уездов, и по сведениям Комиссии о народных училищах к 1802 г. в них действовало 5 малых народных училищ, из которых только Нерехтское и Галичское в первые годы реформы были преобразованы в уездные. В Чухломе, Кинешме и Макарьеве продолжали действовать малые народные школы, и помимо них, уездные училища к 1817 г. отсутствовали в городах Буй, Варнавин, Ветлуга, Кологрив, Солигалич и Юрьевец.

Таблица 8. Уездные училища Костромской губернии[23].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Кострома	6 марта 1805 г.
2	Нерехта	10 марта 1805 г.
3	Галич	15 марта 1805 г.

[22] Даты открытия уездных училищ в Калуге и Боровске приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 7 об.; дата открытия уездного училища в Мещовске взята из отношения П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 15 февраля 1815 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 227. Л. 7.

[23] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 8 об.

Рязанская губерния включала в себя 12 уездов, в каждом из которых к 1802 г. имелось одно малое народное училище (кроме Рязани, где была главная народная школа и два пансиона), однако преобразовать по новому плану в рассматриваемый период удалось только четыре. В Егорьевском, Михайловском, Раненбургском, Ряжском, Сапожковском и Спасском уездах обучение велось по прежнему уставу, а в Данкове и Пронске народные школы были вообще закрыты. Соответственно, к 1817 г. уездные училища отсутствовали в Данкове, Егорьевске, Михайлове, Пронске, Раненбурге, Ряжске, Сапожке, Спасске.

Таблица 9. Уездные училища Рязанской губернии[24].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Рязань	22 февраля 1805 г.
2	Зарайск	2 августа 1806 г.
3	Касимов	25 сентября 1806 г.
4	Скопин	13 декабря 1808 г.

Смоленская губерния включала в себя 12 уездов, к 1802 г. в них находилось семь народных школ, четыре из которых были преобразованы в уездные училища. В Бельском, Дорогобужском и Сычевском уездах сохранялись малые народные училища, и таким образом к 1817 г. в городах Белом, Дорогобуже, Духовщине, Ельне, Красном, Сычевке, Юхнове уездные училища отсутствовали.

Таблица 10. Уездные училища Смоленской губернии[25].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища

[24] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 8 об.

[25] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 8.

1	Смоленск	17 декабря 1804 г.
2	Рославль	18 марта 1805 г.
3	Гжатск	12 ноября 1805 г.
4	Поречье	22 июля 1806 г.
5	Вязьма	12 марта 1809 г.

Тверская губерния включала в себя 12 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. По сведениям Комиссии о народных училищах, к 1802 г. в губернии действовало 9 народных школ[26], большинство из которых были преобразованы по новому плану вскоре после утверждения училищного устава. В Весьегонске, Зубцове, Корчеве, Старице к 1817 г. уездных училищ не существовало.

Таблица 11. Уездные училища Тверской губернии[27].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Тверь	4 февраля 1804 г.
2	Кашин	12 марта 1805 г.
3	Бежецк	19 марта 1805 г.
4	Калязин	19 марта 1805 г.
5	Торжок	26 марта 1805 г.
6	Осташков	26 марта 1805 г.
7	Ржев	28 марта 1805 г.
8	Вышний Волочек	2 апреля 1805 г.

[26] Сведений о дальнейшем существовании народной школы в Старице и школы при Вышневолоцкой конторе водяных коммуникаций нет. Также в Твери находилось дворянское училище и два домашних иностранных пансиона.

[27] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 7 об.–8.

Тульская губерния включала в себя 12 уездов, но только в трех из них к 1805 г. появились уездные училища – Тульское после преобразования гимназии, а Одоевское и Белевское возникли из малых народных. В городах Алексине, Богородицке, Веневе, Епифани, Ефремове, Кашире, Крапивне, Новосиле и Черни к 1817 г. уездные училища отсутствовали.

Таблица 12. Уездные училища Тульской губернии[28].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Тула	1 февраля 1805 г.
2	Одоев	17 мая 1805 г.
3	Белев	28 мая 1805 г.

Ярославская губерния включала в себя 10 уездов, по сведениям Комиссии о народных училищах к 1802 г. в губернии действовало 8 народных школ (одна из них – в заштатном городе Петровске Ростовского уезда). Преобразовать по новому плану удалось только три учебных заведения, в Любиме, Мологе, Пошехонье, Романове и Угличе продолжали действовать малые народные училища, и соответственно, уездные училища к 1817 г. отсутствовали не только там, но также в Данилове и Мышкине.

Таблица 13. Уездные училища Ярославской губернии[29].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Ярославль	15 мая 1805 г.
2	Ростов	23 марта 1808 г.
3	Рыбинск	29 марта 1808 г.

[28] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 7 об.

[29] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Краткая ведомость о состоянии учебных заведений, в Московском округе находящихся за 1813 г. // Там же. Л. 8 об.

Таким образом, в Московском учебном округе за первые 15 лет с момента принятия «Предварительных Правил народного просвещения» по новому плану было открыто 10 губернских гимназий и 47 уездных училищ, и если гимназия действовала в каждой губернии округа, то уездных училищ было основано в два раза меньше, чем планировалось. Большинство учебных заведений было преобразовано в первые годы реформы – в период попечительства М.Н. Муравьева, шесть училищ открыты в 1808–1809 гг. при попечителе гр. А.К. Разумовском, и только одно (в Мещовске Калужской губернии) – в период попечительства П.И. Голенищева-Кутузова. Конечно, нужно учитывать, что серьезный урон школьному делу был нанесен наполеоновским нашествием, в период которого пострадала и столица, и западные губернии округа – был остановлен учебный процесс, разрушены или пострадали от пожара школьные здания, уничтожены книги и учебные пособия. Но закономерный процесс восстановления образовательных учреждений, облегченный новой волной пожертвований на учебные заведения[30], не заставил завершить дело преобразования, так активно начатое в 1804–1805 гг., и в уездах Московского учебного округа на прежнем основании продолжали существовать 23 малых народных школы[31].

5.1.2. Санкт-Петербургский учебный округ

В столичном учебном округе, в отличие от Московского, преобразование средних учебных заведений происходило гораздо медленнее. 7 сентября 1805 г. была основана Санкт-Петербургская гимназия, но еще до ее торжественного открытия временно исполняющий обязанности попечителя округа гр. П.А. Строганов представил на рассмотрение товарища министра народного просвещения и членов Главного Правления училищ новый штат для гимназий и училищ Санкт-Петербургской губернии. Несмотря на то, что

[30] *Эйнгорн В.* Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения в 1812 г. // ЧОИДР. 1912. № 4. С. 1–99.

[31] Без училищ самой Москвы.

столичная губерния относилась по географическому положению к первому разряду и на ее учебные заведения из казны должно было отпускаться повышенное содержание[32], директор училищ, «сообразив хозяйственным образом суммы на содержание училищ назначаемые с издержками, каких оное требует, и с местным положением сей столицы, так и уездных городов»[33], еще больше увеличил планируемые расходы на содержание средних учебных заведений губернии, включив туда не только гимназию и уездные училища, но и приходские училища (на которые государственного финансирования вообще не полагалось). Просьба Строганова была удовлетворена, и 24 июня 1805 г. всеподданнейший доклад министра был высочайше конфирмован. Стоит обратить внимание, что несмотря на значительное повышение суммы на содержание гимназии (по новому штату – 10.755 руб.), казенные расходы почти не выросли, а увеличение штата компенсировалось за счет денег, получаемых из приказа общественного призрения и городской думы[34].

Преобразование Псковского и Новгородского главных народных училищ в губернские гимназии происходило в присутствии попечителя округа Н.Н. Новосильцева. 2 июня состоялся праздничный акт открытия Псковской, а 9 июня 1808 г. – Новгородской гимназии. Ученики главных народных училищ были проэкзаменованы попечителем и им же наиболее способные отобраны для дальнейшего обучения в гимназии[35]. Основание гимназии в Петрозаводске (губернский город Олонецкой губернии) растянулось по

---

[32] На одну гимназию первого разряда из казны выделялось 6.650 руб.

[33] Отношение гр. П.А. Строганова М.Н. Муравьеву от 14 июня 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 23. Л. 9 об.

[34] Общая сумма на гимназию, уездные и приходские училища по новому штату составляла 71.350 руб., из них из государственного казначейства отпускалось 24.500 руб., от приказа – 21.000 руб., и из городской думы – 25.000 руб. О содержании гимназии, уездных и приходских училищ Санкт-Петербургской губернии // Сборник постановлений… Стб. 418–419. По штату 1804 г. на гимназию и 11 уездных училищ Санкт-Петербургской губернии планировалось выделять из казны 24.250 руб.

[35] Из 95 учеников Псковского главного народного училища в гимназию переведены 22 человека. Отношение Н.Н. Новосильцева гр. П.В. Завадовскому от 7 июня 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 66. Л. 1.; в Новгородскую гимназию попечитель определил 19 учеников. Отношение Н.Н. Новосильцева гр. П.В. Завадовскому от 16 июня 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 65. Л. 1.

времени: официально датой преобразования считается 1 августа 1808 г., когда туда приехали выпускники Санкт-Петербургского Педагогического института, но ее торжественное открытие произошло спустя три года, 15 ноября 1811 г. в присутствии профессора Д.П. Лодия, обозревавшего в это время училища Архангельской и Олонецкой губерний[36]. Архангельская гимназия была преобразована 1 сентября 1811 г.[37]

В 1802 г. в 41 уезде будущего Санкт-Петербургского учебного округа действовало 5 главных и 40 малых народных училищ[38]. Процесс их преобразования в уездные столкнулся с теми же сложностями, что и в Московском округе: отсутствие подготовленных учителей, плохое состояние училищных домов, скудные выплаты из приказов общественного призрения и городских дум. Ситуацию осложняло еще и то, что в Санкт-Петербурге не было университета, а значит и Училищного комитета, призванного следить за развитием среднего и начального образования в округе. Не хватало и инициативы попечителя – Н.Н. Новосильцев часто отсутствовал в столице, особенно в период войны с Францией, и его заменял гр. П.А. Строганов. Но, в отличие от Муравьева, который обращался за казенным содержанием на уездное училище только после его преобразования, и Новосильцев, и Строганов, и впоследствии С.С. Уваров часто получали денежные средства из училищного капитала еще до преобразования учебных заведений.

В ноябре 1803 г. попечитель решил «сделать заблаговременно примерное расписание» училищам столичной губернии[39]. По сведениям

---

[36] Описание торжественного открытия Олонецкой гимназии находится в отношении попечителя округа С.С. Уварова министру гр. А.К. Разумовскому от 6 ноября 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–2 об.

[37] Подробнее о состоянии гимназий в Олонецкой и Архангельской губерниях см.: *Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: дис… докт. истор. наук. М., 2018.

[38] Ведомость о числе народных училищ, пансионов, учителей и учеников в Российской Империи за 1802 год // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 286–294 об.

[39] Отношение Н.Н. Новосильцева гр. П.В. Завадовскому от 11 ноября 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 5. Л. 1.

Комиссии о народных училищах, к 1802 г. в губернии существовало два главных народных училища в Санкт-Петербурге и Гатчине, 12 частных малых народных училищ в столице и 11 малых народных училищ по уездам[40]. По плану Новосильцева в Санкт-Петербурге должна была располагаться губернская гимназия, а в тех городах, где находились малые народные училища, их необходимо было преобразовать в уездные (за исключением самого Санкт-Петербурга и Нарвы). Таким образом, в восьми уездах Санкт-Петербургской губернии[41] планировалось иметь 11 уездных училищ, в которых преподавание будет вестись по Уставу 1804 г., что и было зафиксировано в штате учебных заведений[42]. Также в столице на прежнем основании оставались пять малых народных училищ с приходским классом и еще отдельно 9 приходских школ[43]. В 1805 г. граф Строганов, как уже было отмечено, инициировал увеличение штатного расписания на училища губернии и добился того, чтобы «суммы, следующие на гимназию и училища, как уездные, так и здешние (имеется в виду – в столице), употреблять совокупно, и в случае надобности заменять одну другою, не выходя токмо из ограниченности общей суммы»[44]. Таким образом, уже в 1805 г. директор училищ Санкт-Петербургской губернии получил возможность использовать училищный капитал на все имеющиеся школы.

---

[40] Ведомость о числе народных училищ, пансионов, учителей и учеников в Российской Империи за 1802 год // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 286. Помимо вышеуказанных учебных заведений в ведомости еще упоминается Учительская гимназия (с 1804 г. – Педагогический институт), главное немецкое училище и 21 частный немецкий пансион в Санкт-Петербурге.

[41] О восстановлении разных Присутственных мест и о штатном положении Санкт-Петербургской и Московской губерний // ПСЗ. 1802. № 20.143. С. 41–45.

[42] О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России // Сб. постановлений… Ст. 30–37. Штаты и приложения. С. 16–18.

[43] Годовое расписание содержанию губернской гимназии и уездных училищ в Санкт-Петербургской губернии; Годовое расписание содержанию народных училищ в Санкт-Петербурге // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 5. Л. 2–7 об.

[44] О содержании гимназии, уездных и приходских училищ Санкт-Петербургской губернии // Сборник постановлений… Штаты и приложения. С. 18. В 1810 г. Голенищев-Кутузов будет ссылаться именно на это постановление при обращении к министру народного просвещения по поводу московских училищ.

Но даже имея полное штатное финансирование, провести преобразование всех намеченных учебных заведений не получилось. По данным попечительских отчетов в столице к 1817 г. существовало пять уездных училищ и 11 одно-двухклассных школ на уровне малого народного или приходского. В уездных городах (Гдов, Луга, Новая Ладога, Ораниенбаум, София (с 1808 г. – Царское Село), Шлиссельбург, Ямбург), а также в Кронштадте, Гатчине[45], Петергофе и Красном селе продолжали действовать малые народные училища (Нарвское училище исчезает из отчетов с 1812 г.).

Таблица 14. Уездные училища Санкт-Петербургской губернии[46].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Санкт-Петербург	7 сентября 1805 г.
2	Пантелеймонское уездное училище в Санкт-Петербурге	23 мая 1786 г.[47]
3	Владимирское уездное училище в Санкт-Петербурге	21 августа 1781 г.
4	Андреевское уездное училище в Санкт-Петербурге	26 августа 1781 г.
5	Введенское уездное училище в Санкт-Петербурге	26 августа 1781 г.

[45] В отчете попечителя за 1812 г. Гатчинское училище уже указано как малое народное, состоящее из двух классов, «в коих обучают всем предметам приходского училища, по правилам содержащимся в руководстве учителям 1 и 2 классов». Ведомость о гимназии, уездных и приходских училищах Санкт-Петербургской губернии по учебной части за 1812 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 85. Л. 24.

[46] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о гимназии, уездных и приходских училищах Санкт-Петербургской губернии по учебной части за 1812 г. // Там же. Л. 19–25.

[47] «Как в сем Пантелеймонском, так и в следующих Владимирском, Андреевском и в Введенском училищах находится по 4 класса, из коих в первых двух обучают предварительным для уездного училища познаниям, а в 3 и 4 предметам означенным в § 85 Устава учебных заведений и немецкому языку» // Там же. Л. 20. В ведомости об учебных заведениях в Санкт-Петербургском учебном округе за 1818 г. эти училища также указаны как уездные // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 315. Л. 188–192.

Архангельская губерния включала в себя 8 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. в губернии находилось три народных школы, и только одна из них в Архангельске была преобразована в уездное училище одновременно с гимназией. Таким образом к 1817 г. в городах Кемь, Кола, Мезень, Онега, Пинега, Холмогоры, Шенкурск уездные училища отсутствовали, в Холмогорах, Мезени, а также в Онеге (открыто 3 июня 1806 г.) и Шенкурске (открыто 12 марта 1810 г.)[48] продолжали существовать малые народные школы.

Таблица 15. Уездные училища Архангельской губернии[49].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Архангельск	2 сентября 1811 г.

Олонецкая губерния включала в себя 7 уездов, и в четырех из них к 1802 г. по сведениям Комиссии о народных училищах, существовали малые народные школы. Вскоре после преобразования гимназии эти училища были также преобразованы по новому плану, а вот в Лодейнопольском, Повенецком и Пудожском уездах к 1817 г. уездных училищ не появилось.

Таблица 16. Уездные училища Олонецкой губернии[50].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Петрозаводск	1 августа 1808 г.
2	Вытегра	4 августа 1808 г.
3	Каргополь	1 сентября 1810 г.

[48] Ведомость об учебных заведениях в Архангельской губернии находящихся за 1812 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 85. Л. 39.

[49] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 127.

[50] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о состоянии гимназии, уездных и приходских училищ Олонецкой губернии за 1812 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 85. Л. 43–47.

4	Олонец	1 сентября 1810 г.

Новгородская губерния включала в себя 10 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. в губернии находилось семь народных школ (одно главное и шесть малых). Новгородское уездное училище было преобразовано, как и гимназия, в присутствии попечителя округа Н.Н. Новосильцева, который после возвращения в Петербург обратился к министру и членам Правления с просьбой выплачивать жалование учителям малых народных училищ Новгородской и Псковской губерний из училищного капитала, поскольку они «претерпевают крайнюю бедность, особливо ж по нынешней чрезмерной дороговизне съестных припасов, что самыя училища нуждаются в учебных пособиях, и что городския общества, по скудости своих доходов, ни в состоянии ни умножить жалованье учителям, ни отпускать денег на покупку учебных пособий»[51]. Ходатайство попечителя было удовлетворено, но намерение «положить начало образованию в сей губернии уездных училищ» будет выполнять уже его преемник. С 1 января 1812 г. 8 малых училищ Новгородской (к шести малым училищам, существовавшим до начала реформы, в 1806 г. прибавились такие же в Кириллове и Череповце) и 5 училищ Псковской губернии начали получать из государственного казначейства полную штатную сумму, положенную на уездные училища, в виду того, что они готовятся к открытию[52]. И хотя этот процесс растянулся во времени, народные школы Новгородской и Псковской губерний продолжали использовать на свое содержание училищный капитал. К 1817 г. в Новгородской губернии действовали четыре уездных училища, в Крестецком уезде школ не было совсем, а в уездных городах Валдай, Кириллов, Тихвин, Устюжна и Череповец продолжали существовать малые народные училища.

[51] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 11 февраля 1809 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

[52] Отношение гр. А.К. Разумовского С.С. Уварову от 22 декабря 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 126. Л. 7–7 об.

Таблица 17. Уездные училища Новгородской губернии[53].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Новгород	9 июня 1808 г.
2	Старая Русса	1 января 1809 г.
3	Белозерск	4 сентября 1813 г.
4	Боровичи	16 августа 1813 г.[54]

Псковская губерния включала в себя 8 уездов, к 1802 г. в ней действовало 6 народных школ, из них четыре (в Пскове, Порхове, Великих Луках и Торопце) были преобразованы в уездные училища благодаря выделению штатных сумм задолго до их открытия, а для основания учебных заведений по Уставу 1804 г. в Новоржевском и Холмском уездах большую финансовую помощь оказали почетные смотрители этих школ[55]. К 1817 г. не преобразованными остались малые народные училища в Опоческом и Островском уздах.

Таблица 18. Уездные училища Псковской губернии[56].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Псков	2 июня 1808 г.
2	Порхов	3 января 1814 г.
3	Великие Луки	13 января 1814 г.
4	Торопец	21 января 1814 г.
5	Новоржев	29 января 1814 г.
6	Холм	17 февраля 1815 г.

[53] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о состоянии учебных заведений Новгородской губернии от 24 сентября 1817 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 195. Л. 2–4.

[54] В отношении С.С. Уварова гр. А.К. Разумовскому от 20 ноября 1813 г. сказано, что училище открыто в сентябре 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 126. Л. 40.

[55] Отношение С.С. Уварова гр. А.К. Разумовскому от 24 января 1813 г. // Там же. Л. 12–13.

[56] Даты открытия уездных училищ приведены в отношениях попечителя С.С. Уварова министру народного просвещения гр. А.К. Разумовскому // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 126. Л. 52–83.

Таким образом, в Санкт-Петербургском учебном округе за первые 15 лет с момента принятия «Предварительных Правил народного просвещения» по новому плану было открыто 5 губернских гимназий и 20 уездных училищ, и если гимназия действовала в каждой губернии округа, то уездных училищ не хватало в половине уездов (из 41 уезда они были открыты в 16-ти). Конечно, положение столицы по количеству имеющихся образовательных учреждений было исключительным, в Санкт-Петербурге уже в екатерининское время было открыто значительное количество различного рода училищ, но занятость попечителя другими делами, а также отсутствие Училищного комитета сильно тормозили проведение реформы. И если отсутствие училищ по новому плану в Архангельской губернии можно объяснить ее малочисленностью и достаточно суровыми климатическими особенностями, то затягивание с преобразованием школ в уездах Санкт-Петербургской губернии отсутствием желающих учиться объяснить нельзя. Попечители предпочли сохранить в столичной губернии малые народные училища с одним или двумя учителями, преподающими в большей степени предметы уровня приходского училища (11 таких школ существовали в Санкт-Петербурге и еще 11 – в уездных городах). Только Псковская губерния выгодно выделялась среди остальных губерний округа: стараниями попечителя Уварова и директора училищ Псковской губернии по новому плану открылись шесть из восьми необходимых уездных училищ, и лишь в оставшихся двух уездах преподавание сохранялось на прежнем положении.

5.1.3. Харьковский учебный округ

Харьковский учебный округ, включавший в себя территории девяти губерний и двух областей, немного отставал от Московского по темпу преобразования главных народных училищ в гимназии. Первой по времени преобразования стала Черниговская гимназия, начавшая обучение по новому плану 17 января 1805 г. Вскоре после нее открылась гимназия в Черкасске,

столице Области войска Донского. Важно отметить, что в южных губерниях особенно чувствовался энтузиазм местной администрации и жителей, с которым встречалось известие о увеличении внимании правительства к народному просвещению. Так, директор Новгород-Северского училища, узнав об учреждении Министерства народного просвещения, и о том, что его главной целью должно стать основание университетов, предложил открыть одно из предполагаемых высших училищ в Новгород-Северске[57]. Генерал-губернатор Малороссийских губерний (Черниговской и Полтавской) кн. А.Б. Куракин обратился в 1803 г. к императору с просьбой перевести содержание гимназий полностью на городские доходы, но не сразу, а спустя три года, которые нужны были для постройки приличных училищных домов[58]. Главноуправляющий в земле Донских казаков генерал М.И. Платов также предложил принять на иждивение войсковой канцелярии обеспечение гимназии, уездного училища и «других уездных, если образование оных будет необходимо в войске Донском по мере умножения числа учащихся»[59]. Конечно, далеко не всегда эти инициативы действовали продолжительное время – так, например, уже в 1805 г. кн. Куракин объясняя, что из городских доходов оплачивается работа по строительству учебных помещений гимназий, просил взять их полное содержание на казну[60]. Но атаман Платов от своих намерений не отказался, и Черкасская гимназия была торжественно открыта 11 июля 1805 г. в присутствии профессора Харьковского университета И.Ф. Тимковского, генералитета, штаб-офицеров и местного населения. Описание праздничных мероприятий было совершенно схожим с торжественными актами в других учебных округах: пышное шествие в соборную церковь «с

[57] Представление И. Халанского гр. П.В. Завадовскому от 18 октября 1802 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 2. Л. 4–4 об.

[58] Отношение гр. В.П. Кочубея гр. П.В. Завадовскому от 4 апреля 1803 г. // Ф. 733. Оп. 49. Д. 20. Л. 1–1 об.

[59] Представление Н.Н. Новосильцева гр. П.В. Завадовскому от 20 апреля 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 40. Л. 1 об.

[60] Отношение кн. А.Б. Куракина гр. П.В. Завадовскому от 4 марта 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 20. Л. 7–8.

церковными хоругвями и образами», проповедь после Литургии «о выгодах народного просвещения», молебное пение о благоденствии «Великого Государя Императора и Его Всеавгустейшего Дома», окропление помещений святой водой, концерт, речи профессора – депутата от университета «о благословенном действии учения на все состояния», директора гимназии и учителей на иностранных языках и, конечно, обильное застолье[61]. По предложению Н.Н. Новосильцева, временно исполнявшего обязанности попечителя Харьковского учебного округа в связи с отъездом из России гр. С.О. Потоцкого, освободившаяся штатная сумма от учебных заведений в войске Донском была перенесена на содержание находившейся за штатом Одесской коммерческой гимназии, открывшейся 16 апреля 1804 г. В 1805 г. также были преобразованы гимназии в Екатеринославе (1 августа) и Харькове (3 сентября), а 1 сентября 1806 г. в Екатеринославском уезде появилась еще одна коммерческая гимназия в Таганроге.

Еще пять гимназий были преобразованы в 1808 – начале 1809 гг. К ним относилась Полтавская (2 февраля), Курская (23 февраля), Орловская (17 марта) и Воронежская (17 января 1809 г.) а также гимназия в Новгород-Северске (29 июня 1808 г.), которая первоначально не имела штатного содержания, поскольку располагалась в Черниговской губернии, где уже было открыто среднее учебное заведение[62]. Но после того как Завадовский, посетив главное народное училище в Новгород-Северске, нашел его «в наилучшем, какого желать можно, состоянии», было решено обратится к Александру I с просьбой «оставить училище сие в настоящем положении, не приводя его в низшую степень уездного училища, каковому бы в сем городе, по общему уставу быть надлежало» и обеспечить его казенным содержанием[63].

---

[61] Описание торжественному открытию гимназии войска Донского в Черкасске 11 июля 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 40. Л. 15–16 об.

[62] Новгород-Северский был в 1781–1796 гг. административным центром Новгород-Северского наместничества, поэтому там 11 февраля 1789 г. было открыто главное народное училище.

[63] Всеподданнейший доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 16 декабря 1805 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–38.

Последние по времени преобразования оказались Таврическая (1 сентября 1812 г.) и Херсонская гимназии (12 марта 1815 г.).

В 1802 г. в 99 уездах[64] будущего Харьковского учебного округа действовало 41 народное училище[65]. Слободско-Украинская губерния стала первой и единственной губернией Харьковского учебного округа (и других «внутренних» округов Российской империи), в которой в первые годы проведения образовательной реформы удалось открыть все уездные училища «на таком основании, какое потребно по новому плану учебных заведений». Члены Правления через попечителя изъявили Училищному комитету университета «признательность за особенное попечение его в устроении означенных училищ»[66]. Стоит отметить, что только пять из них были преобразованы из малых народных училищ (Харьковское, Ахтырское, Богодуховское, Сумское, Изюмское), все остальные уездные училища, в том числе и открывшееся в 1812 г. Чугуевское (заштатный город Змиевского уезда) были основаны сразу по Уставу 1804 г.

Таблица 19. Уездные училища Слободско-Украинской губернии[67].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Харьков	3 сентября 1805 г.
2	Богодухов	4 марта 1806 г.
3	Волчанск	23 сентября 1806 г.
4	Ахтырка	16 декабря 1806 г.
5	Сумы	20 декабря 1806 г.
6	Лебедин	23 декабря 1806 г.

[64] К 1806 г. количество уездов увеличится на 3 и Харьковский округ будет включать в себя 102 уезда.

[65] Расписание, в которых городах по губерниям Российской Империи открыты народные училища, и в которых еще не открыты // РГИА. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–37 об.

[66] Журнал Главного Правления училищ № 10 от 17 октября 1807 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 130 об.

[67] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 8 об.

7	Змиев	2 февраля 1807 г.[68]
8	Купянск	10 февраля 1807 г.
9	Валки	15 декабря 1807 г.
10	Изюм	1808 г.
11	Чугуев	25 августа 1812 г.

Как и в других учебных округах, учебные заведения Харьковского округа остро нуждались в удобных помещениях для занятий и учительских квартир. Училищный комитет университета не раз обращался к министру с просьбой повлиять на местное начальство, чтобы оно выделяло необходимые сверхштатные средства на содержание училищ, поскольку «кроме Слободско-Украинской, в которой училища снабжены уже нужными домами и сверхштатными суммами, все прочие губернии: Екатеринославская, Курская, Орловская, Воронежская, Херсонская и Таврическая[69], также земли войска Донского и войска Черноморского терпят в обоих отношениях больший или меньший… недостаток, об отвращении коего Комитет сколько не предпринимал мер, ходатайством у гражданских начальств, как от университета, так и чрез директоров, но все покушения оставались тщетными, даже и там, где некоторые градские общества сами, как например, по Орловской губернии, расположены вспомоществовать училищам, определением на оные некоторой части градских сумм, но не получают от гражданского начальства утверждения»[70]. Как видно, именно то, что городские общества Слободско-Украинской губернии смогли предоставить училищные дома для размещения в них уездных училищ и исправно выделяли

[68] Дата из донесения Училищного комитета об открытии училища в Змиеве // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 86. Л. 1.

[69] Сложная ситуация с училищными помещениями в Малороссийских Полтавской и Черниговской губерниях была описана Комитетом в другом отношении // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 143. Л. 1–6.

[70] Представление Училищного комитета Харьковского университета гр. А.К. Разумовскому от 10 февраля 1812 г. // Там же. Л. 14–14 об.

деньги на их содержание привело к тому, что все запланированные школы были открыты достаточно быстро.

Воронежская губерния включала в себя 13 уездов, и по сведениям Комиссии о народных училищах, к 1802 г. в губернии действовало 6 народных школ, но только две из них были преобразованы в уездные училища. В Бирюче, Боброве, Валуйках и Павловске продолжали действовать малые народные училища (хотя в Валуйках уже были наняты учителя, и оно готовилось к преобразованию), и в этих уездах, как и в Богучарском, Задонском, Землянском, Коротоякском, Нижнедевицком, Новохоперском, Старобельском уездные училища к 1817 г. отсутствовали.

Таблица 20. Уездные училища Воронежской губернии[71].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Воронеж	17 января 1809 г.
2	Острогожск	1 октября 1808 г.

Екатеринославская губерния была образована в 1802 г. (составляла часть упраздненной Новороссийской губернии) и состояла из шести уездов[72], в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. существовала только одна народная школа в Екатеринославе (Новороссийске), которая была преобразована по новому плану одновременно с губернской гимназией. В Павлограде, Новомосковске, Александровске и Бахмуте уездные училища были основаны сразу в соответствии с училищным уставом, а в 1806 г. к ним добавилось училище, открытое при Таганрогской коммерческой гимназии (город не имел уездного статуса). К 1817 г. уездные училища отсутствовали только в Верхнеднепровске и Славяносербске.

[71] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 11–11 об.

[72] В 1806 г. Екатеринославскую губернию разделили на 8 уездов // ПСЗ. 1806 г. № 22165.

Таблица 21. Уездные училища Екатеринославской губернии[73].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Екатеринослав	1 августа 1805 г.
2	Павлоград	15 июля 1806 г.
3	Таганрог	1 сентября 1806 г.
4	Новомосковск	8 ноября 1807 г.
5	Александровск	12 марта 1808 г.
6	Бахмут	20 июля 1808 г.

Курская губерния включала в себя 15 уездов, и в девяти из них к 1802 г. существовали народные школы, причем в губернской столице было два училища – и главное, и малое. Школы в Курске, Короче, Судже, Рыльске и Путивле удалось преобразовать, а сразу по училищному уставу были основаны учебные заведения в Фатеже, Новом Осколе, Хотмыжске и Льгове. В Старом Осколе, Путивле, Щиграх, Дмитриеве на Свапе продолжали существовать малые народные училища (в последнем малая народная школа откроется в 1803 г.), и в этих городах, как и в Тиму, к 1817 г. уездных училищ не было.

[73] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 9–9 об.

Таблица 22. Уездные училища Курской губернии[74].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Курск	23 февраля 1808 г.
2	Короча	16 января 1810 г.
3	Суджа	13 февраля 1810 г.
4	Рыльск	29 июня 1810 г.
5	Фатеж	12 ноября 1811 г.
6	Новый Оскол	1 февраля 1812 г.
7	Белгород	15 сентября 1812 г.[75]
8	Обоянь	22 сентября 1812 г.
9	Хотмыжск	1 октября 1814 г.
10	Льгов	1 мая 1817 г.

Орловская губерния включала в себя 12 уездов, и к 1802 г. в них действовало 9 народных школ, но только четыре из них в рассматриваемый период были преобразованы по новому плану, и еще одно в Кромах было сразу образовано как уездное. В Мценске, Ельце, Дмитровске, Трубчевске, Карачеве продолжали существовать малые народные школы, и таким образом как в них, так и в Ливнах и Малоархангельске[76] уездных училищ к 1817 г. не было.

Таблица 23. Уездные училища Орловской губернии[77].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища

[74] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // Там же. Л. 10–10 об.

[75] Дата открытия взята из донесения Училищного комитета Харьковского университета министру гр. А.К. Разумовскому от 5 октября 1812 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 172. Л. 1. В Д. 294. Л. 11 указана другая дата преобразования – 26 ноября 1814 г.

[76] Есть информация, что в селе Куракином (Малоархангельского уезда) было открыто уездное училище 6 февраля 1806 г., но в Д. 294 о нем не сказано.

[77] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 10 об.–11.

1	Орел	17 марта 1808 г.
2	Севск	4 декабря 1810 г.
3	Кромы	30 июня 1812 г.
4	Болхов	22 октября 1813 г.
5	Брянск	10 октября 1815 г.

Полтавская губерния включала в себя 15 уездов, но только в трех городах в конце XVIII в. были открыты народные школы (в Полтаве, Прилуках и Ромнах). В рассматриваемый период не только в них, но и всех остальных уездных городах Полтавской губернии будут образованы уездные училища, за одним только исключением (уездное училище в Золотоноше откроется 5 сентября 1820 г.).

Таблица 24. Уездные училища Полтавской губернии[78].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Кременчуг	16 сентября 1806 г.
2	Полтава	2 февраля 1808 г.
3	Ромны	22 июня 1808 г.
4	Кобеляки	24 мая 1808 г.
5	Прилуки	15 сентября 1812 г.
6	Лохвица	6 августа 1813 г.
7	Хорол	15 августа 1813 г.
8	Миргород	30 августа 1813 г.
9	Лубны	30 августа 1814 г.
10	Пирятин	8 сентября 1814 г.
11	Гадяч	25 апреля 1815 г.
12	Зеньков	1 октября 1815 г.

[78] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // Там же. Л. 9 об.–10.

13	Константиноград	29 июня 1816 г.
14	Переяслав	1 августа 1816 г.

Таврическая губерния была образована в 1802 г. и включала в себя 7 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. В это время в губернии действовало только одно народное училище в Симферополе, которое и будет преобразовано по новому плану (на три года раньше, чем будет преобразована Таврическая гимназия). Постепенно уездные училища будут основаны в Феодосийском, Днепровском (центр – г. Алешки), Мелитопольском (центр – г. Орехов) и Евпаторийском уездах, а Перекопский и Тмутараканский уезды до 1817 г. так и останутся без средних учебных заведений.

Таблица 25. Уездные училища Таврической губернии[79].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Симферополь	19 мая 1809 г.
2	Феодосия	15 апреля 1811 г.
3	Алешки	12 марта 1812 г.
4	Орехов	19 марта 1812 г.
5	Евпатория	3 октября 1815 г.

Николаевская (с 1803 г. – Херсонская) губерния была образована в 1802 г. (составляла вместе с Екатеринославской и Таврической территорию Новороссийской губернии) и состояла из четырех уездов[80], в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. Ко времени ее образования в губернии не было ни одной народной школы. Довольно долгое время

[79] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // Там же. Л. 12.

[80] В 1806 г. Херсонская губерния будет разделена на 5 уездов и к существовавшим Елисаветградскому, Ольвиопольскому, Тираспольскому и Херсонскому добавится Александрийский уезд // ПСЗ. 1806. № 22063.

коммерческая гимназия с училищем в Одессе и несколько частных пансионов оставались единственными учебными заведениями губернии. В 1810 г. Училищный комитет Харьковского университета отправил директора Екатеринославских училищ[81] в Херсонскую губернию «для заведения в городах оной училищ». В итоге было решено просить министра об ассигновании казенных средств на уездное училище в Елизаветграде и Тирасполе и «о переводе в Новомиргород штатной училищной суммы на заведение училища вместо уездного города Ольвиополя, где по малолюдству города и всегдашнему затруднению в доставлении жизненных припасов и строительных материалов, едва ли и чрез многие годы можно что-нибудь предпринять по части учебной»[82]. Завадовский дал свое согласие и уже в сентябре 1811 г. были открыты уездные училища в Елизаветграде и Новомиргороде, а также было открыто училище в столице войска Бургского – городе Вознесенске. Впоследствии были учреждены уездные училища в Тирасполе, Херсоне и Александрии, а также городское общество пожертвовало средства на открытие училища в заштатном городе Дубоссары, не имеющем возможности получать казенное содержание. Таким образом, к 1817 г. во всех пяти уездах будет действовать как минимум по одному училищу, и в том же году дворяне города Ольвиополя обратятся в Училищный комитет с просьбой вернуть им уездное училище, «временно» помещенное в Новомиргород[83].

Таблица 26. Уездные училища Херсонской губернии[84].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища

[81] Директор Екатеринославских училищ временно управлял учебными заведениями Херсонской губернии.

[82] Отношение гр. С.О. Потоцкого гр. А.К. Разумовскому от 24 ноября 1810 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 158. Л. 1–2.

[83] Рапорт директора училищ Херсонской губернии в Училищный комитет Императорского Харьковского университета от 10 ноября 1817 г. // Там же. Л. 44–45.

[84] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 11 об.–12.

1	Одесса	март 1806 г.
2	Елизаветград	5 сентября 1811 г.
3	Новомиргород (заштатный город Ольвиопольского уезда)	9 сентября 1811 г.
4	Вознесенск (заштатный город Ольвиопольского уезда)	15 сентября 1811 г.
5	Тирасполь	1 августа 1812 г.
6	Дубоссары (заштатный город Тираспольского уезда)	1812 г.
7	Херсон	24 ноября 1813 г.
8	Александрия	1 октября 1816 г.

Черниговская губерния включала в себя 15 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. По сведениям Комиссии о народных училищах, к 1802 г. в губернии действовало 6 народных школ (из них одна – в заштатном городе Погаре) и только четыре из них в рассматриваемое время были преобразованы по новому плану; школы в Стародубе и Погаре так и остались на степени малого народного училища. Еще в четырех уездах (Конотопском, Кролевецком, Городницком, Остерском) учебные заведения были сразу основаны по Уставу 1804 г. и, таким образом, к 1817 г. уездные училища отсутствовали в Борзне, Козельце, Мглине, Новозыбкове, Соснице, Стародубе и Сураже.

Таблица 27. Уездные училища Черниговской губернии[85].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Чернигов	6 марта 1805 г.

[85] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // Там же. Л. 8 об.–9.

2	Глухов	1 августа 1807 г.
3	Новгород-Северск	29 июня 1808 г.
4	Нежин	23 мая 1812 г.
5	Конотоп	19 декабря 1812 г.
6	Кролевец	23 сентября 1813 г.
7	Городня	12 ноября 1814 г.
8	Остер	14 ноября 1816 г.

На территории Земли войска Донского и земли Черноморских казаков планировалось открыть по одному уездному училищу, однако по желанию войскового начальства (и наличию необходимых денежных средств) можно было увеличить количество учебных заведений. Первым в Войске Донском было открыто уездное училище в станице Нижне-Чирской, торжественное открытие которой произошло «за несколько уже пред сим месяцев… и потому ученики во время бывшего при сем экзамена могли ответствовать довольно порядочно на некоторые вопросы учителей»[86]. Одновременно с гимназией в 1805 г. было образовано и уездное училище в Черкасске (24 октября 1809 г. оно будет переведено в Новочеркасск), а затем открыты еще три уездных училища. В Земле Черноморского войска, как и было запланировано, открылось одно уездное училище в Екатеринодаре.

Таблица 28. Уездные училища Земли Войска Донского[87].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	станица Нижне-Чирская	14 сентября 1804 г.
2	Черкасск	11 июля 1805 г.

[86] Отношение гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 14 октября 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 40. Л. 9–9 об.; Описание торжественного открытия в Нижней Чирской станице народного училища, 14 сентября 1804 г. // Там же. Л. 10–11.

[87] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 12–12 об.

3	2-е Донское	6 декабря 1807 г.
4	станица Усть-Медведицкая	1 июня 1808 г.
5	станица Алексеевская (Хоперское)	13 июня 1812 г.

Таблица 29. Уездные училища Земли Черноморских казаков[88].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Екатеринодар	1 августа 1807 г.

Таким образом, в Харьковском учебном округе за первые 15 лет с момента принятия «Предварительных Правил народного просвещения» по новому плану было открыто 11 губернских гимназий, две коммерческие гимназии в Одессе и Таганроге и 75 уездных училищ[89]. Число гимназий в округе даже превышало количество губерний, а число уездных училищ неуклонно росло и вместе с имеющимися малыми народными школами почти равнялось количеству уездов (75+15=90 училищ на 102 уезда). По интенсивности открытия уездных училищ в лучшую сторону выделялись Слободско-Украинская губерния (в 10 уездах 11 уездных училищ), Полтавская губерния (из 15 уездов в 14 были уездные училища), Херсонская губерния (в 5 уездах 8 уездных училищ) и Земля войска Донского, которая содержала гимназию и пять уездных училищ за собственные средства. Сильно отставала по темпу преобразования Воронежская губерния (в 13 уездах только 2 уездных училища) и Орловская губерния (в 12 уездах было 5 уездных училищ). Особенностью проведения учебной реформы в Харьковском округе стал довольно высокий интерес местных жителей к средним учебным заведениям,

[88] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 год // Там же. Л. 12 об.

[89] В отчете попечителя за 1817 г. указано 12 гимназий (нет упоминания о коммерческой гимназии в Одессе), 74 уездных училища (но два из них Валуйках и Старобельске еще не были открыты, а училища в Одессе, Александрии и станице Нижне-Чирской не указаны) и 15 малых народных школ // Там же. Л. 9–12 об.

основанный во-многом на образовательных традициях края, что объясняло не только высокие темпы преобразования существовавших екатерининских школ, но и значительную динамику появления новых, открытых сразу по Уставу 1804 г., чего в таком количестве не было ни в одном другом учебном округе империи.

5.1.4. Казанский учебный округ

Казанский учебный округ, включавший в себя территории 14 губерний, простиравшихся от Волги до Кавказа и Тихого океана, был самым географически удаленным, а также самым малочисленным, поэтому естественно отставал от всех остальных округов как по темпу преобразования, так и по скорости открытия новых учебных заведений. Разбросанность школ на огромной территории округа, пестрое в этническом отношении население восточных и южных окраин России – все эти сложности были целиком присущи Казанскому учебному округу[90]. Отсутствие в первые годы образовательной реформы Училищного комитета, появившегося в Казани только в конце 1811 г., и сосредоточение в руках попечителя, проживавшего постоянно в столице, полного контроля за учебными заведениями округа, также не способствовало активизации темпов создания сети учебных заведений.

По инициативе И.И. Шувалова в 1758 г. в Казани была учреждена гимназия, состоящая (как и Московская) из двух частей – дворянской и разночинской. До 1785 г. гимназия находилась в подчинении Московского университета, который назначал директора гимназии, отбирал учителей, выплачивал им жалование, направлял книги для гимназической библиотеки. Передача гимназии в ведение приказа общественного призрения сразу негативно сказалась на ее состоянии: в 1789 г. она была закрыта из-за

[90] *Шуртакова Т.В.* Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Изд-во Казанского университета, 1959. С. 4.

недостаточного финансирования и только в 1797 г. по указу Павла I вновь возобновила свою деятельность. На ее основе будет открыт Казанский университет, а сама гимназия сохранит свою самостоятельность и продолжит обучение гимназистов[91].

Идея соединить гимназию и главное народное училище, открытое в Казани 22 сентября 1786 г., возникла очень скоро, и во многом потому, что содержать оба учебных заведения с похожим учебным планом приказу общественного призрения было не под силу[92]. А так как после восстановления первой гимназии создавать вторую в этом же городе было нецелесообразно, главное народное училище в столице Казанского учебного округа еще долго останется не преобразованным (до 1828 г.).

Сразу после утверждения училищного устава министр народного просвещения обратился к попечителям с просьбой представить Правлению «сколько, какия училища и где именно предполагают вновь устроить или существующия преобразовать по новому учебному плану в течении будущаго 1805 года»[93], чтобы можно было распланировать выделение средств из училищного капитала. Отвечая на запрос графа Завадовского, С.Я. Румовский подчеркнул, что «поелику во всех губернских городах округа Казанского университета ни гимназий, ни училищ вдруг учредить не возможно, по недостатку нужного числа учителей и удобного строения для помещения классов, учителей и прочих надобностей к гимназиям принадлежащих», то по его мнению необходимо было обратить внимание «на те наипаче города, кои многолюднее и в коих с малою переменою или пристройкою гимназии

---

[91] Казанская гимназия // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 287–288.

[92] Член Комиссии народных училищ Ф.И. Янкович де Мириево, излагая свое мнение о необходимости соединить оба учебных заведения, писал в 1787 г.: «в сем училище (имеется в виду главное народное) те же самые предметы, да еще более оных преподаются, нежели в самой гимназии» // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 82. Л. 65 об.

[93] Журнал Главного Правления училищ № 22 от 10 ноября 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 74 об.

помещены быть могут»[94]. К таким городам попечитель отнес Казань, Астрахань, Тобольск, Симбирск, Нижний Новгород и Тамбов. Но и там главной проблемой оставалось отсутствие необходимого числа учителей[95], поэтому в первую очередь Румовский просил выделить сумму на содержание при Казанской гимназии определенного количества казенных учеников для приготовления их к занятию учительских мест. Но все же постепенно и в Казанском учебном округе процесс преобразования главных народных училищ, которых к началу XIX в. насчитывалось 12[96], был запущен.

Первой гимназией, образованной по новому плану (хотя еще до принятия училищного устава) стала Пензенская гимназия, открывшаяся 10 апреля 1804 г. Стимулом для ее преобразования стало пожертвование пензенским дворянством 2250 руб. ежегодного взноса, которые должны были вместе со средствами, отпускаемыми приказом общественного призрения, составить необходимую сумму для существования этого учебного заведения[97]. Следующей по времени преобразования стала Иркутская гимназия, открывшаяся 12 ноября 1805 г., а затем Астраханская гимназия (26 июня 1806 г.). В 1808 г. были основаны еще две гимназии – в Нижнем Новгороде (12 марта) и в Перми (29 июня), а в следующие три года еще три – в Симбирске (12 декабря 1809 г.), в Тобольске (12 марта 1810 г.) и в Вятке (21 ноября 1811 г.). Таким образом, из планируемых Румовским семи гимназий (считая и уже преобразованную Пензенскую) за время его попечительства не были

---

[94] Представление С.Я. Румовского в Главное Правление училищ от 17 ноября 1804 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 86. Л. 82.

[95] «В главных народных училищах положено и находится по четыре учителя, а в каждой гимназии должно быть по осьми. Следовательно, по открытию гимназий в шести упомянутых городах надлежит иметь 24 готовых учителя» // Там же. Л. 82 об.

[96] Ведомость о учебных заведениях Казанского учебного округа за 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 286. Л. 2–12 об.

[97] Пензенский гражданский губернатор, обратившийся с просьбой об открытии гимназии в Правление (не к попечителю!) ориентировался на «Примерное исчисление сумм…», предполагавшее для гимназий 3 разряда (к которому относилась Пенза) штатное содержание в 5250 руб. Журнал Главного Правления училищ № 1 от 7 января 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

преобразованы только главные народные училища в Казани и Тамбове, зато появились гимназии в Иркутске, Перми и Вятке. А вот за время попечительства гр. М.А. Салтыкова ни одно из оставшихся главных народных училищ (Казань, Оренбург, Саратов и Тамбов) по новому плану преобразовано не было. В Кавказской и Томской губерниях учебных заведений такого уровня вообще не существовало.

В 1803 г. на территории Казанского учебного округа действовало 32 малых народных училища[98]. Члены Главного Правления училищ рассчитывали, что постепенно в округе будут открыты 140 уездных училищ[99]. Но естественно, что если гимназии открывались с большим трудом, то поиск учителей и удобных помещений для уездных училищ также сильно растянулся по времени.

Казанская губерния включала в себя 12 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1803 г. в губернии существовали 4 малых народных школы, только две из которых (в Чебоксарах и Чистополе) в рассматриваемое время были преобразованы в уездные училища. Еще два средних учебных заведения появились в 1817 г., и таким образом, к концу этого года уездные училища отсутствовали в Казани, Свияжске, Спасске, Тетюшах, Царевококшайске, Цивильске, Козьмодемьянске и Ядрине (в двух последних продолжали действовать малые народные школы)[100].

Таблица 30. Уездные училища Казанской губернии[101].

---

[98] Ведомость о учебных заведениях Казанского учебного округа за 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 286. Л. 2–12 об.

[99] Согласно примерному исчислению сумм, потребных на ежегодное содержание губернских гимназий и уездных училищ, поскольку на тот момент в Казанский округ входили 140 уездов. В 1805 г. в результате административно-территориального преобразования Иркутской губернии количество уездов чуть сократится // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–78 об.

[100] Уже в 1818 г. в губернии появятся еще 6 уездных училищ – в Свияжске, Спасске, Тетюшах, Цивильске, Козьмодемьянске и Ядрине // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 233. Л. 24.

[101] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 46–48.

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Чебоксары	30 августа 1816 г.
2	Чистополь	1 октября 1816 г.
3	Лаишев	10 мая 1817 г.
4	Мамадыш	3 сентября 1817 г.

Астраханская губерния включала в себя 4 уезда, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. Единственная малая народная школа в Черном Яру была преобразована в уездное училище почти одновременно с появлением такого же учебного заведения при гимназии, и таким образом, к концу 1817 г. уездных училищ не было в Енотаевске и Красном Яру.

Таблица 31. Уездные училища Астраханской губернии[102].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Астрахань	28 мая 1811 г.
2	Черный Яр	27 июня 1811 г.

Вятская губерния включала в себя 10 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1803 г. в губернии действовало четыре народных школы и только одна из них (в Сарапуле) была преобразована по новому плану. Еще в трех уездах (Вятском, Елабужском и Яранском) учебные заведения были сразу основаны по Уставу 1804 г. и, таким образом, к концу 1817 г. уездные училища отсутствовали в Глазове, Орлове на Вятке, Уржуме, Котельниче, Нолинске и Слободском (в трех последних продолжали действовать малые народные школы).

[102] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // Там же. Л. 28–30.

Таблица 32. Уездные училища Вятской губернии[103].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Елабуга	25 июля 1809 г.
2	Вятка	29 февраля 1812 г.
3	Сарапул	25 февраля 1817 г.
4	Яранск	12 ноября 1817 г.

В Иркутской губернии в 1802 г. действовала одна малая народная школа в Верхнеудинске, и по сведениям Комиссии о народных училищах в губернии не хватало еще 13 народных школ[104], которые как раз и планировали открыть в качестве уездных училищ члены Правления при обсуждении выделения штатной суммы. В 1805 г. была проведена реформа административно-территориального деления губернии, которая с этого времени включала в себя пять уездов (Верхнеудинский, Иркутский, Киренский, Нерчинский, Нижнеудинский) и две области – Камчатскую и Якутскую. В рассматриваемое время во всех уездах губернии появились училища, открытые по новому уставу, за исключением Камчатской области, а в Троице-Савской крепости Верхнеудинского уезда появилось еще одно дополнительное уездное училище, основанное и содержащееся на пожертвования кяхтинского купца А. Кожина.

Таблица 33. Уездные училища Иркутской губернии[105].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Иркутск	12 ноября 1805 г.

[103] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год //Там же. Л. 41–43.

[104] Расписание, в которых городах по губерниям Российской Империи открыты народные училища, и в которых еще не открыты // РГИА. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–37 об.

[105] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомостям: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 49–50а и Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1818 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 233. Л. 14–18.

2	Верхнеудинск	22 июля 1806 г.
3	Якутск	3 февраля 1808 г.
4	Нерчинск	30 августа 1811 г.
5	в Троицко-Савской крепости (Верхнеудинский уезд)	15 сентября 1812 г.
6	Киренск	5 июля 1814 г.
7	Нижнеудинск	8 ноября 1817 г.

Кавказская губерния включала в себя 5 уездов, но ни в одном из них до начала XIX в. не было народных школ. Первое училище в губернии открылось в Ставрополе и довольно долго оно оставалось единственным, в остальных уездах (Александровском, Георгиевском, Кизлярском и Моздокском) уездных училищ до конца 1817 г. не существовало[106].

Таблица 34. Уездные училища Кавказской губернии[107].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Ставрополь	30 августа 1811 г.

Нижегородская губерния включала в себя 11 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. в губернии действовали две малые народные школы в Арзамасе и Балахне, которые в 1808 г. удалось преобразовать по новому плану. Сразу по училищному уставу были основаны учебные заведения в Макарьеве, Нижнем Новгороде (одновременно преобразованием гимназии), Горбатове, Семенове и Ардатове, и таким образом, к концу 1817 г. уездные училища отсутствовали в Васильсурске, Княгинине, Лукоянове и Сергаче.

[106] В губернской столице Георгиевске и Кизляре уездные училища будут открыты в 1818 г.

[107] Дата открытия уездного училища приведена по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 46.

Таблица 35. Уездные училища Нижегородской губернии[108].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Макарьев	21 ноября 1807 г.
2	Нижний Новгород	12 марта 1808 г.
3	Арзамас	12 марта 1808 г.
4	Горбатов	25 марта 1808 г.
5	Балахна	21 июня 1808 г.
6	Семенов	18 октября 1808 г.
7	Ардатов	30 августа 1816 г.

Оренбургская губерния включала в себя 12 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. в губернии действовали три малые народные школы, но только две из них были преобразованы по новому плану (училище в Уфе будет преобразовано в 1818 г.). В Белебейском, Бирском, Бугульминском, Бугурусланском, Верхнеуральском, Оренбургском, Стерлитамакском, Троицком, Уфимском и Челябинском уездах к концу 1817 г. уездные училища отсутствовали.

Таблица 36. Уездные училища Оренбургской губернии[109].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Бузулук	12 августа 1817 г.
2	Мензелинск	23 августа 1817 г.

Пензенская губерния включала в себя 10 уездов и только в одном из них (в Саранске) к 1802 г. существовало малая народная школа. Сразу по Уставу 1804 г. были основаны уездные училища в Пензе и Краснослободске, а

[108] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // Там же. Л. 34–37.

[109] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // Там же. Л. 45.

Городищенский, Инсарский, Керенский, Мокшанский, Наровчатский, Нижнеломовский и Чембарский уезды до конца 1817 г. так и останутся без средних учебных заведений.

Таблица 37. Уездные училища Пензенской губернии[110].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Пенза	7 марта 1807 г.
2	Саранск	30 августа 1807 г.
3	Краснослободск	15 сентября 1808 г.

Пермская губерния включала в себя 12 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. По данным Комиссии о народных училищах в губернии в 1802 г. действовали малые народные школы в Кунгуре, Шадрине, Ирбите, Верхотурье, Екатеринбурге и Соликамске, а в 1808 г. была открыта еще одна в Чердыни. Преобразовать по новому плану удалось только училища в Шадрине и Кунгуре, и еще одно – в губернском городе Перми появилось через несколько лет после преобразования главного народного училища. К концу 1817 г. уездные училища отсутствовали в Верхотурье, Екатеринбурге, Ирбите, Камышлове, Красноуфимске, Осе, Оханске, Соликамске и Чердыни.

Таблица 38. Уездные училища Пермской губернии[111].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Пермь	1 октября 1811 г.
2	Шадрин	12 декабря 1812 г.
3	Кунгур	30 августа 1816 г.

[110] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // Там же. Л. 33–34.

[111] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // Там же. Л. 38–41.

Саратовская губерния включала в себя 10 уездов[112], в каждом из которых планировалось открыть уездное училище, но как к 1802 г. ни одной малой народной школы в губернии не было, так и до конца 1817 г. там не открылось ни одного уездного училища[113].

Симбирская губерния включала в себя 10 уездов, но к концу 1817 г. по новому плану были образованы только два уездных училища (в Симбирске и Ставрополе). По сведениям Комиссии о народных училищах к 1802 г. в губернии была одна малая народная школа в Алатыре, на которую с 1816 г. стало выделятся штатное содержание и даже были наняты 4 учителя, но в уездное училище в рассматриваемое время она так и не была преобразована. Также уездных училищ к 1817 г. не существовало в Ардатовском, Буинском, Корсунском, Курмышском, Самарском, Сенгилейском и Сызранском уездах.

Таблица 39. Уездные училища Симбирской губернии[114].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Симбирск	27 апреля 1811 г.
2	Ставрополь	3 декабря 1816 г.

Тамбовская губерния включала в себя 12 уездов[115], но ни одного уездного училища в рассматриваемое время в губернии не появилось, действовали только три малых народных школы в Козлове, Моршанске и Елатьме, открытые еще 1 января 1787 г.[116]

---

[112] Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский, Хвалынский, Царицынский.

[113] По данным отчета за 1819 г. в Камышине, Царицине и Саратове планировались к открытию уездные училища в июне 1818 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 383. Л. 33–34.

[114] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 31–32.

[115] Борисоглебский, Елатомский, Кирсановский, Козловский, Лебедянский, Липецкий, Моршанский, Спасский, Тамбовский, Темниковский, Усманский, Шацкий.

[116] РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 30.

Тобольская губерния с 1804 г. включала в себя 9 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. К 1802 г. действовали малые народные школы в Таре, Тюмени и Туринске, которые были преобразованы по новому учебному плану к концу рассматриваемого периода. Уездные училища также появились в губернском городе Тобольске, Ишиме, Кургане и Ялуторовске. Таким образом только в Березовском и Омском уездах к концу 1817 г. не существовало средних учебных заведений.

Таблица 40. Уездные училища Тобольской губернии[117].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Тобольск	22 января 1811 г.
2	Курган	11 сентября 1817 г.
3	Тара	15 сентября 1817 г.
4	Ишим	1 октября 1817 г.
5	Ялуторовск	21 октября 1817 г.
6	Тюмень	28 октября 1817 г.
7	Туринск	4 ноября 1817 г.

Томская губерния в 1804 г. была выделена из состава Тобольской губернии и включала в себя 8 уездов, в каждом из которых планировалось открыть уездное училище. По сведениям Комиссии о народных училищах в губернии существовали три народных школы в Нарыме, Томске и Енисейске, но только училище в Томске было преобразовано по новому плану. В Бийском, Енисейском, Каинском, Красноярском, Кузнецком, Нарымском и Туруханском уездах уездных училищ в рассматриваемый период не было.

[117] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомостям: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 43–44 и Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1818 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 233. Л. 18–20.

Таблица 41. Уездные училища Томской губернии[118].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Томск	2 июля 1811 г.

Таким образом, в Казанском учебном округе за первые 15 лет с момента принятия «Предварительных Правил народного просвещения» по новому плану было открыто 8 губернских гимназий (сюда не включена Казанская гимназия) и 43 уездных училища (оставались не преобразованными 4 главных и 10 малых народных училищ). Процесс преобразования и открытия учебных заведений по училищному уставу 1804 г. шел достаточно медленно; Казанский учебный округ был единственным, где еще оставались главные народные училища и даже были губернии, где учебного заведения этого уровня не было вообще. Естественно, что достичь открытия всех запланированных Правлением уездных училищ (140) в первые десятилетия реформы было нереально, но стоит отметить ряд губерний, где их количество неуклонно росло – в первую очередь это Нижегородская губерния, в которой открылось 7 (из 11) учебных заведений, Иркутская губерния, в которой насчитывалось 6 школ, созданных по новому плану, а также Тобольская губерния, которая к концу рассматриваемого периода имела 7 (из 9) уездных училищ. Обращает на себя внимание и то, что больше половины всех уездных училищ округа (23 из 43) были открыты в 1816–1817 гг. Отрицательным примером может служить ситуация в Тамбовской и Саратовской губерниях, где учебных заведений, созданных в результате образовательной реформы начала XIX в. не было совсем.

5.1.5. Дерптский учебный округ

[118] Дата открытия уездного училища приведена по ведомости: Ведомость о учебных заведениях в Казанском округе находящихся за 1817 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 209. Л. 38.

Объединяя прибалтийские губернии в один округ, в Министерстве народного просвещения четко понимали, что эти территории потребуют особого внимания, т.к. образовательный ландшафт, существовавший там к началу XIX в., сильно отличался от всех остальных учебных округов. Уже в эпоху Екатерины II, как отмечали исследователи, «речь шла не о том, чтобы создать здесь новую систему образования, а лишь о том, чтобы интегрировать уже имевшуюся и до некоторой степени совместить ее со школьной системой, действовавшей на остальной территории Российской империи»[119]. Особые права получил Дерптский университет, особых прав добивалась Митавская гимназия. И, естественно, что в случае со средними, а затем и начальными учебными заведениями, вопрос предоставления им особых прав, учитывавших местные условия, также остро стоял на повестке дня.

Конечно, попечитель Дерптского университета Ф.И. Клингер был прямо заинтересован в развитии и процветании учебных заведений своего округа. Но все же главным человеком, который пропускал «через себя» все вопросы, связанные с народным просвещением в целом, и в особенности те, которые касались прибалтийских провинций, был профессор и первый ректор Дерптского университета Г.Ф. Паррот. Благодаря ему в Устав 1804 г. вошло понятие университетской автономии, именно он долгое время боролся с желанием курляндского дворянства сохранить Митавскую гимназию под своим контролем, и несомненно Паррот не смог остаться в стороне при реализации такого важного дела, как преобразование средних учебных заведений в округе.

К 1802 г. в Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и Выборской (с 1803 г. – Финляндской) губерниях существовали различные по своему основанию и состоянию учебные заведения: «казенные, дворянские, городские, смешанные казенные и городские и на особенных заведениях; в некоторых обучались одни мужчины, в других одни женщины, а в иных оба

[119] *Кузбер Я.* Указ соч. С. 504.

пола», всего более 40 школ[120]. Из них под ведением Комиссии о народных училищах действовали четыре главных народных училища (в Риге, Митаве[121], Ревеле и Выборге), четыре малых народных школы в Митаве и пять – в уездных городах Выборгской губернии, и 16 уездных училищ в городах и местечках Курляндской губернии[122]. Преодолеть эту пестроту предстояло Училищной комиссии университета, открывшейся под председательством Паррота 1 апреля 1803 г.

Уже через два месяца комиссия выработала «всеобщее начертание плана гимназий, уездных и приходских училищ Дерптского округа», и Паррот, который как раз в это время находился в Петербурге, лично подал его на рассмотрение в Главное Правление училищ[123]. Члены Правления решили отложить обсуждение проекта, поскольку «о содержании приходских училищ еще не сделано в прочих округах распоряжения»[124], но обратили внимание на то, что финансировать гимназии и уездные училища Дерптского округа профессора предполагали за счет казны, причем планируемые суммы сильно отличались от тех, которые были назначены для средних учебных заведений внутренних округов империи в предварительном штате, одобренном императором Александром 17 марта 1803 г. (и, кстати, в нем было указано, что училищные заведения прибалтийских губерний должны содержаться из особых доходов!). Финансовая часть проекта была передана «для утверждения и поднесения министру», который явно сам был против предоставления средним учебным заведениям Дерптского округа особых привилегий, но зная о личной дружбе между Парротом и Александром I, был вынужден подать этот

[120] Отчет попечителя Дерптского учебного округа за 1803 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 260. Л. 56–67.

[121] Указано как главное немецкое училище. Имелась в виду, вероятно, Митавская гимназия.

[122] Ведомость о числе народных училищ, пансионов, учителей и учеников в Российской империи за 1802 год // РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 286–294 об.

[123] Журнал Главного Правления училищ № 22 от 18 июля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.

[124] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 25 июля 1803 г. // Там же. Л. 105 об.

документ на высочайшую конфирмацию[125]. Как уже было отмечено, Александр I согласился перевести дерптские гимназии и уездные училища на казенный счет (с учетом денег, поступавших от приказов общественного призрения), при котором они получали повышенное содержание по сравнению с учебными заведениями других округов.

Поскольку найти количество необходимых учителей в прибалтийских губерниях было гораздо легче, чем во всех остальных, реализация образовательной реформы пошла ускоренным темпом. Уже в сентябре 1804 г. были преобразованы две гимназии в Лифляндской губернии: в Дерпте (15 сентября) и в Риге (16 сентября). Зимой 1805 г. Паррот присутствовал на открытии гимназии в Выборге и получил там восторженный прием, описанный им в письме к царю[126]. В тот же день, 13 января 1805 г., была преобразована и гимназия в Ревеле, столичном городе Эстляндской губернии.

А при преобразовании уездных училищ Училищная комиссия университета столкнулась с уже знакомыми проблемами. В утвержденном штате ежегодного содержания гимназий и уездных училищ Дерптского округа указывалось, что из казны будет взята только недостающая до штатной сумма, а основным жертвователем на учебные заведения Прибалтики станет местное дворянство и городские власти. Но когда о выделении денег из государственного бюджета узнали в губернских магистратах, количество средств, выделяемых на училища, резко сократилось. Это, естественно, не могло понравится Парроту, который «эти суммы для других целей предназначал». Он явно надеялся, что министерство согласится полностью выплачивать штатную сумму, и тогда городские пожертвования можно будет

---

[125] В декабре на заседании Правления была предпринята вторичная попытка обсудить проект Училищной комиссии, но «по причине неприсутствия некоторых членов» его вновь отложили. В итоге, в январе 1804 г., ознакомившись с документом и не внеся никаких исправлений, члены Правления решили дождаться решения императора // Журнал Главного Правления училищ № 1 от 7 января 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

[126] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 14 января 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 214–215.

направить на «содержание третьей разновидности училищ – городских начальных школ, которые до сих пор в общем проекте не были упомянуты, а между тем вне всякого сомнения нуждаются в них города, в отличие от деревень, коим приходские училища предназначены. Есть и еще одна потребность безотлагательная: нужны школы для девочек, о которых никто еще не позаботился»[127]. Соображения дерптского профессора не могли понравится Александру, тратившему из государственного бюджета огромные деньги в целом на сферу народного просвещения и на Дерптский округ в частности[128]. Ни на одно из четырех писем с просьбой переложить целиком на казну содержание средних учебных заведений (а иначе народное просвещение потерпит «урон почти неисчислимый»[129]) царь не ответил, и Парроту пришлось пойти другим путем.

Для того, чтобы все-таки сохранить желаемое количество уездных училищ в округе, попечитель в феврале 1805 г. представил на рассмотрение Правления переданный ему университетом план сокращения расходов на учебные заведения в маленьких городах, «где потребны уездные училища не в такой полной степени как в городах больших»[130]. Члены Правления не стали возражать, отметив только, что уменьшение количества учителей в «малых» городах не должно привести к изменениям в учебном плане училищ[131]. Попытка же дать этим «малым училищам» название уездных училищ 2 степени была категорически отвергнута Правлением[132], которое (как Паррот жаловался императору) «стремилось в первую голову как можно большего

---

[127] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 14 июня 1804 г. // Там же. С. 200.

[128] Только на строительство зданий для Дерптского университета из казны было выделено около 500.000 руб.

[129] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 13 ноября 1804 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 204.

[130] Представление Ф.И. Клингера Главному училищ Правлению от 14 февраля 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 271. Л. 30.

[131] Журнал Главного Правления училищ № 3 от 14 февраля 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 45 об.

[132] Журнал Главного Правления училищ № 20 от 10 августа 1805 г. // Там же. Л. 165 об.

единообразия во всем добиться»[133]. В итоге, к малым городам с штатной суммой на училище в 1300 руб. были отнесены Лемзаль Лифляндской губернии; Фридрихштат, Бауск, Газенпот и Туккум Курляндской губернии; Балтийский порт Эстляндской губернии и Нейшлот, Кексгольм, Сердоболь Финляндской губернии. Все остальные училища получали на свое содержание по 2.400 руб.[134]

Таблица 42. Уездные училища Лифляндской губернии[135].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Дерпт	15 сентября 1804 г.
2	Аренсбург	15 сентября 1804 г.
3	Верро	15 сентября 1804 г.
4	Рига (русское)	16 сентября 1804 г.
5	Рига (немецкое)	16 сентября 1804 г.
6	Феллин	10 декабря 1804 г.
7	Венден	9 января 1805 г.
8	Валк	11 января 1805 г.
9	Вольмар	16 января 1805 г.
10	Лемзаль (заштатный город Вольмарского уезда)	18 января 1805 г.
11	Рига (Навигационное училище, второе немецкое)	30 августа 1805 г.
12	Пернов	15 сентября 1805 г.

[133] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 14 июня 1804 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 200.

[134] Росписание гимназий и уездных училищ, находящихся в Дерптском учебном округе, с означением штатного их содержания от казны // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 53. Л. 113–114.

[135] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Росписание гимназий и уездных училищ, находящихся в Дерптском учебном округе, с означением штатного их содержания от казны // Там же. Л. 113–114.

Таблица 43. Уездные училища Курляндской губернии[136].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Митава	13 марта 1805 г.
2	Виндава	14 октября 1805 г.
3	Фридрихштадт	24 ноября 1805 г.
4	Якобштадт (заштатный город Фридрихштадтского уезда)	12 декабря 1805 г.
5	Бауск	17 апреля 1806 г.
6	Либава (заштатный город Гробинского уезда)	14 мая 1806 г.
7	Газенпот	17 мая 1806 г.
8	Туккум	18 мая 1806 г.
9	Гольдинген	22 мая 1806 г.

Таблица 44. Уездные училища Эстляндской губернии[137].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Ревель (русское)	13 января 1805 г.
2	Ревель (немецкое)	13 января 1805 г.
3	Везенберг	27 июня 1805 г.
4	Гапсаль	22 июля 1805 г.
5	Вейсенштейн	26 января 1806 г.
6	Балтийский порт (заштатный город)	21 мая 1806 г.

[136] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Росписание гимназий и уездных училищ, находящихся в Дерптском учебном округе, с означением штатного их содержания от казны // Там же. Л. 113–114.

[137] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомости: Росписание гимназий и уездных училищ, находящихся в Дерптском учебном округе, с означением штатного их содержания от казны // Там же. Л. 113–114.

Таблица 45. Уездные училища Финляндской губернии[138].

№	Уездный город	Дата открытия уездного училища
1	Выборг	13 января 1805 г.
2	Кексгольм	13 января 1805 г.
3	Сердоболь	13 января 1805 г.
4	Вильманстранд	4 августа 1805 г.
5	Нейшлот	8 августа 1805 г.
6	Фридрихсгам	21 августа 1805 г.

К середине 1806 г. в Дерптском учебном округе преподавание по новому плану велось в пяти гимназиях и 33 уездных училищах (на три училища больше, чем планировалось в 1804 г.)[139]. 21 октября 1806 г. от Главного училищ Правления на имя министра было подано представление, в котором подводился итог процессу преобразования учебных заведений в прибалтийских губерниях, где помимо упомянутых училищ были «частию преобразованы, частию вновь учреждены училищные заведения, получающие свое содержание от городских доходов, числом 53», а также отмечалось, что «университет способствовал учреждению и усовершению многих частных заведений»[140]. Попечителю Клингеру была выражена высочайшая благодарность за то, что «образование гимназий и уездных училищ по новому плану во вверенном вам округе приведено уже к окончанию», профессор

[138] Даты открытия уездных училищ приведены по ведомостям: Росписание гимназий и уездных училищ, находящихся в Дерптском учебном округе, с означением штатного их содержания от казны // Там же. Л. 113–114; Ведомость о преобразованных в сем 1805 году учебных заведениях по Дерптскому округу // Там же. Л. 35.

[139] Стоит отметить, что 16 августа 1806 г. гр. П.В. Завадовский по просьбе попечителя Ф.И. Клингера утвердил ряд изменений в общем уставе гимназий и уездных училищ Дерптского округа: срок обучения в гимназии сокращался до трех лет, курс полного уездного училища также был разделен на три класса, а малого – на два. Изменения в Уставе учебных заведений, подведомых университетам, относительно гимназий и уездных училищ, состоящих под управлением Дерптского университета // Сборник распоряжений… Стб. 95–108.

[140] Представление членов Главного Правления училищ гр. П.В. Завадовскому от 21 октября 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 53. Л. 110.

Паррот получил орден св. кн. Владимира IV степени, а остальные члены Училищной комиссии – ценные подарки[141]. Стоит подчеркнуть, что Дерптский округ стал первым, полностью завершившим переход средних учебных заведений на училищный устав 1804 г. и в глазах многих считался идеальным округом, который делал честь царствованию Александра I[142].

5.1.6. Виленский учебный округ

Территория Виленского учебного округа, включавшего в себя в основном губернии, присоединенные Россией после разделов Польши в начале XIX в. оставалась самой не интегрированной в общероссийскую систему образовательных учреждений. Сотрудники Министерства народного просвещения рассчитывали, что виленский попечитель кн. А.А. Чарторыйский, пользовавшийся особым доверием Александра I, сумеет с помощью школ воспитать из жителей бывших польских земель лояльных подданных Российской империи[143]. Однако попечитель, будучи горячим патриотом Польши, мечтал о восстановлении былого величия Речи Посполитой и направлял все свои силы на полонизацию западных губерний Империи[144]. Лучше и легче всего это можно было сделать, поставив под полный контроль образовательную сферу, поэтому не случайно еще С.В. Рождественский подчеркивал, что народное просвещение в духе польской

---

[141] Журнал Главного Правления училищ № 1 от 24 января 1807 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

[142] Рассказывая императору о завершении процесса преобразования, Паррот в конце мая 1806 г. писал: «Наши гимназии и наши уездные училища полностью обустроены. Это дело завершено и, надеюсь, таким образом, который Университету и даже Вашему царствованию сделает честь» // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 289.

[143] *Кузбер Я.* Указ соч. С. 469.

[144] Хорошо известна фраза А. Чарторыйского, сказанная по итогам его 20-летнего пребывания в должности попечителя: «Вся территория Польши покрылась школами, где национальное чувство могло развиваться свободно» // Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. С. 289.

государственной идеи признавалось местной интеллигенцией могущественным фактором возрождения Польши[145].

В связи с тем, что образцом для создания системы средних и начальных учебных заведений в Империи послужил план образования польской Эдукационной комиссии, которая после закрытия иезуитского ордена и обращения иезуитских капиталов на нужды просвещения стала высшей властью в делах просвещения в Польше, особых изменений в уже существующие на юго-западных землях школы вносить не планировалось. Напротив, утвержденный 18 мая 1803 г. устав Виленского университета, слабо соотносившийся с общим университетским уставом, включал отдельный параграф, посвященный управлению учебными заведениями округа, также разработанный еще до обсуждения этого вопроса в Правлении. Фактически сохранялись только названия самих училищ, тогда как наполнение учебного плана, штат учителей и даже срок обучения в школах разного уровня сильно отличались от учебных заведений, которые будут создаваться в стране на основе училищного плана 1804 г.

Гимназия Виленского округа должна была состоять из шести классов, причем первые два класса «почитались» как уездное училище, а четыре «высшие» – собственно гимназией. Обучение в ней вели семь старших учителей и четверо младших, к которым в том числе причислялся и учитель русского языка. К основным дисциплинам относились физика, математика, нравственные науки, словесность, латинский и польский языки. Дополнительно изучались немецкий, французский и русский языки, а также рисование.

Уездное училище включало в себя три класса, а четыре старших и три младших учителя обучали тем же самым предметам, что и в гимназии. Таким образом, уездное училище не было нижней ступенью, обязательной для дальнейшего перехода в школу более высшей ступени, а оказывалось учебным

[145] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 80.

заведением, где гимназическая программа изучалась лишь в сокращенном виде, или как его еще называли – «гимназия в миниатюре»[146]. Не случайно по Уставу 18 мая 1803 г. обучение в гимназиях и уездных училищах начиналось «с тех предметов, которыми оно окончится в приходских училищах»[147], тогда как по училищному уставу, принятому для всех остальных учебных округов, ученики не могли поступить в гимназию, не сдав экзамены за полный курс уездного училища. Изучение Закона Божьего, отсутствующего в учебных планах средних школ Виленского округа, передавалось в руки ксендза-духовника, состоящего при каждой гимназии и каждом уездном училище. Естественно, что наставлять в вере учеников православного и других христианских конфессий, было некому.

Ни министр, ни члены Правления сразу не высказали никаких возражений против приниженного (фактически до уровня факультативного предмета) положения русского языка, отсутствия в учебном плане часов на изучение русской литературы, русской истории и географии. Но в таком случае странно было бы ожидать не только интеграции приобретенных земель в единое пространство Империи, но и просто сохранения русской культуры и русского языка на тех территориях, которые еще пытались хранить верность православию. Не случайно в литературе часто обвиняют Завадовского в симпатии к полякам и лично к кн. А. Чарторыйскому, которому в период его министерства удавалось сохранять обособленность Виленского округа.

После ознакомления профессоров университета[148] с состоянием школ округа, ими был составлен проект документа, определяющий положение и содержание средних и начальных учебных заведений в каждой губернии. Кн. Чарторыйский летом 1804 г. отправил его министру народного просвещения и

---

[146] *Белецкий А.В.* Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г. Вильна, 1903. С. 11.

[147] Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа. § 49 // Сборник постановлений… Стб. 63.

[148] В Виленском университете не было Училищного комитета.

членам Правления, но что интересно – обсуждать и вносить какие-либо исправления (как это обычно происходило на заседаниях) присутствующие не стали. Завадовский обещал представить «Предначертание устроения училищ в округе Императорского Виленского университета» и штат училищ на высочайшее утверждение[149], а поступившие документы было решено «приобщить… к делам Правления, копии же с обоих предначертаний сообщить Г. члену Правления Озерецковскому для помещения в Периодическом сочинении»[150].

Значительное количество учебных заведений округа находилось в ведении и на содержании католических духовных орденов, некоторые училища были основаны Эдукационной комиссией, а еще ряд школ, расположенных в Киевской, Витебской и Могилевской губерниях – Комиссией об учреждении народных училищ. Университет посчитал, что большинство имеющихся училищ можно преобразовать на степень гимназий и уездных училищ (т.е. ввести в них обучение, согласно Уставу 1803 г.) так, чтобы в каждой губернии существовала одна гимназия, а в каждом уезде – уездное училище. Но считая, что «открытые училища в неуездных городах меньше имеют препятствия их выгодам и тишине», было решено оставить их в тех местечках, в которых они уже существовали и не переносить в уездный центр[151]. В итоге, 5 гимназий и 12 уездных училищ планировалось содержать из поиезуитских доходов, гимназии и уездные училища белорусских губерний, а также учебные заведения в Киеве – из казны, а все остальные (и их было большинство) – оставить на иждивении духовных обществ. Все школы в учебном отношении должны были находиться в зависимости от университета, в ближайшее время перейти на соблюдение норм Устава, что не вызывало особо радостных чувств у руководства монашеских орденов,

[149] Утверждено императором Александром I 30 июля 1804 г. // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 2. Л. 100–103 об.

[150] Журнал Главного Правления училищ № 15 от 21 июля 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

[151] Предначертание устроения училищ в округе Императорского Виленского университета. 20 августа 1804 г. // Сборник постановлений… Стб. 273.

поэтому, в отличие от остальных округов, преобразование училищ не сопровождалось торжественными актами.

Виленская гимназия, финансируемая за счет эдукационного фундуша, была преобразована в 1803 г. Помимо нее, в 11 уездах Виленской губернии должны были быть заведены на новом положении с 1 сентября 1804 г. еще 15 уездных училищ, из которых четырнадцать содержались католическими духовными орденами (бернардинами, доминиканами, пиарами, кармелитами, базилианами), а одно в местечке Кейданы Россиенского повета – духовным евангелическим сословием (протестантами)[152]. Все эти училища, кроме одного, планируемого открыть по просьбе помещика Потоцкого в местечке Кретингене Тельшевского уезда, уже существовали, оставалось только наполнить их учителями. Учебные заведения в местечках Трашкуны, Боруны и Тельши состояли из шести классов, а все остальные (Ковенское, Вилкомирское, Кальварийское, Россиенское, Датновское, Крожское, Кейданское, Подубиское, Поневежское, Мереченское, Видское) – из четырех классов, но во всех этих уездных училищах преподавались те же дисциплины, что и в Виленской гимназии, за исключением греческого и еще одного иностранного (французского или немецкого) языка. О низком качестве такого преподавания сообщал в Петербург исполняющий обязанности ректора в 1817 г. профессор И.А. Лобенвейн: «Касательно наук действительную пользу приносят гимназия и Ковенское училище, в которых учители, образованные при университете, имеют основательные сведения в науках. Прочие же духовные училища, по недостатку способных лиц и по малому усердию монастырских начальников не соответствуют толико важной цели»[153]. К этому времени так и не открылось училище в Кретингене, школа в Мереч закрылась из-за недостатка финансирования, Крожское училище перенесено в местечко Хвалойне, где должно было открыться с 1 сентября 1817 г. и еще одно уездное

[152] Все данные по училищам Виленской губернии приведены по ведомости: Ведомость о гимназии и поветовых училищах Виленской губернии 1817 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 171–179.

[153] Отчет по Виленскому учебному округу за 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 400. Л. 30 об.

училище в местечке Иллуксте Курляндской губернии было передано в 1815 г. из Дерптского учебного округа[154].

В Волынской губернии насчитывалось 12 уездов, по числу которых и планировалось количество училищ. На губернскую гимназию, открытую 1 сентября 1805 г. городе Кременце, было собрано значительное количество пожертвований, ежегодно дополняемых суммами из эдукационного фундуша. Также из поиезуитских средств должны были содержаться еще три уездных училища, а остальные финансироваться духовными орденами. Но не все запланированные школы удалось открыть, к 1817 г. существовали уездные училища только в Луцке, Житомире, Владимире-Волынском, Любаре, Межирече, Овруче, Домбровице и Бердичеве[155]. В отличие от училищ Виленской губернии, большинство школ Волынской губернии удостоились от ректора похвального отзыва, и только учителя Домбровицкого и Бердичевского учебных заведений были признаны малоспособными к наукам[156].

Гродненская губерния состояла из восьми уездов и по Уставу 1803 г. в ней предполагалось иметь десять уездных училищ, три из которых планировалось содержать за счет фундуша, а остальные оставить в ведении духовных орденов. Гимназия начала свое преподавание 1 ноября 1803 г. в городе Свислоче, но по отзыву ректора, «совершенно не сходна с местным положением по поводу недостатка необходимейших съестных припасов и порядочных строений для ученических квартир, а посему и не может дойти до той степени, на какой находятся гимназии других губерний»[157]. К 1817 г. все имеющиеся в Гродненской губернии средние учебные заведения содержались духовными орденами, причем преобразованные уездные училища не только

---

[154] Отчет по Виленскому учебному округу за 1817 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 170–231.

[155] Все данные по училищам Волынской губернии приведены по ведомости: Ведомость о гимназии и поветовых училищах Волынской губернии 1817 года // Там же. Л. 203–211.

[156] Отчет по Виленскому учебному округу за 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 400. Л. 36.

[157] Там же. Л. 32.

опирались на гимназический учебный план (за обычным исключением греческого и одного из иностранных языков), но и в большинстве своем состояли из шести классов (Щучинское, Новогрудское, Жировицкое и Гродненское). Только Слонимская школа насчитывала 4 класса, а учебные заведения в Лиде, Брест-Литовске и Лыскове – 5 классов[158].

В Минской губернии к началу преобразования имелась одна гимназия и 8 училищ, готовых начать преподавание согласно новому положению. К 1817 г. количество уездных училищ даже превосходило число уездов: в 10 уездах было открыто 12 школ. Мозырское, Поставское (с 1805 г.), Молодечское (перенесенное в 1811 г. из Бобруйска) и Холопеничское (с 1817 г.) содержались за счет фундуша, Слуцкое находилось на попечении протестантов, а Березвецкое, Лужеское, Пинское, Ладское, Любешовское, Речицкое (с 1809 г.) и Несвижское финансировались католическими духовными орденами[159]. Но по отзыву ректора, школы Минской губернии (да и многих других) сталкивались с теми же проблемами, что и учебные заведения остальных округов, в первую очередь – плохим состоянием училищных помещений.

Несмотря на то, что Подольская губерния состояла из 12 уездов, в 1803 г. только четыре учебных заведения смогли начать преподавание по Уставу. Гимназия в Виннице, преобразованная из уездного училища 27 сентября 1814 г., оказалась самой последней в округе по дате своего основания (хотя предположение о ее открытии было зафиксировано еще в Уставе). Школа в Каменец-Подольском содержалась за счет фундуша, в Баре – сословием ксендзов-базилианов, а в Немирове – за счет средств Викентия Потоцкого с добавлением суммы из поиезуитских доходов, предназначенных на открытие еще одного уездного училища в Гайсине (и до 1817 г. не открытого). Все

[158] Все данные по училищам Гродненской губернии приведены по ведомости: Ведомость о гимназии и поветовых училищах Гродненской губернии 1817 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 181–187.

[159] Все данные по училищам Минской губернии приведены по ведомости: Ведомость о гимназии и поветовых училищах Минской губернии 1817 года // Там же. Л. 193–200.

упомянутые учебные заведения состояли из четырех классов, но, как и везде, в них преподавались те же предметы, что и в шестиклассной Подольской гимназии, за исключением греческого языка[160].

В Киевской губернии к 1803 г. существовали три учебных заведения: в Киеве главное народное училище, состоящее под ведением Комиссии о народных училищах и две школы в Умане и Каневе, содержимые духовным орденом базилианов. В связи с тем, что к моменту конфирмации Устава университет не получил от визитатора «обстоятельного изъяснения» школьной ситуации в губернии, профессора не стали определять необходимое количество училищ в 12 уездах Киевской губернии, обозначив только существующие. Но помимо преобразования Киевской народной школы и открытия в губернской столице гимназии и уездного училища[161], финансируемого из казны, никаких изменений в количестве училищ до 1817 г. не произошло[162].

Состояние школьного дела в Витебской и Могилевской губерниях оказалось самым напряженным. Помимо школ, основанных екатерининской Комиссией о народных училищах, в белорусских губерниях существовали учебные заведения, содержимые католическими орденами, причем часть из них находилась в ведении ордена иезуитов, стремящегося выйти из-под контроля Виленского университета. Главные народные училища располагались в губернских городах, малые – в уездных (в Витебской – в Полоцке, Велиже и Невеле; в Могилевской – в Мстилавле, Орше, Чаусах и Черикове). Помимо необходимого преобразования этих учебных заведений по училищному уставу 1804 г., члены Главного Правления училищ рассчитывали, что постепенно во всех уездах белорусских губерний (по 12

---

[160] Все данные по училищам Подольской губернии приведены по ведомости: Ведомость о гимназии и поветовых училищах Подольской губернии 1817 года // Там же. Л. 213–216.

[161] 1 ноября 1809 г. на базе Киевского главного народного училища были созданы гимназия, уездное и приходское училища. Торжественное открытие гимназии произошло 30 января 1812 г.

[162] Ведомость о гимназии и поветовых училищах Киевской губернии 1817 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 219–221.

уездов в каждой) будут основаны уездные училища, на содержание которых были заложены средства из государственного бюджета. Но помимо преобразования главных народных училищ в гимназии (Витебская гимназия была открыта 15 сентября 1806 г., а Могилевская – 1 сентября 1808 г.) и появления в этих городах уездных училищ, а также основания еще одного уездного училища в Рогачеве Могилевской губернии, больше ни одного среднего учебного заведения, ведущего преподавание по новому плану в этих губерниях к 1817 г. не появилось[163]. Характеризуя состояние Могилевской гимназии, ректор писал: «В Могилевской гимназии хотя преподаются науки..., и сообразное число находится учителей, однакож не производит такой пользы, какой бы от гимназии желать надлежало бы. Малое число учеников происходит от того, что науки преподаются на российском языке и совершенно другие, нежели как в уездных училищах других губерний Виленского округа»[164]. Витебская гимназия удостоилась от профессора более мягкого отзыва: «Витебская гимназия как относительно соблюдения предписанного порядка, так и самых учителей постепенно приобретает уважение и есть действительно полезное заведение»[165], хотя в ней, как и в Могилевской, основным языком преподавания был русский. Что же касается количества учеников, то оно в целом соответствовало средним показателям в провинциальных гимназиях Империи[166]. Малые народные училища белорусских губерний продолжали свое существование, но в связи с тем, что средства на их содержание выделяли городские думы, и делали они это крайне скудно, то возможности произвести починку школьных помещений и приобрести учебные пособия почти не было. Даже ректор в своем отчете отметил, что «Правление училищ намеревалось народные училища

[163] Ведомость о гимназии и поветовых училищах Витебской губернии 1817 года // Там же. Л. 223–226; Ведомость о гимназии и поветовых училищах Могилевской губернии 1817 года // Там же. Л. 229–231.

[164] Отчет по Виленскому учебному округу за 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 400. Л. 39.

[165] Там же. Л. 39 об.

[166] *Бирюков А.В.* К вопросу об открытии в Могилеве губернской гимназии // Романовские чтения – 16. Сборник статей международной научной конференции. Могилев, 2023. С. 12–13.

переменить в уездные… и для приведения к исполнению сего намерения могли бы быть употреблены суммы, принадлежащие от городских дум на починку разорившихся домов. Но задержанный гражданским губернатором платеж оных было препятствием Правлению привести оное в исполнение»[167]. Очень многое в такой ситуации зависело от попечителя округа, который мог бы добиться разрешения использовать свободные средства из училищного капитала, заложенные на 24 (!) уездных училища Могилевской и Витебской губерний (как это делали попечители других учебных округов), но кн. А. Чарторыйский не только сам не был заинтересован в развитии русских училищ на территории вверенного ему округа, но и с 1810 г. вообще отсутствовал в России.

В ведении ордена иезуитов находились три школы в Витебской губернии (в Витебске, Полоцке и Динабурге) и три школы в Могилевской губернии (в Могилеве, Мстиславле и Орше). В 1812 г. с разрешения министра гр. А.К. Разумовского Полоцкое училище было возведено на степень Академии и все иезуитские училища с этого момента выводились из подчинения университета и образовывали фактически свой учебный округ.

Училища в Толочине Могилевской губернии, а также Витебске, Забелах и Ушаче Витебской губернии содержались за счет духовных орденов базилианов, доминиканов и пиаров. К 1817 г. школа в Ушаче закрылась из-за нехватки финансовых средств на ее обеспечение, зато открылись уездные училища в Краславе и Вержбилове.

Императорским указом от 16 сентября 1811 г. учебные заведения Белостокской области были присоединены к округу Виленского университета. Уже с 1 октября того же года в Белостокской гимназии, получившей содержание из эдукационного фундуша, началось преподавание по образцу Виленской гимназии. Через некоторое время в Дрогичине было открыто по

[167] Отчет по Виленскому учебному округу за 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 400. Л. 39 об.

Уставу 1803 г. четырехклассное уездное училище с теми же предметами, что и в гимназии, за исключением иностранных языков[168].

Таким образом, к 1817 г. во всех девяти губерниях Виленского учебного округа были открыты гимназии, шесть из них вели преподавание по нормам Устава 1803 г., Могилевская и Витебская – по училищному уставу 1804 г., а гимназия в Киеве – по собственному уставу, утвержденному императором Александром I 13 октября 1811 г. К особенностям школьной системы в Виленском округе можно отнести схожий учебный план гимназий и уездных училищ, что делало не обязательным открытие последних в губернских городах, разное количество классов в училищах одной ступени (от 4 до 6) и возможность поступать в университет как после окончания гимназии, так и после окончания уездного училища[169]. Все предметы изучали на польском языке, и даже русский язык преподавали учителя-поляки. Можно согласится с выводом польского историка, что обучение в губерниях Виленского округа строилось с расчетом на польские национальные культурные потребности[170].

Количество учебных заведений в округе в рассматриваемый период росло крайне медленно, значительная их часть уже существовала к началу реформы. Виленский университет, несмотря на владение огромным эдукационным фундушем, не стремился открывать новые школы за счет бывших поиезуитских доходов, к 1817 г. были выделены дополнительные средства только на уездные училища в Крожах и Холопеничах. Остальные учебные заведения в округе появлялись либо за счет присоединения новых территорий (Белостокская гимназия, училище в Дрогичине и Иллуксте), либо за счет преобразования русских главных народных училищ. Лишь в двух губерниях, Виленской и Минской, количество школ среднего звена

---

[168] Ведомость о гимназии и поветовом училище Белостокской области 1817 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 189–190.

[169] *Белецкий А.В.* Краткий исторический обзор… С. 12.

[170] *Шиллер-Валицка И.* Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. Вып. 3. С. 225.

превышало количество уездов, во всех остальных губерниях ощущался недостаток уездных училищ.

5.2. Визитации попечителей и университетских профессоров[171]

Складывание новой системы учебных заведений в Российской империи и увеличение количества училищ разного уровня в начале XIX в. потребовало от Министерства народного просвещения усилить контроль за их деятельностью. Иерархическая подчиненность низших школ высшим предполагала, что смотрители уездных училищ, наблюдая за состоянием приходских и уездных училищ в округе, должны были подавать отчет об их учебной и хозяйственной части директору гимназии, а тот в свою очередь – университету. Информация о текущем состоянии учебных заведений, которую предоставляли директоры гимназий в письменных донесениях Училищному комитету университета должна была обязательно дополняться как собственным контролем за ними, так и личным посещением школ попечителями и университетскими профессорами.

Законодательное оформление визитаций началось с «Предварительных правил народного просвещения», подписанных императором Александром I 24 января 1803 г. Попечитель должен был осматривать гимназии и уездные училища своего округа не реже одного раза в два года. Если же он не мог совершить осмотр, то по распоряжению министра народного просвещения округ должен был посетить другой сотрудник Главного Правления училищ[172].

---

[171] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Визитации попечителей учебных округов в начале XIX века // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 46–52; *Грачева Ю.Е.* Вклад Московского университета в развитие училищ Московского учебного округа в начале XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 56–67; *Грачева Ю.Е.* Гимназии и уездные училища Харьковского учебного округа в контексте министерской политики в начале XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2 (104). Ч. 3. С. 159–163; *Грачева Ю.Е.* Институт визитаций в первом десятилетии XIX века // Клио. 2024. № 10 (214). С. 57–64.

[172] Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений… Стб. 16–17. Фактически необходимость объезда округа была одной из немногих четко определенных обязанностей попечителя.

В обязанности университетских профессоров входила ежегодная визитация школ отдельных губерний[173]. Университетский устав 1804 г. дополнял эту норму обязательством письменного отчета после возвращения профессора: «Визитаторы, исполнив все статьи наставления своего и присоединив собственныя замечания, представляют описание осмотра Училищному Комитету, который, по сочинении из них общаго систематического извлечения, вносит с мнением своим в общее Собрание, а оное доводит надлежащим образом до сведения начальства»[174]. Таким образом, наиболее подробная информация о каждой визитации содержалась именно в журналах обозрения, а уже выдержки из них составляли более или менее краткое систематическое изложение. Основная информация из визитаторских донесений входила в ежегодный отчет попечителя министру народного просвещения, а также в министерский отчет императору. Небольшая часть донесений была опубликована в журнале «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения», значительная часть отложилась в фонде Министерства народного просвещения, но, к сожалению, далеко не все.

«Устав учебных заведений, подведомых университетам» накладывал обязанность личного посещения учебных заведений на директора гимназии и смотрителя уездных училищ: «Директор, как хозяин гимназии, посещает оную всякий день … прочия же училища и пансионы в столичных городах посещает, по крайней мере, в два месяца, а в губернских городах в две недели один раз или более, если местоположение города позволяет. Сверх того, он обязан, хотя один раз в год, объехать подведомыя ему училища во всей губернии»[175]. Смотритель также ежедневно должен был присутствовать в уездном училище, два раза в неделю навещать приходские училища, расположенные в уездном

[173] Там же. Стб. 16–17.

[174] Устав Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов // Сборник постановлений... Стб. 327.

[175] Устав учебных заведений, подведомых университетам // Там же. Стб. 350–351.

городе, а общий осмотр школ уезда делать не менее трех раз в год[176]. Таким образом, учебный процесс и хозяйственная деятельность всех уже существующих, а также вновь создаваемых учебных заведений находилась под постоянным контролем не только местного училищного начальства, но и центрального, в лице Училищного комитета университета и попечителя.

Перед членами Министерства народного просвещения в первом десятилетии XIX в. стояли крайне важные задачи, которые требовали почти постоянного их присутствия в столице. Необходимо было разработать основные принципы учебной системы, подготовить ключевые документы, регламентировавшие устройство и управление учебными заведениями всех уровней, проследить за наполнением школ квалифицированными учителями. Для того, чтобы посетить училища округа, попечитель должен был подать представление министру, а тот, в свою очередь, получить разрешение императора на отпуск попечителя по другим должностям. Каждому попечителю на путевые расходы выдавалось 2–3 тыс. руб. из штатной суммы – первоначально ее определял сам император, но с начала 1809 г. это право перешло членам Главного Правления училищ[177]. Попытка установить более детальные требования к попечителям при обозрении училищ были отвергнуты: «Определительнее сего постановления (т.е. Предварительных правил) сделать неудобно потому, что как ныне устроение училищ, так после поддержание оных в цветущем состоянии обязывает попечителей посещать свои округи не реже означенного времени; но где еще устроеваются училища, там попечителю должно быть чаще на месте. Неудобно также определить количество денег потребных каждому попечителю при отправлении для обозрения части или всего округа; ибо иныя округи заключают в себе более губерний, другие менее; одни занимают менее пространства, другие несравненно более; в одних губерниях жизненные припасы и вообще статьи

[176] Там же. Стб. 358.

[177] Высочайший доклад гр. П.В. Завадовского о определении денег на объезд и рассуждение вообще об объездах попечителей // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 32. Л. 29.

содержания дороже, в других дешевле, и притом все сие переменяется по временам»[178]. Ко всем этим обстоятельствам добавлялись и особенности личного характера каждого попечителя.

К визитациям университетских профессоров требования были гораздо строже. Они должны были обязательно знать русский язык, «потому что незнающий онаго должен будет видеть и слышать все чужими глазами и ушами»[179], выполнять в точности данные им наставления, а по возвращении – представлять подробный отчет о поездке. Общей инструкцией для визитаторов считалось наставление, подготовленное весной 1803 г. попечителем Виленского университета кн. А.А. Чарторыйским и одобренное министром народного просвещения гр. П.В. Завадовским[180]. Профессора должны были присутствовать на экзаменах, сами задавать вопросы ученикам, проверять наличие учебников и различных вспомогательных материалов, осматривать здания, проверять тщательность ведения приходно-расходных книг. На основе этого наставления попечители давали визитаторам более детальные поручения, связанные с состоянием училищ в конкретных губерниях. По возможности профессора должны были присутствовать на торжественных открытиях гимназий и уездных училищ, тем самым повышая в глазах местных жителей интерес к учебным заведениям.

Самым оптимальным временем для профессорских визитаций был признан август – в гимназиях и уездных училищах с 1 числа начинались занятия, тогда как в университете до середины месяца продолжались каникулы. Однако, этого времени часто не хватало, профессора задерживались, приходилось либо прерывать осмотр, либо отправляться раньше назначенного срока. Также, как и попечителям, визитаторам выдавалась штатная сумма на путевые издержки.

---

[178] Журнал Главного Правления училищ № 17 от 3 декабря 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 187 об.

[179] О том, что визитаторы училищ должны быть снабжаемы особыми инструкциями от начальства университета // Сборник распоряжений… С. 306.

[180] Наставление визитаторам училищ // Сборник распоряжений... С. 3–9.

5.2.1. Московский учебный округ

Первый попечитель Московского учебного округа тайный советник Михаил Никитич Муравьев за время своего нахождения в должности ни разу полностью не объехал весь свой округ. Исполняя обязанности товарища министра народного просвещения, Муравьев постоянно находился в столице, присутствовал почти на всех заседаниях Главного Правления училищ, поэтому он лишь однажды (весной 1803 г.) осмотрел несколько училищ, расположенных по дороге из Петербурга в Москву: «в проезде своем имел случай обозреть подведомыя ему уездныя училища: Вышневолоцкое, Новоторжское, Клинское, и главное народное училище в Твери … и осмотрел находящияся при университете учебныя заведения и подведомыя ему в Москве училища, сколько краткость времени то позволяла»[181], причем целью его путешествия был, конечно, осмотр университета.

В отличие от своего предшественника, Разумовский, став попечителем, в Петербург почти не выезжал, проживая либо в Москве, либо в подмосковной усадьбе Горенки. Даже университет попечитель посещал только в дни торжественных собраний. Единственным средним учебным заведением, которое попечитель посетил за три года своего пребывания в должности, стала Тверская гимназия и находящееся при ней уездное училище[182].

Совсем другой характер был у сменившего Разумовского попечителя Павла Ивановича Голенищева-Кутузова. Его семилетнее попечительство (1810–1817) характеризовалось энергичным вмешательством в дела университета, стремлением перестроить все на свой лад[183].

---

[181] Отчет министра народного просвещения за 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 72. Л. 31 об.–32.

[182] В Прибавлении к известиям 1809 г. из Исторических училищных записок указано, что «Господин попечитель Московского учебного округа… обозревал губернскую гимназию и находящееся при ней уездное училище, библиотеки и кабинеты [по Тверской губернии]», а 27 августа присутствовал на открытых испытаниях в Московской гимназии и уездном училище // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 26. С. 263–266.

[183] *Андреев А.Ю.* Московский университет... С. 132–139.

Местопребыванием Кутузова стала Москва, но попечитель всегда помнил, что он по должности имел право посещать Петербург. Желание оправдать себя перед министром народного просвещения, особенно после событий 1812 г., разорения Москвы и гибели университетского здания, заставляли попечителя ежегодно умолять гр. А.К. Разумовского разрешить приезд в столицу. Ему казалось, что на него постоянно кто-то наговаривает, представляет в невыгодном свете. «Прошу в.с. сделать мне милость вытребовать меня отсюда поскорее. Вы это вашею властию сделать можете, да и я право на сие имею как прочие попечители, и яко член главного училищ правления, а сие право никаким указом не отменено», – писал Голенищев-Кутузов в декабре 1812 г.[184] В этот раз разрешение было дано, и попечитель отсутствовал в округе почти год: покинул Москву 25 февраля 1813 г., а вернулся 2 февраля 1814 г. Но, когда буквально через три месяца Кутузов вновь обратился к министру с подобной просьбой, ответа на свои послания он не получил. Добиться разрешения императора покинуть Москву попечителю помог государственный секретарь А.С. Шишков. В этот раз попечитель пробыл в Петербурге полтора года (с 26 февраля 1815 г. по 11 июля 1816 г.). Стоит отметить, что в свой первый приезд в Петербург Кутузов так ни разу и не посетил ни одного заседания Главного Правления училищ, во время второго посещения его фамилия упоминается в журналах дважды – в октябре 1815 г. при обсуждении вопросов, связанных с Ярославским Демидовским училищем. Это доказывает, что участие в заседаниях Правления не было главной целью приезда московского попечителя в столицу.

Учебные заведения, расположенные по тракту между двумя столицами, осматривались Кутузовым чаще всего. Это были училища Тверской губернии – губернская гимназия и уездное училище в Твери, а также уездные училища

[184] Письмо П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 13 декабря 1812 г. // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 392.

в Торжке и Вышнем Волочке. Их он посетил в конце 1813 г.[185], в феврале 1815 г.[186] и в июле 1816 г.[187]. Стесненное материальное положение попечителя не позволяло совершать путешествия в Петербург и обратно за собственный счет, тогда как обязанность визитаций давала возможность получить средства из казны. Правда, Кутузова не всегда устраивала та сумма, которую министр определял на путевые издержки. Как правило, Кутузов получал по 2000 руб. на один осмотр, что заставляло его вспоминать как незабвенное благодеяние выданные в 1812 г. три тысячи рублей для проезда от Костромы до Москвы (стоит отметить, что дорога из Петербурга в Москву была в два раза длиннее, чем из Костромы). Осмотр этих учебных заведений не занимал много времени у попечителя и не вызывал никаких замечаний. В письмах к Разумовскому Кутузов ограничивался краткой фразой: «нашел как Гг. Смотрителей с учителями тех училищ в совершенной исправности в рассуждении надзора и преподавания наук, так и самыя домы сих учебных заведений в полном порядке и устройстве»[188].

И только однажды, летом 1811 г., вскоре после вступления в должность, Голенищев-Кутузов специально совершил объезд некоторых губерний Московского округа (Ярославской, Костромской, Тверской, Московской и проездом Владимирской) с целью осмотреть находящиеся в них училища. По пути он отправлял министру донесения, а по окончании визитации представил журнал обозрения[189]. Стоит отметить, что эту поездку попечитель считал чуть ли не подвигом, и на закате своей карьеры описывал ее так: «Объездил 4

---

[185] Отношение П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 2 февраля 1814 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 41. Л. 34.

[186] Отношение П.И. Голенищева-Кутузова Совету Московского университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 214. Л. 47.

[187] Отношение П.И. Голенищева-Кутузова гр. А.К. Разумовскому от 24 июля 1816 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 566. Л. 19.

[188] Там же.

[189] Журнал обозрения училищ Московского учебного округа в 1811 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 132. Л. 7–38.

губернии своего округа, осмотрел все учебныя оных заведения, многия из них исправил, другия открыл, доставил от дворянства и купечества значущия пособия, многих побудил к пожертвованиям. Путешествие его продолжилось три месяца. P.S. Сего из Гг. Попечителей никто еще не делал»[190]. Конечно, Кутузов лукавил: осмотр учебных заведений был далеко не полным, часть существующих к тому времени училищ он своим вниманием не удостоил, а до некоторых губерний попечитель так ни разу и не доехал. Но все же эта визитация принесла определенную пользу.

В журнал обозрения попечителем заносилась основная информация о каждом учебном заведении: преподаются ли науки согласно уставу учебных заведений, за счет каких средств содержится училище, отмечал количество учителей и учащихся, наличие учебников, состояние дома, где помещалось учебное заведение, сохранность денежной казны. Наиболее остро стоял вопрос с помещениями для уездных и приходских училищ: как правило каждое осмотренное училище нуждалось в улучшении бытовых условий. Так, например, ростовское уездное училище помещалось «в квартире, тесно и неудобно»[191], и никакие обращения Кутузова к гражданскому губернатору о содействии не принесли успеха. Неудачей закончилась и просьба попечителя к жителям города Углича о постройке каменного дома для училища, расположенного в двух покоях наемного дома. Вопиющая ситуация оказалась в двух московских частных училищах, Петропавловском и Арбатском, где каменные дома были «тесны и неудобны, а число учащихся так велико, что многие принуждены учится стоя, по недостатку места, где столы поставить»[192].

---

[190] Краткая записка о службе сенатора Голенищева-Кутузова // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 249. Л. 13 об.

[191] Журнал обозрения училищ Московского учебного округа в 1811 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 132. Л. 9.

[192] Там же. Л. 31. Насколько разными могут быть результаты осмотра, когда они проходят формально, показывает донесение попечителя при прошлогоднем осмотре тех же учебных заведений: «25 июня 1810 г. Павел Иванов Голенищев-Кутузов посещал Московскую губернскую гимназию и по всем частям нашел хороший порядок; в тот же и в последующие дни обозревал прочие в Москве учебные заведения как публичные, так и частные, и везде нашел надлежащий порядок и устройство», но ведь понятно, что за год так

Не мог московский попечитель обойти вниманием и общую проблему российского начального и среднего образования – сокращение обучения учащихся различных сословий по воле родителей. «Просвещение купца, мещанина ограничивается одними самонужнейшими познаниями. Самый богатый купец считает сына своего довольно наставленным, если сей научился хорошо читать и писать, и имеет поверхностное знание в арифметике; почему как скоро он выслушав предметы уездного училища берет его домой. Гражданские чиновники, будучи сами мало просвещены светом учения, заботятся также весьма мало об истинном просвещении детей своих, и весьма немногие позволяют детям оканчивать весь курс гимназического учения, а стараются как можно ранее записать их при себе в канцелярские служители»[193]. Эта тенденция замедляла общий ход реализации школьной реформы.

Гораздо лучше обстояло дело с учебным процессом. Так, Голенищев-Кутузов почти везде был доволен успехами учащихся. Особенную похвалу вызвали ученики московской гимназии, успехи которой он отметил как лучшие в целом округе. Также получили одобрение ответы студентов Ярославского Демидовского училища, уездных училищ в Переславле-Залесском и Ярославле. Положительной характеристики от попечителя удостоились большинство учителей и профессоров осмотренных учебных заведений. Многих из них Кутузов представил к наградам, а инспектора Тверской дворянской школы майора Мерзлюкина, аттестованного как человека скромного, трудолюбивого и опытного, впоследствии сделал директором училищ Тверской губернии.

Несмотря на выраженную в ответном письме признательность министра за понесенный труд и точность обозрения, продолжить подобные поездки

кардинально ситуация с училищами поменяться не могла. Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1811. № 29. С. 637.

[193] Журнал обозрения училищ Московского учебного округа в 1811 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 132. Л. 36–37.

Голенищев-Кутузов больше не решился. Информацию о состоянии училищ округа московский попечитель получал либо от профессоров-визитаторов, либо из донесений директоров училищ.

Первая инструкция для московских профессоров, отправляющихся на обозрение округа, была подготовлена М.Н. Муравьевым еще в 1803 г. и отправлена им в письме ректору Московского университета Х.А. Чеботареву[194]. В последующие годы эти наставления менялись лишь частично, как правило, добавлялись особенные поручения под конкретную визитацию. Сохранившиеся инструкции достаточно подробно раскрывают общие задачи, стоявшие перед университетскими преподавателями в ходе ежегодных объездов. Визитаторы должны были лично проверять имеющуюся информацию о состоянии каждого учебного заведения: в каком здании находится, удобно ли оно для проведения занятий, достаточно ли имеет учебных пособий и вспомогательных материалов. Обязательное присутствие на открытых испытаниях должно было дать визитатору понимание степени успешности учебного процесса в училище. В наставлении подчеркивалось, что «каждый класс должен быть испытан подробно и с довольным временем, дабы обозритель мог удовлетвориться о действительных успехах каждаго, не останавливаяся на тех единственно, которые от учителей признаются отличными, и которые не могут служить общею мерою успехов»[195], причем главным качеством ответа ученика должно было стать не механическое повторение заученного материала, а понимание и практическое применение преподанных знаний. Наиболее способных учеников следовало поощрять наградами, «представляя им новую дорогу в усовершенствовании их знаний в вышних училищах»[196]. Отдельно визитатор должен был оценить уровень преподавания и способности учителей.

---

[194] Книга отходящих дел канцелярии попечителя Московского учебного округа за 1803 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 1. Л. 44.

[195] Наставление обозрителю училищ. 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 179. Л. 59 об.

[196] Там же.

Все данные, полученные в ходе осмотра училищ, свои замечания, рассуждения и предложения, визитатор заносил в журнал обозрения. По возвращении в университет этот журнал представлялся на обсуждение в Училищный комитет, который в свою очередь делал из всех визитаторских донесений общее систематическое изложение (более или менее краткое) и через Совет университета посылал на утверждение попечителю. К сожалению, в ходе московского пожара 1812 г. почти весь корпус документов, находившийся в архиве университетской канцелярии, был уничтожен. Один из немногих сохранившихся журналов обозрения принадлежит перу профессора А.А. Прокоповича-Антонского, осматривавшего училища Рязанской и Владимирской губерний в 1805 г. Визитаторский журнал был найден среди других бумаг профессора и частично опубликован в 1888 г. в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии»[197]. Систематические извлечения из визитаторских замечаний сохранились в ежегодных отчетах попечителя только до 1810 г.[198], при Голенищеве-Кутузове информация о профессорских визитациях в отчетах министру встречается довольно редко.

По предложению попечителя визитаторами на 1803 г. были назначены профессоры М.И. Панкевич, И.А. Гейм, В.К. Аршеневский и коллежские ассесоры М.И. Невзоров и П.М. Дружинин[199]. Каждый из них должен был осмотреть учебные заведения двух губерний, однако, когда пришло время начинать визитацию, профессор В.К. Аршеневский по неизвестным причинам отказался. Таким образом М.И. Панкевичу достались училища Ярославской, Вологодской и Костромской губерний, И.А. Гейму – Тульской и Калужской, М.И. Невзорову – Тверской и Смоленской, а П.М. Дружинину –

---

[197] Отчет профессора Московского университета А.А. Прокоповича-Антонского о визитации училищ Рязанской губернии в 1805 году // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1888. Т. 3. № 3. С. 45–51.

[198] Отчеты по Московскому учебному округу за 1803–1810 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 178–185.

[199] Книга отходящих дел канцелярии попечителя Московского учебного округа за 1803 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 1. Л. 38.

Владимирской, Московской и Рязанской[200]. На содержание визитаторов и путевые издержки полагалась штатная сумма в 3000 руб.[201].

В результате первого обозрения училищ визитаторы пришли к определенным выводам. Жители всех губерний Московского округа «более или менее наклонны к учению», однако существующий «образ учения в народных училищах постановленный» вынуждал родителей обучать своих детей дома. Необходимо было не только улучшить преподавание в училищах, но и увеличить их число, поскольку «самых заведений сих весьма недостаточно: из 138 городов, посадов и знатнейших сел в Московском учебном округе, народные училища имеются только в 83-х городах и одном посаде, не исключая и самой Москвы»[202]. Визитаторы обратили внимание и на занятия жителей отдельных губерний, отметив, что в программу обучения стоило бы ввести предметы, способствующие улучшению местных промыслов. Но главное препятствие к развитию просвещения визитаторы видели в недостаточном финансовом и материальном обеспечении учебных заведений. «Когда благонравие учителей, впрочем хотя и не имеющих высоких знаний, соединится с удобностию училищных домов и избытком учебных пособий; то можно твердо надеяться, что народные училища легко преодолеют действие невежества, разрушат предрассудки и произведут желаемый успех в просвещении»[203]. Стоит отметить, что недостаток учителей и удобных помещений для училищ останутся надолго главными проблемами, тормозящими развитие образовательных реформ. По визитаторским журналам в Училищном комитете было подготовлено два списка учителей: в одном из них перечислялись учителя, которые получили одобрение за свои знания и примерное поведение, а во втором те, кто получил неодобрительный отзыв за

[200] Отчет попечителя Московского учебного округа за 1803 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 178. Л. 16 об.

[201] Книга отходящих дел канцелярии попечителя Московского учебного округа за 1803 год // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 1. Л. 10.

[202] Отчет попечителя Московского учебного округа за 1803 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 178. Л. 18 об.

[203] Там же. Л. 19.

предосудительное поведение и нерадение к должности. Список отличившихся учителей был опубликован в ближайшем номере «Периодического сочинения о успехах народного просвещения»[204].

1804 год стал важным этапом в развитии учебных заведений Московского округа. Все десять главных народных училищ округа было запланировано преобразовать в гимназии, даже несмотря на то, что детали училищного устава только обсуждались в Главном Правлении училищ. Первыми были преобразованы Московская, Тверская и Смоленская гимназии. Начиная с мая месяца, попечитель постоянно торопил ректора с очередным отправлением визитаторов, которые по мысли М.Н. Муравьева должны были не только совершить запланированный объезд, но и стать депутатами от университета в ходе открытия губернских гимназий. Так, профессор М.М. Снегирев присутствовал на торжественном открытии Владимирской гимназии, Вологодская и Костромская гимназии были преобразованы в присутствии профессора Н.Е. Черепанова, а адъюнкт Н.Г. Щеголев оставил интересные замечания об открытии Тульской и Калужской гимназий. Последней в 1804 году была преобразована Рязанская гимназия, куда был отправлен адъюнкт П.М. Дружинин[205].

В июне 1805 года Муравьев вновь напоминает Совету университета о «немедленном назначении особливых обозрителей… дабы они могли вступить в путь свой при самом начале времени отдохновения от университетских учений»[206]. Для «соблюдения большей важности»

---

[204] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 6. С. 66–68.

[205] В отчетных документах попечителя при перечислении визитаторов, осматривавших училища в 1804 г., есть расхождение: в «Полном годовом отчете, представляемом вышнему начальству от Императорского Московского университета за 1804 г.» указано, что Ярославскую, Тверскую и Рязанскую губернии осматривал директор московских училищ П.М. Дружинин // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 179. Л. 24, а согласно «Изложению трудов Императорского Московского университета в течении 1804 г.» Смоленскую и Тверскую губернии посещал профессор В.К. Аршеневский, а Дружинин был только в Московской и Рязанской // Там же. Л. 74.

[206] Книга исходящих дел канцелярии попечителя Московского учебного округа за 1805 год // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 3. Л. 92 об. – 93.

попечитель предлагал отправить только ординарных профессоров, которые могли взять с собой по одному казенному студенту. Совет назначил для обозрения Рязанской и Владимирской губерний профессора А.А. Прокоповича-Антонского, Вологодской губернии – профессора А.М. Брянцева, Смоленской и Тверской губерний – профессора И.А. Гейма, Ярославской и Костромской губерний – профессора В.К. Аршеневского, Калужской, Тульской и части Московской губерний – профессора П.А. Сохацкого, а учебные заведения в Москве должны были посетить сразу четыре профессора: М.И. Панкевич, И.Т. Буле, Ф.Х. Рейнгард и Л.А. Цветаев. Часть тверских училищ было предложено осмотреть начальнику университетской типографии М.И. Невзорову, который как раз возвращался в Москву из столицы. К середине июля выбор Совета был одобрен попечителем, настоятельно просившем профессоров начать визитацию уже в конце месяца[207].

В последующие годы училища Московского учебного округа осматривали профессора И.А. Иде, Ф. Гольдбах, Х.Л. Штельцер, И.П. Воинов, А.М. Брянцев, Х.А. Шлецер, И.А. Двигубский, М.Г. Гаврилов, А.Ф. Мерзляков, М.Т. Каченовский. Каждый из них объезжал учебные заведения одной или двух губерний, стараясь посетить все имеющиеся училища – гимназию, уездные, приходские и малые народные. Интересно, что повторную визитацию в эти же губернии профессоры не совершали: Совет университета предпочитал каждый год менять визитаторов.

В связи с принятием нового училищного устава Совет решил дополнить инструкцию для визитаторов, написанную Муравьевым. На них теперь возлагалась обязанность проверять приходно-расходные книги гимназий и уездных училищ, следить за правильным хранением денежных средств, и «в особенности, с какою пользою для училищ отдаются в сохранение

[207] Результаты визитаторских донесений в 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 295. Л. 14–17.

остающиеся, если где есть, от обыкновенных расходов»[208]. Визитатор должен был склонять местное начальство к открытию училищ в тех уездах, где их еще не было, и если не уездных, то хотя бы приходских, «дабы заблаговременно приуготовить учеников к уездному»[209]. Ему давалось право именем университета относиться к гражданскому губернатору, требуя у него содействия и активной поддержки в этом вопросе. Поскольку приходские училища не финансировались из казны, было очень важно убедить местных жителей в необходимости заведения начальных школ и склонить их к пожертвованиям. Учителями для них могли стать священнослужители, поэтому визитатор должен был постараться «изобресть случай познакомится с духовными властями и предрасположить их в пользу приходских училищ»[210].

Профессора старались в точности выполнить предписанные наставления. Приезжая в губернский или уездный город они первым делом осматривали здание, в котором помещалось учебное заведение. Затем проводилась проверка хозяйственной части гимназий и уездных училищ: финансовых отчетов, шнуровых книг, наличной суммы. Визитаторы осматривали библиотеки, физические и минеральные кабинеты (были только в гимназиях), наличие учебной литературы. В присутствии городничего, уездного предводителя дворянства, почетных горожан проводились открытые испытания, по результатам которых лучшие ученики награждались книгами. Отдельно профессора оценивали способности учителей, методику преподавания, отмечали их личные качества.

Университетский устав 1804 г. налагал на университет обязанность не только получать все донесения директоров гимназий, требовать от них в случае какого-либо беспорядка нужные объяснения, но и назначать и увольнять «если окажутся недостойными сего звания» всех училищных

---

[208] Наставление визитаторам Московского учебного округа. 1805 год // Там же. Л. 10 об.

[209] Там же. Л. 9 об.

[210] Там же. Л. 13.

чиновников – губернских директоров, смотрителей училищ, учителей[211]. Поэтому так важно было на месте убедиться в правильной постановке учебного процесса, в достаточном хозяйственном обеспечении училищ, что в первую очередь зависело от усердия директора училищ. Как правило, директора удостаивались от визитаторов похвальных оценок. Так, например, о директоре Ярославских училищ было сказано, что он «любим в городе и попечителен»[212], о тверском директоре, что он «рачителен к должности, а по поведению своему любим, уважаем всею публикою»[213], директор Московских училищ «проходит звание свое с усердием и похвалою»[214], подобная характеристика была дана и директору Тульских училищ[215]. Отрицательные же отзывы визитаторов могли стать причиной увольнения. Директор училищ Калужской губернии О.Г. Потресов по донесению профессора Панкевича «очевидно и кажется безвозвратно ослаб, частию по преклонности лет, а частию от нетрезвой жизни и непреодолимой уже привычки к оной»[216]. Директор училищ Вологодской губернии К.С. Станиславский не только ни разу за девять лет нахождения в должности не осматривал уездных учебных заведений (что входило в его обязанности), но и был заподозрен университетом в нерациональном расходовании казенных средств. Директор училищ не позволил осмотреть профессору Снегиреву денежную казну, «удерживал еще, не известно для чего, знатную в руках своих сумму училищам принадлежащую тогда, когда бы она могла приносить пользу», а вместо наличных денег представил визитатору расписку «в том виде, как бы

---

[211] Устав Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов // Сборник постановлений... Стб. 326–327.

[212] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 91.

[213] Там же. Л. 99 об.

[214] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 184. Л. 154.

[215] Там же. Л. 159.

[216] Там же. Л. 156 об.

сумма сия взята была им на расходы по училищам»[217]. На следующий год и Потресов, и Станиславский лишились своих мест.

При осмотре училищ визитаторы обращали внимание на соответствие преподаваемых предметов уставу учебных заведений, поскольку даже в новообразованных училищах не всегда хватало учителей для обучения всем запланированным в уставе наукам. Особенно сложно обстояло дело с преподаванием латинского языка, который по отзыву профессора Х.А. Шлецера «находился в большом пренебрежении»[218].

В отличие от систематических изложений, в которые помещали только информацию, непосредственно касающуюся учебных заведений, визитаторский журнал А.А. Прокоповича-Антонского дополнен интересными подробностями о природных особенностях края, занятиях местных жителей, постройках и сохранившихся исторических памятниках. Профессор осмотрел все имеющиеся на тот момент школы в губернии – гимназию, уездное и приходское училище в Рязани, а также девять малых народных училищ по уездам (в Пронске и Данкове к этому времени училища прекратили свое существование). Лучше всего оказалось состояние Зарайского, Касимовского и Скопинского училищ, которые визитатор предложил преобразовать в уездные.

Несомненно, визитаторские поездки приносили значительную пользу, а личное присутствие профессоров заставляло местную власть больше обращать внимание на нужды учебных заведений. Одним из самых серьезных недостатков, на который указывали визитаторы, было состояние училищных домов. Профессора характеризовали учебные постройки как «весьма тесные и

[217] Там же. Л. 161 об.

[218] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 94 об.

неудобные»[219], «весьма бедные»[220], «неприличные»[221], а некоторые московские училища были так тесны, что не хватало места для учащихся, «почему многие во время письменного класса принуждены писать или стоя, или на коленях»[222]. Посещая училища Рязанской губернии Прокопович-Антонский каждый раз пытался убедить местную власть найти новые помещения для школ. И его труды приносили результат. В Касимове малое народное училище помещалось в деревянном ветхом общественном доме. Визитатор «согласил Градскую Думу, чтоб на большой улице, на том самом месте, которое по плану назначено возле собора для училища, выстроить дом, а прежний отделать для учителей. Место освящено, дом заложен и для учебных пособий граждане подписали более двухсот пятидесяти рублей»[223]. В 1808 г. профессор Снегирев, осматривавший это училище, похвалил новое здание, найдя его «изрядным». Улучшений удалось добиться для Скопинского, Спасского и Раненбургского малых училищ, причем Прокопович-Антонский отметил, что «везде, где ни отвели при мне новые квартиры, гг. городничий и головы обещали не переменять их»[224]. Сложная ситуация с помещением возникла и у Ярославской губернской гимназии. Здание Екатерининского дома призрения ближнего, где помещалось Ярославское главное народное училище, требовало капитального ремонта, поэтому учеников преобразованной 15 мая 1805 г. гимназии временно поместили в покои, предназначенные для Демидовского училища вышних наук[225]. После «поправок» гимназия вернулась в дом призрения, но проблемы

---

[219] Там же. Л. 91, 91 об., 101.

[220] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 184. Л. 165 об.

[221] Там же. Л. 167 об.

[222] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 85.

[223] Отчет профессора Московского университета А.А. Прокоповича-Антонского о визитации училищ Рязанской губернии в 1805 году // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1888. Т. 3. № 3. С. 47.

[224] Там же. С. 49.

[225] *Фирсов Д.Е.* К вопросу размещения Ярославской губернской гимназии // http://www.gvw-rggu.narod.ru/section/section3/stati2012/firsov.htm. Дата обращения – 26.03.2025 г.

со зданием сохранились – по словам визитаторов, помещение было «тесно и даже безобразно»[226].

Сами профессора, оценивая пользу от ежегодных визитаций, предлагали внести в процесс назначения обозрителей некоторые изменения. Так, А.А. Прокопович-Антонский предложил не менять каждый год визитаторов по губерниям, а посылать одних и тех же, поскольку о «возвышении училищ визитаторы лучше судить будут, когда несколько раз сряду ездить станут по одним и тем же губерниям»[227]. Профессор Х.А. Шлецер, осматривавший в 1808 г. учебные заведения Костромской и Вологодской губерний, просил увеличить число визитаторов и посылать одновременно двух профессоров, особенно в отдаленные от Москвы губернии, «ибо часто при беспрестанно возобновляющемся единообразии визитатор утомляется, и теряет охоту делать нужные исследования», а так, пока «один делает обозрение училища, другой мог бы заняться разными учеными наблюдениями, от чего бы могла произойти двоякая польза»[228]. Однако и существующая практика назначения визитаторов была крайне обременительной как для университета, так и для самих профессоров, у которых эти поездки забирали много сил. Получалось, что весь период вакаций они проводили в дороге, преодолевая сложности путешествия, особенно, если приходилось осматривать обширные и далекие от университетской столицы губернии. Печально закончилась визитация в Вологодскую губернию профессора И.А. Иде в 1806 г.: будучи не совсем здоровым, он отправился осматривать училища, а после возвращения скончался от легочной язвы[229].

---

[226] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 91; Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 184. Л. 163 об.

[227] Отчет профессора Московского университета А.А. Прокоповича-Антонского о визитации училищ Рязанской губернии в 1805 году // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1888. Т. 3. № 3. С. 51.

[228] Систематическое извлечение из визитаторских донесений на 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 94 об.

[229] Университет в Российской империи… С. 221.

Университетский Совет старался обеспечить ежегодную визитацию всех губерний Московского учебного округа хотя бы в первое десятилетие действия нового устава. Но это получалось не всегда. Анализируя попечительские отчеты, можно обратить внимание на то, что в 1807 и 1810 гг. количество визитаций резко сократилось: в 1807 г. профессором Х.А. Шлецером и директором московских училищ П.М. Дружининым были осмотрены только учебные заведения Тульской и Ярославской губерний, а в 1810 г. профессором М.Т. Каченовским – училища Калужской губернии. Возможно, это было связано с тем, что как раз в эти годы происходила смена попечителей: 29 июля 1807 г. умер М.Н. Муравьев и на его место был назначен гр. А.К. Разумовский, которого в свою очередь 14 мая 1810 г. сменил П.И. Голенищев-Кутузов.

В 1811 г. визитаторов «для обозрения училищ Московского округа не было посылано, потому что Его Превосходительство господин попечитель Московского округа Павел Иванович Голенищев-Кутузов с Высочайшего дозволения осматривал сам училища, состоящие в Тверской, Костромской и Ярославской губерниях»[230]. Военные действия не позволили отправить профессоров-визитаторов и в 1812 г., а в следующие годы полных систематических инспекций не совершалось, университет ограничивался осмотром лишь нескольких губерний округа.

5.2.2. Санкт-Петербургский учебный округ

Столичный учебный округ не имел в начале XIX в. университета, а значит, и Училищного комитета, который следил за регулярным отправлением визитаторов для осмотра школ. Попечитель округа Н.Н. Новосильцев одновременно занимал должности президента Академии наук, товарища министра юстиции, нередко сопровождал императора Александра I в заграничных путешествиях и не мог посещать учебные заведения так часто,

[230] Отчет попечителя Московского учебного округа за 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 186. Л. 59.

как это предписывалось училищными постановлениями. Из-за отсутствия университетских профессоров осматривать учебные заведения Новгородской и Псковской губерний в 1803 г. по поручению попечителя отправился академик В.М. Севергин. Оставшиеся три губернии должен был объехать академик Я.Д. Захаров, но его визитация в положенное время так и не состоялась, хотя инструкцию он получил еще в мае. Подробный отчет о своей визитации с «показанием о успехах преподавания и учеников в каждом училище особенно» Севергин представил на рассмотрение попечителю, а тот со своими комментариями – министру. Основной недостаток, отмеченный визитатором, состоял в том, что «училищные дома везде почти в худом состоянии, ветхи, тесны и неопрятны и что городские думы по собственному ли недостатку, или по небрежению, не охотно дают нужное на содержание сих училищ»[231]. Похожие сложности были замечены и на следующий год при осмотре училищ Санкт-Петербургской, Архангельской и Олонецкой губерний академиком Захаровым[232]. Но даже эти отдельные визитации прекратились, как только Новосильцев покинул столицу. Следующие три года основу отчета попечителя министру о состоянии училищ округа оставляли извлечения из директорских донесений. И только в 1808 г., после окончания военных действий с Францией, попечитель нашел время для объезда учебных заведений округа. В его присутствии были торжественно открыты Новгородская и Псковская гимназии, преобразованные из главных народных училищ, а также положено начало к преобразованию Олонецкой гимназии в

[231] Представление Н.Н. Новосильцева П.В. Завадовскому о замечаниях визитатора Севергина по Новгородской и Псковской губерниям и его (Новосильцева) дополнения // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4. Л. 17. На следующий год отчет академика был опубликован отдельным трудом: Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1803 году Академиком, Коллежским Советником Ордена св. Анны второго класса Кавалером Василием Севергиным. СПб, 1804.

[232] Отчет попечителя Санкт-Петербургского учебного округа за 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 77. Л. 37–45 об.

Петрозаводске[233]. «Результатом этого осмотра было улучшение состояния учителей 6 малых народных училищ Псковской губернии и 9 малых училищ Новгородской», поскольку Новосильцев смог добиться согласия членов Главного Правления училищ на увеличение жалования учителям малых народных училищ за счет средств училищного капитала[234]. Регулярные визитаторские поездки Новосильцев наладить так и не смог.

В 1810 г. до министра народного просвещения дошли известия о нестроениях в Псковской гимназии – в Правление поступил донос одного из учителей о неправомерных тратах гимназических сумм директором Псковских училищ. Первое рассмотрение дела было произведено гражданским губернатором, который оправдал директора. Разумовский решил узнать подробности дела и отправил в Псков визитатором советника комитета Правления Академии Наук В.И. Емса. Он не только подтвердил невиновность директора и законность увольнения написавшего донос учителя Измайлова, но и доложил министру о неудобном состоянии гимназических классов, размещаемых в генерал-губернаторском доме, отсутствии денежных поступлений от приказа общественного призрения, а также ходатайствовал о поощрении учителей, сделавших новые переводы учебных пособий и другие полезные открытия[235].

После вступления С.С. Уварова в должность попечителя столичного учебного округа, министр потребовал от него возобновить осмотры учебных заведений: «По Санкт-Петербургскому округу давно уже не были посыланы визитаторы для обозрения училищ. Находя нужным сделать таковое обозрение, прошу Ваше Превосходительство предложить Конференции Педагогического Института избрать визитаторов для училищ по губерниям: Псковской, Архангельской, Олонецкой и Новгородской или по каким обозрениям училищ признаете необходимейшим. Отправление визитаторов

---

[233] *Калинина Е.А.* Система народного просвещения... С. 183.

[234] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 11 февраля 1809 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–19 об.

[235] Донесение профессора Емса // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 333. Л. 11–20 об.

должно расположить так, чтобы они могли видеть в училищах способ преподавания наук; следовательно они должны отправиться не прежде августа месяца. А чтоб от отлучки профессоров не потерпело в Институте учение, на то время можно поручить преподавать оное прибывшим и имеющим пробыть из чужих краев студентам. Кто же именно и куда назначен будет визитатором, о том буду ожидать Вашего уведомления»[236]. Попечитель решил начать визитации с училищ Архангельской и Олонецкой губерний, для осмотра которых Конференция Института выбрала профессора П.Д. Лодия. Интересно, что первоначально для Лодия была взята инструкция, которая давалась московским профессорам (за подписью ректора И.А. Гейма), только губернии Московского округа были заменены на те, куда отправлялся профессор[237], но потом было решено подготовить ему отдельное наставление, которое подписал уже сам попечитель[238].

Три месяца Лодий отсутствовал в столице, за это время он осмотрел две гимназии и несколько уездных и приходских училищ. В обоих гимназиях Лодий провел общее заседание с директором, смотрителем, старшими и младшими учителями, узнал о способах преподавания каждого предмета, об используемых учебных книгах, освидетельствовал приходно-расходные ведомости[239]. Учебным и хозяйственным состоянием учебных заведений Архангельской и Олонецкой губерний профессор был очень доволен и ходатайствовал перед попечителем о награждении директоров училищ. В итоге, директору олонецкой гимназии Ушакову был высочайше пожалован орден св. кн. Владимира IV степени, а директор архангельской гимназии Сильвестров был произведен в чин коллежского ассесора.

---

[236] Отношение гр. А.К. Разумовского С.С. Уварову от 19 июля 1811 г. // Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 1–1 об.

[237] Наставление визитаторам // Там же. Л. 3–7. Правка выполнена карандашом.

[238] Наставление Санкт-Петербургского Педагогического Института профессору Лодию, отправляющемуся для обозрения училищ в Олонецкой и Архангельской губерниях в качестве визитатора // Там же. Л. 15–21 об.

[239] Выписка из дела по обозрению училищ // Там же. Л. 22–28 об.

Регулярных визитаций Уваров, как и ранее Новосильцев, организовывать не стал. И только распоряжение министра вновь поставило этот вопрос на повестку дня. В начале 1815 г. Разумовский не просто поручил осмотреть учебные заведения столичной губернии, пожелав, «чтобы состоящие в Санкт-Петербурге гимназия, училища и пансионы, по крайней мере каждую треть, а находящиеся в уездах здешней губернии ежегодно, обозреваемы были, как со стороны учебной, так и хозяйственной частей», но и сам назначил для такой визитации профессора Педагогического института В.Г. Кукольника[240]. Профессору были выделены 200 руб. на объезд учебных заведений столицы, в число которых попечитель не стал включать гимназию, состоящую под его личным «надзором и распоряжением»[241]. Из-за «вскрытия реки» профессору пришлось прервать начатое в марте обозрение училищ и заново приступить к нему только в мае. По итогам визитации попечителю были представлены подробный отчет по каждому учебному заведению со списком учителей, учеников и положения родителей, расписанием учебных предметов[242]. В каждом училище профессор провел «довольно строгое испытание всем ученикам и во всех предметах, продолжавшееся по три часа, иногда и далее» и вынес довольно благоприятное мнение об их успехах: «Вообще можно утвердительно сказать, что училища в столице хорошо устроены и успехи учащихся соответствуют ожиданию правительства». Самой серьезной проблемой, по мнению Кукольника, являлось недостаточное жалование учителей, которого при «понижении курса государственных ассигнаций и возвышении почти в такой же пропорции дороговизны» явно не хватало для проживания в столице и содержания многочисленной семьи[243].

---

[240] Отношение гр. А.К. Разумовского С.С. Уварову от 17 февраля 1815 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 164. Л. 1.

[241] Донесение С.С. Уварова гр. А.К. Разумовскому от 23 марта 1815 г. // Там же. Л. 9.

[242] Состояние казенных училищ в Санкт-Петербурге, в коем они найдены при осмотре их, сделанном профессором Педагогического Института Василием Кукольником 1815 года // Там же. Л. 21–90.

[243] Примечания относительно к статьям инструкции, данной для руководства при осмотре казенных училищ // Там же. Л. 15–20.

Как только Кукольник закончил осмотр столичных школ, попечитель решил командировать его проинспектировать псковские училища, преобразованные к этому времени по училищному уставу 1804 г. Визитация профессора выявила серьезные финансовые нарушения, сделанные директором псковской гимназии Карауловым: отсутствовали остатки сумм за 1814 и 1815 гг., а также деньги, принадлежащие училищам уездных городов. Предложение Уварова отправить на разбирательство в Псков еще одного визитатора вызвало крайнее неудовольствие министра, который посчитал, что канцелярия попечителя должна была сразу выявить расхождения в присылаемых из губернии ведомостях. Разумовский приказал передать должность директора одному из учителей, прекратить выплату жалования Караулову, проверку счетов поручить старшим учителям гимназии и начать ее с момента вступления Караулова в должность[244]. Разбирательство длилось несколько месяцев, в конце 1816 г. уже новый министр народного просвещения кн. А.Н. Голицын разрешил отправить в псковскую гимназию профессора М.Ф. Соловьева, который и закончил сверку директорских счетов с 1812 по 1816 гг. И директор, и старший учитель гимназии Ильенков, занимавшийся письмоводством, признали свою вину и согласились полностью возместить недостачу казенных денег.

В рассматриваемый период регулярных визитаций в Санкт-Петербургском округе не проводилось, попечители отправляли профессоров на осмотр учебных заведений изредка и только после напоминания министра. Профессора Педагогического Института не могли брать на себя функции Училищного комитета, отсутствие которого негативно сказывалось на контроле за средними и начальными школами.

5.2.3. Харьковский учебный округ

[244] Отношение гр. А.К. Разумовского С.С. Уварову от 29 февраля 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 168. Л. 10–12 об.

Именно гр. С.О. Потоцкий, попечитель одного из самых масштабных учебных округов, уже на втором заседании Правления в феврале 1803 г. сообщил о намерении отправить по губерниям профессоров-визитаторов и предложил распространить эту меру и на все остальные округа, руководствуясь тем, что это необходимо «для получения местных познаний о училищах». Особенно было подчеркнуто, что «таковое местное, личное исследование невозможно заменить требованием письменных сведений, и вообще никакими другими средствами, в рассуждении особливо новости нынешнего устройства училищной части в Империи»[245]. Харьковский попечитель и сам чувствовал потребность в непосредственном осмотре учебных заведений, поэтому предпринял обозрение сразу же как только вернулся в Россию (с апреля 1803 по март 1804 г. Потоцкий находился в Вене по семейным обстоятельствам). В июне 1804 г. по повелению императора Потоцкий получил 3000 руб. на объезд округа[246]. Какие конкретно губернии посетил попечитель не известно, но, по его словам, эта поездка должна была стать окончанием начатой ранее (возможно по пути из Вены в Петербург)[247].

В начале следующего года Потоцкий присутствовал при открытии Харьковского университета и тогда же начал планировать большое путешествие по всем губерниям округа, рассчитывая посетить каждый уездный город. Попечитель прекрасно понимал, что протяженность и разнородность территории округа способствует появлению местных особенностей, которые необходимо было учитывать при преобразовании учебных заведений. Столь масштабную задачу выполнить за один раз было, конечно, невозможно, но за семь месяцев своего путешествия, с марта по октябрь 1806 г., Потоцкий объехал как минимум половину округа. По мере возможности он отправлял министру Завадовскому подробные письма с

[245] Журнал Главного Правления училищ № 2 от 7 февраля 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–8 об.

[246] Отношение гр. П.В. Завадовского гр. С.О. Потоцкому от 9 июня 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 32. Л. 3.

[247] Отношение гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 2 июня 1804 г. // Там же. Л. 1.

рассказом об учебных заведениях, в которых побывал. По пути в университет попечитель посетил Новгород-Северское училище, состоянием которого остался доволен[248]. Само же высшее учебное заведение Потоцкий в 1806 г. осматривал дважды: первый раз с конца марта до конца апреля, а повторно – с середины августа до середины сентября. По традиции попечитель присутствовал на лекциях, университетских собраниях, участвовал в заседаниях университетского Правления, где распорядился об покупке дома для дворянского пансиона при харьковской гимназии, постройке оранжерей и теплиц для Ботанического сада, а также увеличения суммы на покупку книг для университетской библиотеки[249]. В мае попечитель находился в Одессе – единственном городе Херсонской губернии, где к этому времени существовало уездное училище и гимназия. Приятно удивили Потоцкого ученики вольного пансиона, учрежденного при гимназии: «сии дети между прочими занятиями читали и писали по диктованью на четырех языках почти безошибочно: на французском, немецком, итальянском и греческом»[250].

Следующие два месяца харьковский попечитель обозревал самые отдаленные территории своего округа – Таврическую губернию, где посетил единственное малое народное училище в Симферополе; а также землю донских и черноморских казаков. Стоит отметить, что Потоцкий в своих письмах к министру (это единственный сохранившийся источник информации об осмотре попечителем учебных заведений, никаких журналов обозрений он не вел) крайне редко критиковал увиденное им, в основном отмечая успехи училищ. Но самой восторженной похвалы удостоились учебные заведения Черкасска и Екатеринодара, учрежденные и содержащиеся на средства войсковых канцелярий и местных жителей. Трудная дорога, «пространные и дикие степи, … тяжелый воздух, несносныя жары»[251], сопровождающие

[248] Отношение И.И. Халанского гр. П.В. Завадовскому от 14 марта 1806 г. // Там же. Л. 10–10 об.

[249] Отчет по Харьковскому учебному округу за 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 629. Л. 10–10 об.

[250] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 14 мая 1806 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 337. Л. 32 об.

[251] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 13 июля 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 32. Л. 11.

Потоцкого на пути из Черкасска в Екатеринодар и обратно, не могли обещать удовольствия от поездки, но усердие к наукам и ревность к просвещению местного населения удивили его. За несколько лет в земле Войска Донского число училищ увеличилось с одного до шести, к ним прибавилась гимназия в Черкасске, которая, по словам попечителя, «имеет, можно сказать, огромный дом, какого у меня нет во всем округе; и в новом городе предполагают строить еще великолепнейший; оная для начала достаточна снабжена библиотекою, физическими инструментами, натуральным кабинетом и прочими пособиями, которые стараются они умножать»[252]. По инициативе войсковой канцелярии черноморских казаков на уездное училище в Екатеринодаре было собрано единовременно 4500 руб. и еще 1500 руб. было обещано вносить ежегодно. Жители тех мест, имея «совершенную приверженность к просвещению и неограниченное желание доставить детям своим нужное образование» даже были готовы отказаться от казенных средств на содержание своего училища[253]. Чтобы поощрить их к дальнейшим пожертвованиям попечитель просил министра сообщить об этом императору и напечатать имена крупных жертвователей в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения». После вторичного посещения Харькова Северин Осипович планировал проехать в «те части Малороссийских губерний, которые еще не осматривал и между прочим в Полтаву»[254]. На заседании Главного училищ Правления в Петербурге харьковский попечитель появился только 11 октября.

Казалось, что такое длительное путешествие утомит попечителя и следующее обозрение будет отложено надолго. Однако уже в марте 1807 г. Потоцкий попросил дозволение министра на новый объезд тех губерний, которые не смог посетить в прошлом году, мотивируя тем, что «личное обозрение возродило в ученых чиновниках большую деятельность и

[252] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 13 июля 1806 г. // Там же. Л. 12 об.

[253] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 25 июля 1806 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 337. Л. 62.

[254] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от 13 июля 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 32. Л. 13 об.

соревнование и сделало во всех делах гораздо скорейшее течение, каковое чрез переписки и сношения произвести не можно»[255]. Личного присутствия попечителя требовал также и университет, в котором назревал конфликт: при выборе ректора на 1807 г. одинаковое количество голосов получили профессор хирургии П.М. Шумлянский и профессор физики А.И. Стойкович. Попечитель поддержал кандидатуру Стойковича, который благодаря этому и занял ректорскую должность, но волнения в университете не улеглись (в письме к министру попечитель намекает на полученный донос из Харькова)[256]. Попечитель был отпущен в отпуск на несколько месяцев. За это время он осмотрел учебные заведения округа (какие конкретно – неизвестно), весь август пробыл в Харькове, а по возвращении в Петербург доложил министру и членам Правления, что в Слободско-Украинской губернии, центральной в Харьковском округе, все учебные заведения преобразованы по новому положению[257].

В начале следующего 1808 г. граф Потоцкий вновь уезжает из столицы на объезд учебных заведений округа. Он осмотрел училища нескольких губерний, присутствовал на открытии в Полтаве губернской гимназии и уездного училища, почти весь февраль пробыл в Харькове, где уже традиционно посетил университет и гимназию, а затем отправился на объезд учебных заведений Курской и Орловской губерний. Положение, в котором попечитель нашел малые народные училища в упомянутых губерниях, было крайне тяжелым: «как со стороны помещения и содержания, так и по недостаточным сведениям учителей, нравственным их качествам, и по малому числу учеников, почти из одних крепостных людей и низшего класса обывателей состоящих»[258]. Предложение попечителя о дополнительном

---

[255] Письмо гр. С.О. Потоцкого гр. П.В. Завадовскому от марта 1807 г. // Там же. Л. 14.

[256] *Посохов С.И.* Конфликты в Харьковском университете в начале XIX в. и их интерпретация в публицистике и историографии // Universitates. Университеты: Наука и просвещение. 2008. № 4. С. 20.

[257] Журнал Главного Правления училищ № 10 от 17 октября 1807 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 130 об.

[258] Журнал Главного Правления училищ № 4 от 12 мая 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 69 об.

финансировании со стороны Училищного комитета было отвергнуто Правлением, поскольку на казенное содержание могли претендовать только уездные училища и гимназии. А они были торжественно открыты в присутствии попечителя только в губернских городах, тогда как средств на преобразование остальных восемнадцати малых училищ пока не хватало.

Но все же число гимназий, уездных и приходских училищ в Харьковском округе постоянно увеличивалось, а попечитель продолжал посещать открывающиеся и уже существующие учебные заведения. Конечно, основной целью его инспекционных поездок оставался университет, который был также осмотрен Потоцким в июле 1809 и в сентябре 1810 г. И только отъезд попечителя в январе 1811 г. в Галицию по семейным делам прервал его ежегодные визитации училищ округа – Потоцкий просил отпуск от училищных дел на полгода, а вернулся в Россию только через пять лет[259]. Но тем не менее, харьковский попечитель оказался единственным из чреды первых попечителей, кто смог лично объехать все 12 губерний своего округа.

Первым харьковским визитатором был назначен ординарный профессор И.Ф. Тимковский. Еще до официального начала занятий в университете Тимковский планировал осмотреть все учебные заведения округа. 4 апреля 1803 г. профессор получил подробную инструкцию от попечителя, в которой была поставлена главная задача «осведомиться о подлинном состоянии губернских и уездных училищ не только о зданиях, суммах и прочем по части экономической, но о самом образе учения, о качествах и способностях учителей, их ревности, исправности в своем звании и о степени доверенности к ним от публики. Заметить также какия поправки и дополнения сделать окажется нужным, полезным и удобным для лучшего благоустроения оных»[260]. Визитация затянулась, но Потоцкий был к этому готов, т.к. считал

[259] Письмо гр. С.О. Потоцкого кн. А.Н. Голицыну от 12 декабря 1816 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 270. Л. 1.

[260] Отчет по Харьковскому учебному округу за 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 627. Л. 127 об. Об этой визитации подробнее см.: *Шугуров Н.В.* Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская Старина. 1891. № 8. С. 212–236; № 9. С. 375–406; № 10. С. 82–97.

важным получить общую картину о состоянии училищной части. Только после этого можно было планировать процесс открытия новых и преобразования уже имеющихся училищ. Также итоги этой визитации использовались при составлении инструкций для последующих объездов.

С 1805 г. для осмотра учебных заведений в губерниях и уездах Харьковского округа стали отправлять и других профессоров: А.А. Дегурова, Т.Ф. Осиповского, А.И. Стойковича, Л.А. Умляуфа, И.С. Рижского, Л.К. Якоба, П.М. Шумлянского, Е.А. Васильева, Х.Ф. Роммеля, Г.П. Успенского, И.Е. Срезневского, К.К. Нельдехена, И.П. Каменского, Ф.И. Гизе. Каждому профессору члены Училищного комитета давали как общие наставления, так и частные. Визитаторы должны были выяснить: пригодны ли для занятий училищные здания и какие им требуются исправления, достаточно ли учебных пособий и дополнительных материалов, какова степень квалификации учителей и успехи учеников, а также проверить сохранность денежных средств при ревизии приходно-расходных книг[261]. Отдельные поручения давались по каждому конкретному училищу, например, профессор Л.А. Умлауф, обозревавший в 1806 г. училища Полтавской и Черниговской губерний, должен был «разобрать на месте просьбу Погарского учителя Пашковского в переводе его в другое училище»[262], профессор А.И. Стойкович, отправленный визитатором в том же году в Орловскую и Курскую губернию, принять окончательные меры к открытию в Курске губернской гимназии[263], а профессор И.С. Рижский, осматривавший в 1807 г. школы трех губерний – «изъясниться с преосвященным архиепископом Екатеринославской, Херсонской и Таврической епархии… о средствах к учреждению приходских училищ»[264]. По возможности профессора должны были присутствовать на

[261] Отчет по Харьковскому учебному округу за 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 629. Л. 24.

[262] Инструкция профессору Умлауфу, отправляющемуся визитатором в Полтавскую и Черниговскую губернии // Там же. Л. 23.

[263] Инструкция профессору Стойковичу, отправляющемуся визитатором в Курскую и Орловскую губернии // Там же. Л. 24 об.

[264] Инструкция профессору Рижскому // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 630. Л. 89.

торжественных открытиях гимназий и уездных училищ, тем самым повышая в глазах местных жителей интерес к учебным заведениям. По результатам визитаций профессора готовили подробные отчеты, поступавшие на рассмотрение в Училищный комитет, и уже в следующем году новый визитатор был обязан проверить – исправлены ли на местах замечания прошлого года. Дополнительным результатом таких поездок могли стать археологические или исторические открытия, обогащавшие коллекции университета. После того, как профессор Рижский в 1807 г. при осмотре училищ Херсонской губернии обнаружил около села Ильинского «городище древнего города Ольш» (Ольвии), министр народного просвещения «позволил отправляемым от университета визитаторам также в оном селе отыскивать всякия древности в пользу университета»[265].

Самым активным визитатором Харьковского округа был профессор И.Ф. Тимковский, который в 1803–1804 гг. один объехал все губернии и затем вплоть до 1811 г. ежегодно продолжал осмотры школ уже по отдельным уездам. Также можно отметить профессора А.А. Дегурова, который уже во втором десятилетии XIX в. смог побывать в большинстве губерний (за исключением Воронежской, Полтавской и очень редко посещавшейся визитаторами земли Донских и Черноморских казаков). Но и он, и остальные профессора с 1813 г. почти прекратили подавать письменные донесения в Училищный комитет, а последний, соответственно, в Министерство народного просвещения.

Многие проблемы учебных заведений, на которые обращали внимание визитаторы, встречались и во всех остальных учебных округах – это и трудности в подборе квалифицированных учителей, в обеспечении школ подходящими зданиями, в бесперебойном поступлении средств. Тем важнее было сохранить регулярность таких поездок, поскольку только при постоянном внимании к частным нуждам каждого училища, которое встречал

[265] Отчет по Харьковскому учебному округу за 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 634. Л. 9 об.

на своем пути визитатор, можно было надеяться на решение то и дело возникающих проблем. Естественно, подобные поездки были крайне обременительны для профессоров: длительное время они должны были проводить в дороге, путешествуя по отдаленным и труднодоступным местам в течение нескольких месяцев. Совету университета пришлось даже выпустить специальное распоряжение, чтобы визитатор каждые три недели оповещал университет «где находится и что им сделано»[266]. И стоит отметить, что даже при таком активном попечителе, понимающем в полной мере необходимость личного осмотра подведомых ему учебных заведений, и деятельного Училищного комитета университета, не прекратившего отправление визитаторов даже в период многолетнего отсутствия попечителя, в округе оставались губернии, куда профессора или совсем не приезжали (например, Таврическая), или осматривали не регулярно (Воронежская, Орловская, Херсонская).

5.2.4. Казанский учебный округ

Тяжелее всего было инспектировать географически удаленный от центра Империи и самый малочисленный Казанский учебный округ. Члены Правления училищ, обсуждая требования к визитациям, справедливо отмечали, что на осмотр училищ всех губерний Казанского округа «недостаточно было бы и года»[267]. Первый попечитель академик С.Я. Румовский в силу своего возраста не стремился покидать Петербург и в Казани был всего один раз при открытии университета в 1805 г. По пути ему удалось также осмотреть Казанскую гимназию, «которая им как со стороны учения, так воспитания юношества и хозяйственной части найдены в наилучшем порядке; равным образом в главных народных Казанском и Нижегородском, и малых училищах Козмодемьянском, Чебоксарском и Арзамасском усмотрен

[266] Ведомость о состоянии Императорского Харьковского университета за 1808 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 632. Л. 5.

[267] Журнал Главного Правления училищ № 17 от 3 декабря 1808 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 188.

им надлежащий порядок»[268]. Но при своем основании университет был лишен Училищного комитета, а это означало, что личный контроль за училищами округа осуществлять было некому. Визитаторов Румовский не назначал, хотя, по его словам, с момента назначения попечителем «нес в продолжении осьми лет всю тягость помянутого (Училищного) комитета»[269]. И только по повелению министра гр. П.В. Завадовского в некоторые учебные заведения состоялись визитаторские поездки: в 1807 г. профессор Яковкин осмотрел Пензенскую гимназию, а также Симбирское главное и Алатырское малое училища, а в 1809 г. адъюнкт И.И. Запольский и магистр П.С. Кондырев посетили школы Оренбургской губернии, а также несколько училищ Казанской и Нижегородской губерний[270]. Интересно отметить, что Оренбургский военный губернатор кн. Г.С. Волконский был очень доволен как прошедшей визитацией, так и ее обозрителями: «они не токмо порученныя им дела отправляли, как я самолично видел, с неутомимою бдительностью, и во все части училищнаго управления входили с подробнейшею осмотрительностью и вниманием; но и благоразумным обращением своим и похвальным поведением заслужили внимание мое и публики, а чрез то и училищныя заведения по Оренбургской губернии приняли совсем другой лучшей вид»[271].

Такие единичные похвальные отзывы, конечно, не означали, что училища в округе находились в цветущем состоянии. Также как и в других округах, учебным заведениям Казанского округа не хватало достойных помещений для занятий, жалование учителей было скудным, поддержка местных жителей была минимальной. Из-за отсутствия финансирования свои должностные обязанности по объезду школ не могли в полной мере выполнять

[268] Отчет попечителя Казанского учебного округа за 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 482. Л. 6 об.

[269] Дело об учреждении при Казанском университете Училищного Комитета // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 105. Л. 1 об.

[270] Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 26. С. 258–260.

[271] Об избрании визитаторов для обозрения учебных заведений и результатах их донесений о состоянии училищ // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 79.

и директоры училищ. В своем отчете в министерство за 1806 г. Румовский отмечал, что «Казанской, Пензенской, Нижегородской, Вятской, Астраханской и Оренбургской губерний директоры училищ осматривали уездные училища в сем году единократно; для обозрения Верхнеудинского училища в Иркутской губернии посылаем был старший учитель гимназии Бельшев. Прочих же губерний директоры по отдаленности и по неимению на проезд прогонных денег не могли сделать осмотра училищам в уездах»[272].

Планируя свой переезд в Казань, новый попечитель гр. М.А. Салтыков решил не откладывать визитацию и сразу осмотреть учебные заведения, лежащие на пути из Санкт-Петербурга. Обращаясь к министру с просьбой о выделении денежных средств, попечитель писал: «Поелику … я предполагаю отправится из здешней столицы к своей должности в Казань, намерен, остановясь на пути, лично сделать обозрение Нижегородской гимназии и некоторым уездным училищам сей губернии, и также училищам Казанской губернии, на дороге лежащим, а по прибытии своем в Казань, коль скоро обстоятельства позволят, на основании 21 пункта Предварительных Правил народного просвещения, намерен сделать таковое же обозрение и прочим гимназиям ближних губерний с подведомыми училищами; а в отдаленные губернии отправить визитаторов, по той причине, что Казанскому округу не было еще делаемо надлежащего обозрения»[273]. Разумовский приказал выплатить Салтыкову 3000 руб. из средств, положенных на визитации, но информации о том, удалось ли графу выполнить задуманное, а также документов о назначении им визитаторов, у нас нет[274]. На следующий год университет был, наконец, торжественно открыт, но и тогда объезд учебного округа по своим губерниям совершали только директоры училищ. И лишь в 1815 г. попечитель не только сам отправился на осмотр школ Вятской и

[272] Отчет попечителя Казанского учебного округа за 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 483. Л. 73.

[273] Представление гр. М.А. Салтыкова гр. А.К. Разумовскому от 23 января 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 130. Л. 16.

[274] Салтыков с семьей выехал из Санкт-Петербурга 15 февраля, в Казань прибыл 4 марта // Там же. Л. 20.

Пермской губерний, но и Советом университета были выбраны четыре профессора для визитации остальных территорий обширного учебного округа.

Весной 1815 г. Салтыков присутствовал на публичных испытаниях в Вятской и Пермской гимназиях, осмотрел здания, классы и учебные пособия в уездных, приходских и малых училищах Вятки, Перми, Нолинска, Слободского и Глазова, пообщался с губернаторами, директорами училищ и другими чиновниками, настойчиво склоняя их как к улучшению состояния имеющихся учебных заведений, так и скорейшему преобразованию малых народных школ. В своем донесении министру народного просвещения попечитель особо отметил заслуги Вятского гражданского губернатора Ф.И. фон Брадке «за неусыпное его старание и усердие к пользе учебных заведений», но в общем заметил, что «действовать на умы и расположение людей в сих двух губерниях чрез одну учебную часть и чрез самое просвещение весьма трудно», но необходимо, «чему открытие уездных училищ много может способствовать»[275]. Даже такое небольшое путешествие помогло Салтыкову детальнее ознакомится с учебным и хозяйственным положением учебных заведений, но, к сожалению, эта визитация оказалась единственной за все время его недолгого попечительства.

Профессора серьезно подошли к возложенной на них обязанности и не только осмотрели практически все имеющиеся учебные заведения в тех губерниях, куда были отправлены, но и оставили детальный отчет о визитации[276]. Так, профессор Ф.Х. Эрдман объехал Симбирскую, Астраханскую и Саратовскую губернии, профессор К.Ф. Реннер – Пензенскую и Тамбовскую, профессор Г.Б. Никольский – Нижегородскую и Казанскую, а профессор Ф.Л. Брейтенбах – Оренбургскую. Визитаторы составили

[275] Донесение гр. М.А. Салтыкова гр. А.К. Разумовскому от 15 марта 1815 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 178. Л. 5.

[276] Интересно отметить, что выполняя данный им наказ подробно записывать состояние каждого посещенного учебного заведения, профессора представили результаты своего осмотра в виде таблицы (ни в одном округе так не делали) // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 196. Л. 3–28.

характеристику на каждого учителя, смотрителя и директора училищ, показали успехи учеников в преподаваемых им дисциплинах, осмотрели и описали состояние учебных помещений, классов, проверили наличие учебных пособий и других вспомогательных материалов, а также освидетельствовали приходно-расходные книги и денежные суммы. Каких-то особых поручений в этот раз профессора не получили, главной задачей было донести до Училищного комитета их личное восприятие учебного процесса, который в общем был оценен положительно: «Из представлений визитаторов Училищный комитет усматривает, что народное просвещение по Казанскому учебному округу в течении прошедшего 1815 года происходило с успехом», а самой серьезной проблемой оказалось то, «что многие дома, принадлежащие училищам ветхи и требуют значительных поправок»[277].

А вот на следующий год, посылая в еще не осмотренную Тобольскую губернию профессора Эрдмана и адъюнкта Ренарда, Училищный комитет дал не только общую подробную инструкцию по визитации, но и обратил внимание на особые обстоятельства, ставшие причиной отправления визитаторов – до попечителя дошла информация о неустройствах по училищной части директора Аргольда и возникших между ним и гражданским губернатором «несогласий»[278]. Не должны были забывать визитаторы и о необходимости преобразовывать и открывать новые уездные училища, что вменялось университетом «за особенную службу». И стоит отметить, что процесс преобразования малых народных школ и основания новых училищ в Казанском учебном округе как раз в период 1816–1817 гг. сильно ускорился: только в Тобольской губернии в 1817 г. будет открыто 6 уездных училищ.

[277] Ведомость о состоянии учебных заведений, находящихся в Казанском учебном округе за 1815 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 492. Л. 124–124 об.

[278] Ведомость о состоянии учебных заведений, находящихся в Казанском учебном округе за 1816 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 494. Л. 39 об.–44.

5.2.5. Дерптский учебный округ

Для Дерптского учебного округа визитации попечителя и университетских профессоров должны были стать ещё одним важным элементом в процессе включения прибалтийских учебных заведений в общеимперскую систему управления образовательными учреждениями, исключив непосредственное влияние на них остзейского дворянства.

Регулярно присутствуя на заседаниях Главного Правления училищ в столице, дерптский попечитель Ф.И. Клингер в 1804–1809 гг. несколько раз посетил университет и учебные заведения Дерпта, но ни разу не выехал не только в уездные города Лифляндской губернии, но и в остальные губернии своего округа. Краткие выдержки из отчетов о его визитациях публиковались в периодическом издании министерства, и в основном содержали похвальные отзывы об увиденном[279]. На заседания же Правления Клингер выносил сложные вопросы – об отсутствии среди студентов университета выходцев из дворян Курляндской губернии (которые надеялись, видимо, на дарование своей Митавской гимназии университетских прав и привилегий), о недостаточном распространении русского языка в обучении, о сложностях при постройке университетских помещений, о беспорядках среди студентов и проч.[280] Также журналы заседаний Правления сохранили и списки профессоров, назначаемых попечителем для осмотра школ округа, однако ни в фондах министерства, ни в периодических изданиях не было найдено ни одного отчета визитаторов, инспектировавших учебные заведения

[279] Известие о состоянии Дерптского университета представленное попечителем после личного обозрения 9 июня // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1804. № 7. С. 73–88; Обозрение университета попечителем Дерптского округа // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 419–425; Выдержка из рапорта попечителя Дерптского университета // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 22. С. 183–188; Выписка из рапорта, представленного Г. Попечителем Дерптского университета от 15 сего августа по личном обозрении университета // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 25. С. 156–162.

[280] Журнал Главного Правления училищ № 11 от 14 июня 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 33–34 об.; Дело об осмотре Дерптского учебного округа попечителем Ф. Клингером в 1805, 1806 и 1809 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 35.

прибалтийских губерний. Скорее всего, они велись на немецком языке и оставались в архиве университета. В министерство поступали только краткие выдержки о проведенных осмотрах из отчетов попечителя: «Университетские депутаты, в силу данных им наставлений, сделали нужные предварительные учреждения, утвержденные после Училищною Комиссиею, и в подробных своих донесениях, находящихся при делах, доставили удовлетворительные сведения частию о состоянии училищ, частию о подробностях занятий оных»[281].

5.2.6. Виленский учебный округ

Для попечителя Виленского учебного округа кн. А. Чарторыйского обязанность посещения учебных заведений была сильно обременительной (как, впрочем, и для остальных попечителей). Не имея возможности самостоятельно объехать округ, поскольку «занятия … сопряженные с другими званиями, кроме попечительского, не позволяют удовлетворить такой обязанности» Чарторыйский решил вместо себя отправить члена Главного Правления училищ гр. Л. Платера, «который сверх того, что будучи почетным членом Виленского университета в состоянии ближе вникнуть во внутреннее устройство онаго, ведает также и местными обстоятельствами Виленского округа, могущия руководствовать его в суждении о местных удобностях тамошних училищ»[282]. Графу Платеру были выделены средства на визитацию округа, и по просьбе попечителя он был снабжен отношениями ко всем губернаторам, «дабы они охотнее оказывали при таком обозрении зависящее от них пособие»[283]. В 1806 г. Платер успел осмотреть только университет и гимназию в Вильно[284], на следующий год по личному (!)

[281] Отчет по Дерптскому учебному округу за 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 264. Л. 4 об.

[282] Представление кн. А. Чарторыйского гр. П.В. Завадовскому от 1 мая 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 66. Л. 1.

[283] Представление кн. А. Чарторыйского гр. П.В. Завадовскому от 21 июня 1806 г. // Там же. Л. 6.

[284] Полный отчет о визитации 1806 г. – Ф. 732. Оп. 1. Д. 257. Л. 74–124 об., краткая выжимка напечатана в Периодическом сочинении. 1808. № 21. С. 388–398.

поручению Завадовского – учебные заведения Белорусских губерний[285], а в 1808 г. – училища Гродненской губернии[286]. В 1809 г. Платеру, как члену Лесного департамента, поручили «войти в рассмотрение причин, препятствовавших селитроварению по Подольской губернии», но он был готов продолжить визитацию округа и посетить «главнейшие» школы Киевской, Минской, Подольской и Волынской губерний[287]. В конце года Платер доложил, что успел осмотреть только училища Подольской и Киевской губерний, а визитацию оставшихся просил перенести на будущий год[288]. Но летом 1810 г. Чарторыйский решил сам навестить учебные заведения округа[289]. Попечителя сопровождал один из самых активных деятелей польского просвещения, тайный советник Ф. Чацкий, на протяжении десяти лет бывший неизменным визитатором школ Волынской, Киевской и Подольской губерний. Сразу после посещения Вильно, где попечитель находился с 30 июня по 26 июля, осматривая «здания, кабинеты и прочие заведения сего университета» и других школ города[290], Чарторыйский надолго уехал заграницу.

Устав Виленского университета, в отличие от университетского устава 1804 г., не упоминал о необходимости назначения членов Училищного комитета для управления школьным делом округа, поэтому вопросы назначения визитаторов, преобразования училищ и общий контроль за учебными заведениями в губерниях Виленского округа передавался Совету университета. В первые годы именно общее собрание профессоров выбирало

---

[285] Полный отчет о визитации 1807 г. – Ф. 732. Оп. 1. Д. 257. Л. 4–58, краткая выжимка напечатана в Периодическом сочинении. 1808. № 21. С. 399–438.

[286] Полный отчет о визитации 1808 г. – Ф. 732. Оп. 1. Д. 154. Л. 23–51 об, краткая выжимка напечатана в Периодическом сочинении. 1809. № 23. С. 276–263.

[287] Рапорт гр. Л. Платера гр. П.В. Завадовскому от 4 февраля 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 66. Л. 22–23 об.

[288] Представление гр. Л. Платера гр. П.В. Завадовскому от 27 ноября 1809 г. // Там же. Л. 30–30 об.

[289] Журнал Главного Правления училищ № 20 от 12 июня 1810 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 112.

[290] Итоги визитации, представленные кн. А. Чарторыйским Императорскому Виленскому университету // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 156. Л. 14–17 об.

из членов университетской корпорации или почетных членов тех, кому можно было доверить осмотр учебных заведений округа. И только в 1807 г. Чарторыйский обратился к министру народного просвещения с просьбой об учреждении Училищного комитета, поскольку «Правление сего университета, имея множество дел, требующих его внимания, не может с такою удобностию иметь над училищами своего округа надзирания, с какою могли бы наблюдать за ними лица, по особенному поручению занявшиеся таковым попечением»[291]. Как уже отмечалось в историографии, подбор визитаторов имел в Виленском округе свои специфические черты: для осмотра школ часто назначались почетные члены университета, чтобы освободить профессорско-преподавательский состав от поездок, требовавших много времени, тем более что сами почетные члены были в основном дворянами-помещиками, получившими это звание благодаря щедрым пожертвованиям. Таким образом их стремление сохранить господствующее положение дворянства шло вполне в русле общей политики руководителей Виленского округа[292].

Совет университета старался неукоснительно назначать визитаторов училищ по всем губерниям, входящим в состав округа (см. Приложение)[293], но из-за разных обстоятельств осмотры могли и не состоятся. Например, почетный член Виленского университета гр. М. Платер-Зиберт в 1805 и 1806 г. должен был обозревать училища Витебской и Могилевской губерний, но «по причине болезни и домашних обстоятельств» сделать этого не смог. Возможно, поэтому Завадовский и поручил на следующий год гр. Л. Платеру посетить белорусские губернии. Так получилось, что в 1807 г. университет вообще не отправил визитаторов, и даже Ф. Чацкий, ежегодно посещавший

---

[291] Представление гр. П.В. Завадовского Главному Правлению училищ от 15 октября 1807 г. // Сборник материалов… Т. 3. С. 1145.

[292] *Кузбер Я.* Указ. соч. С. 471–472.

[293] Дела об утверждении визитаторами учебных заведений гр. Ф.Ф. Чацкого, прелата К. Богуша, акад. В.М. Севергина, проф. В.О. Голянского, Ф.М. Кундзича и других лиц // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 18. Л. 1–273. В Государственном Историческом архиве Литвы также содержатся отчетные документы визитаций // ГИАЛ. Ф. 657. Оп. 2. Д. 47, 48, 51, 52, 107, 197, 221, 275.

Киевскую, Подольскую и Волынскую губернию, туда не поехал по причине отъезда заграницу. Стоит отметить, что такое постоянство в личном контроле за учебными заведениями определенных губерний являлось скорее исключением – во всех остальных округах Советы университета предпочитали каждый год менять визитаторов.

Серьезным потрясением для попечителя стала внезапная смерть Чацкого в феврале 1813 г. Узнав о ней, Чарторыйский решил сразу же приехать в Кременец «для отвращения, сколько возможно, вредных для здешней гимназии последствий»[294]. Волынская гимназия, устроенная и опекаемая Чацким, оказалась не в лучшем финансовом состоянии (попечитель посещал ее еще осенью 1809 г.[295]), поскольку деньги из эдукационного фундуша поступали с задержкой. Тогда же Чарторыйский представил министру и желаемого им кандидата на должность Правителя гимназии и визитатора училищ Волынской губернии – кн. Д. Четвертинского, отправленного в Кременец дожидаться министерского утверждения (попечитель нисколько не сомневался в том, что министр утвердит его претендента). В свою очередь министр уже вступил в переписку с одним из бывших помощников Чацкого, членом фундушовой комиссии гр. Филиппом Платером, который на основании распоряжения Чацкого считал себя его преемником, в том числе и по званию визитатора. Разумовский не стал возражать, тем более что Платер в одном из рапортов сообщил, что кн. Четвертинский «не принял предложенного ему князем Чарторыйским степени и должности визитатора»[296]. Министр сообщил о своем решении попечителю, которому явно эта ситуация не понравилась. Кн. А. Чарторыйский потребовал от Платера, чтобы он «сдал архив и Правление кн. Четвертинскому, коль скоро

[294] Представление кн. А. Чарторыйского гр. А.К. Разумовскому от 13 февраля 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 156. Л. 21–23 об.

[295] Представление кн. А. Чарторыйского гр. П.В. Завадовскому от 15 сентября 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 137. Л. 1–4.

[296] Рапорт гр. Ф. Платера гр. А.К. Разумовскому от 15 июня 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 18. Л. 167–167 об.

он прибудет в Кременец», поскольку именно кн. Четвертинский с этого момента будет исполнять должности Правителя Волынской гимназии и визитатора училищ по Волынской, Подольской и Киевской губерниям[297]. В свою очередь и ректор университета ксендз И. Снядецкий сообщил Разумовскому о единогласном избрании Четвертинского почетным членом университета и визитатором училищ[298]. Возникла конфликтная ситуация: по Уставу визитаторы училищ ежегодно выбирались Советом университета и только потом представлялись на утверждение министра. Назначая же Платера визитатором без согласия университета, Разумовский сознательно шел на нарушение Устава. Успокаивая Платера, который бесконечно жаловался министру на то, что Виленский университет противится его назначению и не хочет выплачивать положенное ему как визитатору жалование, Разумовский писал: «Мне известно, каким образом вошли вы в исправление визитаторской должности. Будьте в рассуждении сего спокойны и не внимайте распоряжениям, буде бы в противность тому, какия либо от Виленского университета последовали; не останавливайтесь давать подведомым вам учебным заведениям предписания, сообразно с их пользою, и продолжайте исправлять должность визитатора по-прежнему безостановочно впредь до моего предписания»[299]. Объяснение причины такого упорства министра лежит, скорее всего, в обиде на попечителя, который обратился за утверждением кн. Четвертинского напрямую к императору Александру[300]. В итоге, Разумовский в обход утвержденных правил смог получить от Государя высочайшее соизволение на утверждение Ф. Платера визитатором Волынских

[297] Рапорт гр. Ф. Платера гр. А.К. Разумовскому от 15 ноября 1813 г. // Там же. Л. 171.

[298] Рапорт И. Снядецкого гр. А.К. Разумовскому от 3 декабря 1813 г. // Там же. Л. 173–173 об.

[299] Отношение гр. А.К. Разумовского гр. Ф. Платеру от 10 декабря 1813 г. // Там же. Л. 172.

[300] Разумовский во всеподданнейшем докладе упоминает о уведомлении, которое он получил от Чарторыйского, но самого этого документа в делах Министерства народного просвещения нет.

и Подольских училищ (визитатором Киевской губернии к этому времени был утвержден гр. А.С. Ржевуский)[301].

Было понятно, что университет признает выбор министра лишь формально и постарается как можно быстрее сменить навязанного ему визитатора. Распоряжения Платера игнорировались, а самому визитатору были даны такие поручения, которые «университет, существующий от 200 лет и более не исполнил»[302]. Платер продолжал жаловаться министру на самоуправство ректора даже тогда, когда срок его полномочий подошел к концу. И Разумовский решил «наказать» университет. «Из доходящих ко мне от университета бумаг усматриваю я, – писал министр Правлению весной 1815 г., – что оный не признает уже графа Платера в звании визитатора училищ по губерниям Волынской и Подольской. Хотя по Уставу университета визитаторы избираются ежегодно; но поелику граф Платер в звании визитатора утвержден Государем Императором без означения срока, на который утвержден; то и увольнение его от сей должности не иначе может последовать, как с Высочайшего повеления Его Величества. Почему предлагаю Университету графа Платера и ныне считать в звании визитатора упомянутых губерний»[303]. К радости Платера оказалось, что долгое время бывший ректором университета ксендз И. Снядецкий оставил свою должность, а вместо него был избран «известный по добрым его качествам» профессор И. Лобенвейн[304]. Но и к новому ректору у Платера оказались претензии – визитатор был недоволен тем сроком, который ему выделили на объезд учебных заведений. Скорее всего 1815 год стал последним, когда гр. Ф. Платер нес звание визитатора, поскольку осенью следующего года он был назначен высочайшим указом вице-губернатором Волынской губернии, с

[301] Всеподданнейший доклад гр. А.К. Разумовского императору Александру I от 25 января 1814 г. // Там же. Л. 184–185.

[302] Рапорт гр. Ф. Платера гр. А.К. Разумовскому от 26 мая 1814 г. // Там же. Л. 200–204 об.

[303] Отношение гр. А.К. Разумовского Правлению Императорского Виленского университета от 5 мая 1815 г. // Там же. Л. 211.

[304] Отношение гр. А.К. Разумовского гр. Ф. Платеру от 5 мая 1815 г. // Там же. Л. 212–212 об.

оставлением при прежней должности старшего члена Комиссии об училищных фундушах[305]. Таким образом, контроль Платера над училищами закончился, а министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский в очередной раз показал, что в случае необходимости может спокойно нарушить недавно утвержденный принцип университетской автономии.

5.3. Появление должности почетных смотрителей[306]

В научной литературе, посвященной истории учебных заведений в России в начале XIX в., не раз отмечался и энтузиазм, с которым местное общество встречало открытие новых училищ, и достаточно существенную финансовую поддержку, которой пользовались образовательные учреждения в первые годы царствования Александра I. Однако, несмотря на довольно значительное число благотворителей, в открытии всесословных учебных заведений была заинтересована лишь малая часть общества. Дворяне предпочитали жертвовать на школы, предназначавшиеся их собственному сословию и туда же отдавать своих детей[307]. О том, что идею единой для всех состояний и положений общеобразовательной школы не разделяло влиятельное дворянское общество Александровского времени, подчеркивалось исследователями еще в начале XX в.[308], и уж тем более дворяне не были готовы заниматься педагогическим трудом, который, как отмечал С.В. Рождественский, «менее, чем какой-либо другой встречал сочувствие со стороны сословных традиций общества. Дворянство еще не освободилось от вековых предрассудков против гражданской службы, и в его глазах педагогическая профессия была менее других совместна с дворянским

[305] Копия Высочайшего указа от 13 ноября 1816 г. // Там же. Л. 220–220 об.

[306] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* Появление должности почетных смотрителей в учебных заведениях Российской империи в начале XIX в. // Вопросы истории. 2019. № 12 (2). С. 146–154.

[307] *Кусбер Я.* Указ. соч. С. 455.

[308] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 24, 42–43.

достоинством»[309]. Для увеличения дворянского интереса к учебным реформам, а также к поощрению их на дальнейшие пожертвования, в 1811 г. была введена должность почетного смотрителя.

Инициатором введения новой должности выступил Училищный комитет Харьковского университета. В 1810 г. профессор университета А.А. Дегуров совершил инспекционную поездку по учебным заведениям Орловской и Курской губерний[310]. В своем отчете Дегуров обратил внимание на замеченную им разницу в отношении местного общества к штатным смотрителям из разных сословий: «Когда смотрители избираемы бывают из дворян, тогда придают им более важности и вперяют в дворянах доверие к сим заведениям, а также возбуждают и благорасположение к себе публики относительно пособий»[311]. Но наличие в уездах смотрителей, пусть и незнатных, но знакомых с учебным процессом и ранее занимавших учительские должности также было необходимо училищам. Решением возникшего затруднения могло бы стать появление при учебных заведениях старших смотрителей. В представлении на имя министра народного просвещения А.К. Разумовского ректор университета А.И. Стойкович, поддержал мнение профессора Дегурова и еще раз обозначил основные мотивы введения новой должности, которую он назвал почетным смотрителем: смотрители-дворяне увеличивают доверие местного общества к учебным заведениям вообще, способствуют увеличению пожертвований на училища как своими средствами, так и своим примером. Платить жалование дворянам, занимающим должность почетного смотрителя, не предполагалось. Напротив, отмечалось, что новое звание сможет «возбудить честолюбие, не обременяя казну новыми издержками»[312]. Должность эта будет необходима до

---

[309] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 67.

[310] Отчет проф. А.А. Дегурова на фр. яз. см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 150. Л. 3–20, 68–94.

[311] Отношение Училищного комитета Императорского Харьковского университета гр. А.К. Разумовскому от июля 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 276. Л. 1.

[312] Там же. Л. 2.

тех пор, «доколе предрассудки в народе против заведений учебных не истребятся»[313].

Получив представление, Разумовский обратился к императору с всеподданнейшим докладом. В нем еще раз была подчеркнута мысль о необходимости сохранить должность штатного смотрителя за заслуженными учителями, которые таким образом получают средства к существованию и могут одновременно пользоваться своими знаниями для оценки успехов учащихся, а также «имеют открытой взор на недостатки по учебной части, и тем удобнее могут исправлять оные»[314]. Но, отмечал министр, «известно, сколько предрассудки действуют еще в малых наипаче городах в рассуждении чиновников, не имеющих другого круга деятельности своей, кроме училища и другой именитости, кроме в ученом свете. Смотрители, поступая в сию должность из учителей, и не имея ни значущаго чина, ни состояния, весьма редко привлекают к себе уважение; отчего много терпят и самые училища»[315].

Доклад министра был одобрен Александром I 19 августа, а 26 августа последовал указ Правительствующего Сената о введении должности почетных смотрителей[316]. Согласно указу, они должны были избираться из местных помещиков и утверждаться министром просвещения, иметь общий надзор за училищами в своем уезде, находиться «в сношении с директорами губернских училищ, не нарушая ни в чем введенного училищными постановлениями порядка, в управлении учебными заведениями»[317]. По должности штатный смотритель оказался в подчинении у почетного смотрителя и был обязан посылать последнему такие же донесения, какие он отправлял губернскому директору. Однако указ не только достаточно

---

[313] Там же. Л. 2 об.

[314] Всеподданнейший доклад гр. А.К. Разумовского императору Александру I от 19 августа 1811 г. // Там же. Л. 4 об.

[315] Там же. Л. 5.

[316] О бытии при уездных училищах, сверх штатных смотрителей, начальникам в звании почетных смотрителей. 26 августа 1811 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.754. С. 830.

[317] Там же. С. 830.

расплывчато формулировал обязанность почетных смотрителей «пещись о выгодах» училищ, но и совсем не упоминал о том, кто же должен был их избирать. Эта неопределенность стала поводом для недовольства со стороны университета.

Университетский устав 1804 г. налагал на университет обязанность не только получать все донесения директоров гимназий, снабжать их просимыми разрешениями и наставлениями, требовать от них в случае какого-либо беспорядка нужные объяснения, но и назначать и увольнять «если окажутся недостойными сего звания» всех училищных чиновников – губернских директоров, смотрителей училищ, учителей[318]. И естественно, что появление любой новой должности в системе средних и низших учебных заведений должно было, по мнению руководства университета, также встроено в эту иерархию. Не случайно, что как только отношение министра с копией указа 26 августа было получено, Правление Виленского университета сразу попросило Разумовского разъяснить возникшее недоумение: «как ни в упомянутом Высочайшем указе, ни в предложении Вашего Сиятельства не обозначено кто таковых почетных смотрителей избирать должен; то встречающееся в сем деле сомнение, Университетское правление представляет Вашему Сиятельству для разрешения, дабы как можно скорее привести в действие сие новое установление не менее желанное, сколько и обещающее выгод для училищ»[319]. Но министр не смог удовлетворить университетское начальство, поручив избирать почетных смотрителей не только университету, но и губернаторам[320].

Окружное предписание министра народного просвещения получили все начальники губерний[321]. Видимо, Разумовский посчитал, что им лучше известны местные помещики и они со своей стороны смогут склонить

---

[318] Сборник постановлений… Стб. 326–327.

[319] Отношение Правления Императорского Виленского университета гр. А.К. Разумовскому от 20 сентября 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 276. Л. 13.

[320] Необходимо отметить, что это решение хорошо отражает общую тенденцию министерства гр. А.К. Разумовского по постепенному ограничению ряда аспектов университетской автономии.

[321] Всего было отправлено 40 отношений.

дворянство «оказать рвение свое на пользу учебной части» и принять «живейшее участие во всем том, что относится ко благу общему»[322]. Большинство ответивших губернаторов обещали представить достойных кандидатов на утверждение министру, и только архангельский военный губернатор А.Г. Спиридов сообщил, что во вверенной ему губернии нет помещиков, владеющих имениями, а пермский гражданский губернатор Б.А. Гермес ответил, что все, кого он приглашал на эту должность отказались. В ответ на запрос владимирского гражданского губернатора кн. И.М. Долгорукова министр разъяснил, что утверждение почетных смотрителей не зависит от трехлетних дворянских выборов, должность эту можно совмещать с любой государственной или дворянской службой, причем она не имеет установленного срока и может быть пожизненной[323].

Члены Совета Харьковского университета были неприятно поражены, когда одновременно получили отношение слободско-украинского гражданского губернатора И.И. Бахтина и рапорт директора училищ Черниговской губернии, из которых узнали, что местное дворянство уже приступило к выборам почетных смотрителей, даже не поставив в известность университет. Ректор предпринял попытку повлиять на ситуацию, представив министру подробное донесение с изложением тех неудобств, которые могут возникнуть при оставлении выбора почетных смотрителей в руках местной власти. Дворянское сословие, по мнению членов университетского Совета, не имея сведений о внутреннем состоянии учебных заведений, не всегда сможет выбрать людей достойных, обладающих нужными качествами, а если и сможет, то не зная, в каких училищах уже есть штатные смотрители-дворяне, посеют конфликт между вновь избранным и уже исполняющим свою должность смотрителем, отчего могут произойти обиды и вред учебным

[322] Отношение гр. А.К. Разумовского калужскому губернатору П.Н. Каверину от 23 октября 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 276. Л. 17–17 об.

[323] Отношение гр. А.К. Разумовского владимирскому губернатору кн. И.М. Долгорукову от 16 ноября 1811 г. // Там же. Л. 23.

заведениям. Но основное недовольство в университете вызвало нарушение министром принципа, заложенного в университетском уставе 1804 г. о подчиненности всех училищных чиновников университету. Вмешательство гражданской власти в лице губернатора «несогласно было бы с общими законами подчиненности и единстве в действии; ибо в противном случае могли бы произойти действия на одно и то же училище с двух сторон, между собою несогласныя, кои к пользе училища в полной мере содействовать не будут»[324]. Вывод Стойковича логичен: выбор почетных смотрителей необходимо оставить только университету, который может его производить по представлению визитаторов и директоров училищ, а «если бы и дворянское сословие в сем участвовать долженствовало, то не иначе как по отношению к нему от Комитета, где нужда училищ того требует»[325]. Стоит подчеркнуть, что для ректора передача выборов почетных смотрителей в руки местного дворянства означала очередное ограничение университетской автономии, на что Стойкович не мог согласиться. В период своего ректорства (1807–1808, 1811–1813), он во всех конфликтных ситуациях между университетом и министерством, затрагивавших корпоративные права и преимущества харьковских профессоров, последовательно защищал университетские привилегии, определенные александровской реформой[326].

Подобные опасения волновали и руководство Московского университета. Но Разумовский с доводами профессоров не согласился и оставил свои предписания в силе. Возможность конфликтной ситуации сохранялась. В случае одновременного избрания в одно уездное училище двух почетных смотрителей со стороны университета и губернатора, утверждение

---

[324] Отношение Совета Императорского Харьковского университета министру народного просвещения гр. А.К. Разумовскому от 3 декабря 1811 г. // Там же. Л. 35 об.

[325] Там же. Л. 36.

[326] Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М. 2012, с. 222–223.

одного из них в должности было оставлено на усмотрение министра народного просвещения[327].

За период 1811–1816 гг. 85 дворян изъявили желание опекать уездные училища и официально принять на себя звание почетного смотрителя[328], причем самая большая их активность пришлась на 1812 г. (50 человек). Представления на имя министра поступали и от губернаторов, и от попечителей округов. Только Училищный комитет Харьковского университета обращался к Разумовскому напрямую, поскольку его попечитель, гр. С.О. Потоцкий, с начала 1811 г. находился в отъезде по семейным делам. Число почетных смотрителей, утвержденных в училища Харьковского округа за указанный период значительно превышало число смотрителей по другим округам (37 дворян Слободско-Украинской, Черниговской, Курской, Полтавской, Екатеринославской, Воронежской и Орловской губерний). И только по Дерптскому округу в министерских документах не отложилось ни одного представления к новому званию[329].

Появление в уездных училищах почетных смотрителей облегчало решение ряда проблем. Смотрители жертвовали денежные средства на училища, оплачивали содержание бедных учеников, финансировали строительство и ремонт помещений, покупали учебники и другие необходимые пособия. Многое зависело от характера и личных качеств первых почетных смотрителей. Известны случаи, когда дворян, не жалевших сил и средств на поддержку учебных заведений представляли к наградам[330].

---

[327] Отношение гр. А.К. Разумовского П.И. Голенищеву-Кутузову от 28 декабря 1811 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 276. Л. 38.

[328] По данным департамента Министерства народного просвещения, канцелярии Главного Правления училищ и канцелярии попечителя Московского учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 344. Л. 30; Ф. 732. Оп. 1. Д. 159. Л. 7–126; ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 182, 334, 465.

[329] Хотя почетные смотрители были и там // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 344. Л. 8–8 об.

[330] Так, например, ордена Св. Анны 3-й степени в 1822 г. был удостоен почетный смотритель Ставропольского уездного училища И.И. Смирницкий. См.: *Смирнов Ю.Н.* Первый почетный смотритель Ставропольского уездного училища Иван Иванович Смирницкий // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Международной научно-практической конференции. Самара. 2017. С.

Получить возможность контролировать деятельность почетных смотрителей и все-таки включить их в училищную иерархию университету представилась весной 1813 г. Решив внести единообразие в деятельность новых чиновников, министр народного просвещения поставил перед профессорами Московского, Харьковского, Казанского и Дерптского университетов задачу написать инструкцию почетным смотрителям[331]. Первым на предписание министра отозвался ректор Дерптского университета Г.Ф. Паррот. К концу 1813 г. свои инструкции прислали Харьковский и Московский университеты. Инструкция, присланная от Казанского университета, была написана профессором Никольским после получения повторной просьбы от министра в конце 1815 г. Также дважды пришлось напоминать и Училищному комитету Виленского университета, причем первый запрос был отправлен министром А.К. Разумовским в феврале 1816 г., а повторный – уже новым министром А.Н. Голицыным в декабре того же года.

Несмотря на то, что некоторые инструкции были крайне лаконичны, а другие – подробны и обстоятельны, они во многом были схожи. Во всех правилах настойчиво повторялась мысль о необходимости предоставить университету выбор почетных смотрителей, подчинить их полному университетскому контролю, дабы не нарушить установленных внутренних училищных распоряжений. Наиболее четко эта мысль была выражена в инструкции Дерптского университета: «почетные смотрители должны быть сотрудники в деле относящемся ко благу училищ, и в сем отношении служба их принимается в службу государственную, почему и пользуются преимуществами с онаго сопряженными; то по сему и должны они почитаться государственными по учебной части чиновниками, и как таковые, наравне с

357–364. Орден Св. Владимира 4-й степени в 1820 г. получил почетный смотритель Новосильского уездного училища Н.В. Шатилов // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1337.

[331] Предписание было послано попечителю Московского учебного округа П.И. Голенищеву-Кутузову, Казанского – гр. М.А. Салтыкову, Дерптского – Ф.И. Клингеру и Училищному комитету Харьковского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 344. Л. 1.

губернскими директорами училищ вообще подчиняются университетам и учрежденным при оных частным Училищным Комиссиям, и им где должно относятся, дабы в целом управления училищ, сохранить единство и согласие»[332]. Почетный смотритель должен был ознакомится с общим течением училищных дел через получение от учебных заведений и штатных смотрителей донесений и годовых рапортов[333], лично посещать училища, осматривая при каждом посещении сохранность денежной казны и учебных пособий, присутствовать на публичных экзаменах, выдавать награды и аттестаты. Большое внимание в инструкциях уделялось главной обязанности почетных смотрителей – участию во всех мероприятиях, требующих финансовых вложений: он должен был как сам жертвовать, так и склонять к пожертвованиям местных жителей. Особенно подробно эта обязанность была прописана в инструкции, присланной Казанским университетом. Этот округ был территориально самый обширный, наиболее удаленный от центра империи и нуждался в значительных средствах как на ремонт уже существующих и открытие новых училищ, так и на преобразование учебных заведений по новому положению. Инструкция Виленского университета обращала пристальное внимание почетных смотрителей на положение приходских училищ, призывала их приложить «все усилие …, чтобы посредством своих связей и знакомства в повете старались содействовать в оживлении сего духа в обывателях и духовенстве, склоняя их всемерно к основанию сих столь истинно нужных первоначальных учебных заведений»[334].

Во всех спорных ситуациях почетный смотритель должен был действовать «миролюбно», только «советами и увещаниями», обращаться со

---

[332] Требуемое предложение к инструкции для почетных смотрителей // Там же. Л. 14. Подчеркнуто в тексте.

[333] Интересно отметить, что согласно «московской» инструкции почетный смотритель должен был получать ежемесячные рапорты от штатного смотрителя, а «дерптская» планировала только ежегодно знакомить почетного смотрителя с годовым рапортом, который штатный смотритель отправлял губернскому директору.

[334] Инструкция для почетных смотрителей уездных училищ, соображенная с общими правилами, в Высочайшем указе предписанными // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 344. Л. 36.

штатным смотрителем и учителями ласково, и только в случае выявления каких-либо нарушений мог, сообщив штатному смотрителю и директору, донести об этом университетскому начальству[335].

Если Московский, Казанский и Виленский университеты согласно указу 1811 г. ставили штатных смотрителей в некоторое подчиненное положение к почетному смотрителю, то Дерптский университет в своей инструкции попытался уравнять эти должности. Скорее всего это было связано с тем, что ректор Паррот категорически не хотел предоставлять местному дворянству право вмешательства в учебные дела округа. Ректору уже не раз приходилось противостоять дворянам Эстляндии, Курляндии и Лифляндии, ревниво относившихся к устройству учебных заведений своего округа и желавших их контролировать, не только в ходе утверждения принципа университетской автономии, но даже при устройстве приходских училищ (см. следующий параграф). Отправляя инструкции министру, Клингер скептически высказался о реальных заслугах почетных смотрителей – за все время нахождения их в должности дерптские училища получили в виде пожертвования всего 200 руб., причем средства были направлены одним смотрителем, окормлявшим сразу два уездных училища. Не ожидая в дальнейшем значительных денежных поступлений, попечитель заметил, что в Дерптском округе «почетные смотрители училищ званием своим вообще мало приносят пользы учебным заведениям, ибо по штату положенные смотрители училищ вообще уважаются в сем звании, и как из сего предложения видно, то от вышеупомянутых почетных смотрителей нельзя ожидать большой деятельности и щедрости»[336].

Подводить итоги порученного дела пришлось уже Министерству духовных дел и народного просвещения. Обсуждение присланных из округов документов на заседании Главного Правления училищ состоялось 14 ноября 1817 г. В это время министр кн. А.Н. Голицын был в отъезде и его должность

[335] Там же. Л. 17 об., 21 об., 34 об.

[336] Требуемое предложение к инструкции для почетных смотрителей // Там же. Л. 8 об.

временно исполнял министр внутренних дел О.П. Козодавлев. Принять какую-либо инструкцию за образец или составить единую для всех члены Правления не решились, рассудив, что общие требования к почетным смотрителям достаточно полно изложены в указе 1811 г., а частные наставления «зависят совершенно от начальства университетского и в особенности от ГГ. Попечителей округов»[337], которые могут сами давать смотрителям особые поручения, если сочтут это необходимым.

С каждым годом число дворян, желающих принять на себя звание почетного смотрителя и из собственных средств жертвовать в пользу учебных заведений становилось все меньше. В документах министерства четко видна эта динамика – если в 1813 г. было утверждено в должности 14 человек, а в 1814 г. – 12 человек, то за следующие два года было подано только четыре представления министру. С другой стороны, далеко не все ходатайства удовлетворялись. Так, дворянство Ярославской губернии избрало в 1815 г. из своей среды девять кандидатов на должность почетного смотрителя, однако ни одного из них министр Разумовский не утвердил[338]. Причины отказа были разные: это и отсутствие уездных училищ в большинстве уездов, и нежелание дворян менять имеющийся военный чин на статский, и неопределенная сумма пожертвования. Прошения чиновников, не принадлежащих к дворянскому сословию, даже не рассматривались[339]. Попечитель Московского учебного округа П.И. Голенищев-Кутузов отказал в представлении к должности градскому главе Новоторжского уезда Е.И. Морозову, поскольку тот был купцом второй гильдии[340].

Визитаторские отчеты университетских профессоров отмечали существенную пользу, которую приносили почетные смотрители учебным

---

[337] Журнал Главного Правления училищ № 15 от 14 ноября 1817 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

[338] ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1109. Л. 13.

[339] Дело о разрешении избирать в Сибири почетными смотрителями училищ чиновников, ввиду недостатков в них дворян // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 138. Л. 3–4.

[340] ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 464. Л. 2.

заведениям[341]. Однако большинство почетных смотрителей, служивших ранее на военной службе и имевших военные чины не были готовы к переименованию в статские чины. Первые несколько лет это было препятствием к их утверждению. И только в 1816 г. последовало разрешение Комитета министров «дозволить почетным смотрителям именоваться прежними воинскими чинами, если они, находясь в звании смотрителей, не были произведены по статской линии», что позволило сделать это звание более привлекательным[342], а в 1819 г. министерство пошло еще на одну уступку и разрешило при отсутствии местных дворян определять в почетные смотрители училищ помещиков из других уездов[343].

Итак, учреждение должности почетного смотрителя училищ давало надежду на увеличение дворянского интереса к учебным реформам, возможность привлечения дополнительных денежных поступлений не только для открытия всех запланированных уездных училищ, но и на поддержание в цветущем состоянии уже имеющихся. Однако университет, непосредственно управлявший всеми учебными заведениями своего округа, не был готов разделить контроль над школами с местной властью в лице губернатора. Профессора, составляя инструкции почетным смотрителям, понимали важность дворянского участия в развитии народного просвещения в империи, но поступаться недавно полученными корпоративными привилегиями не собирались.

---

[341] См. отчет проф. М.Т. Каченовского // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1109. Л. 8.

[342] Дело об определении в почетные смотрители без переименования в статский чин и о употреблении их по службе по выборам дворянства // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 592. Л. 1–15.

[343] О определении в почетные смотрители училищ по губерниям, где дворян не находится, посторонних чиновников. 8 марта 1819 г. // ПСЗ. Т. 36. № 27.708. С. 89.

5.4. Открытие приходских училищ[344]

Низшей ступенью образования, по мысли разработчиков реформы народного просвещения, должны были стать приходские училища. «Предварительные Правила народного просвещения» и «Устав учебных заведений, подведомых университетам» определяли, что один или два церковных прихода (в зависимости от количества населения) в губернских и уездных городах, а также в казенных и помещичьих селениях должны иметь одну начальную школу. Туда принимали детей любого возраста и пола после прохождения открытого испытания. Срок обучения в училище составлял 6–7 зимних месяцев, освобождая таким образом крестьянским детям время летней страды для сельскохозяйственных работ. За это время детей учили читать, писать и считать, по воскресеньям изучался Закон Божий. Ученики, успешно окончившие приходское училище могли продолжить свое обучение дальше в уездном училище[345].

Определяя финансирование средним и высшим учебным заведениям империи, члены Главного Правления училищ не включили в смету расходы на начальную школу, посчитав, что выделение государственных средств на содержание приходских училищ ляжет тяжелым бременем на бюджет. Надеясь на местную инициативу, Устав вверял заботу о школах в казенных селениях сельскому духовенству, а в помещичьих землях – «просвещенной и благонамеренной попечительности» поместного дворянства. В губернских и уездных городах инициировать открытие и оплачивать содержание школ начальной ступени должны были приказы общественного призрения и городские думы, в казенных селах – сами жители, а в помещичьих имениях – их владельцы. Отсутствие необходимых материальных средств и

---

[344] При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Грачева Ю.Е.* К вопросу об устройстве приходских училищ в Дерптском округе // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2017. Вып. 74. С. 85–92; *Грачева Ю.Е.* Public Schools of Dorpat District at the Beginning of the Reign of Emperor Alexander the First // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 364–376.

[345] Устав учебных заведений, подведомых университетам // Сборник постановлений… Стб. 359–360.

«просвещенной энергической инициативы» по мнению большинства исследователей изначально и надолго поставило дело начального образования в неблагоприятные условия[346].

Еще одним серьезным затруднением при реализации положений Устава стала кадровая проблема. Открытие приходских училищ требовало огромного количества учителей, которых в отдельных губерниях не хватало даже для преобразования малых народных школ в уездные училища. Полная зависимость от помещиков, сельских властей, крестьянского общества и при этом отсутствие какого-либо финансирования делали сельские приходские училища малопривлекательными для желающих обучать молодое поколение[347]. В отличие от учителей уездных училищ и гимназий, которые получали определенный чин «Табели о рангах» и тем самым могли рассчитывать на продвижение по службе и определенные привилегии, учителя приходских училищ в эту систему включены не были. Поэтому единственным, на кого можно было возложить не только наставление в вере, но и остальные педагогические функции, было сельское духовенство. Уже «Предварительные Правила» отмечали, что «как весьма бы полезно было, если б приходские священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей, только соответственную их званию» и предлагали Святейшему Синоду подумать над тем, «чтобы в непродолжительном времени сие произведено было в действие без малейшего отягощения как для священников, так и прихожан»[348].

Если объяснение заповедей, «наставление в главных началах закона Божия, в благонравии, в обязанностях к Государю, начальству и ближнему» считалось обязанностью священнослужителей, которые должны были «без

---

[346] *Рождественский С.В.* Исторический обзор… С. 72.

[347] *Калинина Е.А.* Взаимодействие государства и Церкви в организации приходских училищ в северных губерниях России (1805–1825 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4. С. 6.

[348] Предварительные Правила народного просвещения. § 33 // Сборник постановлений… Стб. 19.

всякого за сие стяжания» в воскресные и праздничные дни учить с амвона своих прихожан, то преподавание школьных наук становилось тяжелым бременем для них. Помимо своих прямых пастырских обязанностей, которые в том числе предполагали совершение треб не только в своем селе, но и в отдаленных деревнях, священно- и церковнослужители должны были заниматься сельским хозяйством, исправлять «должности благочинных, духовников, депутатов», вести метрические и исповедные книги. Поэтому члены Синода, получив от епархиальных архиереев мнения о том, каким образом духовенство может участвовать в организации приходских училищ, предложили на первое время использовать в качестве учителей диаконов и причетников, достойно окончивших семинарии[349]. Оберегая будущих учителей от дополнительных трат, Синод просил «училищ в домах священно и церковнослужителей не учреждать, а отводить для сего особые домы от светскаго правительства», а также освободить духовенство от расходов на учебные пособия. Отдельной сложностью становилось обучение детей инородцев, не владеющих русским языком – для них предлагалось использовать специальную миссионерскую литературу и учить не только в школах, но и в храмах до тех пор, «доколе все их прихожане от мала до велика разуметь будут совершенно российский язык». Епархиальные архиереи, на которых фактически возлагалась забота об открытии и функционировании сельских начальных школ, должны были следить за тем, чтобы на каждом приходе был церковнослужитель, имеющий возможность отправлять учительскую должность, определять заканчивающих обучение семинаристов на те приходы, где чувствовался недостаток учителей. Министерству народного просвещения оставалось только контролировать через смотрителей уездных училищ соответствие учебного процесса нормам Устава. Признав

[349] Ведение Святейшего Синода Правительствующему Сенату от 10 марта 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 115. Л. 20–22 об.

мнение Синода «на первый случай достаточным»[350], члены Правления, по сути, переложили ответственность за образование значительной части сельского населения на духовенство.

Таким образом, открытие приходских училищ оказалось гораздо более сложным и медленным процессом, слабо контролируемым со стороны Министерства народного просвещения. Как правило, при преобразовании главного народного училища в губернском городе создавалось сразу три школы – приходское и уездное училище и гимназия. В этом случае было легче найти учителя для начальной школы, обеспечить учебное помещение и пособия для занятий. Но уже в уездных городах нужны были дополнительные средства из приказов общественного призрения или городских дум, которые и на средние школы отпускались с трудом. С сельскими школами дело обстояло еще сложнее. Фактически образование крестьянских детей зависело от желания и возможности помещиков учредить в своих имениях приходские школы, что не гарантировало их скорого распространения по всей территории империи. Поэтому даже в разных губерниях одного учебного округа могло быть совершенно разное количество приходских училищ.

В Московском учебном округе общее число начальных школ с каждым годом постепенно увеличивалось (за исключением периода 1812–1814 гг., вызванного разорением ряда губерний) и к 1817 г. по информации попечителя в десяти губерниях округа находилось 122 приходских училища[351] (в 1810 г. их было 85). Но если посмотреть более детально, то окажется, что в отдельных губерниях могло быть всего две начальные школы, а в других – более 30. Количество приходских училищ в городах значительно превышало число сельских: так, например в 1813 г. из 95 начальных училищ в селах были открыты только 13. Владимирская губерния выделялась самым большим числом приходских школ: в 1813 г. города финансировали 25 училищ, тогда

[350] Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителями от 31 января 1805 г. // Сборник постановлений… Стб. 386–391.

[351] Отчет по Московскому учебному округу за 1817 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 983. Л. 25–29 об.

как 9 сельских «никаких положительных доходов» не имели, а «содержались иждивением учредителей»[352]. За ней шла Тверская губерния, в которой за счет городских доходов существовали 19 начальных школ. В Калуге одновременно с преобразованием гимназии и уездного училища было открыто сразу девять приходских училищ, но ни на одно из них ни приказ общественного призрения, ни городская дума денег не давали, оставляя их содержание в руках учителей[353]. А вот в Костромской губернии было заведено только два приходских училища. Сельские же школы были только во Владимирской, Тульской и Рязанской губерниях, причем в Тульской губернии они содержались крестьянами, тогда как в Рязанской – помещиками[354].

Упомянутые сложности с открытием и дальнейшим существованием приходских училищ хорошо иллюстрирует донесение директора училищ Владимирской губернии Д.И. Дмитревского, поданное им в Училищный комитет Московского университета после объезда учебных заведений в 1814 г. Первое, на что обращает внимание директор училищ – это низкий уровень знаний тех, кто берется за обучение крестьянских детей: «Везде получал я донесения от приходских учителей, да и сам во многих селениях помещичьих, экономических и удельных находил, что юношество обучают люди обоего пола не только не имеющие аттестатов, но самого низкого звания, безграмотные, корыстолюбивые, развратные, и даже инде с ведома и дозволения местных начальников к совершенному расстройству заведенных там по учебному уставу училищ. … Помещики о сем небрегут, поручая учить

[352] Отчет по Московскому учебному округу за 1813 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 188. Л. 9 об.–10.

[353] Когда директор училищ Калужской губернии обратился в Правление с вопросом – можно ли разослать находящиеся у него учебные пособия по ближайшим губерниям, поскольку «за неоткрытием приходских училищ в уездах по неимению определенной суммы и домов под училища» они не используются, члены Правления предложили сохранить их и напомнили директору, чтобы «он по должности на него возложенной» не оставлял «употреблять всевозможныя средства к открытию вновь училищ, убеждая к тому обывателей селений, могущих завести и содержать училища, чрез содействие тамошнего местного начальства» // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

[354] Там же. Л. 9–12 об.

детей своих крестьян дворовым людям и крестьянам, а земския начальства, особливо в казенных селениях, не принимают строгих мер к искоренению закоснелых предрассудков и расколов»[355]. Сложности возникали даже тогда, когда, казалось бы, сами местные жители просили об открытии приходских училищ. Объезжая Суздальскую округу и принимая «деятельнейшие меры к открытию приходских училищ» в 13 селах, «где жители в прежних годах объявили на то желание», Дмитревский столкнулся с сильным сопротивлением крестьян экономического села Улова, которые оказались категорически против появления в их селе приходского училища, несмотря на объявленное еще несколько лет назад «чрез местное начальство желание на заведение» такой школы. Прибыв в село для торжественного открытия, директор оказался в сложной ситуации: «пред начатием обряда по окончании литургии явясь в церковь тамошние крестьяне… отозвав детей в свои домы, с мятежническою дерзостию и буйством в присутствии моем и священнослужителей кричали, что им нет никакой надобности ни в учении, ни в училище. Увещания мои были тщетны, и я не совершив Акта службы, на которой был вызван по собственному их желанию, удалился из селения»[356]. Рассмотрев представленное донесение, члены Училищного комитета, поблагодарив директора за «усердие его к распространению просвещения»,

---

[355] Донесение директора училищ Владимирской губернии Д.И. Дмитревского в Училищный комитет Императорского Московского университета от 27 ноября 1814 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 73. Д. 715. Л. 1.

[356] Там же. Л. 1 об.–2. После проведенного разбирательства оказалось, что крестьяне не допустили директора училищ до открытия школы, поскольку его лично не знали, а он приехал без члена земской полиции. А что касалось их желания на открытие училища, то здесь показания их расходились – в октябре земскому исправнику они объявили, что «об открытии приходских училищ и о положении для поддержания онаго суммы слышали; но назначить числа оной мы добровольно не желаем и не соглашаемся, да и учить их добровольно не желаем», а в декабре убеждали его же, что «прежде сего времени действительно объявили о заведении училища свое согласие, которое мы и теперь повторяем; в доказательство нашего желания на заведение училища может служить и то, что уже обучаются и теперь без открытия училища у нашего приходского священника несколько мальчиков, которой и получает за то плату от отцов малолетних детей» // Там же. Л. 7–8.

просили его обратить внимание учителей, что открытие приходских школ можно начинать только при явном согласии родителей.

Самая стабильная ситуация с приходскими училищами была в Санкт-Петербургской губернии, поскольку с 1805 г. ее начальные школы финансировались государством. В Санкт-Петербурге действовало 12 начальных училищ, еще 11 располагались по уездам. Большинство из них имели свои каменные или деревянные дома, в Гатчинском, Новоладожском и Кронштадтском училищах было по два класса, остальные оставались одноклассными. Регулярное штатное содержание способствовало успешному функционированию всех открытых училищ (с 1812 г. в отчетах перестает упоминаться только Нарвская школа).

Гораздо сложнее обстояло дело с начальным образованием в остальных губерниях столичного учебного округа. Фактически сразу после принятия училищного устава Новосильцев на заседаниях Правления регулярно докладывал об инициативах местного населения и священнослужителей Олонецкой и Новгородской губерний открыть и содержать за свой счет значительное количество начальных школ. Так, например, в журнале Правления от 7 июня 1806 г. отмечено, что «Новгородской губернии разных уездов в 57 погостах … священнослужители приняли на себя без жалованья учительскую должность уступая свои дома для заведения в оных приходских училищ»[357]. Директор училищ Олонецкой губернии, испросив разрешение на использование для строительства помещений для начальных школ казенного леса[358], постоянно сообщал об открытии в разных погостах своей губернии одноклассных приходских училищ. Но основать училища оказалось гораздо легче, чем их содержать, и что более важно – чем убедить местных жителей в необходимости отдавать своих детей в новооткрытые школы. В отчете за 1812 г. было отмечено, что в Олонецкой губернии в 1805 г. по инициативе

[357] Журнал Главного Правления училищ № 5 от 7 июня 1806 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.

[358] Журнал Главного Правления училищ № 23 от 31 августа 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 178.

директора училищ Крылова было открыто 19 сельских приходских школ, но только в пяти из них обучение продолжалось, во всех остальных «за неимением учеников» его не было[359]. Более стабильно действовали городские начальные школы в Петрозаводске, Вытегре, Олонце и Каргополе. В отчетах по Новгородской губернии о массовом открытии приходских училищ даже не упоминалось, в 1812 г. обозначено существование трех школ[360], к 1817 г. их число выросло до четырех[361]. По 9 приходских училищ имели Псковская и Архангельская губернии.

В Харьковском учебном округе в 1817 г. действовало 103 начальных школы и большинство из содержалось сельскими обществами и лишь отдельные училища открывались по инициативе помещиков. Так, например, в июле 1804 г. надворная советница Тинькова основала в принадлежащем ей в селе Купчичах Черниговской губернии приходское училище, «приняла сие училище на свое содержание, для помещения онаго сделала пристройку при доме священника, определила от себя помощнику учительскому жалованье, стол, одежду и квартиру, что составляет в год до двухсот рублей, заплатила за привезенные … книги, просила о доставлении их впредь; священник же того селения, деятельно участвовавший в заведении училища взял на себя обучать без всякой награды»[362]. В 1807 г. бывший правитель дел Правления В.Н. Каразин завел в своем имении Кручик Богодуховского уезда Слободско-Украинской губернии начальную школу, выделил деньги на ее содержание и жалование преподающему в училище священнику. На такую деятельную

---

[359] Ведомость о состоянии гимназии, уездных и приходских училищ Олонецкой губернии за 1812 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 85. Л. 43–48.

[360] Ведомость о числе и состоянии учеников, находившихся в гимназии и училищах Новгородской губернии в 1812 г. // Там же. Л. 27–30.

[361] Ведомость о состоянии учебных заведений Новгородской губернии в 1817 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 195. Л. 3–4.

[362] Журнал Главного Правления училищ № 19 от 23 сентября 1804 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 57 об.–58. В 1810 г. училище было закрыто в связи с тем, что после смерти помещицы Тиньковой ее наследники содержать начальную школу отказались // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 57.

инициативу дворян и рассчитывало Министерство народного просвещения, но, к сожалению, она встречалась довольно редко. Лидером по числу открытых начальных школ Харьковского округа была Екатеринославская (47 училищ) и Слободско-Украинская (32 училища) губернии[363].

Меньше всего приходских училищ было в Казанском учебном округе. По отчету попечителя к 1817 г. существовали 45 начальных школ, причем почти половина из них – в Иркутской губернии (19 училищ)[364]. Также приходские училища были в Казанской (7 училищ), Нижегородской (5 училищ), Вятской, Тобольской, Пермской, Саратовской и Кавказской губерниях. Большинство из них располагалось в домах, подаренных школам местными благотворителями, помещениях уездных училищ или в домах учителей[365].

В Виленском учебном округе посещаемость начальных школ изначально была довольно высокая и расходы на их содержание традиционно брали на себя католические духовные ордена. Выделив из всего массива имеющихся училищ те, которые могли быть преобразованы в средние учебные заведения, руководство округа определило, что все остальные должны были состоять на уровне приходских. Помимо предметов начального цикла (письмо, чтение, счет и вероучение) в приходских училища Виленского округа предписывалось «преподавать простое и точное познание существенных предметов, относящихся к земледелию и ремеслам»[366]. Подробный устав приходских училищ, составленный по проекту одного из активнейших

---

[363] Ведомость о учебных заведениях, состоящих в округе Императорского Харьковского университета за 1817 г. // Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 8–12 об.

[364] Большинство из них были открыты в 1816 г. стараниями гражданского губернатора, который принял «меры к убеждению граждан сельских и иноверческих обществ учредить таковыя училища в тех местах, где откроется к тому более удобности» и настоял на сборе пожертвований на их заведение // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 24–24 об.

[365] Ведомость о средних и низших учебных заведениях Казанского учебного округа за 1818 г. // Ф. 733. Оп. 39. Д. 233. Л. 3–28.

[366] Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа. 18 мая 1803 г. // Сборник постановлений… Стб. 60.

деятелей польского просвещения Ф. Чацкого, в течение долгого времени инспектировавшего учебные заведения Волынской, Киевской и Подольской губерний, был высочайше утвержден 31 августа 1807 г.[367] Представляя документ на рассмотрение членов Правления, попечитель надеялся, что его можно будет распространить и на остальные губернии округа.

Устав делил приходские училища на городские, состоящие из двух разрядов и сельские – одноразрядные. Большие приходские училища предназначались для детей «скудных дворян» и ремесленников, которые обучались в них в течение четырех лет, малые (двухгодичные) – для крестьянских детей. К первому разряду относились «чтение, чистописание, правила счисления, нравоучение и катехизис». Обязательное обучение во втором разряде хозяйственным наукам включало в себя практическую механику, естественную историю, садоводство и земледелие. Различия в составе предметов между большими и малыми училищами практически не было, учитель малой школы знакомил своих учеников с теми же науками, только в ускоренном темпе. По образцу мужских училищ предполагалось устройство приходских училищ для девиц, с женским учебным персоналом. Следить за порядком в приходских школах должны были начальники уездных училищ, через которых университет получал ежегодные донесения о их состоянии. Содержались училища за счет духовных орденов и денежных пожертвований.

К 1817 г. в Виленском округе насчитывалось 236 приходских больших и малых училищ. В Виленской губернии было открыто 45 школ (из них только 6 больших), в Волынской – 44 (из них 4 больших), в Гродненской – 43 (из них 6 больших). В Киеве, Могилеве и Витебске приходские училища содержались вместе с уездными, и скорее всего, они были единственными православными

[367] Устав для приходских училищ в губерниях Волынской, Киевской и Подольской от 31 августа 1807 г. // Там же. Стб. 500–519.

начальными школами. Меньше всего училищ находилось в Могилевской губернии – всего два[368].

Свои особенности в формировании системы приходских училищ были и в Дерптском учебном округе. К началу образовательной реформы в прибалтийских губерниях уже насчитывалось значительное число начальных школ, которые основывало и содержало местное дворянство. Потеряв контроль над университетом, Митавской гимназией, средними учебными заведениями, остзейское дворянство рассчитывало сохранить его хотя бы над начальным образованием. Этому активно противился профессор Паррот, решивший в очередной раз использовать личную дружбу с императором Александром I для достижения своих целей.

Устав учебных заведений возлагал содержание приходских училищ в городах на городские общества, а в селах – на помещиков[369]. Это означало, что прибалтийское дворянство продолжит влиять на финансируемые им учебные заведения, даже несмотря на то, что формальный контроль за учебным процессом и в начальной школе устав поручал университету. Это совершенно не устраивало руководство университета, но решить возникшую проблему можно было только с помощью царя – и дерптский профессор уже с декабря 1804 г. пытался убедить императора, что та часть устава учебных заведений, которая относилась к приходским училищам удобно применима для «сугубо русских» губерний, но она «положения физического, нравственного и гражданского наших крестьян не учитывает вовсе»[370]. Образование «несчастных крестьян лифляндских и эстляндских» должно по мысли немецкого просветителя производиться только «в духе нации», чтобы

---

[368] Ведомость о приходских училищах, находящихся в округе Императорского Виленского университета, сочиненная 1817 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 375. Л. 232–241

[369] Устав учебных заведений, подведомых университетам. 5 ноября 1804 г. § 162 // Сборник постановлений… Стб. 366.

[370] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 11 декабря 1804 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 209.

сохранить в нем верность к просвещенным законам, а это возможно только под контролем университета.

К разговору с императором Паррот основательно подготовился: на своей аудиенции в январе 1805 г. он представил царю проект об учреждении приходских училищ, который предполагал разделение низших училищ в округе на две ступени: первоначальные или деревенские школы, находящиеся в ведении и содержащиеся за счет помещиков; и приходские училища, в которые должны поступать способные ученики из первоначальных школ. Учителя приходских училищ и их помощники утверждались в своих должностях университетом, а члены Дерптской Училищной комиссии имели право инспектировать «не только приходские, но даже и сельские либо первоначальные училища»[371]. Кроме того, автор проекта возлагал финансирование приходских училищ на казну.

Профессору Парроту было важно, чтобы в округе появился новый тип низшей школы, не обозначенный в Предварительных правилах и училищном уставе 1804 г. Таким образом, можно было поставить под контроль университета начальное образование, обеспечить его содержание за счет государственных средств, формально сохранив уже утвержденные сельские школы в ведении помещиков. Тем более, что дружеские отношения с императором позволяли надеяться на одобрение и финансовой стороны вопроса. Содержание 279 сельских и 56 городских приходских училищ, а также трехлетнее содержание пяти семинарий для обучения учителей должно было стоить государству 103.800 руб. в год, т.е. фактически равняться затратам на основание еще одного университета!

Император Александр благосклонно принял проект дерптского профессора и в ответном письме пообещал ему свою поддержку, что обнадежило и обрадовало Паррота. Его письмо к царю было наполнено ликованием: «От невыразимой Вашей доброты, явленной приходским

[371] Учреждение приходских училищ // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 275. Л. 35.

училищам, я голову потерял»[372]. Паррот надеялся, что дело, ради которого он приехал в Петербург, будет решено быстро, и нужно только дождаться заседания Главного Правления училищ и формального одобрения со стороны министра. Но этого оказалось достичь не так-то просто.

Паррот крайне эмоционально воспринимал как успехи, так и неудачи на своем пути. Ощущение счастья довольно быстро сменялось нетерпением при малейшей остановке, а затем опять радостью, когда ему казалось, что вопрос почти решен. И надо сказать, Парроту было от чего расстроиться. Время шло, а вопрос о приходских училищах на заседаниях Правления долго не ставился – члены Правления собирались 12, а затем 26 января, но тема приходских училищ в повестку дня не вошла. Стоит отметить, что, не имея возможности присутствовать на заседаниях Правления без особого приглашения, Паррот получал всю необходимую информацию от попечителя Дерптского учебного округа Ф.И. Клингера, при том, что по служебной иерархии Паррот был подчиненным Клингера. В спорных вопросах Клингеру приходилось не только поддерживать ректора, но и быть «неким буфером, смягчающим столкновения между университетом и министерством»[373]. В ситуации, когда Паррот хотел утвердить проект, явно противоречащий уже принятым постановлениям, твердый голос Клингера в Правлении ему был необходим. Это же понимал и император Александр: «Срочно предупредите Клингера и сообщите ему проект, который Вы мне представили, чтобы он совершенно в нашем духе высказался, когда обратится к нему министр»[374]. Как уже было отмечено в литературе, император, стараясь помочь Парроту по официальной линии, не только не прибегал к своей неограниченной власти, но, напротив,

---

[372] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 8 января 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 213.

[373] *Гаврилина И.А.* Ректор Г.Ф. Паррот и попечитель Ф.М. Клингер: два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 52.

[374] Письмо императора Александра I Г.Ф. Парроту 5 или 6 февраля 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 218.

всячески пытался скрыть себя и свое влияние в спорном вопросе, возлагая отстаивание собственного мнения на других чиновников[375].

Настойчивость Паррота заставила министра начать обсуждение вопроса о приходских школах в Дерптском округе неформально (поскольку в журнале заседания Правления от 14 февраля 1805 г. этот вопрос не упомянут), и попечитель тогда же смог ознакомить коллег с проектом Паррота. Своей радостью дерптский профессор поспешил поделиться с царем: «Дела Университета в Главном правлении на лад идут, и этим также обязан я моему Александру, Ему одному. Получено согласие на открытие приходских училищ, но с условием вторичного рассмотрения; это уже много. Речь Клингера на сей счет мне по сердцу. Чтение растрогало его. Все ему очень понравилось, тотчас он весь проект одобрил и большинством голосов был поддержан»[376].

Итоги следующего заседания Правления заставили Паррота ликовать. По каким-то причинам журнал Правления за 23 февраля 1805 г. не сообщает об обсуждении вопроса о приходских училищах, но сам дерптский профессор был уверен, что дело его жизни близится к завершению. «Проект приходских училищ одобрен! Через неделю министр Вам его на утверждение представит. Должен я еще кое-какие изменения в него внести и сделаю это с удовольствием, ибо сам уверен, что они на пользу делу пойдут. Как я счастлив! Будьте счастливы и Вы, мой Герой!» – восклицает он в письме царю на следующий день[377]. Однако Паррот явно поторопился – его проект в настоящем виде не удовлетворил членов Правления и гр. П.А. Строганов предложил сократить проект так, чтобы он представлял из себя общий план приходских училищ для всех губерний Дерптского округа, «а дополнительной

---

[375] *Андреев А.Ю.* Переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота… С. 77.

[376] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 18 февраля 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 219–220.

[377] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 24 февраля 1805 г. // Там же. С. 220.

устав сочинен впоследствии для каждой губернии особенно»[378]. Но и эта задержка оказалась далеко не последней. В виде исключения дерптский профессор был приглашен на заседание 2 марта, где ему предложили зачитать исправленный вариант проекта[379], но реакция собравшихся была явно не в пользу Паррота. Во-первых, министр был недоволен сделанными поправками[380], во-вторых, возражения вызвало назначение штатной суммы на приходские училища Дерптского округа, что поставило его в исключительное положение перед остальными университетскими округами. Наконец, само присутствие Паррота на заседании Правления ставило министра в сложное положение: о дружеском расположении императора к дерптскому ректору было хорошо известно, но вместе с тем это создавало опасный прецедент и нарушало сложившийся порядок, когда только попечители имели право представлять различные университетские проекты в Главном Правлении училищ. Чтобы избежать этого в будущем, Правление приняло решение, «чтобы университет не отправлял от себя депутатов в Главное училищ Правление без особаго на то дозволения»[381].

Неодобрительное отношение членов Правления к проекту Паррота полнее всего выразил Новосильцев в специальной записке. Он резко раскритиковал разделение приходских училищ на две ступени, требования к

---

[378] Письмо Г.Ф. Паррота в Главное Правление училищ от 7 марта 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 275. Л. 49 об.

[379] В архиве сохранился этот вариант плана на немецком языке – Паррот не владел в достаточной степени русским языком и не мог на нем читать документы на заседании Правления. Когда же ему необходимо было предоставлять бумаги императору или министру, приходилось просить переводчика о помощи // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 275. Л. 14–31 об.

[380] Паррот так описывал царю свой разговор с министром: «На следующем заседании представил я вновь устав исправленный (исключил из него 6 статей). Вновь его прочли и, к моему великому изумлению, упрекнули меня в том, что я приказ, мне данный не исполнил. Пересказал я содержание вычеркнутых статей. На это министр возразил, что от меня другого требовали, что должен был я представить не готовый устав, но просто план, содержащий самые общие положения, что устав написан быть может лишь после того, как все мелкие затруднения устранены будут властями (губернскими)». Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 10 марта 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 222.

[381] Журнал Главного Правления училищ № 5 от 2 марта 1805 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 61.

помещикам в обязательном порядке отдавать способных людей в учителя, открытие специальных семинарий, и главное – попытку возложить расходы по училищам на казну: «Правительству нужно поощрять владельцев к заведению приходских училищ в селениях, и что даже для подкрепления оных может назначить оно некоторую сумму (до 10 или 15 тысяч руб.) и препоручить оную в особое распоряжение Министерства просвещения и зависящих от него чиновников, но что в сем случае, никак не должно определять постоянного дохода, или штатной суммы для содержания оных»[382]. Логика Новосильцева была понятна: зачем вносить изменения в уже принятые постановления? Четырехступенчатая система учебных заведений только недавно была сформирована, а Паррот предлагал ввести новую ступень, к тому же требующую дополнительных и весьма значительных затрат. В итоге гр. П.В. Завадовский решил составить собственный проект, в котором содержание приходских училищ в остзейских губерниях было передано на местные органы власти, а на казенном обеспечении остались только семинарии для обучения учителей. Проект министра был одобрен членами Правления, и вместе с высочайшим докладом поднесен императору Александру I 25 марта 1805 г. Особое мнение Новосильцева «в рассуждении того, чтобы семинарии были не на казенном коште» было поддержано попечителями Виленского и Харьковского учебных округов кн. А.А. Чарторыйским и гр. С.О. Потоцким, а также гр. П.А. Строгановым и П.С. Свистуновым.

С каждым днем настроение Паррота становилось все хуже. Он планировал приехать в Петербург на месяц и за это время решить вопрос с училищами, но время шло, а дело не двигалось. Анализируя взаимоотношения немецкого просветителя и российского императора, исследователи приходили к выводу, что «Паррот отнюдь не был почтенным просителем в ожидании милостивого решения императора, но настаивал на своей правоте, чем,

[382] Мнение Попечителя Санкт-петербургского округа Новосильцева на проект г. Паррота о заведении приходских училищ в округе Дерптского Университета // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 275. Л. 73 об.–74.

вероятно, и понравился императору»[383]. Но сейчас царь молчал. Только в начале апреля Паррот получил краткую записку от Александра, в которой император призвал дерптского профессора набраться терпения: «Получил я от министра план, касающийся училищ, а при нем и особое мнение нескольких членов Правления. Все рассмотрю, как только готово будет, и промедления больше не допущу. Совершенно напрасно думаете Вы, что я разгневан; ни в малейшей степени, просто-напросто я заклятый враг беспорядка, вот и все»[384].

Александр I не только не желал нарушать установленный порядок и решать вопросы в обход Министерства народного просвещения. Ситуация было гораздо серьезней. Страна стояла на пороге войны с Наполеоном, переговоры о создании антифранцузской коалиции велись с конца 1804 года. Особо активно во внешнеполитические дела был включен Новосильцев, который много сделал для заключения в Петербурге 30 марта 1805 г. союзного трактата между Россией и Англией, а сразу после начал готовить переговоры с французским правительством[385]. Естественно, что Новосильцев в марте-апреле имел постоянный доступ к царю, чего в те месяцы не удавалось получить Парроту. Боясь, что император примет сторону Новосильцева в вопросе о приходских школах, дерптский профессор попытался сначала лично убедить петербургского попечителя снять свои возражения против проекта. Когда же это сделать не удалось, и Паррот был вынужден признать, что он впервые полностью разошелся во мнениях с Новосильцевым, он отправил Александру очередное письмо с подробной критикой особого мнения[386]. Но и этого Парроту казалось недостаточно. Он чувствовал себя неуверенно, ведь на

---

[383] *Жарова Е.Ю.* Император Александр I по воспоминаниям профессора Дерптского университета Г.Ф. Паррота // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 273.

[384] Письмо императора Александра I Г.Ф. Парроту от 8 апреля 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 226.

[385] «Государь полагал, что никто лучше него не мог исполнить такого поручения» // *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 367.

[386] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 13 апреля 1805 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 227–229.

столе у царя уже три недели лежал план учреждения приходских училищ (пусть не его первоначальный, а министерский), а дело не двигалось. Пытаясь подтолкнуть императора к принятию решения, Паррот требовал: «позвольте мне с ним (Новосильцевым) в спор вступить на Ваших глазах; если я неправ, первым это признаю и ему уступлю; пекусь только о благе общественном»[387]. Конечно, дерптский профессор надеялся, что как только он окажется перед императором, даже если рядом будет Новосильцев, дело решится в его пользу. Отступать от своего проекта Паррот, конечно, не собирался.

И Александр принял для себя решение. 17 апреля император отправил Парроту находившийся у него министерский проект и возражения Новосильцева с просьбой их прочитать и высказать свое мнение. И хотя в письме не было даже намека на то, что император поддержит Паррота[388], сам дерптский профессор был счастлив: «Ангел-хранитель рода человеческого! Возвратили Вы надежду в истерзанное сердце. Благодарю Вас за это от всей души, благодарю от имени девяти десятых Ваших подданных – Ваших братьев. Мы торжествуем»[389]. Получив письмо, он не откладывая ни минуты и работая всю ночь, перевел на французский язык план министра, составил на него опровержение, и к утру подготовил новое послание «дорогому другу». Но, в глубине души понимая, что придется пойти на определенные уступки, Паррот предложил за ближайшие пару дней составить новый проект, в котором он обещал переложить расходы на содержание приходских училищ с казны на местные органы власти, в первую очередь на приказы общественного призрения.

---

[387] Там же. С. 229.

[388] «Как увидите, выступают все (члены Правления) единогласно против проекта содержать приходские училища на средства правительства. Резоны приводимые весьма деликатного свойства, особенно для меня на посту моем. Увидите также, что мнение Новосильцева не совсем такое, как из Вашего письма следует, иные из резонов его весьма убедительны». Письмо императора Александра I Г.Ф. Парроту от 17 апреля 1805 г. // Там же. С. 230.

[389] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 18 апреля 1805 г. // Там же. С 230.

Была ли нужна императору Александру эта уступка? С каждым днем экономическое положение страны становилось все сложнее, начиналась инфляция. В ситуации, когда император ждал субсидий от Англии, чтобы начать войну, тратить значительные средства на приходские училища в остзейских губерниях было нецелесообразно. Тем более, что большинство членов Главного Правления училищ поддерживали мнение Новосильцева и не желали вносить никаких изменений в уже существующий училищный устав. Ставить свою личную заинтересованность в этом вопросе перед довольно сплоченной позицией членов Правления Александр вряд ли хотел. Поэтому письмо с бумагами, так обрадовавшее Паррота, означало не только нежелание вступать в полемику, не только демонстративный уход от решения вопроса по существу, но и своеобразное признание того, что дело Паррота было проиграно. Сам дерптский ректор долго не хотел это признавать. Ему казалось, что это вопрос нескольких дней или даже часов[390], но время шло, а Александр молчал.

Тон письма, написанного спустя две недели, совершенно поменялся. Посылая обновленный проект приходских училищ, Паррот требовал от императора внимания: «Государь! Умоляю Вас меня выслушать еще один, последний раз!», сокрушался, что «четыре месяца жизни моей прошли без малейшей пользы для блага общественного!!!», а в конце письма эмоции совсем захлестнули дерптского профессора – Паррот осмелился грубить Александру! «Побуждения мои чисты, как и Ваша воля, и вот почему смею я между Вами и Вашим окружением встать и попросить, чтобы мой голос на весах Вашей справедливости столько же весил, сколько их голоса»[391], – писал он царю, требуя сравнять себя с Новосильцевым. Паррот начинает осознавать, что император поддерживает Новосильцева, а все попытки подчеркнуть роль личной дружбы с царем для решения деловых вопросов заканчиваются

[390] «Отдохну несколько часов, чтобы набраться сил в ожидании приказов Ваших» // Там же. С. 231.

[391] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 1 мая 1805 г. // Там же. С. 234.

неудачно. Государственные дела для Александра, естественно, были на первом месте, тем более что Новосильцев играл в тот момент решающую роль – именно ему были поручены переговоры с английским правительством о предоставлении субсидий на войну.

И только после очередного отчаянного письма Паррота Александр решил прервать молчание. 11 мая состоялась их третья встреча в 1805 г. На ней император согласился передать новый план приходских училищ министру для обсуждения в Правлении, а также дал понять Парроту, что этот вопрос еще может быть решен положительно. Но даже Паррот понял, что это согласие было получено под давлением: «Вы в тот момент, когда решение приняли, счастливы не были. Без сомнения, в тот момент тяготило Вас ожидание грядущих трудностей»[392]. Император уклонился от резкого шага, он не хотел разрывать дружеских отношений с дерптским профессором, но и давать твердых обещаний не желал.

18 мая состоялось очередное заседание Главного Правления училищ. На нем члены Правления, сравнив между собой министерский проект и второй проект Паррота и указав на разницу между ними, решили отправить министерский проект на «уважение дворянских и городских обществ губерний округа Дерптского университета»[393]. Вопрос в очередной раз оказался отложен и в этот раз на довольно длительное время. Г.Ф. Парроту пришлось вернуться в Дерптский университет, где в конце мая он вновь был избран его ректором, и там ожидать ответа от губерний.

Для местного дворянства запрос из Петербурга оказался прекрасной возможностью донести свое мнение о желательном устройстве приходских училищ до столичной власти. Особенно заинтересовано в этом вопросе оказалось лифляндское дворянство. В ответ на министерский проект

---

[392] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 13 мая 1805 г. // Там же. С. 237.

[393] Доклад гр. П.В. Завадовского императору Александру I от 20 мая 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 65. Л. 2 об. Отношение министра народного просвещения было направлено 30 мая управляющим Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерний гр. Ф.Ф. Буксгевдену и барону К.И. Мейендорфу.

приходских училищ было составлено несколько записок с возражениями на представленный план[394], а летом 1806 г. депутаты земского съезда Лифляндской губернии господа ландрат фон Пистолькорс и ландмаршал фон Нуммерс приехали в Петербург для личного обсуждения своих замечаний с министром. Признавая, что «поправление нынешних сельских и кирхшпильных (приходских) школ весьма полезно и необходимо нужно», они видели в осуществлении министерского проекта ряд «непреоборимых препятствий»: отсутствие нужного количества учителей, невозможность поручить обучение пасторам, а также недостаток финансовых средств местных помещиков (в связи с чем дворяне очень рассчитывали на казенные средства)[395]. Но главным условием существования приходских училищ в Остзейском крае, основанных по доброй воле помещиков и поселян должно было стать их подчинение исключительно Главной Консистории, «ибо двойное начальство, под которым бы как священники, так и сами училища находились, то есть начальство нынешних церковных присутственных мест и Дерптского университета без неприятнейших между ими несогласий существовать не может»[396]. Однако соображения лифляндского дворянства министром в расчет приняты не были, как явствует из сохранившегося в архиве черновика доклада Завадовского императору, в котором он просил разрешения на постепенное осуществление своего проекта[397].

Тем временем в Дерпте профессор Паррот продолжал заниматься училищными делами, искал землю под семинарии для обучения учителей.

---

[394] Мысли о училищах для крестьян в Лифляндии барона Кампенгаузена // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 115. Л. 28–33; Предложение Г. барона Унгерн Штернберга в рассуждении парохиальных школ, принятое как определение Земского съезда // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 65. Л. 48–49 об.; Предложение Г. ландрата фон Лингардта, касательно парохиальных школ, которое также приобщено к делу // Там же. Л. 50–52.

[395] Определение земского съезда Лифляндской губернии // Там же. Л. 46–47.

[396] Там же. Л. 46 об. Е.В. Петухов мягко характеризовал отношения между университетом и дворянством как «шероховатые» // *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 295.

[397] Черновик доклада гр. П.В. Завадовского императору Александру I б/д (доклад может датироваться второй половиной 1806 г.) // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 65. Л. 9 об.

Узнав о награде, которую пожаловал император членам Училищного комитета университета в благодарность за преобразование средних учебных заведений округа, дерптский профессор попросил и получил позволение вновь приехать в Петербург, что способствовало началу нового этапа обсуждения вопроса приходских училищ.

Паррот прибыл в Петербург в конце декабря 1806 г. и, вероятно, ждал, что Александр I сразу назначит день для их встречи. Но прошел целый месяц, пока дерптский профессор получил возможность лично увидеть императора. Паррот не оставлял надежды, что вместе с наградой за преобразование гимназий и уездных училищ он получит и окончательное согласие царя на осуществление своего проекта приходских школ. Для этого нужно было не только преодолеть сопротивление членов Правления, но и убедить императора действовать решительно. Ведь Паррот прекрасно понимал, что если Александр твердо поддержит его проект, то министру придется с этим согласиться. «Только приходские училища могут приготовить народ к свободе без революции и резни»[398], – писал он императору, прекрасно зная, как важно для государя спокойствие в империи, особенно в период продолжающихся военных действий. Чтобы Александра не смущало неодобрительное мнение членов Правления, было выдвинуто несколько предложений. Во-первых, Паррот предложил вообще обойтись без одобрения своего проекта Завадовским, поскольку с момента отправки министерского проекта в губернии прошло полтора года (проекта, который был не согласован ни с ним, не с университетом), а ответ пришел только от сейма Лифляндской губернии, что позволяло совсем не учитывать мнение местного дворянства. Во-вторых, Паррот готов был представить на заседании Правления, если оно все же необходимо, свою записку о мерах, принятых университетом для заведения приходских училищ, «но без всех тех истин, какие разозлить способны

[398] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 12 января 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 305.

(хладнокровно!), а равно и без главного предложения, касающегося способа исполнения»[399]. Эта записка, действительно, была прочитана Парротом на заседании Правления 28 февраля, куда он был приглашен лично[400]. Пока остзейское дворянство готовило ответ на запрос министра, Дерптская училищная комиссия через уездных смотрителей училищ запросила мнение самих крестьян о предстоящей реформе училищ. Самыми активными, по словам Паррота, оказались жители Лифляндии, Финляндии и острова Эзель, которые «повсеместно изъявили готовность свою на все нужныя пожертвования, определили все нужное к содержанию сих училищ»; часть средств, хоть и небольшая, должна была поступить из Курляндии. Эти донесения убедили членов Правления поддержать дерптского профессора. На утверждение государю был представлен проект приходских училищ, одобренный в Правлении еще 18 мая 1805 г. со следующей резолюцией: «Главное Правление училищ, соображая отзыв Лифляндского дворянства с донесением депутата Дерптского университета, преклоняется больше внимать гласу сельских обществ, хотящих открытия приходских училищ к своей пользе; нежели затруднениям, останавливающим столь долго исполнение общеполезнаго предприятия; а по тому и полагает, чтобы предоставить Дерптскому университету ныне же приступить к устроению предназначенных в начертании семинарий для образования приходских учителей»[401].

Тем временем, за неделю до этого заседания состоялась еще одна встреча Александра и Паррота, на которой профессор попросил разрешения составить третью редакцию своего проекта, чтобы уточнить некоторые несоответствия. В новом плане подчеркивалась необходимость общей инспекции университета за всеми сельскими школами, число которых не

---

[399] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 25 января 1807 г. // Там же. С. 307.

[400] Паррот Г.Ф. Начертание о приходских училищах округа Дерптского университета // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 44–48 (на французском языке); Д. 275. Л. 105–107 об. (на русском языке).

[401] Против казенного финансирования семинарий продолжали выступать Н.Н. Новосильцев, А.А. Чарторыйский, П.А. Строганов и П.С. Свистунов. Доклад Главного Правления училищ императору Александру I // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 65. Л. 94 об.–95.

уточнялось, т.к. «число это тогда Университету не сообщили с надлежащей точностью»[402]. Менялся способ обучения учителей, правда Паррот не объяснял, как именно, уточнив только, что он будет «более надежный и менее накладный». Помещики были обязаны отпустить на время крестьян, способных к учительской должности, освободив их от рекрутской повинности, а ученики городских училищ должны были вносить дополнительный ежегодный взнос на жалование учителю. Воодушевленный поддержкой министерских сотрудников, Паррот хотел как можно скорее вручить Александру третью редакцию своего плана, увидеть, как государь его подпишет, и получить, наконец, официальную копию от министра для хранения в университете. Но он вновь поспешил.

Очередной всеподданнейший доклад министра народного просвещения должен был состоятся по традиции в субботу, 9 марта. Дерптский профессор несколько раз письменно умолял Александра, чтобы их встреча состоялась раньше, чем приедет министр. Единственное время, которое император смог выделить для обсуждения вопроса, было раннее утро в субботу. Все их предыдущие встречи проходили по вечерам – Александр мог свободно уделять время своему другу, в этот же раз царя постоянно отвлекали, поэтому уходя и оставляя в кабинете государя свой очередной проект, Паррот не мог избавиться от беспокойства: «не знаю, скопирован ли план, подписали ли Вы его, получил ли его министр, готов ли рескрипт о моей поездке»[403]. Беспокойство профессора было не напрасным. Император не стал подписывать третий проект Паррота, а передал его Завадовскому с настоятельной просьбой сравнить с министерским проектом, еще летом 1805 года разосланным для обсуждения в губернии Дерптского округа. Министр выполнил высочайшее поручение и через несколько дней новый доклад был отправлен Александру. Министр, обозначив основные различия между двумя

[402] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 20 февраля 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С.

[403] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 13 марта 1807 г. // Там же. С. 328.

планами и придя к выводу, что принять новый план Паррота неудобно, вернул его обратно царю[404]. Копия упомянутого доклада, сохранившаяся в архиве, не датирована, но можно с уверенностью предположить, что доклад был написан Завадовским в промежуток между 9 и 14 марта – субботним докладом министра, когда он получил из рук императора третий проект Паррота и заседанием Правления 14 марта.

В итоге, период пребывания Паррота в Петербурге в 1807 г. оказался таким же безуспешным, как и в 1805 г. 16 марта Александр I уезжал из столицы в армию. Парроту накануне сообщили, что на заседании Правления план приходских школ был подписан. Но каково же было его удивление, когда на встрече с царем в день его отъезда, он увидел неподписанной третью редакцию своего проекта. Дерптский профессор недоумевал: «не знаю я, верный ли план министр разослал членам Правления для подписания (по всей вероятности, нет, потому что план этот в момент Вашего отъезда у Вас еще находился и Вы мне не сказали, что он среди членов Правления хождение имел), не знаю, передали ли Вы ему верный план, тот, который сами исправили, и подписали ли Вы его заблаговременно, чтобы возражения предупредить»[405]. Парроту пришлось покинуть Петербург «с кровоточащим сердцем», без рескрипта, без официального одобрения своего плана и, соответственно, без возможности получения казенных средств на основание семинарий для подготовки учителей приходских школ.

В переписке с царем вопрос об устройстве приходских училищ в Дерптском округе Паррот поднимал еще неоднократно. Летом 1807 г. во время их личной встречи в Вольмаре вскоре подписания Тильзитского мира, император вновь обнадежил Паррота. Узнав, что университет уже нашел

---

[404] Вероятно, поэтому третья редакция проекта Паррота в архиве не сохранилась, т.к. она лишь недолгое время находилась у министра, и в Правление внесена не была. Основные идеи этой редакции восстанавливаются по письму Паррота Александру от 20 февраля 1807 года и мартовскому докладу П.В. Завадовского.

[405] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 17 марта 1807 г. // *Андреев А.Ю.* Кафедра и трон… С. 329.

землю для семинарий и ждет официальных документов, Александр подтвердил, что «следует брать надлежащие меры, не тревожась о запоздании долгожданного указа, ибо он уже написан и будет нам прислан тотчас после возвращения» императора в Петербург[406]. Но никакого указа Дерптский университет так и не получил. Очередная попытка министра народного просвещения дать ход делу приходских школ закончилась неудачно: по результатам доклада 27 июля «Его Величество все дело о приходских училищах изволил оставить у Себя»[407]. Без ответа оставались дальнейшие просьбы и требования дерптского профессора вплоть до 1809 г., после чего тема приходских училищ в их переписке больше не затрагивалась.

Таким образом, попытка создать особую систему приходских училищ в остзейских губерниях, в отличие от губерний Виленского округа, не увенчалась успехом. Профессору Парроту пришлось преодолевать сопротивление членов Главного Правления училищ, которые не желали предоставлять Дерптскому округу уникальные права и содержать начальные школы за казенный счет. И в этом было главное отличие двух «окраинных» округов: если в Виленском округе создание двух видов приходских школ не вызвало возражений в Правлении и было спокойно утверждено царем, то с начальными школами Дерптского округа так не получилось именно из-за того, что расходы на них Паррот пытался переложить на государство. Не имея возможности финансировать начальное образование в империи, Министерство народного просвещения было готово сохранить за местным прибалтийским и польским дворянством влияние на приходские школы, коль скоро оно их содержало. И как бы тепло не относился Александр I к своим друзьям, тратить значительные средства на преобразование уже выстроенной системы учебных заведений в условиях войны и тяжелейшего финансового кризиса император не хотел и не мог.

---

[406] Письмо Г.Ф. Паррота императору Александру I от 11 августа 1807 г. // Там же. С. 346.

[407] РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 65. Л. 63 об.

Итак, образовательные реформы начала царствования императора Александра I были направлены на скорейшее увеличение числа учебных заведений в Российской империи. Но этот процесс оказался не таким быстрым, как рассчитывали реформаторы. Обширность империи, географические и национальные особенности учебных округов влияли на темпы открытия и развития школьного дела. Помимо специфики каждого отдельного округа были и общие сложности: не хватало квалифицированных учителей, учебных помещений. Значительная роль в образовательной реформе отводилась местной власти в лице директоров училищ, от их усердия во многом зависело качество как учебного процесса, так и хозяйственного оснащения учебных заведений.

За рассматриваемый период в пяти учебных округах были открыты все запланированные гимназии и только в Казанском округе оставались губернии, где продолжали действовать главные народные училища, либо губернии, где средних учебных заведений не было вообще. А вот преобразование и открытие уездных училищ шло гораздо медленнее и даже возможность перейти на штатное финансирование не сильно ускоряло процесс. Вопрос же со школами начального уровня оказался еще сложнее, сказывалось не только отсутствие учителей, но и слабая заинтересованность в наличии таких училищ со стороны помещиков и самих крестьян. Поэтому министерство пыталось всячески поощрять общественное внимание к школам всех уровней – введением должности почетных смотрителей, стимулированием благотворительных пожертвований.

Впервые государство брало на себя расходы на содержание гимназий и уездных училищ, поэтому личный контроль училищного начальства в лице директоров гимназий, университетских профессоров и попечителей за учебным процессом и хозяйственным обеспечением школ был крайне необходим. Основная тяжесть визитаторских поездок ложилась на университет – период вакаций профессора должны были проводить в дороге, осматривая обширные и часто далекие от университетской столицы губернии

и уезды. Но именно это не только давало возможность повысить интерес местных жителей к образованию, но и непосредственно узнать о нуждах и сложностях самих учебных заведений. Ежегодные визитации попечителей и профессоров, хоть и были обременительны по времени, но в результате приносили значительную пользу школьному делу в империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под влиянием идеологии Просвещения в европейских странах зарождалась мысль о необходимости иметь стройную систему образовательных учреждений от начальной до высшей школы. По мере унификации разнородных учебных заведений верховная власть предпринимала попытки сосредоточить контроль над образовательными учреждениями в рамках единого органа управления. В Российской империи предпосылки для создания единой системы народного образования, включающей в себя учебные заведения всех уровней – начального, среднего и высшего, – возникли в начале 1760-х гг. Проект И.И. Шувалова предусматривал введение всеобщего обучения для дворян, причем высшее образование подразумевалось как общее (университет), так и профессиональное (кадетский корпус). «Генеральный план гимназий или государственных училищ» 1764 г. предполагал учреждение во всех губерниях государственных гимназий, которые объединяли бы в себе три ступени обучения: начальную, среднюю и повышенную. Но только созданная в 1782 г. Комиссия об учреждении народных училищ смогла разработать план учебной реформы, а также заложить основы государственной общеобразовательной школы, состоящей из главных и малых народных училищ. Однако она не получила ни от Екатерины II, ни от Павла I полномочий по дальнейшему развитию школьной системы ни «вверх» («План учреждению в России университетов» в 1787 г. не был утвержден, и члены комиссии больше не предпринимали попыток ни усилить средний уровень образования, ни создать высший), ни «вширь» (новообразованные школы почти не затрагивали сельскую местность, да и в городах их были считанные единицы). Комиссия не была включена в систему государственных учреждений, продолжая существовать как временный орган, ежегодно отчитывавшийся о текущем состоянии существовавших учебных заведений.

Начало царствования императора Александра I ознаменовалось обсуждением широкой программы либеральных преобразований[1]. Одно из центральных мест в этой программе должна была занять реформа народного просвещения. Необходимость создания особого ведомства, распоряжающегося всеми учебными и научными учреждениями, хорошо осознавалась в окружении императора Александра I. Одними из первых идею организации в России специального департамента просвещения высказали воспитатель наследника Ф.-С. Лагарп, а также харьковский помещик В.Н. Каразин, разрабатывавший вместе с другими членами Комитета 18 марта реформу существовавших учебных и научных учреждений. И Лагарп, и Каразин предлагали создать в рамках министерства особый совет, состоящий при министре и содействующий ему в деле организации в империи системы просвещения. Проект Лагарпа обсуждался в присутствии царя в Негласном комитете, члены которого согласились включить коллегиальный орган управления в состав нового ведомства в ходе разработки общей министерской реформы.

С самого начала царь пытался привлечь к разработке образовательных реформ достаточно большой круг лиц – это были его молодые друзья, составляющие Негласный комитет (В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, кн. А.А. Чарторыйский, гр. П.А. Строганов), швейцарец Ф.-С. Лагарп, члены екатерининской Комиссии об учреждении народных училищ (гр. П.В. Завадовский, Ф.И. Янкович де Мириево, П.С. Свистунов), а также и те из его окружения, кто каким-то образом мог считаться «экспертом» по народному образованию – гр. С.О. Потоцкий, М.Н. Муравьев, Ф.И. Клингер, профессор Г.Ф. Паррот, академик Н.И. Фус, В.Н. Каразин. Каждый из них имел свои представления о том, какой должна быть система народного просвещения в России и хотел провести свои принципы в главные образовательные проекты.

[1] См. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Так, среди людей, призванных к обсуждению необходимых преобразований в области народного просвещения были приверженцы просвещенческого утилитаризма, ориентировавшиеся в основном на образовательные реформы, проведенные в габсбургских землях, профессора, не желающие отступать от традиций средневекового университетского образования, а также сторонники «модернизированной» модели высшего образования, ориентировавшиеся на университеты Галле и Гёттингена.

Процесс формирования Министерства народного просвещения, созданного вместе с другими органами правительственной власти 8 сентября 1802 г., занял определенное время. Сначала необходимо было сформулировать принципы организации единой образовательной системы и управления ею. Уже при обсуждении первого законодательного документа министерства – «Предварительных правил народного просвещения» – выяснилось, что, помимо необходимости согласовывать различные представления о структуре этой системы между членами Комиссии об училищах, министру приходилось считаться и с мнением людей, окружавших императора, но не входивших в министерство. Итоговый вариант «Предварительных правил» отражал формальное соединение разнородных принципов. С одной стороны, он содержал в себе нормы, разработанные Комиссией об училищах (разделение империи на шесть учебных округов, иерархическая подчиненность низших училищ высшим, преемственность учебных программ), с другой – ряд положений, внесенных по инициативе профессора Паррота, поддержанного самим императором (университетская автономия, чины по Табели о рангах для университетских профессоров, обязательная пенсия по выслуге лет).

В итоге Министерство народного просвещения состояло из министра, несшего единоличную ответственность перед императором, и высшего бюрократического органа – Главного Правления училищ. Попечители учебных округов, будучи членами Правления, контролировали университеты, а в их лице и все остальные средние и начальные учебные заведения, соединяя,

таким образом, в своих руках местное и центральное управление образованием.

Создание университетского устава затянулось почти на два года. Это было, во-первых, связано с тем, что министр решил сначала обсудить контуры будущего университетского документа – т.н. «общий» устав, составленный членами Правления, а только потом обсуждать уставы конкретных университетов. Во-вторых, Завадовский согласился с существованием собственных уставов для Виленского и Дерптского университетов, учитывая местные условия протестантских остзейских и католических польских губерний, но отказал в этом праве остальным высшим школам. Поэтому разработанные отдельно московским и казанским попечителями уставы своих университетов (харьковский и петербургский попечители в этой работе участие не принимали) правитель дел Правления довольно длительное время пытался объединить в один проект. Но и этот совместный проект после отъезда Каразина из Петербурга был отвергнут министром, в итоге поручившим окончательную работу над созданием единого университетского документа С.Я. Румовскому.

Вклад гр. П.В. Завадовского в становление Министерства народного просвещения состоял не только в том, что при нем была создана первая в России единая образовательная система от приходских училищ до университета, но и в том, что он смог за несколько лет выстроить определенную систему работы этого ведомства, которому, несмотря на общий принцип единоличной ответственности министра, был с самого начала придан и коллегиальный совет, к мнению которого министр должен был прислушиваться, а в спорных случаях даже идти на уступки его членам.

Журналы Главного Правления училищ позволяют восстановить картину текущей деятельности министерства и подчеркивают ее непростой характер. Члены Правления в первые годы работали планомерно, однако им постоянно приходилось возвращаться к ранее проработанным проектам, проверять, учтены ли сделанные замечания. Активную позицию во всех обсуждениях

занимал первый министр народного просвещения. Почти на каждом заседании Завадовский вносил свои предложения, которые рассматривались членами Главного Правления училищ, нередко министр объявлял о сделанных им докладах императору, поправлял уже готовые проекты. Сталкиваясь с ситуацией, когда необходимо было одобрить появление новых учебных заведений, выбивавшихся из только что утвержденной образовательной системы, Завадовский пытался найти компромиссные варианты, позволявшие сохранить ее основные принципы: Ярославская гимназия высших наук и Волынская гимназия благодаря настойчивости их жертвователей хотя и приравнивались по статусу к университету, но оставались включенными в систему учебных округов и подчинялись университету. Похожим образом решался вопрос с Митавской гимназией, которую курляндское дворянство попыталось вывести из-под контроля Дерптского университета. Министр после многократных настойчивых просьб согласился утвердить особые привилегии гимназии, учитывая ее академические традиции, но категорически был против ее самостоятельности от университетского центра.

Завадовскому приходилось учитывать и то, что в окружении императора Александра I появлялись люди, пытавшиеся повлиять на ход обсуждения ключевых вопросов образовательной реформы или инициировать определенные изменения в проектах, уже одобренных Правлением. Именно так действовал профессор Паррот при разработке утвердительной грамоты и устава для Дерптского университета, при попытке создать собственную двухступенчатую систему начальных школ. Завадовский чувствовал себя главной фигурой в системе министерства, поэтому настаивал на том видении, которое сам считал правильным, и пытался всячески препятствовать попыткам обойти себя. Но не всегда это получалось. Иногда изменения вносились с ведома императора (хотя надо отдать должное Александру – он старался, чтобы вопросы, относившиеся к области народного просвещения, не шли в обход министерства), а иногда побеждала настойчивость членов Правления, и министру приходилось уступать.

Второй министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский продолжал вносить определенные коррективы в училищную систему. В первую очередь это коснулось организации Царскосельского лицея, привилегированного учебного заведения для дворян, не включенного в училищную систему столичного учебного округа и дававшего своим выпускникам права на чин по Табели о рангах выше, чем университет. Университетскими правами министр наградил и Полоцкую академию, которая не только получила право на выдачу ученых степеней, но и управляла всеми иезуитскими училищами империи, которые были выведены из подчинения Виленского университета.

Разумовский также поменял и функции Главного Правления училищ. Довольно быстро после назначения нового министра попечители перестали приезжать на заседания (даже те из них, кто все время проживал в Петербурге), основные текущие дела сосредоточились в руках постоянных членов – академиков Фуса и Озерецковского, которые параллельно заседали и в хозяйственном комитете Правления. С каждым годом число заседаний уменьшалось, количество рассматривавшихся учебных вопросов сокращалось. Ни о каком коллегиальном принятии решений речь больше не шла, попечители присылали в столицу отчеты и получали на местах готовые циркуляры. Резко уменьшилось и количество всеподданнейших докладов министра императору. Сам министр довольно быстро начал просить об увольнении в отпуск, а затем и об окончательной отставке.

Перед Министерством народного просвещения стояла задача развивать не только высший, но и средний и начальный уровни образования. Большинство членов Комиссии об училищах согласилось с мнением Клингера о необходимости ввести в России четырехступенчатую систему учебных заведений: приходское и уездное училища, гимназия, университет. Эта система была дополнена принципом иерархической подчиненности низших школ высшим, предложенным сторонниками польской образовательной системы кн. А. Чарторыйским и академиком Фусом. Спорным же оказался

вопрос о том, на какие школы следует сделать акцент – на начальные (этих взглядов придерживался как сторонник австрийской системы Янкович де Мириево, так и воспитатель царя Лагарп) или на высшие, на чем настаивали молодые друзья, и в первую очередь Новосильцев. В итоге позицию Новосильцева разделили большинство членов Правления, и российская система образования начала складываться «сверху вниз».

Процесс реализации училищного устава происходил не так быстро, как планировалось изначально. Каждый учебный округ обладал своей географической и национальной спецификой. За 1804–1817 гг. почти завершилось преобразование гимназий (за исключением нескольких губерний Казанского округа). Темп открытия или преобразования уездных училищ был гораздо ниже, более трети всех уездов не имели школ этого уровня, сохранялось значительное число малых народных школ, действовавших на основании екатерининского устава. Только в Дерптском округе удалось достаточно быстро завершить переход средних учебных заведений на училищный устав 1804 г. Образование приходских училищ, не имевших штатного финансирования, целиком зависело от инициативы местной власти, желания помещиков и крестьян. Надежды реформаторов, что дворяне проявят инициативу в открытии начальных школ, не оправдались. В Дерпте эту проблему Паррот неудачно пытался решить за счет создания государственной системы с выделением казенных средств, во всех остальных округах Правление отдало ее в руки духовенства (это положительно повлияло только на состояние учебных заведений в Виленском округе, расходы на содержание которых традиционно брали на себя католические духовные ордена), местных благотворителей или учителей. Количество приходских училищ во внутренних учебных округах Российской империи росло крайне медленно и к 1817 г. не превышало числа действовавших уездных школ. Деятельность Правления, особенно в период министерства гр. А.К. Разумовского, не приводила к увеличению числа низших училищ как у помещиков, так и в казенных селениях. Общей проблемой для школ всех ступеней оставалась

недостаточность квалифицированных учителей и учебных помещений. И все же, вопреки указанным трудностям, мешавшим реализации тех идей, которые были заложены в реформу начального народного образования, стоит отметить медленный, но поступательный рост числа приходских училищ в империи.

Существенным элементом контроля за вновь открывавшимися учебными заведениями становились визитаторские поездки попечителей и университетских профессоров. Средние учебные заведения не только включались в сферу попечения высшего учебного заведения, но и получали более пристальное внимание со стороны центральной власти в лице министерства, поскольку личный осмотр позволял обнаружить проблемы, которые были не видны из письменных отчетов. Вместе с тем появление профессоров в уездных городах увеличивало интерес местных жителей к школам и становилось толчком для развития образовательной среды округа. Все это играло важную роль в процессе становления новой образовательной системы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца

Ф. 1153. (Муравьев М.Н.)

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 17. Госархив, коллекция «Наука, литература и искусство»

Российский Государственный Исторический архив (РГИА)

Ф. 14. (Новосильцев Н.Н.)

Ф. 730. Комиссия об учреждении народных училищ

Ф. 731. Комиссия об училищах при Министерстве народного просвещения

Ф. 732. Главное Правление училищ Министерства народного просвещения

Ф. 733. Департамент народного просвещения

Ф. 734. Ученый комитет Министерства народного просвещения

Ф. 744. «Высочайшие» указы, рескрипты и «всеподданнейшие» доклады по Министерству народного просвещения (коллекция)

Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов

Ф. 1147. Непременный (Государственный) Совет

Ф. 1162. Государственная канцелярия Государственного Совета

Ф. 1263. Комитет министров

Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел

Ф. 1329. Именные указы и «Высочайшие» повеления Сенату (коллекция)

Ф. 1330. Общие собрания департаментов Сената

Ф. 1370. Комитет для освидетельствования министерских отчетов при Сенате

Центральный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы)

Ф. 418. Императорский Московский университет

Ф. 459. Канцелярия попечителя Московского учебного округа

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН)

Ф. 115. Рукописные книги

Ф. 176. (Новосильцев Н.Н.)

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 499. (Муравьев М.Н.)

Ф. 526. (Новосильцев Н.Н.)

Ф. 588. Погодинские автографы

Отдел рукописей ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Ф. 265. Русская Старина

Ф. 9020.

Законодательные и нормативные акты, делопроизводственная документация

Акт постановления для Императорского университета в Дерпте. 12 декабря 1802 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 6–12.

Акт утверждения для Императорского университета в Вильне. 4 апреля 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 39–46.

В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение. 1 ноября 1760 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 3. С. 113–118.

Высочайше утвержденная записка об учреждении Комитета для рассмотрения уставов Академии Наук, Академии Российской и Московского университета. 18 марта 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.187.

Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам. 17 августа 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.326.

Высочайше утвержденные правила для учащихся в Императорском Дерптском университете. 23 августа 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 119–138.

Грамота, данная Полоцкой иезуитской Академии. 1 марта 1812 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 778–782.

Изменения в Уставе учебных заведений, подведомых университетам, относительно гимназий и уездных училищ, состоящих под управлением Дерптского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 95–108.

Манифест о разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих. 25 июля 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.307.

Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406.

Наставление визитаторам училищ // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 3–9.

О бытии при уездных училищах, сверх штатных смотрителей, начальникам в звании почетных смотрителей. 26 августа 1811 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.754.

О взносе дворянством Слободско-Украинской губернии для Харьковского университета 400.000 рублей. 25 мая 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 67–68.

О возобновлении Учительской гимназии в Санкт-Петербурге. 20 мая 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873. Стб. 65–66.

О Высочайше утвержденных штатах департаментов министров. 7 января 1803 г. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 11–12.

О должности Комиссии училищ. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.407.

О заведении Академии Наук и о назначении Президентом оной лейб-медика Блюментроста. 7 декабря 1725 // ПСЗ. Т. 7. №. 4807.

О заведении в Нежине гимназии высших наук князя Безбородко. 29 июля 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 425–429.

О заведении в Санктпетербурге главного народного училища. 9 июня 1783 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.755.

О новом образовании Митавской гимназии и о бытии оной в зависимости Дерптского университета. 7 марта 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 28–30.

О пожертвовании статским советником Демидовым капитала в пользу училищ. 6 июня 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 73–79.

О постановлениях для Дерптского университета, относительно до надзирания училищ его округа. 21 марта 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 226–232.

О правилах для управления Императорскою Публичною библиотекою. 31 марта 1812 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 782–799.

О предоставлении Главному училищ Правлению определять сумму на разъезды попечителей для осмотра учебных округов. 5 декабря 1808 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 557–558.

О представлении отчетов министерских за каждый год в декабре месяце. 4 ноября 1804 г. // ПСЗ. Т. 28. № 21.495.

О преимуществах, дарованных Ярославской гимназии. 6 июня 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 79–82.

О приведении в действие постановления о Лицее. 19 апреля 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 658.

О приготовлении для занятия кафедр молодых людей из русских. 11 февраля 1815 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 259–260.

О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России. 17 марта 1803 г. //

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 30–37.

О принятии мер для содействия благоуспешному течению народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 22–23.

О присоединении Императорской Медико-Хирургической Академии к Министерству просвещения и об упразднении Московского ея отделения. 20 мая 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 608–609.

О причислении училищ Белостокской области к округу Виленского университета. 25 ноября 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 672.

О содержании гимназии, уездных и приходских училищ Санкт-Петербургской губернии. 24 июня 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 418–419.

О составлении инструкций для почетных смотрителей уездных училищ. 14 мая 1813 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 221.

О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. 29 января 1786 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16.315.

О сохранении прав и преимуществ, присвоенных Абовскому университету. 4 июня 1808 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 545–546.

О сочинении и представлении в Сенат штатов и плана для учреждения Гимназий и школ в Губерниях. 15 ноября 1760 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11.144.

О языках, кои следует преподавать в народных училищах. 27 сентября 1782 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.523.

Об избрании ректора в Московском университете на три года. 16 сентября 1809 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 596–597.

Об избрании ректоров в Харьковском и Казанском университетах чрез каждые три года. 26 мая 1811 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 708–709.

Об образовании гимназий и уездных училищ в Дерптском учебном округе. 31 октября 1806 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 131.

Об образовании и уставе Ришельевского Лицея. 2 мая 1817 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 984–1018.

Об обязанностях Комиссии училищ. 8 сентября 1802 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 4–5.

Об определении в почетные смотрители училищ по губерниям, где дворян не находится, посторонних чиновников. 8 марта 1819 г. // ПСЗ. Т. 36. № 27.708.

Об оставлении Митавской академической гимназии на прежнем основании. 26 января 1807 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 477–481.

Об открытии народных училищ. 12 августа 1786 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16.425.

Об управлении Императорскою Публичною библиотекою. 14 октября 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 669–671.

Об утверждении правил для Хозяйственного комитета при Главном Правлении училищ и инструкции управляющему Конторою. 26 марта 1808 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 152–161.

Об уставах Московского, Харьковского и Казанского Университетов и подведомых оным учебных заведений. 5 ноября 1804 г. // Сборник

постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 292–294.

Об устройстве училищ. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 13.

Об учреждении в Астрахани армянского Агабабовского училища. 31 декабря 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 373–374.

Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ. 7 сентября 1782 г. // ПСЗ. Т. 21. № 15.507.

Об учреждении одного корпуса из трех кадетских корпусов, Сухопутнаго, Морскаго и Артиллерийскаго и о поручении онаго в управление Главному Директору Шувалову. 24 апреля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11.515.

Об учреждении Педагогического Института в Санкт-Петербурге. 16 апреля 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873. Стб. 233–255.

Об учреждении при Венском университете Училищного комитета. 3 октября 1807 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 148–149.

Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно и церковнослужителями. 31 января 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 386–391.

Об учреждении университета в Санкт-Петербурге. 8 февраля 1819 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 1265–1272.

Об учреждении учебных округов. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 21–22.

Об учреждении училища в Тифлисе. 23 июля 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 116–119.

Образование Главного Педагогического Института. 23 декабря 1816 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 915–959.

Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.064.

Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // ПСЗ. Т. 31. № 24.686.

Общие наставления Виленского университета визитаторам училищ. 1804 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 24–42.

Отчет профессора Московского университета А.А. Прокоповича-Антонского о визитации училищ Рязанской губернии в 1805 году // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1888. Т. 3. № 3. С. 45–51.

Постановление о лицее (Царскосельском). 12 августа 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 632–657.

Потоцкий С.О. Мнение о учреждении университета в Санкт-Петербурге // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 4. С. 308–313.

Предварительные правила народного просвещения. 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 13–21.

Предначертание устроения училищ в округе Императорского Виленского университета. 20 августа 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 269–284.

Проект об учреждении Московского университета. 12 января 1755 // ПСЗ. Т. 14. № 10.346.

Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов. 28 января 1724 г. // ПСЗ. Т. 7. № 4443.

Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. 24 июля 1747 г. // ПСЗ. Т. 12. № 9425.

Решение Сената на доношение куратора Московского университета Шувалова // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 119–121.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. Е.И. Индовой. М., 1987.

Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 2. СПб., 1897.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1875.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб., 1866.

Указ Канцелярии Академии наук в Академическое собрание о предоставлении всеми профессорами заключений по вопросу об учреждении гимназий и школ. 7 декабря 1760 г. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1955.

Устав Волынской гимназии. 29 июля 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 420–425.

Устав гимназии высших наук князя Безбородко. 19 февраля 1825 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 1817–1835.

Устав для приходских училищ в губерниях Волынской, Киевской и Подольской. 31 августа 1807 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 500–519.

Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа. 18 мая 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 46–65.

Устав Императорского Дерптского университета. 12 сентября 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 139–199.

Устав Киевской гимназии. 13 октября 1811 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 752–758.

Устав народным училищам в Российской Империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786.

Устав о цензуре. 9 июля 1804 г. // ПСЗ. Т. 28. № 21.388.

Устав учебных заведений, подведомых университетам. 4 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 331–368.

Устав Ярославского училища вышних наук. 28 января 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 382–386.

Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 295–331.

Утвердительные грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 285–291.

Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения. 24 октября 1817 г. // ПСЗ. Т. 34. № 27.106.

Периодика

Периодическое сочинение о успехах народного просвещения

Русская старина

Чтения в Обществе истории и древностей российских

Воспоминания

Анастасевич В.Г. Записка о Василии Назарьевиче Каразине // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 192–199.

Вигель Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. М., 1864.

Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвига Якоба // Харьковский историографический сборник. 2014. Вып. 13. С. 218–259.

Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.

Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский Архив. 1874. № 6. С. 1377–1466.

Мартынов И.И. Записки // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым. Т. II. СПб., 1872. С. 68–182.

Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

Погодин М.П. Школьные воспоминания 1814–1820 гг. // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 605–630.

Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. 1866. № 5. Стб. 735–760.

Тимковский Е Ф. Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 60–64.

Третьяков М.П. Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова. 1799–1830 // Русская старина. 1892. № 7. С. 105–131; № 8. С. 307–345; № 9. С. 533–553.

Роммель К.Д. Пять лет из истории Харьковского университета. Харьков, 1869.

Роммель К.Д. Спогади про моє життя та мій час. Харьків, 2001.

Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902.

Письма

Андреев А.Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота. М., 2023.

Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1. 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго, пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014.

Каразин В.Н. Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910.

Письма графа П.В. Завадовского к братьям графам Воронцовым (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 12. М., 1877. С. 1–310.

Письма графа П.В. Завадовского к графу С.Р. Воронцову (1770–1807) // Архив князя Воронцова. Т. 24. М., 1880. С. 142–168.

Письма министра народного просвещения гр. П.В. Завадовского к гр. А.К. Разумовскому // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб, 1880. С. 229–237.

Письма О.А. Поздеева к графу А.К. Разумовскому // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб, 1880. С. 448–518.

Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПБ., 1880. С. 288–443.

Пять писем графа Иосифа де-Местра о народном образовании к гр. Разумовскому, министру народного просвещения // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 248–288.

Историография

Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. под ред. А.И. Андреева. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 284–333.

Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008.

Андреев А.Ю. «Профессор-романтик» Г.Ф. Паррот и его дружба с императором Александром I // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2021. Вып. 101. С. 79–100.

Андреев А.Ю. «Я бы первая последовала доброму примеру». Неосуществленная университетская реформа Екатерины II // Родина. 2010. № 2. С. 41–44.

Андреев А.Ю. Гумбольдт в России: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Российская история. 2004. № 2. С. 37–55.

Андреев А.Ю. Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30.

Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000.

Андреев А.Ю. Переписка императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота (1802–1825) как источник по изучению политических реформ в Российской империи // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2019. Вып. 89. С. 67–82.

Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

Андреев А.Ю. Ф.-С. Лагарп и разработка реформы народного образования в России // Российская история. 2010. № 6. С. 40–46.

Андреев А.Ю., Грачева Ю.Е. Александр I в работе над Актом постановления для Дерптского университета: страница из истории либеральных реформ в России начала XIX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2023. Вып. 114. С. 50–65.

Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2015. Вып. 65. С. 70–97.

Анисимов Е.В. И.И. Шувалов – деятель российского просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94–104.

Арискина Ю.Э. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I: дис… канд. истор. наук. М., 2015.

Аристов Н.Я. Состояние образования в России в царствование Александра I. Киев, 1879.

Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. История создания и основные этапы развития городских училищ Чувашского края // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 11–17.

Артамонова Л.М. Источники по истории школьной реформы конца XVIII века в российских архивах // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5-3 (55). С. 167–174.

Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.

Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Юго-восточные губернии Европейской России: дис... д-ра истор. наук. Самара, 2002.

Артамонова Л.М. Школьные реформы XVIII – первой половины XIX века в процессе российской модернизации // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 57–64.

Артемкин А.Н. Концепции и проекты образовательной политики в России (XIX – начало XX вв.): дис… канд. политич. наук. М., 2018.

Ашихмин А.В. Рыночный подход. История Щукина двора // Санкт-Петербургские ведомости. № 7 (7406) от 28.04.2023 г.

Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета по неизданным материалам. Т. 1. Харьков, 1893–1898.

Белецкий А.В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г. Вильна, 1903.

Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117–121.

Белявский А.В. Краткое обозрение истории гимназий в России. СПб., 1908.

Белявский Н.Н. Народное образование в Швейцарии. Юрьев, 1897.

Берлин И. Народное образование в Швейцарии // Образование. 1898. № 2. С. 11–35.

Бирюков А.В. К вопросу об открытии в Могилеве губернской гимназии // Романовские чтения – 16. Сборник статей международной научной конференции. Могилев, 2023. С. 12–13.

Блинов А.В. Деятельность П.А. Словцова на посту визитатора Сибирских учебных заведений // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2021. № 71. С. 5–10.

Блинов А.В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дис… д-ра истор. наук. Барнаул, 2019.

Блинов А.В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2019.

Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения). Гродно, 2002.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1, 2. СПб., 1869.

Богуславский М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX–XX вв. // Образование и общество. 2008. № 5. С. 9–18.

Богуславский М.В. Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы современного образования. 2010. № 1. С. 33–44.

Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–21.

Булгакова Л.А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. 10. С. 244–251.

Булич Н. Из первых лет Казанского университета. (1805–1819): Рассказы по архивным документам. СПб., 1904.

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. В 2 т. СПб., 1912.

Буторина Т.С., Кабринская С.И. Состояние образования на территории Архангельской губернии в первой четверти XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. № 4. С. 245–248.

Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880.

Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления. Опыт России первой половины XIX в. // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Т. 1. Киев, 1884.

Войтеховская М.П. История формирования и развития системы общего и педагогического образования как составной части процесса модернизации Российской империи: дис... д-ра истор. наук. Томск, 2012.

Войтеховская М.П. Политика реформ и общественные инициативы в развитии российской системы общего образования в XIX – начале XX вв. Томск, 2011–2012.

Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849.

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998.

Гаврилина И.А. Ректор Г.Ф. Паррот и попечитель Ф.М. Клингер: два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 47–56.

Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX века: формы, комплектация и организация хранения // История и историческая память. 2015. № 11. С. 224–242.

Гаращенко А.Н., Гаращенко Л.В. Развитие сети казенных общеобразовательных учреждений в Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 175–187.

Гелла Е.И., Качемцева Л.В. Формирование комплекса университетских зданий в Харькове в первой трети XIX в. // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 3 (14). С. 122–131.

Гончаров М.А. Государственно-общественное управление педагогическим образованием в России XVIII – начале XX в. М., 2013.

Гончаров М.А. Становление и развитие государственно-общественного управления педагогическим образованием в России в XVIII – начале XX века: дис… д-ра пед. наук. М., 2014.

Грачева Ю.Е. «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012.

Грачева Ю.Е. Public Schools of Dorpat District at the Beginning of the Reign of Emperor Alexander the First // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 364–376.

Грачева Ю.Е. В.Н. Каразин и основание Харьковского университета // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. 2. М., 2005. С. 189–199.

Грачева Ю.Е. В.Н. Каразин на службе в Министерстве народного просвещения (1802–1804) // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. 2. М., 2006. С. 213–219.

Грачева Ю.Е. Василий Назарович Каразин и петербургское общество на рубеже 1810–1820 гг. XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия II. История. Истори РПЦ. 2008. № 1 (26). С. 24–41.

Грачева Ю.Е. Визитации попечителей учебных округов в начале XIX века // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 46–52.

Грачева Ю.Е. Вклад Московского университета в развитие училищ Московского учебного округа в начале XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 56–67.

Грачева Ю.Е. Всеподданнейшие отчеты министерств в системе административных преобразований в Российской империи в первой трети XIX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2020. Вып. 93. С. 47–56.

Грачева Ю.Е. Гимназии и уездные училища Харьковского учебного округа в контексте министерской политики в начале XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2 (104). Ч. 3. С. 159–163.

Грачева Ю.Е. Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и профессора Г.Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.

Грачева Ю.Е. Деятельность Главного правления училищ при министре графе А.К. Разумовском // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 2. С. 59–64.

Грачева Ю.Е. Записка Г.Ф. Паррота императору Николаю I об основании Профессорского института: исследование, публикация источника // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2023. Вып. 112. С. 119–141.

Грачева Ю.Е. Из истории общественно-политической жизни России: В.Н. Каразин в 1820 г. // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2008. № 1. С. 42–54.

Грачева Ю.Е. Институт визитаций в первом десятилетии XIX века // Клио. 2024. № 10 (214). С. 57–64.

Грачева Ю.Е. История возникновения Министерства народного просвещения в отечественной историографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2015. № 4 (65). С. 58–69.

Грачева Ю.Е. К вопросу об устройстве приходских училищ в Дерптском округе // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2017. Вып. 74. С. 85–92.

Грачева Ю.Е. Николай I: «Чтоб были университеты у нас по делу, а не по одному названию…» Пути преобразования высших учебных заведений глазами императора // Родина. 2023. № 10. С. 126–128.

Грачева Ю.Е. Отчеты министра народного просвещения П.В. Завадовского как источник по истории министерства // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2018. Вып. 83. С. 96–109.

Грачева Ю.Е. Появление должности почетных смотрителей в учебных заведениях Российской империи в начале XIX в. // Вопросы истории. 2019. № 12 (2). С. 146–154.

Грачева Ю.Е. Профессор Г.Ф. Паррот в борьбе за развитие начального образования в остзейских губерниях // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2021. Вып. 101. С. 64–78.

Грачева Ю.Е. Разработка образовательных реформ в Главном Правлении училищ в 1803–1804 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. Вып. 3. С. 17–30.

Грачева Ю.Е. Роль благотворительных инициатив в становлении образовательной системы Российской империи первой четверти XIX в. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2020. № 30. С. 137–139.

Грачева Ю.Е. Устав российских университетов 1804 г.: история подготовки в Министерстве народного просвещения // Клио. 2017. № 10 (130). С. 40–46.

Гречко С.Ю. Народное образование в Усть-Медведицком округе Области Войска Донского (1802–1928): дис… канд. истор. наук. Волгоград, 2019.

Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение 50 лет его существования. СПб., 1870.

Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М., 1890.

Громова Н.Ф. Из истории создания в Крыму в первой половине XIX в. сети государственных начальных учебных заведений // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3. Ч. 2. С. 6–10.

Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2007.

Даниленко С.Н. История создания Виленского учебного округа: к 210-летию его организации // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. 2014. № 2 (44). С. 28–35.

Дегтярев С.И. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level // European Journal of Contemporary Education. 2020. № 9 (2). С. 451–458; № 9 (3). С. 666–678.

Дегтярев С.И. Чиновники ведомства народного образования Российской империи в начале XIX века: материалы для изучения // Журнал Министерства народного просвещения. 2016. № 9 (3). С. 81–92.

Демкин А.В. "Дней Александровых прекрасное начало". Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012.

Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: дис… канд. истор. наук. М., 2008.

Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И. Академия благих надежд. М., 2019.

Днепров Э.Д. Законодательная деятельность в сфере образования в дореволюционной России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 244–278.

Днепров Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики. 1918–1877. Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981.

Днепров Э.Д. Современная школьная реформа в России. М., 1998.

Егорова М.В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808 – февраль 1917 г.): дис... д-ра истор. наук. М., 2009.

Ершов А.Г. Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России (1755 – середина XIX века): дис... канд. ист. наук. Москва, 2003.

Жарова Е.Ю. Император Александр I по воспоминаниям профессора Дерптского университета Г.Ф. Паррота // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 267–279.

Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

Жуковская Т.Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 74–89.

Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 15–25.

Жуковская Т.Н. Просветительские проекты «молодых друзей» и создание Министерства народного просвещения (1802) // Власть, общество, армия: Сборник научных статей. СПб., 2013. С. 181–191.

Жуковская Т.Н. Российские университеты при Александре I и традиции европейского образования // Страницы Российской истории: Межвузовский сборник к 60-тилетию со дня рождения профессора Г.А. Тишкина. М., 2001. С. 92–113.

Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 22–32.

Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Дореформенный университет во главе училищ в I половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3 (156). С. 17–21.

Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Просвещенная провинция: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой трети XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Ноябрь. № 7. Т. 2. С. 12–18.

Жуковская Т.Н., Калинина Е.А., Казакова К.С. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 2 (16). С. 77–92.

Жуковская Т.Н., Пустовойт И.С. С.С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 2–16. С. 77–92.

Завгородняя О.И. Попечительство в истории университетов России первой половины XIX в.: дис… канд. истор. наук. М., 2007.

Завгородняя О.И. Степан Яковлевич Румовский – первый попечитель Императорского Казанского университета // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3 (7). С. 89–94.

Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902.

Зайцев Б.П., Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа. Харьков, 2000.

Залдкин А. Иван Иванович Мартынов (1771–1833), деятель просвещения в начале XIX века. Тифлис, 1902.

Захаратос Д.А. Московский учебный округ в 1804–1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров: дис… канд. истор. наук. М., 2003.

Захаров В.Ю. Попытка создания системы всеобщего начального образования в России в начале XIX в. // Наука и образование в жизни современного общества. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г. Т. 9. Тамбов, 2015. С. 64–67.

Захаров В.Ю., Иванова А.Н. Вопрос о введении всеобщего начального образования в России в XIX – начале XX вв. // Clio-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. Вып. VII. М., 2016. С. 327–338.

Захаров В.Ю. Формирование системы начального образования в России в I половине XIX в. // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.А. Сорокина. Москва, 2016. С. 44–48.

Захаров В.Ю., Иванова А.Н. Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX – начале XX вв.: причины неудачи реформы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 11–26.

Захаров В.Ю. К вопросу об определении состава Негласного комитета // Земля и власть в судьбе России. Сборник научных статей участников

Всероссийской научно конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессоров А.Г. Кузьмина и В.Г. Тюкавкина. М., 2024. С. 222–230.

Зипунникова Н.Н. Акты Министерства народного просвещения в системе законодательства об образовании и науке Российской империи // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Нижний Новгород, 2016. С. 81–90.

Змеев В.А. История зарождения и формирования образовательной системы России // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 4. С. 203–220.

Змеев В.А. Развитие российской высшей школы. XVIII – начало XX в.: дис... д-ра истор. наук. М., 2001.

Змеев В.А. Министерство народного просвещения: первые годы деятельности // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 6. С. 197–211.

Змеев В.А. Управление высшей школой России в начале XIX века // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 7. С. 108–116.

Зуева М.А. Создание и деятельность Комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 2. С. 83–89.

Зуева М.А. Становление школьного образования на территории Чувашии (вторая половина XVIII – начало XIX в.): дис... канд. истор. наук. Саранск, 2016.

Ибнеева Г.В., Шакирова А.И. Штатные смотрители в организации системы уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 3. С. 141–148.

Иванова И.П. Становление и развитие системы начального образования в Чувашском крае в XIX – начале XX вв.: дис... канд. истор. наук. Чебоксары, 2006.

Иерусалимская С.Ю. Деятельность Ярославского высших наук училища в первой трети XIX в. // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (18). С. 17–20.

Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: дис... д-ра истор. наук. М., 2016.

Ильина К.А. «Рассадники просвещения»: метаморфозы назначений попечителей в учебные округа России первой трети XIX века // Уроки истории – уроки историка. Сб. статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 227–234.

Ильина К.А. Архивы попечителей учебных округов в Российской империи // Биографии университетских архивов. М., 2017. С. 165–184.

Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: дис… канд. истор. наук. Казань, 2011.

Ильина К.А. Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX в.) // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань, 2009. С. 111–116.

Ильина К.А. Информационные ресурсы попечителя учебного округа (первая четверть XIX в.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 37–45.

Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010.

Инглот М. Коллегии иезуитов в Российской империи, 1772–1820 гг. Введение в тему // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2009. С. 41–48.

История Московского университета. Т. 1. М., 1955.

Кабринская Н.И. Исторический опыт взаимодействия государства и общества в области образования в Архангельской губернии в первой четверти XIX в. // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 16. С. 290–294.

Календарова В.В. Возникновение ведомственной периодики в России в начале XIX века, первые министерские журналы: дис… канд. истор. наук. СПб., 2000.

Калинина Е.А. Взаимодействие государства и Церкви в организации приходских училищ в северных губерниях России (1805–1825 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4. С. 5–13.

Калинина Е.А. Директор народных училищ в системе народного просвещения первой половины XIX века // Российская история. 2010. № 6. С. 47–56.

Калинина Е.А. Организация и деятельность народных школ в XIX – начале XX века (на материалах Сямозерской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии): дис… канд. истор. наук. Петрозаводск, 2007.

Калинина Е.А. Основные принципы реформирования государственного управления народным просвещением России в первой четверти XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1 (44). С. 78–80.

Калинина Е.А. Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX в.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 74–88.

Калинина Е.А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: дис… д-ра. истор. наук. М., 2018.

Калинина Е.А. У истоков гимназического образования: провинциальные гимназии при Александре I // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2011. № 1 (19). С. 13–17.

Калинина Е.А. Уездные училища Олонецкой губернии в системе просвещения России в первой половине XIX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56). С. 35–39.

Калинина Е.А. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 195.

Каллаш В.В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902.

Кандаурова Т.Н. Московский университет и провинциальные гимназии России // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 139–156.

Киселев М.А. Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 317–345.

Козлов О.В. Становление системы просвещения на территории Витебской и Могилевской губернии в XIX – начале XX века: ракурсы современной белорусской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4 (40). С. 321–341.

Козлова Г.Н., Овчинников А.В. Историография взаимодействия власти и общества в развитии общего образования в России XIX–XX вв. [Электронный ресурс] / Г.Н. Козлова, А.В. Овчинников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 1: Пространство и время образования. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-1.2015.21

Колбасин Е. Иван Иванович Мартынов, переводчик «греческих классиков» // Современник. 1856. № 3. С. 1–47.

Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. Казань, 1930.

Коршунова Н.В. П.В. Завадовский // Русский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 313–316.

Косинов В.Н. Становление и развитие гимназического образования в губерниях Черноземного центра России: XIX – начало XX вв.: дис... канд. истор. наук. Курск, 2006.

Костина Т.В. Академик С.Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв. Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2010. С. 81–101.

Костина Т.В. Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 166–197.

Костюкова А.В. Начальное народное образование в Новгородской губернии в дореформенный период: дис. … канд. истор. наук. СПб., 2005.

Крачковский Ю.Ф. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803–1832. Отд. 1. Вильна, 1903.

Крыжановский О. Учебно-просветительное дело в Польше накануне последней реформы Виленского университета (1803 г.) и главные деятели пореформенного периода в их переписке. СПб., 1899.

Кузбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018.

Кузнецов И.И., Жаров А.С. Возможности исторического институционализма в исследовании особенностей организации местного самоуправления в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 202–207.

Кузнецова М.В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX веков. Иркутск, 2011.

Кузьмин М.Н. Народное образование в чешских землях Австрийской империи конце XVIII – начале XX вв. и национальная политика Габсбургов // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968. С. 197–216.

Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: дис… канд. истор. наук. Екатеринбург, 2003.

Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2003.

Кунц Е.В. М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018.

Курукин И.В. Екатерина Великая: «Петруса милой, все пройдет, окромя моей к тебя страсти…». Зигзаги судьбы Петра Завадовского – одного из любимцев императрицы // Родина. 2023. № 12. С. 122–125.

Курукин И.В. Фавориты Екатерины Великой: не имевшие собственного мнения. М., 2024.

Левассер П.-Э. Народное образование в цивилизованных странах. Т. 1. СПб., 1898.

Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX века: дис… канд. истор. наук. Казань, 1997.

Лещиков В.Н. Состояние народного образования в Псковском крае (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Псков. 2010. № 32. С. 168–175.

Липник В.Н. Школьные реформы в России: очерк истории. СПб., 2000.

Листовский И.С. Граф Петр Васильевич Завадовский // Русский архив. 1883. Вып. 3. С. 81–174.

Любезников О.А. Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис… канд. истор. наук. СПб., 2013.

Любжин А.И. История русской школы императорской эпохи. В 3-х томах. Том I. Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М., 2014; Кн. 2. М., 2014. Том II. Русская школа XIX столетия. Кн. 1. М., 2015. Кн. 2. М., 2016. Кн. 3. М., 2018.

Любжин А.И. Самый образованный дворянин Российской империи // ЛГО. 2008. № 8. С. 87–91.

Мамкина И.Н. Особенности управления учебными заведениями Восточной Сибири в первой половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 2. С. 22–31.

Мамкина И.Н. Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 74–82.

Мамкина И.Н. Формирование системы общего образования в Якутской области в XIX – начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 9–18.

Мантров Ю.Н. Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века: дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2007.

Мартынов И.И. Биография графа Петра Васильевича Завадовского // Сын Отечества и Северный архив. 1831. Т. XIX. № XVII. С. 138–154; № XVIII. С. 186–204; № XIX. С. 238–257.

Мацкина Р.Ю. Министерские отчеты и их особенности как исторического источника // Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда (4–6 февраля 1964 г.). Л., 1964. С. 209–226.

Маяковский И.Л. Журналы Комиссии об учреждении народных училищ. 1782–1793 годы // Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. С. 3–6.

Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг. Справочник / Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Красноярск, 2005.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Миропольский С.И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. (Исторический этюд). СПб., 1876.

Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век. СПб., 2009.

Мюльпфордт Г. Система образования в Галле и ее значение для России 1696–1831 гг. (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика) // Немцы в России. СПб., 2000. С. 159–169.

Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 1–3. СПб., 1903.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Материалы цензурного комитета при Казанском университете (1812–1827 гг.) / сост. В.В. Аристов. Казань, 1961.

Орлов А.С. Первое Министерство народного просвещения // Вестник МГУ. Серия 20. Педагогическое образование. 2002. № 2. С. 106–114.

Оторочкина А.Е. Народное образование в губерниях Верхней Волги в первой половине XIX века: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2005.

Отто Н. История Новгородской дирекции до 1828 года. СПб., 1865.

Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов, под ред. проф. С.В. Рождественского. М., 1910.

Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. 2. (XVIII–XX вв.). Экспериментальное учебное пособие. М., 1989.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973.

Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М., 1940. С. 25–39.

Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.

Павенков В.Г. Институциональная история как новое направление исторической науки // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных трудов. 2001. Вып. 2. С. 102–108.

Павенков В.Г. Институциональные и антропологические основания методологии исторического исследования. СПб., 2012.

Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990.

Павлова Г.Е. Степан Яковлевич Румовский. 1734–1812. М., 1979.

Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908.

Педагогические идеи Великой Французской революции. М., 1926.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 2002.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

Петрова М.А. Йозефинизм и проблемы религиозного образования в Австрийской монархии (последняя четверть XVIII в.) // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2009. С. 95–116.

Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Т. 1. Юрьев, 1902.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М., 2019.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2014.

Пискунов А.И. Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII – начала XIX в. М., 1960.

Пискунова Е.П. Создание университетской системы во Франции в правление Наполеона I: цели и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 8–26.

Погодин А.Л. Виленский учебный округ 1803–1831 гг. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива МНП. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902. С. I–CXXXIII.

Поздняков А.Н. Образовательная реформа Александра I по отчетам министра народного просвещения (1802–1804 гг.) // Историческое прошлое и образы истории: материалы III Международной научной конференции, посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете. Саратов, 2017. С. 108–114.

Поздняков А.Н. Образовательная реформа Александра I: некоторые суждения и оценки в русской историографии XIX – начала XX века // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 5–10.

Попкова Н.В., Теряева Л.Г. Участие российского общества в распространении просвещения в начале XIX в. (по материалам журнала

«Периодическое сочинение о успехах народного просвещения») // Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 2004. С. 87–98.

Попов Н.А. Осмотр Н.А. Бекетовым Смоленских училищ по нашествии Наполеона // Русский Архив. 1879. Вып. 9. С. 63–87.

Посохов С.И. Конфликты в Харьковском университете в начале XIX в. и их интерпретация в публицистике и историографии // Universitates. Университеты: Наука и просвещение. 2008. № 4. С. 16–23.

Посохов С.И. Попечители учебных округов: состав, функции, мнения // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Сборник научных статей и сообщений. Казань, 2005. С. 19–33.

Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа первой половины XIX века: попытка реабилитации // Universitates. Университеты: Наука и просвещение. 2009. № 4. С. 40–50.

Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–381.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в I четверти XIX в. М., 1957.

Приходько М.А. Подготовка и разработка министерской реформы в России (февраль-сентябрь 1802 г.). М., 2002.

Приходько М.А. Политические предпосылки министерской реформы в начале XIX века // Уроки истории – уроки историка. Сб. статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 129–133.

Приходько М.А. Учреждение министерской системы управления в России в 1802–1835 гг.: Правовой аспект // https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/381fb1c62250054169cd6a4f54dded2dbdf0678.pdf Дата обращения: 03.06.2025.

Приходько М.А. Черновики Манифеста 8 сентября 1802 г. "Об учреждении министерств". М., 2003.

Пронкин С.В. Самый ученый, образованный и умный человек тогдашней аристократии Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) // Судьбы творцов Российской науки и культуры. М., 2019. Т. 6. С. 120–135;

Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли. М., 1994.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885.

Раскин Д.И. Архив Министерства народного просвещения (1803–1918): от придатка канцелярии к ученому учреждению // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2016. № 4 (6). С. 17–27.

Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80.

Рождественский С.В. Академия наук и Комиссия о сочинении проекта Новаго Уложения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавскаго. Петроград, 1917. С. 637–645.

Рождественский С.В. Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVIII–XIX веках // Описание дел архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Пг., 1917. С. XXXII–XXXIV.

Рождественский С.В. Из истории идеи народного просвещения в Александровскую эпоху // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Петроград., 1922. С. 382–396.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII – XIX вв. СПб., 1910.

Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

Рождественский С.В. Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по уставам 1804 г. // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7. С. 5–46.

Ростиславлев Д.А. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 188–202.

Савина А.К. Национальные традиции и исторические особенности развития образования в Польше (XI – начало XX вв.) // Историко-педагогический журнал. 2012. № 2. С. 119–140.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Сафонов М.М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. С. 191–209.

Сборник сведений о средних учебных заведениях Виленскаго учебнаго округа. Вильна, 1873.

Селедкина С.Н. Учебные заведения Москвы и Московской губернии в 1812 году (по материалам Российского государственного исторического архива) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф., 1998. С. 178–184.

Селезнев И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811–1861 гг. СПб.,1861.

Слотин В.Е. Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в. (на материалах Казанского учебного округа): дис… канд. истор. наук. Ижевск, 2010.

Смагина Г.И. Академия наук и зарождение университетского образования в России // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2010. С. 39–80.

Смагина Г.И. Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 2002.

Смагина Г.И. Г.Ф. Миллер – автор проекта школьной реформы в России в 60-х гг. XVIII в. // Г.Ф. Миллер и русская культура. Сб. статей. СПб., 2007. С. 103–116.

Смагина Г.И. Из истории создания и распространения учебных книг в России во второй половине XVIII в. // Книга в России в XVII – середине XIX в. Л., 1987.

Смагина Г.И. Организационная модель Петербургской Академии Наук как синтез европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. № 3. С. 9–21.

Смагина Г.И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний: дис. ... докт. истор. наук. М., 2007.

Смирнов Ю.Н. Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт» в дореформенной России: введение должности почетных смотрителей уездных училищ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 23–32.

Смирнов Ю.Н. Первый почетный смотритель Ставропольского уездного училища Иван Иванович Смирницкий // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Международной научно-практической конференции. Самара. 2017. С. 357–364.

Соколов А.В. Из истории начального народного образования в России в первой четверти XIX века // Ученые записки Молотовского государственного педагогического института. 1947. Вып. 11. С. 157–170.

Струминский В.Я. Начальная русская школа и ее теоретики в первой половине XIX века // Начальная школа. 1945. № 2–3. С. 37–43; № 4–5. С. 37–41; № 6. С. 41–49.

Сухомлинов М.И. Академик Николай Яковлевич Озерецковский // История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 299–388.

Сухомлинов М.И. Академик Степан Яковлевич Румовский // История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 3–157.

Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. 3. СПБ., 1876; Вып. 6. СПб., 1882.

Сухомлинов М.И. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866.

Сысоева Е.К. Век XVIII – веку XX: из истории российского народного образования // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 5. С. 152–166.

Сысоева Е.К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 5. С. 14–29.

Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М., 2015.

Сюбарева И.Ф. Из истории развития законодательства о народном образовании в Пруссии (XVIII – XIX вв.) // История государства и права. 2005. № 4. С. 3–4.

Талеренок С.В. Разработка планов полонизации беломорского населения в Виленском учебном округе. 1803–1804 гг. // Наш радавод. Кн. 3. Ч. 3. Гродно, 1991. С. 576–580.

Танеев С.А. Очерк народно-учебного устройства в королевствах Прусском и Саксонском. Лейпциг, 1862.

Тарасова Н.О. Университетская автономия в Российской империи: анализ устава 1804 года // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 2 (11). С. 71–82.

Теплова В.А. Общественно-политические взгляды и литературно-публицистическая деятельность И.И. Мартынова // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Издательство Саратовского университета, 1971. Вып. 2. С. 63–72.

Ткаченко А.В. Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805–1835 гг. Харьков, 1957.

Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886.

Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 14–25.

Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования Г.П. Данилевского. Харьков, 1866.

Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012.

Фальборк Г.А., Чарнолуский В.И. Народное образование в России. СПб., 1898.

Федорова Н.М. Становление государственно-общественного управления школьным образованием в России: дис. … д-ра пед. наук. СПб., 2010.

Феребов А.Н. К вопросу о хронологии сводных статистических данных, опубликованных в 23-ем номере «Периодического сочинения о успехах народного просвещения». Предварительные итоги исследования // Исторические исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2012 г.). Уфа, 2012. С. 84–91.

Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894.

Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем России XIX – первой четверти XX века. Воронеж, 2004.

Филоненко Т.В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: школьные системы XIX – первой трети XX вв.: дис. ... д-ра истор. наук. Воронеж. 2004.

Фирсов Д.Е. К вопросу размещения Ярославской губернской гимназии // https://gvw-rggu.narod.ru/section/section3/stati2012/firsov.htm Дата обращения: 03.06.2025.

Фундаминский М.И. Петербургская Академия наук середины XVIII века как государственное учреждение (структура, деятельность, положение сотрудников): дис… канд. истор. наук. Л., 1981.

Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, 1955.

Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф. «… из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т. 1. М., 2002. С. 53–81.

Хотеенков В.Ф., Иванова Л.Ф. «… из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т. 1. М., 2002. С. 53–81.

Хотеенков В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской империи Петр Васильевич Завадовский. М., 1998.

Цыганков Д.А. Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII – первая треть XIX века) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010. С. 515–527.

Черказьянова И.В. Академические ученые в роли государственных чиновников (на примере попечителей учебных округов) // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв. Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2010. С. 102–134.

Шаханов А.Н. Попечители Московского учебного округа (1803–1917) // Московский журнал. 2005. № 10. С. 57–64.

Шевченко М.М. Правительство, народное образование и государственная служба в России в первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 6. С. 57–69.

Шевченко М.М. С.С. Уваров – политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–50.

Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755–1855. М., 1855.

Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. Спб., 2007.

Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2008.

Шилина Е.В. Развитие образования в России в XIX веке: дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2008.

Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. Вып. 3. С. 225.

Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4.

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.

Шугуров Н.В. Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская Старина. 1891. № 8. С. 212–236; № 9. С. 375–406; № 10. С. 82–97.

Шульгин В.Я. История университета Святого Владимира. СПб., 1860.

Шуртакова Т.В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Казань, 1959.

Щавелева Н.И. Князь Адам Чарторыйский и формирование системы высшего и среднего образования в России в начале XIX века // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.) / под ред. Я.Н. Щапова. Варшава, 1995. С. 51–56.

Эйнгорн В. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения в 1812 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1912. № 4. С. 1–99.

Якушкин В.Е. Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58.

Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902.

Tamul V. Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität im 19 Jahrhundert // Zur

Geschichte der Deutschen in Dorpat / von H. Piirimäe, C. Sommerhage, Hrsg. Tartu, 1998. S. 85–110.

Truchim S. Wspolpraca polsko-rosyjska nad organizacja szkolnictwa rosyjskiego w poczatkach XIX wieku. Lodz, 1960.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Таблицы визитаций по учебным округам.

Таблица 46.

Таблица визитаций по Московскому учебному округу в 1803–1817 гг.

Год	Губернии Московского учебного округа									
	Владимирская	**Вологодская**	**Калужская**	**Костромская**	**Московская**	**Рязанская**	**Смоленская**	**Тверская**	**Тульская**	**Ярославская**
1803	П.М. Дружинин	М.И. Панкевич	И.А. Гейм	М.И. Панкевич	П.М. Дружинин	П.М. Дружинин	М.И. Невзоров	М.И. Невзоров	И.А. Гейм	М.И. Панкевич
1804	М.М. Снегирев	Н.Е. Черепанов	Н.Г. Щеголев	Н.Е. Черепанов	П.М. Дружинин	П.М. Дружинин	В.К. Аршеневский	В.К. Аршеневский / П.М. Дружинин	Н.Г. Щеголев	П.М. Дружинин
1805	А.А. Прокопович-Антонский	А.М. Брянцев	П.А. Сохацкий	В.К. Аршеневский	М.И. Панкевич, И.Т. Буле, Ф.Х. Рейнгард, Л.А. Цветаев *(училища г. Москвы)*; А.А. Прокопович-Антонский, П.А. Сохацкий	А.А. Прокопович-Антонский	И.А. Гейм	И.А. Гейм, М.И. Невзоров	П.А. Сохацкий	В.К. Аршеневский

					(губернские училища)					
1806	В.К. Аршеневский	И.А. Иде	А.А. Прокопович-Антонский	И.А. Гейм	П.А. Сохацкий, Ф. Гольдбах, Х.Л. Штельцер, Ф.Х. Рейнгард, И.П. Воинов, Л.А. Цветаев *(только училища г. Москвы)*	В.К. Аршеневский	А.А. Прокопович-Антонский	М.И. Панкевич	А.М. Брянцев	И.А. Гейм
1807	–	–	–	–	–	–	–	–	П.М. Дружинин	Х.А. Шлецер
1808	М.М. Снегирев	Х.А. Шлецер	П.М. Дружинин	Х.А. Шлецер	И.Т. Буле, Н.Е. Черепанов, И.А. Двигубский	М.М. Снегирев	М.Г. Гаврилов	М.Г. Гаврилов	П.М. Дружинин	А.А. Прокопович-Антонский
1809	–	М.М. Снегирев	М.И. Панкевич	А.Ф. Мерзляков	А.А. Прокопович-Антонский, Х.А. Шлецер, И.А. Двигубский,	–	–	–	М.И. Панкевич	А.Ф. Мерзляков

					Л.А. Цветаев, А.М. Брянцев *(только училища г. Москвы)*					
1810	–	–	М.Т. Каченовский	–	–	–	–	–	–	–
1811	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1812	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1813	–	–	–	–	–	–	Н.А. Бекетов	–	–	–
1814	И. Голенищев-Кутузов *(училище в Переславле)*	–	М.М. Снегирев или Р.Ф. Тимковский	–	–	М.М. Снегирев или Р.Ф. Тимковский	–	–	–	И. Голенище в-Кутузов *(училище в Ростове)*
1815	–	–	–	–	И.А. Двигубский, А.Ф. Мерзляков, М.Т. Каченовский *(только училища г. Москвы)*	–	–	–	–	–

1816	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1817	–	–	Ю.П. Ульрихс	М.Т. Каченовский	–	–	–	–	Ю.П. Ульрихс	М.Т. Каченовский

Таблица 47.

Таблица визитаций по Санкт-Петербургскому учебному округу в 1803–1817 гг.

Год	Губернии Санкт-Петербургского учебного округа				
	Архангельская	**Новгородская**	**Олонецкая**	**Псковская**	**Санкт-Петербургская**
1803	–	В.М. Севергин	–	В.М. Севергин	–
1804	Я.Д. Захаров	–	Я.Д. Захаров	–	Я.Д. Захаров
1805	–	–	–	–	–
1806	–	–	–	–	–
1807	–	–	–	–	–
1808	–	–	–	–	–
1809	–	–	–	–	–
1810	–	–	–	В.И. Емс (только Псковскую гимназию и уездное училище)	–
1811	П.Д. Лодий	–	П.Д. Лодий	–	–
1812	–	–	–	–	–
1813	–	–	–	–	–
1814	–	–	–	–	–
1815	–	–	–	В.Г. Кукольник	В.Г. Кукольник (только училища С-Петербурга)
1816	–	–	–	–	–
1817	–	–	–	–	–

Таблица 48.

Таблица визитаций по Харьковскому учебному округу в 1803–1817 гг.

Год	Губернии Харьковского учебного округа									
	Воронежская	**Екатеринославская**	**Курская**	**Орловская**	**Полтавская**	**Слободско-Украинская**	**Таврическая**	**Херсонская**	**Черниговская**	**Земли донских и черноморских казаков**
1803	И.Ф. Тимковский									
1804	И.Ф. Тимковский									
1805	–	А.А. Дегуров *(гимназия)*	Т.Ф. Осиповский	Т.Ф. Осиповский *(главное народное в Орле)*	А.А. Дегуров *(Полтава)*	И.Ф. Тимковский *(Изюм)*	–	А.А. Дегуров А.И. Стойкович *(Одесса)*	–	И.Ф. Тимковский *(область войска Донского)*
1806	И.Ф. Тимковский	–	И.Ф. Тимковский А.И. Стойкович	А.И. Стойкович	Л.А. Умляуф	И.Ф. Тимковский Л.А. Умляуф, А.И. Стойкович	–	–	Л.А. Умляуф	–
1807	И.Ф. Тимковский *(заканчивал визитаци*	И.С. Рижский	–	–	И.С. Рижский *(восточная часть губернии)* И.Ф. Тимковск	–	–	И.С. Рижский	И.Ф. Тимковский	–

	ю 1806 года)				ий *(западная часть губернии)*					
1808	А.И. Стойкович	А.И. Стойкович	А.И. Стойкович	–	–	–	–	–	И.Ф. Тимковский *(Новгород - Северская гимназия и училище)*	–
1809	–	А.И. Стойкович *(Таганрогская гимназия)*	Е.А. Васильев *(Курск)*	И.Ф. Тимковский	А.И. Стойкович П.М. Шумлянский *(Полтава)*	Т.Ф. Осиповский Л.К. Якоб *(гимназия и училище)*	–	–	И.Ф. Тимковский *(Глухов, Орел)*	А.И. Стойкович *(область войска Донского)*
1810	–	–	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	–	–	–	–	И.Ф. Тимковский	–
1811	–	–	–	–	–	А.А. Дегуров, Х.Ф. Роммель *(Сл.У. гимназия)*	–	–	И.П. Каменский	–

1812	–	А.А. Дегуров	Г.П. Успенский, Е.А. Васильев	–	–	–	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	–	–
1813	И.Е. Срезневский	К.К. Нельдехен	И.Е. Срезневский *(Курская гимназия)*	–	К.К. Нельдехен	–	–	–	–	–
1814	–	–	Г.П. Успенский *(Белгородское училище)*	–	–	Г.П. Успенский, Ф.И. Гизе	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	–	–
1815	–	К.К. Нельдехен	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	К.К. Нельдехен	–	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	А.А. Дегуров	–
1816	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1817	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 49.

Таблица визитаций по Казанскому учебному округу в 1803–1817 гг.

	Губернии Казанского учебного округа												
Год	**Астраханская**	**Вятская**	**Иркутская**	**Кавказская**	**Казанская**	**Нижегородская**	**Оренбургская**	**Пензенская**	**Пермская**	**Саратовская**	**Симбирская**	**Тамбовская**	**Тобольская**
1803	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1804	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1805	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1806	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1807	–	–	–	–	–	–	–	И.Ф. Яковкин (гимназия)	–	–	И.Ф. Яковкин	–	–
1808	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1809	–	–	–	–	И.Е. Миллер *(Козьмодемьянское и Чебоксарское малые уч)*	И.Е. Миллер *(гимназия и уездное училище в Н.Н., училище в Макарьеве)*	И.И. Запольский, П.С. Кондырев	–	–	–	–	–	–
1810	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1811	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1812	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1813	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1814	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1815	Ф.Х. Эрдман	–	–	–	Г.Б. Никольский	Г.Б. Никольский	Ф.Л. Брейтенбах	К.Ф. Реннер	–	Ф.Х. Эрдман	Ф.Х. Эрдман	К.Ф. Реннер	–
1816	–	Ф.Х. Эрдман, И.Х. Ренард	–	–	–	–	–	–	Ф.Х. Эрдман, И.Х. Ренард	–	–	–	Ф.Х. Эрдман, И.Х. Ренард
1817	–	–	–	–	–	–	Ф.Л. Брейтенбах	–	–	–	–	–	–

Таблица 50.

Таблица визитаций по Дерптскому учебному округу в 1803–1817 гг.

Год	Губернии Дерптского учебного округа			
	Курляндская	**Лифляндская**	**Финляндская (до 1809 г.)**	**Эстляндская**
1803	Д.Г. Балк, А.Х. Гаспари	Г.Ф. Паррот, К.С. Моргенштерн	Г.Ф. Пешман, А.Н. Шерер	Г.В. Йеше, Ф.Э. Рамбах
1804	Г.Л. Белендорф, А.Х. Гаспари	Ф.Э. Рамбах	К.С. Моргенштерн	Г.В. Йеше
1805	Г.Л. Белендорф *(полностью)*, А.Х. Гаспари *(только Митава)*	Ф.Э. Рамбах	К.С. Моргенштерн	Г.В. Йеше
1806	Г.Л. Белендорф	Д.Г. Балк Ф.Э. Рамбах *(училища в Пернове и Феллине)*	Г.Ф. Пешман	Ф.Э. Рамбах
1807	–	–	–	–
1808	–	–	–	–
1809	–	–	–	–
1810	Ф.Э. Рамбах	Г.Л. Белендорф	Г.Ф. Пешман	Г.В. Йеше
1811	–	–		–
1812	–	–		–
1813	Г.Л. Белендорф	Г.Ф. Паррот, Г.В. Йеше		Х.Ф. Зегельбах
1814	–	–		–
1815	–	–		–
1816	Ф.Э. Рамбах *(Митава, Голдинген, Виндав, Туккум)*	Г.Л. Белендорф *(Валк, Вольмар, Пернов, Феллин)*		–
1817	–	–		–

Таблица 51.

Таблица визитаций по Виленскому учебному округу в 1803–1817 гг.

Год	Губернии Виленского учебного округа								
	Виленская	**Витебская**	**Волынская**	**Гродненская**	**Киевская**	**Минская**	**Могилёвская**	**Подольская**	***Белостокская область (с 1807 г.)***
1803	К. Богуш Ф.О. Голянский *(Вильно)*	В.М. Севергин	Ф. Чацкий	К. Богуш	Ф. Чацкий	К. Богуш	В.М. Севергин	Ф. Чацкий	
1804	В. Матусевич, Ф.О. Голянский *(Вильно)*	Ф.М. Кундзич	Ф. Чацкий	В. Матусевич	Ф. Чацкий	Ф.М. Кундзич	Ф.М. Кундзич	Ф. Чацкий	
1805	Ф.О. Голянский Богуславский (г. Вильно)	*назначенный визитатором М. Платер Зиберг не осматривал*	Ф. Чацкий	Ф.О. Голянский	Ф. Чацкий	Ф.О. Голянский	*назначенный визитатором М. Платер Зиберг не осматривал*	Ф. Чацкий	

1806	И. Коссаковский *(губерния)* Ф.О. Голянский Л. Платер *(Вильно)*	*назначенный визитатором М. Платер Зиберг не осматривал*	*назначенный визитатором Ф. Чацкий не осматривал*	И. Коссаковский	*назначенный визитатором Ф. Чацкий не осматривал*	И. Коссаковский	*назначенный визитатором М. Платер Зиберг не осматривал*	*назначенный визитатором Ф. Чацкий не осматривал*	
1807	–	Л. Платер	–	–	–	–	Л. Платер	–	–
1808	Мицкевич	П. Цейс	Ф. Чацкий	Г. Крусинский, Л. Платер	Ф. Чацкий	Г. Крусинский	П. Цейс	Ф. Чацкий	–
1809	И. Коссаковский	Г. Крусинский Конаровский-Сохович, Цветковский	Ф. Чацкий, Л. Платер *(Кременецкая гимназия)*	–	Ф. Чацкий, Л. Платер *(Киевская Академия)*	Г. Крусинский, Л. Платер *(Минская гимназия)*	Г. Крусинский, Конаровский-Сохович, Цветковский	Ф. Чацкий, Л. Платер *(Подольское училище)*	–
1810	А. Шперкович *(кроме Виленской*	М. Залесский	Ф. Чацкий	И. Коссаковский	Ф. Чацкий	А. Шперкович	М. Залесский	Ф. Чацкий	–

	гимназии)								
1811	А. Шперкович *(кроме Виленской гимназии)* И.Я. Решка *(Вильно)*	М. Залесский	Ф. Чацкий	А. Хрептович	Ф. Чацкий	А. Шперкович	М. Залесский	Ф. Чацкий	А. Хрепшович
1812	Я.К. Ходаний *(кроме Вильно)* Ш. Малевский *(Вильно)*	М. Залесский	Ф. Чацкий	И.Я. Решка	Ф. Чацкий	И.Я. Решка	М. Залесский	Ф. Чацкий	И.Я. Решка
1813	–	–	–	–	А. Ржевуский	–	–	–	–
1814	Я.К. Ходаний *(кроме Вильно)* Ф.О. Голянски	М. Залесский	Ф. Платер	Я.К. Ходаний	А. Ржевуский	А. Хрептович	М. Залесский	Ф. Платер	Я.К. Ходаний

	й *(Вильно)*								
1815	И. Будзилович *(кроме Вильно)* И.Я. Решка *(Вильно)*	И.Г. Рудомина	Ф. Платер	М. Залеский	–	М. Залеский	И.Г. Рудомина	Ф. Платер	М. Залеский
1816	И.Я. Решка *(кроме Вильно)*	И.И. Чернявский	Ш. Малевский	И.Я. Решка	И.Г. Рудомина	И.Г. Рудомина	И.И. Чернявский	Ш. Малевский	И.Я. Решка
1817	Ф.И. Жицкий	И.Я. Решка	Вылежинский	Ф.О. Голянский	–	Ф.И. Жицкий	И.Я. Решка	Вылежинский	Ф.О. Голянский